

Модест Колеров

ПЁТР СТРУВЕ:
РЕВОЛЮЦИОНЕР БЕЗ МАСС
1870–1918

М.А. Колеров

Пётр Струве:
революционер без масс
1870–1918

Приложение:
Новое собрание сочинений
П.Б. Струве (1903-1917)

Издательство книжного магазина «Циолковский»
Москва
2020

*Памяти моего отца,
Алексея Александровича Колерова (1931-1986),
русского художника*

I

Новая биография П.Б. Струве
1870–1918

Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги

Итоги изучения в СССР и России политической биографии и творческого наследия^{1*} одного из крупнейших русских политиков, экономиста, историка, философа и социолога, лидера «идейных сборников» «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918) Петра Бернгардовича Струве (1870–1944)² противоречивы: с одной стороны, Струве стал признанным в России классиком русской общественной мысли, основные труды которого собраны и переизданы³, а его творческая биография стала известна больше и шире, чем её описал авторитетнейший исследователь Ричард Пайпс^{**} (воспроизводя ключевые ходы мысли самого Струве в своих трудах о России, Р. Пайпс, тем не менее, оставался русофобом^{***}, что придаёт его фундаментальному исследованию в целом более идеологический, нежели исторический характер).

* См. примечания на стр. 428.

** *Richard Pipes. Struve: Liberal on the Left, 1870–1905. Camb. (Mass.), 1970; Richard Pipes. Struve: Liberal on the Right, 1905–1944. Camb. (Mass.), L., 1980* (Русский перевод: *Ричард Пайпс. Струве: левый либерал, 1870–1905. М., 2001; Ричард Пайпс. Струве: правый либерал, 1905–1944. М., 2001*). О русском переиздании этого труда Пайпса в контексте современных российских исследований см.: *Б.М. Витенберг. По направлению к Струве // Новое литературное обозрение. № 67. М., 2004.*

*** «Русские лишены исторической памяти... Русские вообще не очень любят углубляться в свою историю. Мои книги переведены на русский язык, но продаются там слабо» (Русским нужен правитель: с Ричардом Пайпсом беседовал Пётр Зыкович (Rzeczpospolita, Польша, 7 ноября 2007): www.inosmi.ru/translation/237696.html).

Но с другой стороны – контекстуализация⁴ и собственно критическое исследование текстов Струве*, публикация его переписки⁵ и анализ главных тем и частных вопросов биографии⁶ лишь начались (более в источниковедческом плане и в связи с упомянутыми «идейными сборниками» и издательскими проектами или дружеским кругом), а жизнь в общем давно описана ещё свидетелями его жизни⁷ и первыми исследователями по кругу основных источников** – в целом в соответствии с её мифологизацией самим Струве***, в историософском «пересоздании» своей жизни бывшим едва ли не пионером целой русской традиции, в XX веке ярко представленной очерками и мемуарами Н.А. Бердяева, С.Л. Франка****, Г.В. Флоровского, В.В. Зеньковского, Н.М. Зёрнова, Н.О. Лосского и других, которым на деле принадлежит авторство общепринятого рукотворного образа русской философии.

Всякий исследователь истории русской мысли рубежа XIX–XX вв. так или иначе оказывается в ситуации методического самоопределения. И предмет исследования, и история

* М.П. Афанасьев. Либеральная экономика Петра Струве // Вопросы экономики. 1994. № 12. А.Л. Дмитриев. Экономические воззрения П.Б. Струве // Факты и версии. Кн. II. Из истории экономики. СПб, 2001; М.А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002; М.М. Савченко. П.Б. Струве // П.Б. Струве. Торговая политика России. К этому направлены и усилия автора этих строк: М.А. Колеров. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017; М.А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

** Главные библиографии см.: *Richard Pipes. Struve: Liberal on the Right*. P. 467–510 (отдельно: *Bibliography of the Published Writings of P.B. Struve / Ed. By Richard Pipes*. Harvard University, 1980); И.А. Кондакова. «Он не был бунтарём...» // Советская библиография. 1991. № 6; О.Л. Гнатюк. П.Б. Струве. Библиография печатных работ и исследований о его творчестве // Вече. Альманах русской философии и культуры. 11. СПб, 1998; А.Н. Нарбут. Струве. М., 2004 (Родословные росписи. Вып. 20).

*** Мемуарные свидетельства даны в десятках газетных и журнальных статей Струве. Самый крупный их сводный корпус см: *P. Struve. My Contacts and Conflicts with Lenin* // *Slavonic Review*. XII, XIII (№№ 36, 37). L., 1934 (Русский перевод: П. Струве. Мои встречи и столкновения с Лениным // Возрождение. Париж, 1949. №№ 9, 10, 12).

**** С.Л. Франк. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956 (В переиздании восстановлено аутентичное название «Воспоминания о П.Б. Струве», см. в сб.: С. Франк. Непрочитанное... / Сост. А.А. Гапоненкова и Ю.С. Сенокосова. М., 2001).

русской науки последних десятилетий ставят его в весьма затруднительное положение. Предмет исследования неизбежно влечёт его к междисциплинарной историко-философской, историко-филологической, философско-филологической работе. Но сохраняющиеся в России междисциплинарные перегородки делают чрезвычайно затруднительным такое синтетическое исследование. Понимание единства и неделимости Текста, жизни и творчества, быта и сознания, риторики, ритуала и личной свободы, утверждённое философской и филологической наукой в сознании специалистов, оказывается не очевидным для историков мысли. Преподаваемая исторической и филологической практикой архивно-текстологическая дисциплина – неведомой для историков философии. Достоянием почти только философов остаются осознание первенствующей роли языка, терминологическая ясность и понятийная систематичность. Лишь у немногих, помимо историков, не вызывает сомнений преобладающее влияние исторического контекста на слова и поступки исторических деятелей. И, пожалуй, лишь филологам доступно практическое умение видеть в целостном тексте взаимопересечение аллюзий и цитат, всю неожиданную силу диктата внешней формы слова и подтекста.

Мучительная несоединённость перечисленных дисциплинарных достижений в едином гуманитарном исследовании, кажется, ярче всего в истории русского XX века демонстрируется на опыте исследования наследия Струве. В современной России нет «конгениального» ему исследователя, который мог бы соединить профессиональные, на грани энциклопедических, знания русской и европейской истории Нового и Новейшего времени (в части внутренней и внешней политики, экономики, политических институтов и публицистики, русской эмиграции, социалистического и либерального движений), истории экономической и естественнонаучной мысли, истории философии и социологии. Всего этого требует интегральное исследование

наследия Струве, ибо всё это было предметом его Текста и его научной и политической практики. При этом, более чем в случае с «чистым» политиком или «чистым» философом, целостный Текст Струве, известного своим редкостным активизмом, многочисленными институциональными проектами, оставившего весьма значительное архивное наследие, уже явлен во всём разнообразии исторических источников — от частной жизни до терминологических и образных заимствований, а его каждый практический или мыслительный поступок в преобладающей степени продиктован его идейно-историческим контекстом, констелляцией факторов, и главное — явлен в живой эволюции, весьма напряжённом историческом развитии, почти исключаящем (столь принятое в струвиане) догматическое соединение фрагментов текста в искусственный паззл.

В этой ситуации подлинный, исторический Струве — чрезвычайно удачный «партнёр» для исследовательского преодоления (как минимум, существенного уточнения и дополнения) наших знаний об эпохе и её идейной борьбе, общекультурных мифологем и собственного автобиографического творчества Струве. По словам близкого знакомого Струве — гегельянца и социал-демократа А.М. Водена, такое исследование полноценно лишь тогда, когда проводится совершенно «безотносительно к дальнейшему»*, когда «живёт» жизнь своего героя вместе с ним: впервые, с непредсказуемым результатом, рискуя, через фокус личной воли, исполняющей воспитавший её контекст и посылно преодолевающий его.

Известно, что Петру Струве, начиная с его ранних, марксистских сочинений, было присуще особое внимание к своему «месту в истории», общественному и историческому значению своих трудов в области развития идей не только в России, но даже и в интернациональном (марксистском) контексте.

* А.М. Воден. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма. М., 1927. Т. 3. С. 17.

Нельзя сказать, что у Струве не было оснований для таких амбиций, тем более что в интернациональной марксистской практике конца XIX – первой трети XX вв. наделение отдельных, чуть ли не единичных, персоналий признаками «классовых», партийных, идейных течений, вменение им функций выразителей внеличных условий и закономерностей, – было обычным делом. Но фактом является и то, что такой «вождизм», претензия Струве на интеллектуальное лидерство, которые делали событием общественной идейной истории даже его личную идейную эволюцию, обрекла его на вечное, внепартийное политическое одиночество. По сравнению с этим непреодолимым одиночеством особое значение приобретают акты идейной солидарности со Струве огромного круга выдающихся русских мыслителей, писателей, учёных – в «идейных сборниках» и повременной печати, позволяющие исследователям говорить, как минимум, о традиции «веховства», в которой с разной степенью приближения вращались творческие судьбы столь различных мыслителей, как Струве, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.И. Новгородцев, С.А. Котляревский, Е.Н. Трубецкой, Г.Н. Трубецкой, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, А.С. Изгоев, ранний Н.В. Устрялов, ранний Ю.В. Ключников, ранний П.Н. Савицкий и др. Какова же была, если говорить марксистским языком начала XX века, «платформа» этого единства? Представляется, что ею стало само динамическое идейное развитие Струве и группы близких ему мыслителей, которые – в рамках политического лево-либерального «освободительного» консенсуса проделали путь не просто «от – к» («От марксизма к идеализму» Булгакова (1903), от атеизма к церковности, от материализма к метафизике, от революционности к консерватизма)*, а путь расширения инструментария

* См. зависимость такой линейной схемы от публицистического языка эпохи: «От обороны к нападению» Г.В. Плеханова (1910), «На пути к государству будущего: От либерализма к солидаризму» Г.К. Гинса (1930). Потому и не стоит автоматически следовать навязанной схеме «эволюции от А к Б».

исследования и принципов преобразования общества, определения его личностных и государственных приоритетов: от прикладного экономического анализа – к универсализму, от схематического социально-экономического и политического конфликта – к поиску высших ценностей, создающих саму социально-экономическую и политическую плоть общества: личности, собственности – и права, культуры, религии. Историзм и единство экономического, правового, культурного, социального и философского исследования общества и принципов его преобразования, – вот что представляется наиболее существенным вкладом Струве в современную ему русскую культуру. Институционализация этого подхода в практике энциклопедических по замыслу «идейных сборников», проектах «непартийных и общенародных» партий, повременной (периодической) печати – позволяла преодолеть отмеченный струвеанский «вождизм» с пользой для создания целостной инфраструктуры русской мысли.

Особая связь общественных проектов Струве с современным им пафосом социализма, политического, экономического и культурного прогресса, науки, даже в значительной степени усложнённого попытками Струве сориентировать этот пафос в направлении национализма и империализма, неожиданным, но естественным образом делали Струве – фигурой компромисса и консенсуса, легко примиряли с его амбициями десятки других, не менее амбициозных деятелей.

В конце 1906 года, год спустя после громкого и конфликтного политического и полгода спустя после парламентского дебюта крупнейшей русской либеральной партии (кадетской), один из её основателей Струве, рискуя встретить массовое непонимание однопартийцев (собственно, принципиально мало заботясь об этом) говорил в докладе «Идеи и политика в современной России»:

«Смысл социализма заключается, конечно, не в борьбе классов, а в творческом объединении и согласовании производительных сил всей нации (а, в дальнейшем расширении, — и всего человечества), в интересах всестороннего развития личности... в нашей партии могут быть и работать убеждённые социалисты, хотя доктринального лозунга социализма она и не написала на своём знамени...

Социализм в настоящее время должен бы уже перестать быть той сакраментальной формулой, на основании которой определяется доброкачественность человека, его приверженность к известным идеалам реально осуществляемым политикой. А, с другой стороны, социализм должен бы перестать быть тем пугалом, каким он был прежде. Ибо в настоящее время, в начале XX столетия, после всего того огромного опыта, социального и политического, который имеет теперь человечество, после той громадной идейной работы, которую оно совершило, слово и понятие "социализм" может смущать и пугать только, как бы выразиться деликатнее, только... старых и слабонервных дам обоего пола... Происходит крушение доктринального социализма: всякий внимательный наблюдатель развития германского социализма должен констатировать неудержимую тенденцию в этом направлении. В связи с этим крушением должна измениться тактика германского социал-демократизма и должны открыться перспективы для создания именно того "блока" [т. е. к.-д.]: общественных сил, который в России считается непрочным... — внеклассового объединения демократических элементов на широкой либеральной и демократической программе».

Апеллируя к личному социалистическому опыту большинства из коллег, Струве уверял их, что вполне возможно «быть настоящим социал-демократом, т. е. стоять за идею классовой борьбы, как руководящую идею политики, и в то же самое время начисто отрицать революционизм»:

«Наша партия либеральная: она отстаивает свободу личности. И в то же время она отстаивает начало свободы личности для всякой личности и потому она демократична. И, в силу этого, в реально-политическом смысле, она вовсе не отрицает, а наоборот, утверждает в своей про-

грамме действенную, практическую идею социализма. В то же время она есть партия не классовая, а национальная».

Таким образом, Струве, в категорическое отличие от большинства идейных вождей его времени, апеллировал не к очередной партийной догме, клановому или классовому «писанию», сектантской дисциплине, тем менее – к авторитету, а к жажде не только внешних, но и внутренних перемен, к внутреннему развитию, как движителю политической и культурной борьбы. В этом видится центр того динамического консенсуса, который делал Струве, как это сказали в России начала XXI века, не только инициатором, организатором, идеологом, но и «оператором» и «модератором», запрограммированным на большую идеологическую терпимость (гибкость) ради утверждения неполитических ценностей.

Общие корни этого динамического консенсуса, принятого большинством тех, кто в России сотрудничал в многочисленных проектах Струве, лежат в социальной критике конца XIX века, получившей наивысшее выражение в учениях и практиках социализма, который стал развитием, естественным спутником и врагом индустриализации, национализма, милитаризации, позитивизма и пафоса естественных наук XIX века в Европе и Северной Америке. Уникальное место Струве в сердцевине этого консенсуса в России было обеспечено не столько его энциклопедизмом, сколько его сознательной, последовательной работой по инструментализации и институционализации практической философии. В этом было то новое, что Струве, не всегда обоснованно считавший себя искушённым в практической политике и общественной борьбе, вносил в философскую повестку дня, ради чего он, вдохновляясь, в том числе, примером «Национального вопроса» Владимира Соловьёва, навязывал брак философии и политике. Этому служила и его «наука перемен», легитимность идейной эволюции, которая, благодаря укоренению политической

идеологии в философски продуманных принципах, получала новую свободу для *real-politik*, самим Струве не вполне ловко сформулированной в апологии «компромисса» и находчиво возведённой к аристотелевской *mesotes* (середине). Струве же дал и важное разъяснение применимости его политической философии к прикладному политическому анализу, когда в послереволюционной полемике с Бердяевым упрекнул его в «коротком замыкании», производимом произвольным сближением философских принципов с политической практикой, в результате которого обесмысливается и одно, и другое.

Важно, что принципиальная «неотмирность» идейного пути Струве чаще всего избегала такого «короткого замыкания» с практикой и на деле хорошо описывается формулой, данной самим Струве своим целям: «свобода и Россия», политическое и экономическое освобождение страны во имя её политической, экономической и культурной мощи, «свобода лица и хозяйствования», укрепляемая сильной властью внутри страны и экономическим империализмом вовне. Похоже, что Струве (и зависимая от его самооценок историография и апологетика) избрал итогом своей жизни утверждение принципов либерального консерватизма (национал-либерализма) и шаг за шагом, от книги к книге, от статьи к статье подчинил этой политической идее свои социологические, экономические и религиозные взгляды. И обаяние этой авторской «системы», проникающей всё зрелое творчество Струве о публицистических до литературоведческих штудий, преодолеть очень трудно.

Но Струве не создал «системы». И вся железная логика и последовательность принципов Струве в его творчестве выявлена очень слабо и на деле всегда останется результатом систематизирующих усилий исследователей и интерпретаторов, буквально по фрагментам, «археологически» восстанавливающих его мировоззрение. Стоит ли говорить,

что в этой своей идейной археологии исследователи невольно следуют яркой и весьма жёсткой схеме авторского мифа, сжато обрисованного в ряде полемических самооправдательных статей и поздних мемуарных лакировочных заметок. Именно благодаря авторскому мифу сложная идейная эволюция оказывается задним числом подчинена некоей исходной интуиции, с юных лет и до старости руководившей Струве. Себя и свой труд, наряду с трудами И. А. Ильина, он отнёс к «традиции русской, свободолобивой и охранительной в одно и то же время, государственной мысли от Карамзина и Пушкина до "Вех", "Московского Еженедельника" братьев Трубецких и моих "Patriotica"...»*. Точно так же Струве сформулировал, а Ричард Пайпс всем доступным материалом проиллюстрировал ту простую мысль, что Пётр Струве, прошедший сложный путь от марксиста, ревизиониста, социалиста, социал-либерала до националиста, либерал-консерватора и почти монархиста, всего лишь последовательно (то слева, то справа) выявлял обе грани своего изначального кредо: либерализма и национализма. Автору этих строк довелось первым опубликовать юношеский дневник Струве, в котором он, четырнадцатилетний, называет себя «национал-либералом, либералом почвы»** — и тем оказать решительный поддержку всем, кто хотел бы утвердить непротиворечивость пути, тем, кто готов успокоиться на построении статической и апологической «системы» Струве. Но возвращение зрелого человека к формуле, ещё в юности позаимствованной из наследия Ивана Аксакова, не исключает жизненных зигзагов, непредсказуемости идейного развития, глубокой неудачи общественного пути.

Струве признавался жене уже в эмиграции, в 1920-е гг.:

* Пётр Струве. Дневник политика. 211 (10). «Русский Колокол» И. А. Ильина // Россия. № 6. Париж, 1 октября 1927.

** М. А. Колеров, Н. С. Плотников. Творческий путь П. Б. Струве. С. 91. Публикация: Юношеский дневник П. Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009.

«Во мне есть какое-то эпикурейство, мешающее объективировать процесс думания. А с другой стороны, какая-то аристократическая требовательность, требующая непременно чего-то в роде "перла создания". (...) Я всего больше наслаждаюсь, в одиночестве думая свои думы и когда их надумал, то они мне уже надоели. Это один человек во мне, а другой, активный, общественный, требует "объективирования", какого-то воплощения, выявления вовне субъективного процесса созерцания, переживания и думания»*.

Струве так и не создал системы, а политический труд его и идейная проповедь не принесли ему никакого внешнего успеха, год за годом сокращая число и без того немногочисленных сторонников. И для апологии нет оснований. Триумфально дебютировав в качестве одного из интеллектуальных вождей русского марксизма (с числом сторонников в две-три тысячи рассеянных по стране социал-демократов) — в двадцать четыре года, в двадцать девять Струве возглавил ревизионистское «критическое направление» в марксизме, быстро ставшее уделом избранной сотни интеллигентов. В тридцать два, в числе среди своих единомышленников, которых было не больше десятка, Струве порвал с партийным марксизмом и отдался строительству недолговечного социалистического «идеалистического направления» в освободительном движении, так и не вышедшего за пределы кружка. В тридцать пять, в 1905-м, Струве выступил как либерал, тщетно пытавшийся оторвать кадетов от генетической близости с революционным социалистам, и с тех пор, даже в своей, кадетской партии оставался в глухой оппозиции на правом фланге. В сорок семь, в 1917-м, он безуспешно призывал к правому реваншу; в пятьдесят — среди немногих интеллигентов проповедовал диктатуру Врангеля. В пятьдесят пять — положил свою репутацию на весы заведомо маргинального право-монархического

* ГА РФ. Ф.5912. Оп.2. Ед. хр. 101. Лл. 118 об — 119.

объединения. Неудачно. Вся жизнь Струве в эмиграции была полна общественно-политических неудач: возобновлённый журнал «Русская Мысль» и юбилейный сборник в честь Струве не нашли спроса, идейная полемика привела к разрыву с некогда ближайшими учениками Бердяевым, Франком, Изгоевым, Савицким, попытки подчинить свой либерализм монархической риторике и выстроить единый фронт с правыми националистами увенчались политическим одиночеством, заигрывания с идеологией фашизма подвергли серьёзному испытанию его репутацию... Казалось бы, о каком творческом успехе может свидетельствовать такая биографическая канва? С этой точки зрения нового прояснения требуют и догматически воспринятые в мемуарной и исследовательской литературе авторские квалификации, даже те, что находят абсолютные текстологические подтверждения в интимной творческой биографии Струве. Но анализ основных характеристик Струве заставляет отделить авторское творчество, вернее — «пересоздание жизни», от его судьбы, именование — от исторической роли.

Струве — марксист и социалист. В качестве марксиста Струве очень рано и очень быстро достиг мирового (в то время — преимущественно немецкого) веса и качества, но из-за внутривнутрипартийного конфликта с Лениным расставшись с политической формой тогдашнего марксизма — социал-демократией, не устоял перед искушением и принял недобросовестное и исторически бессмысленное именование «легального марксиста» — для того периода своего марксистского творчества, когда он стоял едва ли не вровень с такими признанными его авторитетами, как Э. Бернштейн и К. Каутский, и пользовался интеллектуальным доверием самого Энгельса. При этом сам же после этого сообщал, что перестав быть (в партийном смысле) марксистом, социалистом быть не перестал. Но каким социалистом? В области политической экономики, социологии и социальной критики тогдашний

европейский интеллектуальный консенсус был невымыслим без большей или ещё большей индоктринации социализмом как учением о социальной справедливости, обобществлении производства, классово-политической борьбе. Но, в отличие, например, от Булгакова (и целой идейной традиции неонародничества – социалистов-революционеров), во внутримарксистской полемике отвергнувшего экономическую перспективу обобществления и концентрации земледелия, Струве так и не дал внятный ответ о том, насколько реалистичным он представляет себе социалистический экономический идеал. Струве до конца жизни чувствовал свою первичную психологическую связь с социалистическим движением, но, по-видимому, тем движением, как оно создавалось и росло в Англии, Франции и Германии, – то есть уже легитимной частью политической системы или легитимного её социалистического перерождения. Ясно и то, что претензии ленинского, коммунистического и советского «диалектического материализма» и «исторического материализма» (во времена Струве называвшегося «экономическим материализмом») на вменение их марксизму в качестве неотъемлемых признаков его полноценности, не могут служить мерилем для оценки марксистской «полноценности» Струве, хотя именно деятели диамата и истмата и создали миф о «легальном марксизме» прикладной сфере бытования идей историко-философский смысл.

Струве – либерал. И в этой квалификации нет сомнения, ибо Струве не только вырос из среды русских либеральных кружков, никогда не порывал с ними связи, но и стал одним из отцов-основателей крупнейшей русской социал-либеральной (лево-либеральной) Конституционно-демократической партии. Более того – в отличие от абсолютного большинства своих либеральных коллег, пожалуй, только Струве, исторически поздно, но идейно точно, увязал либеральные принципы «свободы лица» и политической свободы с требованием соб-

ственности, поставив эту собственность не только в центр требуемой политической системы, но и в центр государственности и патриотизма. Однако же ни Струве, ни тем более его либеральные коллеги, так и не приблизились к идейной инструментализации собственности как именно массовой, выстроенной на равенстве прав и экономической свободы: к пониманию массовой собственности подходили лишь неонародники с их «трудовой собственностью» крестьянского большинства, но лишь подходили. В либеральном учении Струве практического понимания собственности нет.

Струве – экономист. Историки экономической мысли, главные в России специалисты по экономическим воззрениям Струве (упомянутые М.П. Афанасьев, А.Л. Дмитриев, отчасти О.В. Ананьев), так и не решились оценить вклад Струве в фундамент экономической теории и её либерального извода – как выдающийся. При том, что генетическая связь Струве с австрийской (психологической) школой политической экономии, и более того – его собственное учение о цене как результате сведения к общему бесконечного множества индивидуальных оценок ценности товара, то есть радикальная индивидуализация такой универсалии как «невидимая (слепая) рука рынка», заставляет видеть в мировоззрении Струве глубокие основы для утверждения им свободы личности и вообще свободы.

Струве – стратег. Если не считать поражающего исторической точностью предсказания Струве, сделанного им после русско-японской войны 1904–1905 и революции 1905 года, о том, что если власть империи будет по-прежнему бороться с революцией с помощью реакции, то следующей войны и революции империя не переживёт, то главным стратегическим убеждением Струве стала его либерал-империалистическая теория «Великой России», совмещающая внешний империализм с самым широким внутривнутриполитическим либерализмом. На изложении этой формулы исследователи чаще всего и оста-

навливают свой анализ. Но для настоящей оценки наследия Струве важнее напомнить, что главным направлением имперской экспансии России Струве выбрал территорию клонящейся к закату Османской империи: Прованс, Ближний Восток. При этом исследователь обязан знать, что в 1908 году, когда формулировалась эта идея, уже год как Россия имела с таким трудом достигнутое соглашение с Британской империей, а показывая вектор экспансии на Ближний Восток, то есть именно и прежде всего бывшие и остаточные владения Османской империи в Европе, Струве явно наносил идейный удар по всё более враждебным Германии и Австро-Венгрии. И всё это в то время, как Струве не проявил адекватной заботы о стратегической безопасности России ни на Западе, где ей противостояла солидарная немецкая мощь и вечно слабое звено русской Польши, ни на Востоке, ни — что оказалось важнее всего и о чём тщетно взывал в 1907 году Д.И. Менделеев — в центре, внутри России, в её перспективном и спасительном урало-сибирском промышленно-ресурсном тылу. Так, игнорируя имперские реальности, на деле и превращался миметический (по английскому и немецкому образцу) либерал-империализм Струве в абстрактное схемотворчество.

Струве — политик. Слабый лектор и часто путающийся оратор, публично политически часто действующий невпопад, выступающий с абстракциями, адресованными живой толпе. Одиночка во всех партиях, где бы он не строил свою политическую карьеру. Можно было бы сказать, что он и не строил карьеру, но столь бесперспективно и нерационально и отчаянно сделанный им в эмиграции переход к экстремальному монархизму и холодной, «головной», не вполне искренней церковности — доказывали, что он делал это из политических соображений о необходимости широкого национального объединения русской эмиграции от правых социалистов и левых либералов — до монархистов и крайних националистов. Проект

этот, как известно, не удался. Дефицит политического чувства, заставивший Струве «сыграть» в церковность и монархизм, стал началом его политического конца, от которого он так и не смог оправиться и в 1920-х – 1940-х отступил в университетский свой энциклопедизм, выступая со всё более неуместными политическим лозунгами. Что главного сделал Струве как политик? Видимо, главным его политическим делом стал на деле гуманитарный, а не политический, подвиг, когда он, за несколько месяцев до крымской катастрофы 1920 года, будучи начальником Управления внешних сношений (МИД) правительства Врангеля и используя свои старые социалистические связи во Франции, добился от Франции официального признания Врангеля и так обеспечил помощь Парижа по эвакуации 140 тысяч русских граждан из Крыма и тем самым спас десятки тысяч из них от вернейшей гибели в «красном терроре».

Струве – националист. Главным практическим итогом его политического национализма, порождённого в творческом соединении Владимира Соловьёва с Фихте, стал разрыв с главной либеральной, кадетской партией в 1915 году. Вступив в острый публичный идейный конфликт с украинцами в русском либеральном движении, которые в нём составляли львиную долю активных сил и к которым принадлежали, например, такие старые коллеги Струве, как Кистяковский, Вернадский, и которым сочувствовали такие старые друзья Струве, как В.Г. Короленко и М.И. Туган-Барановский, Струве остался в своей среде практически в одиночестве. Но и это не самое страшное, трагическим было острейшее непонимание того, что украинский вопрос, традиционно обременённый подрывными усилиями именно на западной границе империи из Германии и Австро-Венгрии, обременённый польской проблемой, не может быть решён книжной формулой, как это показалось Струве и как это следовало из его слишком

книжного национализма. Национальный вопрос, в тесной связи с проблемой Империи («Великой России») решительно легитимированный Струве в позитивной повестке дня России 1910-х годов*, где он прежде ретранслировался в изложении марксистского взгляда на многонациональность Австро-Венгрии, приобрёл собственную, независимую от теоретизирований логику. И разорвал империю на куски. И именно русский, так и не ставший вполне политическим, национализм белых правительств значительно помешал им в 1918–1919 годах достичь соглашения с локальными националистами — и тем самым победить в Гражданской войне.

Успехи ли всё это для мыслителя? Думаю, главным успехом для мыслителя следует считать не процент полученных им голосов и число завоёванных столиц, а влияние. И по влиянию на современников и то поколение русской общественной мысли, что сформировалось в 1900–1920-е годы, Струве может сравниться с Владимиром Соловьёвым. Разница только в том, что для многих Соловьёв был знаменем, а Струве — старшим союзником и учителем. Пережитая им эволюция от марксизма к (чаще правому, чем левому) либерализму стала столбовой дорогой для значительной части русской интеллигенции, динамика его мысли (а отнюдь не статическая «система»!) стала одним из важнейших источников таких известных идейных движений как «идеализм», «веховство», национал-большевизм, евразийство. В каждом своём увлечении Струве становился первым, идейным вождём, организатором. Но организатором отнюдь не «партийной ячейки» с уставом и партийной дисциплиной. И в каждый период своей жизни, сбрасывая кожу предыдущих увлечений, создавал идейный

* См. материалы к этому: «Проблемы Великой России» (1916). Репр. содержания // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999; «Национальные проблемы» (1915). Репр. содержания // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; Национализм. Полемика 1909–1917. Сборник статей / Сост. М.А. Колерова. М., 2000.

прецедент, на котором уже независимо от воли Струве воспитывались следующие поколения. Пожалуй, не было в 1890-е годы в России книги, вызывающей столь содержательные и бурные споры, послужившей столь универсальным руководством к самообразованию в области новейшей западной социально-экономической и философской науки, чем дебютные «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» Струве-марксиста. Гимназист 1890-х, впоследствии заметный общественный деятель, вспоминал:

«Для моего поколения... имя Струве ближе и дороже имён Белинского и Герцена. Струве связал русскую мысль с европейской мыслью, часто опережая последнюю (вспомним хотя бы русский и немецкий "ревизионизм")»*.

В 1902–1905 – таким же соединением манифеста и учебника, имевшим не столько общественные, сколько интеллектуальное влияние, служил инициированный Струве сборник «Проблемы идеализма». В 1908–1916 – столь же «провоцирующей» философские, экономические, военно-политические построения стала статья Струве «Великая Россия». Влияние составленного, в основном, союзниками Струве сборника «Вехи» (1909) на мысль 1920-х годов, «сменовеховство» и «евразийство» известно, но исследовано ещё не достаточно. Русский современник писал в это время:

«После 1917 г. Струве стал "политическим мозгом" антибольшевизма, и сейчас он крупнейший политический писатель эмиграции. Струве, несомненно, один из самых блестящих политических философов нашего времени... Влияние Струве на политическую и историческую мысль было огромным»**.

* Д. Лухтин. Публицист-академик (К юбилею Струве) // Руль. № 725. Берлин, 1923.

** Д. Святополк-Мирский. Современная русская литература [1925] // Д. Святополк-Мирский. История русской литературы с древнейших времён по 1925 год / Пер. Р.А. Зерновой. Новосибирск, 2005. С. 723.

Неожиданным и законным свидетельством не-политического (но не менее глубокого), интеллектуального признания Струве стало избрание его в 1917 году академиком Российской академии наук – человека, фактически не окончившего курса университета, занимающегося наукой от случая к случаю, почти «любительски», избрание, произошедшее считанные годы после защиты им магистерской диссертации, месяцы спустя после формальной и спешной защиты докторской в провинциальном университете. Крупнейший русский экономист и статистик А.А. Чупров так обрисовал научные заслуги нового академика:

«П. Б. Струве является одним из выдающихся представителей современной экономической науки. Перечень его учёных трудов свидетельствует о том широком захвате, который обнаруживает его научная деятельность. Внимание П. Б. Струве привлекают и отвлечённые проблемы экономической теории и конкретные вопросы истории хозяйственного быта: ряд его работ посвящён выдвигавшимся жизнью задачам хозяйственной политики. Кроме того, не ограничиваясь областью специально экономического значения П. Б. Струве уделял также силы выяснению общих начал социальной науки. (...) Труды П. Б. Характеризуются не только глубиной философской культуры и самостоятельностью творческой мысли, но также исчерпывающе обширной и разносторонней эрудицией и неуклонным стремлением к технической "чистоте" работы: П. Б. с равным увлечением отдаётся и напряжённым размышлениям на самые общие темы в области своей специальности и тем кропотливо-"мелочным" изысканиям, пренебрежительное отношение к которым так ещё распространено, к сожалению, в кругах наших учёных-обществоведов, свидетельствуя о недостаточно строгой научной школе. (...) Как исследователь исторического развития хозяйственных отношений П. Б. ценен тем, что приступая к материалу во всеоружии экономических знаний, он умеет объединить наблюдаемые факты представляющие интерес для экономиста категории и осветить экономической теорией взаимную связь явлений и их историческое преемство. (...) Но особенно крупный интерес это свойство П. Б., как историка хозяйственного

быта, сообщает его исследованиям по истории крепостного хозяйства в России. Как ни странно, но мы доселе не имеем стоящий на высоте современной науки экономической истории освобождения крестьян в России. (...) Удачно начатые исследования П.Б. подавали надежду, что пробел будет, наконец, достойно заполнен: к сожалению, переезд за границу [1901] прервал работу П.Б. в этой области. Заслуженной известностью не только у нас, сколько за границей, пользуются труды П.Б. по истории социалистических идей: в литературе, посвящённой изучению марксизма и его исторических корней, они занимают видное место... По обнаруживаемому в них знакомству с материалом П.Б. мало имеет себе равных даже в Германии⁸. (...) Я лично держусь во многом иных взглядов, но объективное научное значение теоретических исследований П.Б. Струве не может подлежать сомнению: в ту работу, которая нынче ведётся над смыком экономической теории с хозяйственной действительностью, они навсегда войдут интегральной частью, независимо от того, в какой мере удержатся в науке те или иные положения, установленные автором. Оригинальность подхода к проблеме. Широта философского обоснования, внутренняя насыщенность фактическим материалом, своеобразно переработанным, и, наконец, богатство историко-догматическими — порой весьма неожиданными — сближениями будят мысль и сообщают теоретическим трудам П.Б. Струве непререкаемую ценность»⁹.

Этот отклик может служить настоящей апологией гигантской работы самообразования и научной «самодеятельности», оставшейся в тени ещё более гигантской общественной и политической деятельности Струве. Вовсе не случайно старый сотрудник и единомышленник А.С. Изгоев писал жене Струве 10 марта 1923 года:

«У меня старая "предвзятость": научную деятельность П.Б. я ценю во сто раз выше общественной, из-за которой у него гибнет так много времени»^{*}.

^{*} ГА РФ. Ф. 5912. Оп. 2. Ед. хр. 38. Л.2 об.

А. А. Чупров невольно обратил внимание на одно принципиальнейшее – и также оставшееся в тени – обстоятельство, которое требует разъяснения. Дело в том, что все без исключения основные свои научные идеи Струве высказал и наметил в короткий промежуток времени до 1901 года, когда он отправился в политическую эмиграцию и надолго полностью отдался чистой политической практике.

Сжатую форму истории и сущности крепостного хозяйства, формулу системы и единства в применении к политической экономии, формулу «либерального консерватизма» в применении к истории русской политической мысли, развёрнутую программу философского идеализма в предисловии к книге Бердяева о Михайловском – всё это, послужившее ядром для детализации, цитирования, развития для целого поколения и него самого, Струве выработал и опубликовал почти одновременно, в течение 1899–1900 годов, вполне молодым ещё человеком. Лишь много позже, в 1930-е годы, когда Струве оказался на глубокой периферии политической жизни, настало время настоящего и феноменального расцвета его разнообразнейшей научной работы. В белградском Русском научном институте не проходило месяца, чтобы Струве не выступал с несколькими исследовательскими докладами по ряду совершенно различных дисциплин, от истории античной философии до истории русского языка, от экономической теории до философии права. Тогда, без политики, Струве смог наконец сосредоточиться на формальном достраивании системы своих исторических, экономических и философских взглядов в книгах: «Социально-экономическая история России с древнейших времён до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности» (не окончена, опубликована в 1952), «Система критической философии» (рукопись погибла в 1941), «Хозяйство и цена» (не окончена). Именно это обстоятельство более всего позволяет нам пред-

полагать, что некоторая научно-философская «система» была имманентна мирозерцанию Струве – и исследовать, и по результатам «археологического» исследования воссоздать эту систему*. И стараться определить, какие тексты в большей степени отвечают исследовательскому критическому образу этой (а не риторическо-апологетической) системы. Если же отвлечься от «археологической критики» и очертить основные интуиции Струве, то мы невольно возвратимся к его широко известной риторике. Всю жизнь его более всего занимали лишь несколько идейных: культура, свобода личности и личная ответственность, социализм и марксизм, автономные основы хозяйства и «космическое» единство общества, государственная мощь, нация, внецерковная (позже – церковная) религиозность. Из имён – Герцен, Толстой, Пушкин (меньше – Достоевский), Михайловский, Б.Н. Чичерин, И.С. Аксаков, среди исторических фигур Пётр Великий и Столыпин. Но верность избранным темам вовсе не привела Струве к интеллектуальной монотонности. Представляется, происходило это потому, что среди ключевых имён его идейного воспитания, которых он, конечно, не скрывал, но которые вовсе не выдвигались им в первые риторические шеренги, находились такие, кстати, участники близкого ему круга общения и на деле крупные символические фигуры, как М.Е. Салтыков-Щедрин, К.К. Арсеньев, А.Д. Градовский, В.М. Гаршин, С.Я. Надсон, участники «Приютинского братства» И.М. Гревс, В.И. Вернадский, С.Ф. Ольденбург. Их трагическая судьба, правовой пафос, мощный романтический символизм или подлинное идеалистическое личное и «соборное делание», несомненно, находилось в «подкорке» мировоззрения Струве

* Составительски реконструированные автором этих строк из отдельных текстов, анонсированные Струве, но не реализованные им авторские замыслы тематических сборников статей «Культура и свобода» (1905), «Государство, интеллигенция и революция» (1908), «Основы политической экономии» (1923) см. в собрании: *П.Б. Струве. Избранные сочинения*.

Каждый раз, обращаясь к одной из названных тем, Струве подчёркнуто (и без самолюбования) рассказывал о себе и своём переживании проблемы, своём участии в процессе. Словно торопясь (и действительно торопясь и отвлекаясь на политическую злобу дня) рассказать всё, что он хотел бы отметить в проблеме, Струве часто своё исследование превращал в конспект, план исследования, даря окружающим роскошные возможности к его реализации. Свободно выставляя оценки «великим» и без стеснения помещая современников, себя самого и своих оппонентов в иерархический контекст и традицию, Струве всегда мыслил в историческом масштабе. И тем историческим масштабом, которые структурирует сегодня наши знания о русской идейной истории и который в главном не может быть подвергнут ревизии, мы обязаны во многом Струве. Струве смело и критично включал русскую мысль в контекст западной, в сеть заимствований и переплетений, начиная со славянофильства. Это, конечно, было возможно не в последнюю очередь из-за его глубокой и обширной эрудиции во многих областях знания, от зоологии и математики, до всеобщей истории и языкознания, и диктуемой этим широким знанием научной добросовестности. Как свидетельствовал современник, «печатные труды Струве никогда не дадут верного представления об его огромной эрудиции и творческом горении, которые ценились его собеседниками и делали личное общение с ним столь поучительным даже для учёных, не разделявших его научные или политические взгляды»*. Также важным представляется и признание Струве, которое, возможно, содержало в себе и элемент самооправдания за недоведённые до конца «системы» и не изложенные «теории»: Струве писал, что в верном научном определении *in nuce* (в ядре) дана полноценная научная теория. Для современного человека, стоящего перед гигантски растущим

* Б.С. Ижболдин. П.Б. Струве как экономист. С. 357.

информационным массивом данных и текстов в поисковых системах, которые для получения точного результата всё ещё требуют от него и точного запроса, и верных «поисковых слов», и – главное – адекватного взгляда на мир, где обретаются разыскиваемые им смыслы, на априорное обладание представлением об иерархии этих смыслов, то есть вновь оживающим даже в хаосе – ценностным строем – такое внимание Струве к точности формул, такое усиленное усердие Струве в производстве формул, призванных менять мир, приобретает особое значение.

В конце жизни, в Белграде, отойдя от политической и общественной злободневности, в штудийной статье «Дух и быт: Опыт историко-социологического истолкования западноевропейского средневековья» (1938) Струве почти впервые дал себе труд подробно разобраться в предельных философских принципах своего мировоззрения. Он писал:

«Проблема "сингуляризма" и "универсализма" на пространстве целых десятилетий занимает меня как экономиста, социолога, историка, политика, ибо от полной критической и конструктивной ясности в постановке и разрешении этой проблемы зависит, по моему глубокому убеждению, нахождение как теоретической истины в социологии, так и практической правды в политике... Я определяю быт как совокупность "фактических" и "конкретных" содержаний общественной жизни в их противоположении идейным (идеальным) и отвлечённым построениям об этой жизни. Иначе эту мысль можно формулировать так: быт есть конкретный, живой образ бытия, или существования. Быт складывается из живых, не прошедших через иссушающее пекло отвлечения и обобщения, человеческих влечений, оценок, действий, из того, чему следует не столько наш ум с его остужающей логикой, сколько наши чувства и чувствования, наш позыв, или инстинкт, свободный от умыслов и замыслов. И в то же время в основе быта лежит не своевольный, не одинокий или одиночный позыв — быт корнями своими уходит в какую-то богатую, тучную почву не особых, личных, а совместных, соборных устремлений и навыков. Быт, повторяю,

соткан из живых конкретных влечений и оценок, в основе которых лежит не разумно отвлекающее и потому отвлечённо — одинокое индивидуальное усмотрение и не личное своеволие, а, наоборот, вековая соборная дума и собранная воля».

Очевидно, что этот авторский взгляд на своё мировоззрение значительно отличается от риторически звучных формул о либеральном консерватизме. Он внимательней и непредсказуемей, глубже — и идёт на спасительную помощь исследователю Струве.

Начав с констатации того, что наследие Струве подверглось (не без его участия) апологетической схематизации, мне хочется закончить противопоставлением этой апологетике мнения одного из преданнейших учеников Струве:

«П. Б. Струве нельзя сокращённо излагать. Основное свойство его гениальности заключается в сочетании логической мощи со способностью живого видения действительности, или другими словами, в сочетании силы отвлечённой мысли с даром конкретно-исторической интуиции. Этим определяется и манера письма П. Б. Струве: нагромождение логически между собой связанных и эстетически одно другое заменяющих и развивающих лапидарных определений, из которых каждое есть законченная "теория", даваемая мыслителем, и, вместе с тем сжатое описание жизненных явлений, схваченных художественным оком наблюдателя-историка. Определение-образ — вот адекватное строю мыслей и чувств П. Б. Струве их выражение. Поэтому Струве и нельзя излагать, а можно лишь (сочувственно или несочувственно) воспроизводить, комментировать и развивать его формулы-образы»^{*}.

Если понимать под адекватным «воспроизведением» критическое исследование аутентического наследия Струве, то именно такой подход в наибольшей степени соответствует и преобладающему творческому и политическому пафосу

^{*} *К. И. Зайцев*. О Витте, Столыпине и Николае II (по поводу очерка П. Б. Струве «Витте и Столыпин») // Россия и Славянство. № 128. Прага, 1931.

героя. Такой пафос всегда был основой критики и противостояния судьбе, противостояния слепой инерции истории, с которой каждый из сознающих себя обречён вести пожизненную борьбу.

**Пётр Струве:
революционер без масс
1870–1918**

Пётр Бернгардович Струве (26 января / 7 февраля 1870, Пермь – 26 февраля 1944, Париж) – в истории русской общественно-политической мысли до 1917 года – социалистический и либеральный политик, экономист, философ, историк, в истории русской литературы – организатор, редактор и издатель журналов, газет, издательских серий, инициатор идейно-общественных направлений, литературно-общественное значение которого знавший его лично Максим Горький описал в формуле «Иоанн Креститель всех наших возрождений» («Несвоевременные мысли», 18 мая 1917), а В.Г. Короленко – из враждебного марксистам народнического лагеря в декабре 1900 года – «неистовым Виссарионом», по аналогии с литературно-критическим богом русского освободительного движения – В.Г. Белинским*. После 1908 года, когда С** выступил с доктриной либерального империализма, он заслужил себе репутацию «столпа идеологии русского великодержавия, верного рыцаря Вели-

* *Ф. Берсенева [Ф. Дан].* Нечто о критерии истины [1901] // Н.А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском [1901] / Сост. В.В. Сапова. М., 1999. С. 358.

** Здесь и далее фамилия Струве даётся внутри авторского текста в сокращении (С.), полное её написание даётся внутри цитат и в библиографических описаниях – там, где фамилия самим автором была указана полностью.

кой России, "нового Каткова"...»* Один из главных идеологов большевизма длительную эволюцию С. слева направо сделал главным содержанием его репутации, говоря, что С. «в своей общественной деятельности побил рекорд хамелеонства и выказал себя как необыкновенно искусный политический эквилибрист»**.

Сам себя в конце жизни С. скромно определил, как «экономиста и историка»¹, несомненно, исходя при этом из общей для того времени универсальности и высокого уровня философских требований к системе профессиональных экономических и исторических знаний.

В главном роль С. свелась к организации интеллектуально-политических движений и традиций, среди которых наиболее влиятельным стал русский марксизм 1890-х, сменившийся недолговечным «критическим направлением» в марксизме (1899–1902)² и социал-либеральным «идеалистическим направлением» (в освободительном движении) (1902–1905). После 1905 С. становится одним из центральных представителей русского политического либерализма, но быстро теряет своё практическое влияние. Вершиной интеллектуальной биографии С. стало его участие в создании и лидерство в интерпретации сборника «Вехи» (1909), который стал попыткой поворота социал-либеральной русской мысли к либерально-консервативному синтезу религии и государственности. Главным творческим итогом деятельности С. в России этого времени стало редактирование и издание им «толстого» журнала «Русская Мысль» (1907–1918), которому удалось преодолеть узко-либеральную партийность, став местом принципиального и гибкого соединения современной русской литературы, религиозной и политической философии, истории литературы и научных знаний.

* Н.В. Устрялов. Врангель [1920] // Н.В. Устрялов. Национал-большевизм. Избранные статьи 1920–1927 гг. / Ред.-сост. М.А. Колеров. М., 2017. С. 77.

** Н. Бухарин. Фокус-покусы г-на Струве // Просвещение. СПб, 1913. № 12. Декабрь. С. 81.

Воспитаннику равно западнических и славянофильских кругов, активному работнику демократических просветительских институций, активному участнику революционного подполья и нелегальной марксистской пропаганды, первому на территории России публичному деятелю социал-демократии, С. удался ранний и очень успешный литературно-политический дебют на внутривнутриполитической сцене, по итогам которого в 1900-е гг. С., вдохновляясь примером А.И. Герцена, выбрал карьеру влиятельного политического эмигранта-издателя, а затем – политического вождя, затем – либерала-индивидуалиста, политического националиста и империалиста британского образца, хоть и под немецко-славянофильским именем «национал-либерала». Этот выбор дал ему всероссийскую известность, но потребовал в жертву научные интересы С., лишь в 1910-е завершившего свои ранние (конца 1890-х) труды по истории и экономике. Революции 1917 г. и Гражданская война стали апогеем его политической карьеры, после которой в эмиграции влияние С. быстро затухло, издательские проекты не удались, но энциклопедически широкая научная и публицистическая активность только возросла.

1880–1898: русский марксизм

Младший, шестой сын пермского губернатора¹, принадлежавшего к известной немецкой научно-административной династии, основанной в России В.Я. Струве, создателем Пулковской обсерватории², С. при рождении был крещён в православии и вырос в славянофильской идейной среде, тесно связанной с либерально-государственной мыслью. В 1871 отец С. вышел в отставку, 1879–1882 гг. семья провела в Германии (Штутгарт), а с 1882 – поселилась в Санкт-Петербурге. Родители С. близко общались с И.С. Аксаковым и Ф.М. Достоевским, его отец уже в 1870-е демонстративно «носил только бороду»*, а юный С. остро переживал публичные выступления И. Аксакова, Достоевского и В.С. Соловьёва 1880-х гг., вплоть до 1885 года питая славянофильские и националистически-монархические надежды**. В течение 1885–1888 гг. С. эволюционировал к либерализму западного толка под впечатлением от произведений Б.Н. Чичерина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.Д. Градовского и выступая активным участником либерального

* П.Б. Струве. Об Евгении Ивановиче Ламанском (21 декабря 1925) // П.Б. Струве. Дневник политика. С. 83.

** См.: М.А. Колеров. Юношеский дневник П.Б. Струве (1884) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009. Подробно о предках и юности С. см. классическое исследование: Ричард Пайпс. Струве: левый либерал, 1870–1905 [1970]. М., 2001. С. 14–47.

кружка редактора «Вестника Европы» К.К. Арсеньева, в котором лично познакомился с В.С. Соловьёвым, В.Д. Спасовичем, А.Ф. Кони и в котором одновременно принимали участие яркие деятели литературы Н.М. Минский, Д.С. Мережковский, Л.З. Слонимский, С.А. Венгеров*. С 1888 года, под влиянием своего старшего брата М.Б. Струве** и по позднему признанию, книги Р. Майера «Освободительная борьба четвёртого сословия», С. признал себя социалистом, став марксистом, социал-демократом и революционером. Впрочем, С. не раз менял акценты в своих автобиографических экскурсах и поэтому кажется, что ярче и ближе к оригиналу переживания звучит его воспоминание-признание о Салтыкове-Щедрине:

«Последнее поколение, которое слышало и ощущало голос Салтыкова живым во всей его полноте и силе, это было поколение, которое приблизилось к сознательной жизни в 80-х гг. Пишущий эти строки решал тригонометрическую задачу на выпускном экзамене в тот день, когда хоронили Салтыкова. Про себя я могу сказать, что из всей литературы, появившейся в дни моей юности, ничто так не повлияло на образование моих морально-общественных чувств и взглядов, как сатиры Щедрина, печатавшиеся уже не в *Отечественных Записках*, а в *Вестнике Европы*, и морально-философские произведения Толстого той же эпохи. Целые места из "Пёстрых писем" просто вонзились в мою память, когда я был на гимназической скамье. Надо было пережить реакцию 80-х гг. для того, чтобы на всю жизнь запомнить такие слова: "Живые притаились в могилах; мёртвые самолично встали из гробов и ходят по стогнам, стуча костями"...»***

Согласно автобиографии С. он получил образование в V (с 1901 – VIII) Санкт-Петербургская прогимназии и Тульской гимназии. Окончил III петербургскую гимназию. Затем «по-

* К. Арсеньев. Воспоминания о В.Д. Спасовиче // Вестник Европы. СПб, 1906. Т.VI. Кн. 11. С. 460.

** М.А. Колеров. П.Б. Струве и русский марксизм: 1888–1901 (Опыт политической биографии). Автореферат... кандидата исторических наук. М., 1993. С. 10–11.

*** Пётр Струве. М.Е. Салтыков // Русская Мысль. СПб, 1914. Кн. V. II о. С. 142.

ступил в Пб. Унив. на Естественный факультет, с которого перешёл по болезни (я хотел специализироваться по зоологии, но должен был отказаться от занятий с микроскопом) на юридический факультет, где занимался государственным правом и политической экономией. Из Унив. вышел до окончания курса и потом в качестве экстерна в 1895 г. держал государственный экзамен».

Как общественный деятель, С. вырос также внутри широкого круга практиков народного просвещения и освободительного движения: в общении с семьёй Гердов, близкой к В.М. Гаршину* и Салтыкову-Щедрину, ученицами гимназии А.А. Оболенской во главе с Я.Г. Гуревичем (А.В. Тырковой, Н.К. Крупской, Н.А. Герд (сестра однокурсника С**, преподавательница вечерней школы для рабочих***), Л.К. Давыдовой³).

В 1889 умер отец С. и его отношения с матерью**** испортились настолько, что он ушёл из дома, поселившись у матери своего гимназического одноклассника, тогда же овдовевшей известной просветительницы А.М. Калмыковой (1849–1926), которая в глазах общества стала ему «приёмной матерью»⁴. Так с 1889 года С. поступил под личное покровительство А.М. Калмыковой, в книжном складе которой он стал работать и которая познакомила его с участниками лево-либерального «Приютинского братства» (Д.И. Шаховским, В.И. Вернадским,

* Глава семьи А.Я. Герд, по свидетельству Короленко, был «личным другом» Гаршина: (Неизданный В.Г. Короленко. Дневники и записные книжки 1914–1918 / Публ. Т.М. Макагоновой и И.Т. Пяттоевой. М., 2013. С. 107). Он был одним из организаторов издания мемориального сборника: Памяти В.М. Гаршина. Художественно-литературный сборник. СПб, 1889 (Стихотворения Д.С. Мережковского, А.Н. Плещеева, А. Жемчужникова, Д. Минаева, проза А.П. Чехова, очерки Н.К. Михайловского, В.Г. Короленко, Г. Успенского).

** В.А. Герд был однокурсником С. на естественно-математическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1889 году: В.А. Оболенский. Воспоминание о Струве [1944] // Вестник РХД, № 134. Париж, 1981. С. 103.

*** В.А. Оболенский. Воспоминание о Струве. С. 106–107.

**** У С. были основания, вслед за молвой, обвинять свою мать в неудачной карьере своего отца и, видимо, осуждать её за материально нескромный образ жизни.

С.Ф. Ольденбургом и др.)^{*} и ввела его в круг радикальных деятелей оппозиционного Комитета грамотности Вольного экономического общества, а с 1895 года, после передачи этого Комитета в ведение Министерства народного просвещения – в III (экономическое) отделение самого ВЭО, где развил активную научную и публичную дискуссионную деятельность вплоть до изменения устава ВЭО в апреле 1900, закрывшего его для публики.

В 1889 С. поступил на естественно-математический факультет Санкт-Петербургского университета, где, в частности, прослушал вводный курс «Основ химии» из уст Д.И. Менделеева^{**}. В 1890 году перевёлся на юридический факультет (оставил его в 1892 году и в 1895 – экстерном окончил полный курс университета по этому факультету с дипломом первой степени). С 1889 года С. вошёл в близкие сношения со студентами-марксистами и их кружками, готовивших пропагандистов для рабочей среды^{***}: В.С. Голубевым (университет, руководитель^{****} «Рабочего союза», основанного М.И. Брусневым), Д.В. Странденом (университет, член того же союза^{****}), в 1891 – на юридическом факультете университета, где возглавил кружок^{*****}; с 1892 – с брусневцами Л.Б. и Г.Б. Красиными

^{*} См. об этом: Е.А. Галимзянова. Фёдор Ольденбург и его друзья: у истоков Приютинского братства // Вестник Московского университета. Серия 8: история. М., 2015. № 3. А также с указаниями на литературу вопроса: К истории «Братства Приютино» [Письма Ф.Ф. Ольденбурга, В.И. Вернадского, И.М. Гревса и А.А. Корнилова о проекте организации Братства «Приютино», 1887] / Публ. А.В. Лубкова // Идеиное наследие русской философии / Отв. Ред А.Ф. Замалева, И.Д. Осипов. СПб, 2000. С. 146–147.

^{**} Пётр Струве. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб, 1911. С. 182 («Профессор» Шварц и "куратор" Мелиссино», 1908).

^{***} Подробно о них: Р.А. Казакевич. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х – начала 90-х годов (кружки П.В. Точиского и М.И. Бруснева). Л., 1960.

^{****} В.В. Святловский. На заре Российской социал-демократии // Былое. М., 1922. № 19. С. 149. С. 150, 153.

^{*****} Там же. С. 153.

^{*****} Однокурсник С. свидетельствует об этом времени вплоть до осени 1891 года: В.А. Оболенский. Воспоминание о Струве [1944]. // Вестник РХД № 134. Париж, 1981. С. 104–105.

и Р.Э. Классеном* (Технологический институт), в женский круг которых входили А.В. Тыркова, Н.К. Крупская и Н.А. Герд (с 1897 – жена С.)⁵. Вместе с социал-демократической молодёжью накануне и в ходе учёбы в университете С. принял участие в общественных демонстрациях на похоронах М.Е. Салтыкова-Щедрина (1889), публичной панихиде по Н.Г. Чернышевскому (1889), многолюдной демонстрации на похоронах Н.В. Шелгунова (1891). После серии арестов марксистов в начале 1890 г. С. выехал в Австро-Венгрию, где провёл два семестра, изучая общественные науки в университете г. Граца. Однокурсник и друг С. по социал-демократическим кружкам А.Н. Потресов отправился в Швейцарию для установления связи с марксистской группой «Освобождение труда» во главе с Г.В. Плехановым и получения изданной ею литературы. Это, по-видимому, было едва ли не первой попыткой установления столь активного контакта с этим марксистами-эмигрантами, поскольку, по свидетельству В.С. Голубева, брусневцы-технологи о марксистской литературе круга Плеханова в 1890–1891 гг. просто не знали: «Социал-демократия только-только ещё намечалась. О группе же "Освобождение Труда" как-то позабыли»**. Другой марксист вспоминал об этих годах: «В это время имя Маркса не имело для русской учащейся молодёжи ничего притягательного. Не помню я, чтобы оно пользовалось популярностью среди студенчества Петербургского университета, куда я поступил в 1890 году»***.

В немецком мире того времени, который – наряду с Британией и Францией – служил образцом для России, марксизм и социал-демократия вступили в полосу очень быстрого роста своего электорального и политического влияния. Оно

* В.В. Святловский. На заре Российской социал-демократии. С. 150, 153.

** В.С. Голубев. Страничка из истории рабочего движения (памяти Н.В. Шелгунова) // Былое. СПб, 1906. № 12. С. 111.

*** К. Тахтарев. Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. Л., 1924. № 24. С. 5.

было непосредственно вызвано отменой в Германии многолетнего исключительного закона против социалистов («Закона против вредных и опасных стремлений социал-демократии», 1878–1890) и их масштабной политической легализацией. Идейный вождь этой социал-демократии Ф. Энгельс оценивал перспективы партии как скорый парламентский путь к власти на фоне революционного кризиса в стране в течение ближайших лет, в пределах 1896–1904 гг. Видя кратное расширение партии, Энгельс уделил особое внимание отношениям партии и «социалистической науки», отстаивая её независимость и право на критику партийных программы и тактики, внутрипартийной терпимости и самокритики*, одобрил и высоко оценил Эрфуртскую программу СДПГ (1891), в которой религия (и, следовательно, философия) была объявлена «частным делом» партийца. В области политической борьбы Энгельс рисовал образ самосбывающегося прогноза индустриализации как приближения социализма: «чтобы отстранить имущие классы от власти, нам прежде всего нужен переворот в сознании рабочих масс (...) нужен ещё более быстрый темп переворота в методах производства, больше машин, вытеснение большего числа рабочих, разорение большего числа крестьян и мелкой буржуазии (...) рабочие же массы с помощью всеобщего избирательного права заставят с собой считаться (...) мероприятия, действительно ведущие к освобождению, станут возможны лишь тогда, когда экономический переворот приведёт широкие массы рабочих к осознанию своего положения и тем самым откроет им путь к политическому господству (...) лет

* См. письма Ф. Энгельса 1891–1892 гг. к К. Каутскому и А. Бебелю (*К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 17, 31, 77, 436, 442*). Представителей социалистической науки и партийной прессы в СДПГ было принято называть «академиками»: это именование было воспринято и в ранней русской социал-демократии (об этом см.: *А.Н. Потресов. Письма к П.Б. Струве (1898–1899) / Публ. М.А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. № 6; Е. Лозинский. Что же такое, наконец, интеллигенция? Критико-социологический опыт. СПб, 1907 (переизд.: М., 2003)*).

через пять-десять различные парламенты будут выглядеть совсем по-иному»*

Всё это позволило личному секретарю Энгельса и хранителю архива Маркса Эдуарду Бернштейну считать Энгельса «отцом» ревизионизма и реформизма в марксизме. В России же своеобразным «сыном» Энгельса и воспитанником немецкой «социалистической науки» можно считать именно С**. В 1890-е – начале 1900-х гг. он старался применить в России стандарты легализации германской социал-демократии*** и лично повторить личные карьеры её публичных вождей. Это отвечало и его собственным приоритетам, хотя практика и демонстрировала его непригодность к успешной карьере политического вождя:

«Собственные мысли составляли один из основных интересов его жизни. (...) Поэтому я не помню его ведущим нескончаемые споры, столь обычные для русской интеллигенции. (...) Он никогда не искал поклонения толпы и, отстаивая свои убеждения, постоянно шёл против течения».

Именно поэтому публичным кумиром молодёжи 1890-х гг., а не только её интеллектуальным вождём С. стал «неожиданно для себя».

История марксистского прогноза о шансах капиталистического развития России к началу 1890-х гг. имела в своём распоря-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 51 (письмо к М. Оппенхейму 24 марта 1891).

** В 1890-е годы С. был товарищески и человечески близок с соучредительницей эмигрантской марксистской группы Г.В. Плеханова «Освобождение Труда» В.И. Засулич (1849–1919), которая, в свою очередь, была лично знакома с Марксом и Энгельсом и получала от них важные теоретические и практические рекомендации по применению марксизма к русской действительности и, таким образом, была прямым посредником между Энгельсом и С. В течение всей своей жизни С. сохранил о Засулич самые трогательные и добрые воспоминания, на которых никак не отразились их острые политические разногласия.

*** Легальным просветителем и учителем в области парламентаризма и парламентской и иной политической работы германской социал-демократии в 1890-е гг. был корреспондент московской либеральной газеты «Русские Ведомости» Г.Б. Иоллос (1859–1907). См. его сборник: *Г.Б. Иоллос. Письма из Берлина*. СПб, 1904. «На корреспонденциях из Берлина Григория Борисовича Иоллоса получило начатки политического образования целое поколение» (*В. Водовозов*. Г.Б. Иоллос // *Товарищ*, № 216. СПб, 15(28) марта 1907.

жении прямо высказанные основателями марксизма надежды на то, что – *в контексте общемирового и, в первую очередь, западноевропейского развития в сторону коммунизма* – общинная Россия может, сохранив свой патриархальный коллективизм, прямо – *при помощи Запада* – перейти к коммунизму. И этим внешне подтверждалась утопия ещё А.И. Герцена о прямом переходе от общины к социализму. Для такого сценария России оставалось «лишь» избежать капиталистического развития, главные препятствия на пути которого были ликвидированы с отменой крепостного права в 1861 году. Заметив внимание к своей теории в России и выучив русский язык специально для изучения того, как была описана пролетаризации России в труде В.В. Берви-Флеровского (1829–1918), Маркс напрямую обратился к русской аудитории, вполне безответственно теоретизируя в духе Герцена:

«Если Россия будет продолжать идти по тому пути, по которому она следовала с 1861 г., то она упустит наилучший случай, который история когда-либо предоставляла какому-либо народу, и испытает все роковые злоключения капиталистического строя. (...) Если Россия имеет тенденцию стать капиталистической нацией по образцу наций Западной Европы, — а за последние годы она немало потрудились в этом направлении, — она не достигнет этого, не превратив предвзвешенно значительной части своих крестьян в пролетариев»*.

В своём формально личном письме (несомненно, ставшем известным целевой русской аудитории) к тогда ещё радикальной народнице В.И. Засулич, одной из первых начавшей примерять марксизм к революционной борьбе в России, Маркс писал:

«Анализ, представленный в "Капитале", не даёт, следовательно, доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специ-

* К. Маркс. Письмо в редакцию «Отечественных Записок» [1878] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М., 1961. С. 119–120. Впервые опубликовано на русском языке в 1886.

альные изыскания, которые я произвёл на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обеспечить ей нормальные условия свободного развития»⁵.

В прямом обращении к русской революционной аудитории Маркс и Энгельс, хорошо известные своей неперменной политически мотивированной русофобией, откровенно льстили именно русским народникам, эксплуатируя их совершенно абстрактные надежды:

«Россия представляет собой передовой отряд революционного движения в Европе... рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России большую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землёй — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада? Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁶.

Позже в переписке со своим русским корреспондентом, уже квалифицированным марксистом, но политически близким к народничеству, Н. Ф. Даниельсоном (в русской печати: *Николай -он*)⁷ Энгельс предметно проанализировал перспективы

⁵ К. Маркс. Письмо В.И. Засулич 8 марта 1881 // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М., 1961. С. 251.

общины, промышленности, капитализма и социализма в России в контексте масштабного голода 1891–1892 гг., показавшего экономическую слабость общинного сельского хозяйства, на который Маркс и русские социалисты-народники полагались как на зародыш будущего социализма.

Правый экономист и высокопоставленный чиновник, современник событий не мог не признать главного: голод прогремел на пике быстрого экономического роста в России, когда капиталистическая промышленность при поддержке государства натурально высасывала ресурсы из аграрного большинства. Он писал:

«Голод 1891 г., последовавший после четырёх подряд прекрасных урожаев, из которых урожаи 1888–1889 гг. были совершенно исключительными, показал, что в экономической жизни страны далеко не всё обстоит благополучно. Неурожаи бывают везде... но голод бывает только там, где у населения нет никаких запасов, нет никаких сбережений. Так оказалось именно у нас»*.

Голод и попытки оппозиционной интеллигенции смягчить его последствия для народа, задуманные и изображённые как альтернатива государственным мерам помощи, мобилизовали общественную и идейную активность. В революционном 1905 году В.И. Вернадский вспоминал о голодном годе:

«Это был год перелома. Впервые после многих лет проявилась сила общественного мнения, выяснилась общественная воля, так как под их направляющим влиянием в эту годину несчастья вынуждено было идти правительство. Впервые общество почувствовало свою силу. И будущий историк увидит здесь начало не прерывающегося с тех пор освободительного движения русского общества. "Хождение в народ" в голодный год внесло в русское общество жизненное, живое понимание государственных нужд, народных страданий. Об-

* П.П. Мигулин. Экономический рост Русского государства за 300 лет (1613–1912) [1913]. М., 2012. С. 163.

щественная мысль обратилась к экономическим вопросам, но уже не только теоретически и отвлечённо»*.

Здесь русским народникам, взявшим на вооружение «букву» марксизма и отстаивая особость русского пути к коммунизму, минуя капитализм как общую основу народного хозяйства (в силу его прогнозируемой маргинальности из-за слабости внутренней основы и недоступности внешних рынков), удалось найти в марксистском учении *для Германии* противоречие между образцом интернационального британского капитализма и случаем его особого национального развития *в условиях германского протекционизма*. Противоречия своим ранним надеждам на переход Германии к коммунизму именно в силу невозможности беспредельного локального развития капитализма⁸, но не переставая говорить, что голод и сокращает внутренний рынок (в деревне), и создаёт его (в городе), Энгельс всё же определённо писал Даниельсону: «переход от общинного земледелия и патриархальной домашней промышленности к современной промышленности... со временем... распространит капиталистическую систему также и на сельское хозяйство»⁹.

«Для 70-х годов прошлого столетия характерно, что Маркс был как бы экономическим и историко-философским авторитетом русского народничества — в эту эпоху духовное влияние Маркса, пожалуй, нигде не было так велико, как в России. Между тем, через 10–20 лет в борьбе русского марксизма с народничеством, начавшейся в 80-х годах за границей и в 90-х годах породившей русский, так называемый "легальный" марксизм, авторитетом того же Маркса побивалось народничество»**, — вспоминал С.

* «Жизнь... вызывает меня на общественное дело». Из публицистического наследия В.И. Вернадского / Публикация И.И. Мочалова // Новый мир. М., 1994. № 1. С. 202.

** *Пётр Струве*. Карл Маркс и судьба марксизма [1933] // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С.328–336.

Таким образом, народники должны были доказать, что капитализм в России уже проиграл, а марксисты – что он побеждает и уже победил. И в равной степени сделать это на общем для них марксистском языке. Именно поэтому главным источником идейного переворота стало не распространение марксизма, и обнаружение его равной применимости как к России с её «социалистической» сельской общиной, так и к Западной Европе, где община уже была уничтожена. «Меня марксистом гораздо больше сделал голод 1891–1892 гг., чем чтение "Капитала" Маркса», – вспоминал С.^{*}, обнажая трагедию отсталости, но умалчивая о том, что, подобно славянофилам, политические операторы отсталости, народники, уже вполне освоились с «Капиталом» и выступали его главными толкователями¹⁰. Именно проблему *достаточности* внутреннего рынка страны для развития капитализма начал исследовать С., дебютировав в немецкой социалистической прессе в 1892 году^{**}. Здесь он был обречён либо расстаться с образом промышленной и социалистической революции для России, либо увидеть, что обнищание деревни не уничтожает внутренних ресурсов развития капитализма и, значит, революционного пролетариата в стране.

В октябре 1893 года, продолжая давний спор с народническими политическими надеждами своего компетентного марксистского собеседника Н.Ф. Даниельсона, в ходе которого отрабатывались марксистские формулировки для России, Энгельс впервые заметил появление Петра Струве (в немецких публикациях: *Peter von Struve*) – нового русского марксистского теоретика, который, пожалуй, первым для русских революционеров «реабилитировал» протекционизм Ф. Листа, до того почти монополизированный в России консервативными

^{*} Patriotica. С. 410. «На разные темы» (1908).

^{**} Три статьи в *Sozialpolitisches Centralblatt* и рецензия в *Archiv für Soziale Gesetzgebung und Statistik* только в этом году.

модернизаторами Витте и Менделеевым. Здесь Энгельс решил (1) покончить с русским экономическим мифом о России как новой Америке, (2) и мифом об общине как первичной основе будущего коммунизма, (3) вновь подчеркнуть главную роль Запада в экспорте коммунизма.

Когда юный, двадцатитрёхлетний С. выступил в *Sozialpolitisches Centralblatt* против книги Даниельсона «Очерки нашего пореформенного развития» со статьёй «К вопросу о капиталистическом развитии России» и утверждал необходимость внешнего рынка при наличии внутреннего*, Энгельс писал в фактическую поддержку юному критику:

«В берлинском *Sozialpolitisches Centralblatt* (третий год издания, № 1, 1 октября 1893 г.) некий г-н П. фон Струве опубликовал о Вашей книге большую статью; я должен согласиться с ним в одном пункте — что и для меня современная капиталистическая фаза развития в России представляется неизбежным следствием исторических условий, которые были созданы Крымской войной, способа, каким было осуществлено изменение аграрных отношений в 1861 г., и, наконец, неизбежным следствием общего политического застоя во всей Европе. Но где Струве решительно не прав, это там, где он, желая опровергнуть то, что он называет Вашим пессимистическим взглядом па будущее, сравнивает современное положение России с положением Соединённых Штатах. Он говорит, что пагубные последствия современного капитализма в России будут преодолены так же легко, как и в Соединённых Штатах. (...) ясно, что в России эта перемена должна носить гораздо более насильственный и резкий характер и сопровождаться несравненно большими страданиями, чем в Америке. (...) всё же более чем стомиллионное население образует, в конце концов, очень большой внутренний рынок для весьма значительной *крупной промышленности*; и у вас, как и в других странах, всё выровняется, — конечно, если капитализм в Западной Европе продержится достаточно долго. (...) в России, так же, как и во всяком

* Оппонент в ответ утверждал прямо противоположное: *Николай -он*. Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. 1894. № 6. С. 103.

другом месте, невозможно было бы развить из первобытного аграрного коммунизма более высокую социальную форму, если только эта более высокая форма не была бы уже воплощена в жизнь в какой-либо другой стране и могла быть использована в качестве образца. (...) Будь Западная Европа зрелой в 1860–1870 гг. для такого переворота, будь этот переворот начат тогда Англией, Францией и т. д., — тогда русские действительно были бы призваны показать, что могло быть сделано из их общины, в то время ещё более или менее нетронутой. Но Запад пребывал в застое... России не было иного выбора, кроме следующего: либо развить общину в такую форму производства, от которой её отделял ещё ряд промежуточных исторических ступеней и для осуществления которой условия ещё не созрели тогда даже на Западе — задача, очевидно, невозможная, — либо развиваться в направлении капитализма»*.

Три года спустя после содержательной дискуссии с Энгельсом о внутренних ресурсах для капиталистического (промышленного) развития России и полгода спустя после солидарного утверждения капиталистического фатализма из уст Энгельса и Струве, Н. Ф. Даниельсон по-прежнему настаивал на критической недостаточности внутреннего рынка для развития капитализма в России, исходя из политической недоступности рынков внешних — и потому по-прежнему ожидал прекращения капиталистического развития страны**. Имея такую поддержку Энгельса и видя идейные колебания народников, лучшие из которых уже начали теоретический дрейф к марксизму, но политически оставались едины с государственным славянофильством, борющимся за общину как за оплот монархии, Струве выбрал мишенью своей политической публицистики именно вопрос о приятии русского капитализма как фактора общечеловеческого прогресса и пути собственно

* Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями / Под общ. ред. П. Н. Поспелова. М., 1951. С. 177–178 (17 октября 1893).

** *Николай -он.* Нечто об условиях нашего хозяйственного развития // Русское Богатство. СПб, 1894. № 6.

России к социальному и политическому освобождению. Это предстояло сделать общепринятым фактом в среде революционной интеллигенции.

Осенью 1892, по возвращению в Россию, через посредство работавших в Технологическом институте химиков, переводчиков и издателей немецкого текста упомянутых «Основ химии» Менделеева (1891), Л.Ю. Явейна и А.Э. Тилло¹¹, лично знакомых с Энгельсом*, С. сблизился с «кружком технологов» (именно из него в 1894 выдвинулся как революционер В.И. Ульянов (Ленин)) и в 1895 вырос хрестоматийно известный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»).

В университете С. стал активным участником научных кружков, в частности, М.И. Свешникова**, члена редакционного комитета журнала «Северный Вестник», которым руководили А.Л. Волынский и Л.Я. Гуревич (1890–1898)***. Первую свою статью в повременной печати С. опубликовал в главной либеральной газете той эпохи – «Русские Ведомости» (Москва) в 1890 году****. В ней он косвенно рекламировал тогда только дебютировавший педагогический журнал «Русская Школа», что не было случайностью. Ибо по рекомендации Калмыковой С. как титульный сотрудник (наряду с Калмыковой, Е.М. Гаршиным, Е.А. Соловьёвым, Ф.Ф. Эрисманом, Н.И. Кареевым, Л.Е. Оболенским) принял активное авторское участие в этом

* С Ф. Энгельсом был лично знаком и коллега С. по университетскому марксистскому кружку, философ-гегельянец А.М. Воден.

** Об активной и уже марксистской роли С. в кружке Свешникова свидетельствовал участник кружка, будущий глава НКВД РСФСР/СССР Г.В. Чичерин (1872–1936), который, кстати, был также и членом упомянутого кружка К.К. Арсеньева (*И. Горохов, Л. Замятин, И. Земсков*. Г.В. Чичерин – дипломат ленинской школы. М., 1973. С. 31–32).

*** *П.В. Куприяновский*. «Оглядываясь на прошлое...», Журнал «Северный вестник» 1890-х годов и его литературная позиция. Воронеж, 2009. С. 30.

**** *П.Б. Струве*. Письма С.А. Венгеру: РО ИРЛИ. Ф.377. Оп. 6. № 3440. Лл.1–4. См.: С. Реформа средней школы в Германии // Русские Ведомости. № 30. 31 января 1890. С. 4. Замечательно, что в этом же номере газеты свой фельетон («Письма о разных разностях. IV») опубликовал главный антагонист С. в революционной среде во все 1890-е гг. Н.К. Михайловский. Первое печатное воспоминание именно об этом дебюте принадлежит ближайшему сотруднику С. в конце 1900 – начале 1910-х гг.: *А.С. Изгоев*. П.Б. Струве // Руль. Берлин. 6 февраля 1925. С. 1–2.

новом журнале Я.Г. Гуревича: в «Русской Школе» в 1890–1893 С. годах опубликовал большое число партийно нейтральных обзорных статей о сфере образования в Германии, Австрии, Франции, России*.

В 1892–1894 С. с научными целями посещал Австрию, Германию и Швейцарию, где начал сотрудничество с немецкой социал-демократической печатью, своими текстами об аграрном развитии России и др. обратив на себя внимание русских народников и Ф. Энгельса. До этого в немецкой социал-демократической печати был известен только один русский марксист – Г.В. Плеханов (Н.Ф. Даниельсон, хоть и был научным сторонником марксизма, но идейно-политически оставался народником), но Плеханов был политическим эмигрантом. По возвращении в Россию весной 1894 года С. работал помощником библиотекаря Учебного комитета Министерства финансов С.Ю. Витте под непосредственным покровительством его ближайшего помощника, неформального «голоса» министерства финансов в печати**, учёного секретаря учёного комитета министерства финансов А.Н. Гурьева (1864–1921?)¹². Однако вскоре С. попал под трёхнедельный арест по делу о его (не подтвердившейся) принадлежности к революционной подпольной партии «Народное право». После ареста был уволен из библиотеки по личному распоряжению Витте***. Это значило, что научные статьи С. в немецкой марксистской печати не считались криминальными для русских властей – и лишь подпольная деятельность логично вызывала его репрессии.

* В наиболее авторитетной ныне библиографии трудов С., составленной Р. Пайпсом (*Richard Pappas*. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001), сведения о его публикациях в этом журнале существенно неполны, содержат ряд фактических ошибок и требуют уточнения *de visu*.

** А.С. Суворин. Дневник. М., 2015. С. 166 (1 января 1897)

*** Б.М. Виттенберг. По направлению к Струве (Обзор книг о П.Б. Струве) // Новое литературное обозрение. № 67. М., 2004. С. 358, прим. 5. Об отношении С. к Витте см.: П. Струве. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики // Русская Мысль. М.: СПб, 1915. Кн. III. II о.

Взаимная изоляция разрозненных марксистских кружков Петербурга и Москвы, обрекая идейные круги на формирование собственных центров легальной концентрации (в Петербурге – Комитет Грамотности, Вольное Экономическое Общество, отдельные издания вокруг фигуры С.; в Москве – марксистское издательство супругов Н.В. Водовозова (1870–1896) и М.И. Водовозовой (Токмаковой, 1869–1954), Московское психологическое общество¹³, издававшее журнал «Вопросы философии и психологии», Московское юридическое общество, вокруг фигуры его действительного члена С.Н. Булгакова) была велика. И преодолевалась она и интегрировались кружки прежде всего лишь через немногочисленные «шлюзы» партийного и литературного общения вокруг *личных связей* Н.В. Водовозова, Г.Б. и Л.Б. Красиных (они были равно близки и с кругом Водовозовых, и с кругом Булгакова – хотя бы просто потому, что Н.В. Водовозов и Булгаков были женаты на революционно активных родных сёстрах М.И. и Е.И. Токмаковых¹⁴). С ростом присутствия С. в печати интеграция кружковых столиц ускорилась: «Для борьбы с марксистами народники в эту зиму [1893–1894 года] вызывали из Питера свою тяжёлую артиллерию; так на Рождество 1893 года в Москву приезжал и читал реферат В.В., но вслед за ним приехал в то время лидер марксизма, П. Струве» и «с большим успехом противостоял народничеству»*.

Близкий свидетель юношеской общественной карьеры С. вспоминал вполне нелицеприятно:

«Собственные мысли составляли один из основных интересов его жизни. (...) Поэтому я не помню его ведущим нескончаемые споры, столь обычные для русской интеллигенции. (...) Эта привычка не спорить, а "вещать" даже раздражала людей, желающих обменяться с ним мнением. (...) Было ещё одно свойство у П.Б. Струве, мешавшее его успехам на по-

* С.М. На заре рабочего движения в Москве // Текущий момент. Сборник. М., 1906. С. 3.

литическим поприще: он был духовно слишком аристократичен и честен. (...) Он никогда не искал поклонения толпы и, отстаивая свои убеждения, постоянно шёл против течения". И потому кумиром молодёжи С. стал "неожиданно для себя"*.

Наибольший успех публичной марксистской пропаганде создавали легальные студенческие праздники в дни основания университетов, собиравшие в университетских столовых по 500 человек и более, с речами перед которыми выступали известные публичные фигуры – для организаторов таких мероприятий их известность была принципиальным условием для их приглашения в аудиторию. Знаменитый социолог, историк и публицист, в середине 1890-х гг. активно выступивший против русского марксизма (под именем «экономического материализма») с точки зрения рядовой научной критики, но отвергнутый общественными симпатиями, Н.И. Кареев писал:

«В университетские годовщины, 8 февраля (для Санкт-Петербургского университета — М.К.), я был в числе сравнительно немногих, в том числе и писателей, приглашавшихся на "чаепития", которые происходили в кухмистерских и сопровождались речами на высокие темы (...) Дружное настроение прогрессивного студенчества во второй половине девяностых годов было нарушено спором между "марксистами" и "народниками", На чаепитиях происходила иногда полемика, и раздавались шиканье и свистки. Однажды приглашённый говорить, я произнёс речь на ту тему, что неужели хоть раз в год, на празднике науки, студенты не могут забыть свои теоретические разногласия. Речь была принята хорошо, но в то время, когда я ещё только подходил к столу, какая-то сидевшая за ним девица с крайней ненавистью во взоре уже заранее на меня шипела (я считался за народника, хотя сам себя таким не называл). Особенно же студенческая аудитория делилась на два лагеря, попеременно аплодировавших и свистевших на заседаниях Исторического

* В.А. Оболенский. Воспоминание о Струве [1944] // Вестник РХД № 134. Париж, 1981. С. 110–111.

общества, где П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский были просто идолами одной части слушателей, а их оппоненты пользовались сочувствием другой. Разделение это приняло такой характер, что один наивный первокурсник сказал мне после такого бурного заседания, что не знает, кем ему быть, марксистом или народником, а быть тем и другим студенту-де нельзя... Нужно прибавить, что это разделение ещё не было политически партийным на социал-демократов и социал-революционеров, а догматически теоретическим по вопросам об экономическом материализме и роли личности в истории, о фабричном труде и крестьянской общине с артелью и кустарным производством. В таком именно аспекте, совсем, притом, не касаясь экономического вопроса, а только имея в виду историко-философскую теорию, я и рассматривал возгоравшийся спор в своих журнальных статьях тех годов...»*

Как было сказано, в 1870–1880-е годы для оппозиционных кругов в России Германия служила образцом не только регулярного полицейского государства, но и образцом социал-демократии, которую преследовал «Исключительный закон против социалистов» канцлера Бисмарка и кайзера Вильгельма Первого**. Именно этот закон прямо принуждал социал-демократию к сведению всей своей деятельности в имперском и местных парламентах как единственной форме легальности. И прямо запрещал партийные организации, партийную печать, партийные собрания. Таким образом вся партийная жизнь СДПГ была нелегальной, а её политический результат в виде числа парламентских мандатов и её интеллектуальное влияние — единственными формами легальности. Интеллектуальная верность человека своей партии становилась делом личного самоопределения в сфере науки и идеологии. Интеллектуальное влияние социал-демократии и марксизма вместо политики институционализировалось в университет-

* *Н.И. Кареев*. Прожитое и пережитое / Публ. В.П. Золотарёва. Л., 1990. С. 194–195.

** «Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии» (1878–1890).

ском катедер-социализме и «Союзе социальной политики», в частности. По итогам этих лет Энгельс даже в применении к СДПГ говорил в 1891 году о «немецкой социалистической науке» как о факте и факторе, имеющем внутри партии особые права на независимость, равную независимости партийной печати*. Следуя практике статусных народников и практике СДПГ, С. впервые для марксистской революционной среды в России – осознанно и рискованно – выбрал для себя путь «публичного марксиста», с юности предпочитавшего выступать в печати под своим именем и стремившимся к публичному участию в качестве лектора в социал-либеральных институциях – Комитете Грамотности, Вольном Экономическом Обществе, на ежегодных праздниках Петербургского университета 8 февраля. И всё это – параллельно с многолетним участием в подпольных марксистских кружках для самообразования и подготовки агитаторов среди рабочих, изданием нелегальной литературы. Ясно, что образцом в этом ему служила Германия с её марксизмом и социал-демократией.

Кроме того, Германия последней четверти XIX века была для России образцом успешного национального объединения, науки, техники и экономического прогресса, обеспеченного эффективной политикой в области образования, милитаризацией и протекционизмом. Новый кайзер Вильгельм Второй в 1888–1889 гг. инициировал ряд мер социальной политики и лишь после этого, в 1890 г. прекратил действие «Исключительного закона против социалистов», демонстративно соединив в этих первых мерах «государственного социализма» полицейский контроль и социальную политику. Первый же после этого съезд СДПГ в Эрфурте и затвердил в программных принципах СДПГ, проверенных Энгельсом с точки зрения их верности Марксу и практике, религию (включая философское мировоззрение) как «частное дело» партийца (именно поэтому

* Письма к К. Каутскому от 23 февраля 1891, А. Бебело от 1–2 мая 1891 и др.

секретарь Энгельса Бернштейн после многолетних ревизионистских выступлений, осуждённых партией, так и не был исключён из СДПГ, что до крайности удивило Плеханова). Это стало дополнительной санкцией для интеллектуальной свободы социал-демократов при соблюдении их политической лояльности партии. В России эта среда социал-демократической интеллигенции, по немецкому образцу, в 1890-е гг. звалась «академиками»^{*} и нашла себе специальное критическое исследование в известной книге Е.Ю. Лозинского об интеллигенции как классе^{**}. Именно за такой «академизм», риторически противопоставленный партийности, старый партийный друг С. – Потресов – упрекал С., изображая его идейные поиски как враждебные подпольной партийной работе и посрамляя их тем, что к ним близким оказался ревизионизм Бернштейна, которого сам же С. внятно осудил именно за безыдейную бескрылость и «филистерство»^{***}. И тем не менее – выбор, который рафинированный интеллектуал, генеральский сын Потресов сделал в пользу «пролетарской» революционной идентичности (подобно тому, как это сделал сын гражданского генерала В.И. Ленин) носил явный характер искусственности (и заставил Ленина развить для преодоления этой искусственности целую доктрину «внесения [интеллигентами] социалистического сознания» в пролетариат – «Что делать?» (1902)). Против этого, в свою очередь С. никогда не предпринимал таких попыток и не изображал из себя ни «пролетарского революционера», ни «вносителя социалистического сознания», хотя до определённого времени и был руководящим публич-

^{*} По названию немецкого социал-демократического студенческого журнала *Der Socialistischer Akademiker* (1895), с 1897 – *Sozialistische Monatshefte*, близкого к ревизионистам.

^{**} Евгений Лозинский. Что же такое, наконец, интеллигенция? (Критико-социологический опыт). СПб, 1907.

^{***} См.: А.Н. Потресов. Письма к П.Б. Струве (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1992. № 6; П.Б. Струве. Письма к А.Н. Потресову (1898–1899) // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1994. № 4.

ным пропагандистом и теоретиком социализма, создателем социалистической политической инфраструктуры и участником нелегальной подготовки социалистических кадров. Собственно, он и был более всего социал-демократическим «академиком», но именно теоретиком, философом, экономистом и историком высшего (для партии) уровня квалификации. Иное дело, что реальный массовый политический спрос (и в русском подполье – особенно) на столь квалифицированные кадры был ничтожен. Например, даже в 1903 году (после десятилетий политической борьбы), даже в германском профсоюзе рабочих-металлистов (наиболее квалифицированной части рабочего класса), в библиотеке его правления из 21.287 томов, взятых рабочими для чтения, лишь 1.825 (8,6%) относились к сфере истории и философии и 404 (1,9%) – к политической экономии и партийной литературе*. Именно на этих последних научных сферах и специализировался С., видимо, чувствуя себя оригинальным «русским Марксом».

Вплоть до 1891 года СДПГ вполне эффективно боролась за выживание и рост в условиях полицейских ограничений, развивая нелегальную инфраструктуру. Разветвлённая нелегальность в соединении с парламентско-интеллектуальными трибунами позволила СДПГ втрое увеличить число своих активных избирателей на имперском уровне.

Принимая полицейский вызов, СДПГ выработала особое отношение к легальности, которое осталось действительным и после её полной легализации и которое ясно выразил Энгельс в письме Каутскому, отвечая на его сетования о том, что уход видного марксиста (и затем ревизиониста) Конрада Шмидта наносит ущерб партийной печати, в которой тот мог бы работать:

«Я не могу поставить в упрёк Шмидту его приват-доцентство, оно издавна было его мечтой и мечтой его роди-

* А. Брам [Н.В. Крыленко]. В поисках «ортодоксии». СПб, 1909. С. 212.

телей. К тому же в Швейцарии теперь и у марксиста имеются некоторые шансы»*.

Высокая степень внутрипартийной терпимости к разногласиям философских и иных исповеданий «эрфуртского образца» может быть истолкована (по крайней мере, так была истолкована и воспринята в России того времени, и служила образцом для большей части русской социал-демократии вплоть до 1917 года) как форма поддержания и удержания внутри партии стабильности широкой радикальной коалиции, **зримо, на мирных парламентских выборах идущей к власти в стране** (в России она явно к власти не шла, но с отставанием на четверть века широко проникала как аналог кафедр-марксизма). П.И. Новгородцев в своём глубоком исследовании социалистической практики конца XIX– начала XX века писал так:

«Те разнообразные влияния, которые отразились на Эрфуртской программе, по существу своему были несогласимы, и потому они поместились в ней рядом не органически примирённые, а только механически связанные. Но так как социализм революционный и утопический нашёл себе место лишь в теоретической части программы, все же практические требования получили характер государственный и реалистический, то в соответствии с этим и вся программа, как партийное *credo* действующего социализма, приобрела очевидный уклон к реформизму. Теоретические принципы Маркса, выраженные в программе, оказались висящими в воздухе, так как практическая часть программы не только от них не исходила, но самым решительным образом их опровергала. Принципиальные, как и исторические, корни этой части лежат... вне революционных основ марксизма. Непререкаемые и незыблемые положения марксистской догмы торжественно открывают собою Эрфуртскую программу, но оказывается, что это торжественное начало имеет чисто декларативный характер, практические же положения марксизма вытекают не из марксизма,

* Письмо к К. Каутскому от 30 апреля 1891.

а их теории правового государства, из принципов Руссо, Канта и Гегеля, проникших в немецкий социализм под влиянием Лассалья»*.

Отстаивая совместимость идеализма с революционностью, его независимость от реакционного мистицизма и вообще независимость политических программ от философских мировоззрений, С. совершенно в духе Новгородцева вычленял в философской традиции примеры соединений, которые придавали особую «легитимность» доктринам: «Фихте – идеалист и социалист, Кант – идеалист и либерал»**.

К традиции Энгельса и Бебеля в СДПГ следует отнести и неоднократно публично выраженный в ней консенсус вокруг признания приоритета национальных интересов «немецкого отечества» в случае войны, в которой главным противником ожидалась именно феодальная и «варварская» Россия. В этом контексте манифест Базельского конгресса Интернационала 1912 года об отрицании единства национальных интересов в войне и приоритете классового интернационального единства пролетариата в борьбе против войны – был эпизодом, непосредственно привязанным к повестке Балканских войн, где Балканы выступали в образе почти колоний великих держав, что создавало иллюзию дистанции по отношению к ним. Первые же залпы 1914 года похоронили Базельский манифест, принятый единогласно. И СДПГ шла в первом ряду этих похорон.

Зимой 1893/1894 года, находясь, после ряда опубликованных им немецких статей, уже на вершине дебютного признания в немецкой социал-демократической литературе в качестве специалиста по капиталистическому развитию России и отмеченный (возможно, косвенно известным ему) вниманием живого классика марксизма Ф. Энгельсом, С. решил высту-

* П. И. Новгородцев. Об общественном идеале [1917] / Сост. А. В. Соболева. М., 1991. С. 376.

** Пётр Струве. На разные темы (1893–1901). Сб. ст. СПб, 1902. С. 619 («Г. Чичерин и его обращение к прошлому», 1897).

пить в России в качестве нового интеллектуального лидера марксизма, место которого в результате давней эмиграции Плеханова оставалось вакантным. Здесь С. уже имел богатый опыт обзоров, рецензий и публицистических выступлений в легальной (с 1890 г. – в либеральной газете «Русские Ведомости», журналах «Русская Школа» и «Вестник Европы», ведомом К.К. Арсеньевым)* и нелегальной печати**.

Но, готовя текст своей первой книги, С. предпочёл ложно заявить, что для выражения своих взглядов не имеет места в периодической печати (что противоречило его же собственным ссылкам на свои публикации в «Вестнике Европы»), имевшем значительное распространение в образованной части аудитории. Обязанный Арсеньеву многолетней, начиная с ранней юности, интеграцией в либеральные политические и журнальные круги, обязанный ему лично как редактору очень почётной возможностью стать автором энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона по ряду ключевых статей, в это время С., однако решил дистанцироваться от своего учителя. Видимо, мотивом к этому стал отказ Арсеньева поддержать радикализацию своего ученика (и позже именно он приветствовал сближение С. с либералами и либеральной программой). С. весьма прозрачно вспоминал об этом в эмиграции: «когда А.И. Чупров или К.К. Арсеньев как (...) руководители либерально-оппозиционного против самодержавия общественного мнения России отклоняли участие в активной революционной борьбе с властью и какую-либо солидаризацию с тогдашними революционерами, он могли сослаться

* Этот толстый журнал носил выражено столичный и внутрисоссийский характер, но имел тогда весьма значительное общее число подписчиков для такого рода издания: всего 6.916, из них в Санкт-Петербурге – 1.401, Москве – 532, за границей – лишь 189 (Вестник Европы. СПб, 1893. Т.VI. С. 921–922).

** *Русский социал-демократ Nemo [П.Б. Струве]*. Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду (1892) / Публ. М.А. Колерова // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

на факт безвозбранного существования и огромного культурного влияния *своих* (и очень многих других) терпимых самодержавием оппозиционных органов печати»*.

В конце лета 1894 года на средства Калмыковой С. издал первый и анонсировал второй выпуск (он никогда не был написан даже частично) своей книги «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (СПб., 1894): вышедшая тиражом 1200 экземпляров¹⁵ (из них 750 были проданы в первые две недели)**, она получила весьма широкое распространение и сразу же попала в центр внимания правящих кругов, которые увидели в ней манифест одного из сторонников капиталистической индустриализации, проводимой С.Ю. Витте как экономическим последователем теоретика протекционизма Ф. Листа. Внимательный современник даже зафиксировал презрительный оттенок отношения части читающей публики к этому идейному сближению марксиста С. и властвующего протекциониста Витте, назвав тогдашнего С. «подыгрывавшимся к Витте *в силе* своею шумихою с марксизмом»***. Поставив в переписке с Н.Ф. Даниельсоном проблему необходимой достаточности внутреннего рынка для развития капитализма в России, Энгельс так и не дал определённого ответа: остановит ли голод и обнищание аграрной России развитие русского капитализма, сократив для него объём внутреннего рынка. Но поместил проблему в контекст политики протекционизма как фактора становления крупной национальной промышленности при недостаточной зрелости национального капитализма. Этим он «легализовал» начатое

* П.Б. Струве. Неизбыточная дилемма (7 февраля 1927) // П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1927) / Подг. текста А.Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 97.

** Так суммирует данные самого С.Р. Пайпс: *Richard Paine*. Струве: левый либерал. 1870–1905 [1970]. М., 2001. С. 171.

*** В.В. Розанов. Литературные и политические афоризмы (Ответ К.И. Чуковскому и П.Б. Струве) [1910] // В.В. Розанов. Загадки русской провокации. Статьи и очерки 1910 г. / Собр. соч. под ред. А.Н. Николюкина. М., 2005. С. 420.

ещё Плехановым* и продолженное С. обращение русских марксистов к наследию Ф. Листа как идеолога германского протекционизма, политика которого была реализована одновременно с объединением, экономическим развитием Германии и рождением пролетарской социал-демократии в этой стране. Ещё в 1891 г. в письме к П. Лафаргу (тогда же опубликованном в печати) Энгельс заключал: «Россия много потрудилась над созданием крупной национальной промышленности; развитие этой промышленности сразу приостановится, так как голод лишит её единственного рынка сбыта – внутреннего рынка»** – и это сильно укрепляло теоретические позиции русских народников, как тут же следом отсылал адресата к той части «Капитала» Маркса (Т. 1. Гл. 24. § 5), где тот описал «создание внутреннего рынка для промышленного капитала». И описал его, в частности, в формулах, которые разрушали народнические построения о сжатии внутреннего рынка по мере обнищания крестьянства: «Экспроприация и изгнание из деревни части сельского населения не только высвобождает для промышленного капитала рабочих, их жизненные средства, материал их труда, но и создаёт внутренний рынок»***.

Марксист вспоминал об обращении С. за помощью к наследию Листа, равно удобного и для германской практики и для идеологии Витте, бывшего поклонником и пропагандистом Листа:

* «В то время, когда Лист вёл свою агитацию, очень многие сомневались в возможности возникновения в Германии крупной обрабатывающей промышленности. Теперь уже никто в этом не сомневается (...) Теперь... ни один скептик не спрашивает, возможна ли крупная обрабатывающая промышленность в отечестве Листа. (...) Фридрих Лист устанавливает даже особый закон, по которому каждая страна может выступить на поприще борьбы на всемирном рынке, – лишь давши окрепнуть своей промышленности, путём господства на своём внутреннем рынке» (Г.В. Плеханов. Наши разногласия [1885] // Г.В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 186, 184).

** К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2 изд. Т. 38. М., 1965. С. 129.

*** Там же. С. 169.

«Несколько тяжеловесный, но не лишённый своеобразной силы, западнический пафос "Критических заметок" можно лучше всего охарактеризовать фразой самого Струве, сказанной по поводу "Национальной системы" Листа: это — победная песнь торжествующего товарного производства, во всеуслышание провозглашающая его культурно-историческую мощь и победоносное шествие по всем языкам". Правда, воспевая свою победную песнь, Струве ни на минуту не забывал о той "широкой исторической критике", о том "социально-политическом обличении капиталистического строя", которые дал Маркс, он искренно считал себя марксистом...»*

В этом понимании Листа С., кстати, был не одинок, ибо одновременно и Плеханов писал о Листе как идеологе буржуазии в деле развития капитализма в Германии**. «Под прикрытием Листа, — вспоминал через 10 лет после дебюта С. марксист, — была доказана "законность" русского капитализма»***. В самом общем и кратком курсе научно-популярной истории Германии Ф. Лист был определён как проповедник обязательности развития национальных политических институтов. Подчёркивалось, что в его «Национальной системе» — «немало страниц посвящено доказательству мысли, что без политической свободы немислима успешная хозяйственная деятельность»****.

В условиях философского плюрализма в рядах образцовой для тогдашней России и мира германской социал-демократии и в практике политического марксизма как экономической и исторической доктрины, С. объявил себя в книге «критическим позитивистом», в то время как, например, ведущий представитель русского марксизма в эмиграции Плеханов

* В. Базаров. Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С.А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 484–485.

** Н. Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и Ко [1894] / Под ред. С.Я. Вольфсона. Минск, 1923. С. 246–247.

*** Мих. Оленов. Так называемый кризис марксизма. СПб, 1905. С. 134.

**** А.К. Дживелегов. История современной Германии. Часть I (1750–1862). СПб, 1908. С. 106.

заявил себя материалистом, а материализм – единственной философией марксизма. В этом плюрализме реализовывалась Эрфуртская программа СДПГ (1891, то есть уже легализованной СДПГ) (5. *Erklärung der Religion zur Privatsache*). Яркий русский марксист В.М. Шулятиков писал, подводя предварительные итоги развития дореволюционного русского марксизма (в котором явными «диалектическими материалистами», кроме колеблющегося Плеханова, были лишь Ленин и А.М. Деборин):

«В интеллигентных кругах установилось традиционное отношение к философии: на последнюю смотрят, как на своего рода *Privatsache*, как на нечто такое, что составляет область индивидуального благоусмотрения, индивидуальных оценок, индивидуального творчества. Утверждают, что расхождение, даже самое коренное, в философских вопросах, отнюдь не должно свидетельствовать о наличии социальных разногласий. Философские идеи представляются слишком мало и слишком слабо связанными с какой бы то ни было классовой подпочвой. ... в данном случае допускается широкая свобода. Того же взгляда придерживаются весьма и весьма многие марксисты. Они убеждены, что в рядах пролетарского авангарда допустимо пёстрое разнообразие философских воззрений, что не имеет большого значения, исповедуют ли идеологи пролетариата материализм или энергетику, неокантианство или махизм»¹⁶.

Компетентный свидетель и участник процесса, С.Л. Франк резюмировал:

«Вопрос об отношении между кантианством и марксизмом в России не нов; в некотором смысле он прямо исходит из России. По крайней мере, впервые о нём заговорил П.Б. Струве во вступительных главах своих "Критических заметок" (1894 г.), и он первый среди марксистов призывал "обновить" философскую основу марксизма путём замены материализма кантовским критицизмом. Несколько лет спустя в Германии появилась нашумевшая в своё время книга Штамлера "*Wirtschaft und Recht*", содержащая методологическую критику экономического

материализма с точки зрения кантианского различения между "сущим" и "должным". Позднее Эдуард Бернштейн, в числе отмеченных им изъянов и недомыслий традиционного социал-демократического вероучения, указал на философскую несостоятельность материализма и на необходимость опереться на Канта*.

Критически откликаясь на книгу С., главный оппонент русского марксизма 1890-х, влиятельнейший политический социалист-публицист конца XIX в. Н.К. Михайловский (1842–1904) обоснованно отметил, указывая на русскую литературу 1860–1870-х гг. и особенно труды Ю.Г. Жуковского, что марксизм – вовсе не новость для русской науки и общественной мысли и что приоритет здесь вовсе не принадлежит С., «смешно претендующему на "новое слово"», но приоритет С. законно таки принадлежит ему в апологии неизбежного капитализма как культурной силы, выраженной в финальной формуле его дебютной книги «пойдём на выучку к капитализму»**. Выступая с таким призывом, по мнению критика, С. «служит злу, потому что оно необходимо»***. Да и сам призыв этот не оригинален: в народнической среде считалось, что её изобретателями были народники****.

Но эта громкая формула, которой завершалась книга, на десятилетия стала лозунгом оптимистической проповеди молодого С. и была даже признана изобретённой именно им в сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)» 1938 года, а в устах его критиков – знаком «оправдания» капитализма вообще, а не только как стадии развития к коммунизму.

* С. Франк. Социализм и кантианство // Критическое Обозрение. М., 1909. Вып. II. Февраль. С. 80–81.

** Н.К. Михайловский. О г. П. Струве и его «Критических заметках по вопросу об экономическом развитии России» [1894] // Н.К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. Т. II. СПб, 1900. С. 419–421.

*** Там же. С. 442.

**** Считалось, что впервые он был произнесён народником Н.С. Русановым в журнале «Дело» в 1880 году (№ 10) в статье «Штопанье мужицкой сермяги» (В.А. Твардовская, Б.С. Итенберг. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М., 1999. С. 154).

Якобы изначально присущая С. в этой формуле «буржуазность», однако, на деле свидетельствовала о его презрении к общинно-феодальной архаике и о его надеждах на передовой пролетариат:

«Симпатии к трудящейся народной массе — не монополия народников, и мы также чувствуем глубокое сожаление к разорённому страдальцу-народу. Но картина его разорения лучше всего доказывает нам его культурную беспомощность. На почве её, страшно вымолвить, крепостное право — меньшая утопия, чем обобществление труда. Нет, признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму»¹⁷.

Поэтому более точной следует признать оценку, которую дал новации С. другой радикальный критик, взявший на вооружение марксизм, Е.А. Соловьёв (Андреевич): в отличие от прежних русских социалистов, С. выбрал Маркса не как диагноза Запада, а как учителя общемирового прогресса: «Теперь не открыли Маркса, а постарались применить полностью его учение и к России»*. Как в большой перспективе оценил отклик на первую книгу С. в России французский марксолог, «в гегемонию российского пролетариата верили все марксистские группы — вот почему они с энтузиазмом отнеслись к тому, что П. Струве окрестил "исторической миссией капитализма". (...) Можно воспользоваться даже марксистским понятием "фетишизм" для характеристики этого двойного культа: не только рабочего класса, силы, возглавляющей демократические и либеральные тенденции в царской России, но и капитализма, предварительного условия для торжества социализма»**. Именно в такой, социалистической перспективе проповеди С. не сомневались и те его современники, перед которыми не стояло ревнивой и конкурентной задачи непременно по-

* *Е.А. Соловьёв. Очерки из истории русской литературы XIX века. 2 изд. СПб, 1905. С. 539.*

** *Максимильен Рюбель. Большевизм и марксизм [1968] // М. Рюбель. Маркс против марксизма / Пер. Ю.В. Гусевой. Сб. ст. под ред. А.В. Гусева. М., 2006. С. 142.*

срамить С. как недостаточно радикального революционера. Например, Милюков резюмировал мысль С. так:

«Россия не составляет исключения в ряду других культурных стран... перед переходом к социалистическим формам хозяйства ей предстоит этап развитого капитализма. Этот смысл имело знаменитое приглашение Струве, которым он закончил свою книгу: "Пойти на выучку к капитализму"»^{*}.

При этом важно заметить (и это заметили сразу современники С.), что пролетарский революционаризм С. носил не миметический, а вполне искренний, даже — пролетарский классовый, характер, делая С. тем идеалистически настроенным пролетарским революционером из буржуазно-интеллигентской среды, образ которого стоял перед сознанием Ленина, когда он говорил о внесении социалистического сознания в рабочий класс, имея в виду происхождение и роль Маркса и Энгельса, а также, наверное, свои собственные (Ленин. «Что делать?»). Современник (не Ленин) вспоминал о С. как «бывшем теоретике гаршинских глухарей», где центральный, страшный антикапиталистический образ был взят из рассказа В.М. Гаршина «Глухарь» — о рабочем тяжелейшего физического труда, изнутри котла силой своего тела поддерживавшего стенку котла при обработке его извне кузнечным молотом, который быстро доводил рабочих до истощения и смерти**...

Фабричный котёл стал и финальным лозунгом книги С., характеризую его в глазах поклонников как сурового романтика, а в глазах противников — как бессердечного апологета капитализма. С. в книге свои расчёты на культурное воздействие капитализма строил в надежде на то, что патриархальное крестьянство «выварится в фабричном котле», став не только

^{*} П.Н. Милюков. Воспоминания. С. 178.

^{**} Е. Чарский. [Рец.:] Л. Тахоцкий. Пётр Струве в политике (...) // Мир Божий. СПб, 1906. Июль [№ 7]. II о. С. 99.

пролетариатом, но и организованным пролетариатом. Эта формула сделала ему славу и только много позже словари сообщили, что формула эта принадлежит раннему русскому пропагандисту марксизма как науки Н.И. Зиберу (1844–1888), который в разговоре с Михайловским как-то сказал: «Пока мужик не выварится в фабричном котле, ничего у нас путного не будет». И Михайловский вспомнил это, ведя арьергардный бой против С*. Но поздно.

Влиятельная общественная деятельница, входящая в высшие столичные круги, баронесса В.И. Иксуль** сообщила тогда же Калмыковой о первой книге С.: «Заметки ...лежат на столе у всех министров, и в кабинетах их только и говорят о книжке его»***. В ней С. впервые в русской легальной литературе выступил не только с изложением, но и с проповедью марксистского взгляда на экономическое развитие России, согласно которому её путь к социализму и коммунизму должен был произойти в результате капиталистического развития страны и формирования класса революционного пролетариата, а не минуя капитализм, ведущий к обнищанию крестьянства и тем якобы уничтожающий рынок для своего развития (о чём вроде бы говорил опыт голода 1891–1892 гг.), и опираясь на коллективистские традиции русской крестьянской общины, в которую интеллигенция была призвана внести социалистический общественный идеал, как то утверждали народники.

Уже после политического и идейного разрыва со С., несомненно считавший себя основателем и высшим авторитетом, на деле – исторический «отец русского марксизма» как революционной теории, Плеханов – даже в резко критическом по отношению к С. тексте был вынужден признать «Критические

* Н.К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута. Т. 1. СПб, 1900. С. 339.

** О ней: Вера Бокова. Баронесса Иксуль // Лица: Биографический альманах. 4. М.; СПб, 1994. С. 95–123.

*** А.М. Калмыкова. Обрывки воспоминаний // Былое. Л., 1926. № 1(35). С. 66.

заметки» — «тяжеловесно написанной и местами наивной, но в общем всё-таки дельной» книгой*.

Калмыкова, впоследствии, уже после того как давно политически и человечески порвала со С., тем не менее, уже при советской власти вспоминала о книге вполне комплиментарно:

«Марксисты убеждали Струве издать её вновь. Струве отвечал: — Нет, ни за что, она требует тщательной переработки, я писал спешно, она должна быть дополнена фактическим материалом, я сам ценю в ней публицистические страницы, но этим она уже своё дело сделала.

Струве начали называть лидером марксизма**».

Программа и историографический круг «Критических заметок» С. фактически стали программой для будущих изданий и научных трудов русских марксистов 1890-х гг., в которых был детализирован, расширен или преодолён научно-политический горизонт этой книги по обозначенным ею приоритетам (марксистский сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895); статья «К характеристике экономического романтизма (Сисмонди и наши отечественные сисмондисты)» (1897) Ленина; серия переводов издательства М.И. Водовозовой из «*Handswörterbuch des Staatswissenschaften*» под редакцией Булгакова и др. (1890–1900-е); марксистская полемика о рынках в журнале «Научное Обозрение» (1898–1899)***; «К вопросу о рынках при капиталистическом производстве» (1897) и «Капитализм и земледелие» (1901) Булгакова; «Русская фабрика в её прошлом

* Г.В. Плеханов. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития. Статья первая [1901] // Г.В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 209.

** А.М. Калмыкова. Обрывки воспоминаний // Былое. Л., 1926. № 1(35). С. 66. То же: [А. Калмыкова]. Из моих воспоминаний о Ленине. [Без нумерации страниц]

*** Эта полемика переиздана В.В. Саповым в приложении к книге: С.Н. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве. М., 2006.

и настоящем» (1898) Туган-Барановского; «Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности» (1899) – Ильина-Ульянова-Ленина*;
«Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» (1901) Бердяева, «Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв.» (1913) самого С¹⁸.). Примечательно, что даже такая узкоспециальная историографическая тема, как экономическая эффективность крепостного права накануне его отмены, в преломлении полемики народников и марксистов, даже в конце 1890-х годов продолжала звучать как повод к общественной партийной мобилизации, вменяя С. роль интеллектуального и политического вождя социал-демократической молодёжи, которую он *годами*, как минимум, с 1894 по 1900 гг., играл на всех доступных ему публичных площадках. Московский университетский историк и либерал А.А. Кизеветтер вспоминал о чтении С. в Московском юридическом обществе доклада о крепостном хозяйстве:

«Крепостное хозяйство первой половины XIX столетия! Какое было дело до этого студенческой массе, наполнившей актовую залу университета такой толпой, что люди стояли плечом к плечу? Конечно, до крепостного хозяйства этой толпе никакого дела не было. Но ведь на кафедре должен был показаться апостол марксизма, имя которого вызывало столько восторгов со стороны одних и столько нападок со стороны других. Как же было не взглянуть на него, хотя бы одним глазком? Впрочем, зала, видимо, была переполнена поклонниками лектора, представителями социал-демократической молодёжи. Эти социал-демократические кавалеры и девицы вели себя чрезвычайно возбуждённо. Для чего-то они перекрикивались из одного угла громадной залы в другой весьма воинственными голосами, словно

* Именно С. предложил ему это заглавие, нашёл издателя – М.И. Водовозову, обеспечил весьма значительный тираж в 2400 экземпляров и снабдил автора специальной литературой (В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник. Подлинная история РСДРП – РКП (б) – ВКП (б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб, 2010. С. 86).

кому-то хотели этим заявить: "Дескать, знай наших, мы марксисты, мы всех за пояс заткнём". Наконец на кафедре появился с нетерпением жданный лектор. Разразилась неистовая буря аплодисментов и восторженных кликов. Она долго не смолкала. Председательствовал профессор гр. Комаровский, который из сил выбился, звоня в колокольчик. Но колокольчика совсем не было слышно. Наконец пары были выпущены и аудитория поуспокоилась. Струве начал свой доклад. Поклонники ожидали от него митинговой речи, а он читал специальный научный доклад, в котором давал предварительный очерк тех мыслей, которые были позднее им развиты в его книжке о крепостном хозяйстве. Я смотрел по сторонам и видел, что социал-демократические барышни совсем увяли, да и кавалеры нахмурились. Ведь они пришли совсем не ради учёной премудрости, а ради всё той же изо дня в день повторяющейся словесной потасовки»¹⁹.

Внутрипартийная относительная теоретическая и научная сложность марксизма (особенно по сравнению со вполне литературными и публицистическими народническими доктринами), быстро завоевывающего экономические и исторические науки, его открытость к разнообразным философским обоснованиям, которые к тому времени уже прошли многовековой путь к строгой дисциплинарности, вполне соответствовали и позитивистскому пафосу точного знания и этическому пафосу его идейного обоснования. Важно также и то, что в России, лишённой легальной социал-демократии и большого числа квалифицированных марксистов среди журнальных писателей и университетских кадров, марксистское движение 1890-х гг. было счастливо отмечено практически полным отсутствием идейного «чинопочитания» и в отношении Маркса и Энгельса (расцветшего в 1900-е и далее), и в отношении коллег-марксистов.

Хорошо известное политическое и публицистическое ожесточение 1900–1910-х между большевиками и меньшевиками, хрестоматийная личная брань Ленина в адрес его оппонентов

в 1900–1910-е, конечно, не в полной мере были изобретены в те годы и в той среде. Они вдохновлялись и самим критическим наследием Маркса, и ожесточением «освободительной» политической критики самодержавия. Родственны они были и внутримарксистской полемике в России 1890-х (не считая полемики русских марксистов социал-демократов против народников-марксистов): свободная от «чинопочитания» и догматической монополии, она никак не останавливала «партийных товарищей» от весьма резких взаимных научных нападок. Известны личные грубые нападки Ленина на С. на чтении первым своего реферата о дебютной книге С. у него же на квартире, которые на практике произносились в узком товарищеском кругу и без каких-либо практических последствий²⁰. В частном письме – без публичных и политических риторических обязательств – другой, наряду с Лениным, ведущий организатор нелегального петербургского социал-демократического «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Ю.О. Мартов (Цедербаум) вспоминал о лично известной ему картине середины 1890-х. Цитируя мысль Плеханова о том, что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих», Мартов свидетельствовал: «Струве и Ленин в 90-х гг. говорили то же, что и я, но только смотрели односторонне»*. Так что внутрипартийное полемическое ожесточение, характерное для узких кружков социал-демократов 1890-х, было обычным делом, а их обвинения в недостаточной революционности – едва ли не правилами игры в борьбе за лидерство в партии.

Фактом было и полемическое ожесточение московского марксиста Булгакова против петербуржцев С. и Туган-Барановского. Но именно оно, ожесточение, в полемике Булгакова против С. в «Вопросах философии и психологии»

* Ю.О. Мартов и А.Н. Потресов. Письма. 1898–1913. М., 2007. С. 179 (письмо от 6 октября [н.ст. 1908]).

(1896–1897) и в полемике Булгакова против С. и Туган-Барановского по вопросу о рынках (1896) сделало его признанной ведущей фигурой марксистского движения. Если в сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895) тогда не известный Булгаков приглашён не был, то в первый русский марксистский журнал «Новое Слово» (1897) возглавившие его С. и Туган-Барановский прославившегося в их кругу Булгакова уже пригласили.

В своей первой монографии, напечатанной в 1896-м, но задержанной цензурой на год до конца 1897-го, Булгаков избрал центром исследования историю вопроса о рынках в России во внутримарксистской полемике политических народников *В.В., Николая –она* и социал-демократа Туган-Барановского и, таким образом, *теоретическое* доказательство возможности развития капитализма в России за счёт исключительно внутреннего рынка. Булгаков выступил против (оригинально применяющего марксистскую догму о необходимости внешнего рынка) мнения *Николая –она* о том, что для русского капитализма роль внешнего рынка играет «внутренний крестьянский рынок», но, подвергаясь капиталистическому обнищанию, он сокращается и тем самым капитализм сам уничтожает свою основу.

Анализируя «Критические заметки» С., Булгаков верно обнаруживает, что С. фактически колеблется, не находит определённого решения вопроса о рынках: «Превосходные замечания этого писателя о значении внутреннего рынка для развития русского капитализма и о возможности этого развития на основе одного внутреннего рынка лишены всякого теоретического обоснования*». И это действительно так. В полемике против *В.В.* излагая его адекватно воспроизведённую им в печати ещё в 1883–1889 гг. марксистскую

* С. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд. М., 1897. С. 32, прим.

теорию, С. пытается лишь исподволь ограничить его пессимизм в отношении внутреннего рынка рядом включённых в изложение оговорок, грубо *игнорирующих* реальность абсолютно преобладающе крестьянской России с её *новым* капитализмом и потому лишь подходящих от абстрагирования к описанию настоящего положения дел (курсив далее принадлежит С.):

«В сложившемся капиталистическом обществе, которое мыслится... состоящим *исключительно из предпринимателей и рабочих*, существует постоянный *излишек товаров*, который не может быть потреблён внутри данного общества и должен поэтому искать *внешних рынков*. Эта теория верна, поскольку она констатирует тот факт, что прибавочная стоимость не может быть реализована в потреблении ни капиталистов, ни рабочих, а предполагается потребление третьих лиц. Но, *во-1-х*, никакое, даже наиболее "капитализировавшееся" (по странной терминологии г. В.В.) общество не состоит исключительно из промышленных предпринимателей и рабочих. (...) *Во-2-х*, тот факт, что *потребление третьих лиц* внутри страны не может быть достаточно широко для того, чтобы на него могло опираться в своём развитии капиталистическое производство, этот факт должен быть специально доказан. Для России подобное положение недоказуемо*.

Далее в изложении С. доктрина *В.В.* переходит к практическому выводу о том, что развитие капитализма в России не должно следовать «*английскому шаблону*» (просто потому, что не имеет исторических и, предполагается, колониальных условий Англии), а должно ориентироваться на пример Америки.

В свою очередь Булгаков ставит перед собой задачу развить марксистскую догму: проверить положение о невозможности существования капитализма без внешних рынков, теоретически опираясь на второй том марксового «Капитала»: «Тот путь, на который вступило наше народное хозяйство с начала текущего (XIX – *М. К.*) века и в особенности после реформы

* *П. Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб, 1894. С. 251–252.

(1861 года – М. К.), есть ли путь *развития* или *вырождения*?» Булгаков делает вывод: «Капитализм может существовать, при известных условиях, исключительно внутренним рынком...». И даже не видит убедительных примеров того, что «возможно развитие капитализма в новой стране на основе внешнего рынка»*. И тем самым – в прямое противоречие народникам, взявшим марксизм на вооружение, – радикально выступает за то, что у России *достаточно* внутренних сил для капиталистического развития.

Развивая также принципиально уточняющий марксистскую догму тезис Туган-Барановского о том, что «капиталистическая форма производства не требует внешних рынков; расширение производства само по себе создаёт непрерывно расширяющийся рынок», Булгаков приходит к выводу, сохраняющему более крепкую связь с догматической и уже подвергающейся в то время ревизии «теорией обнищания» пролетариата: «расширение капиталистического производства совершается не на счёт расширения потребления (...), но на счёт расширения внешнего поля производства»**. Но и коммунистический конец капиталистической истории, даже развившейся из внутренних ресурсов народного хозяйства независимо от внешних рынков, не покидает сознания Булгакова: как искренний социал-демократ, он предрекает момент остановки роста капитала, который становится его финалом: «безграничному развитию производительных сил, которому соответствует техническая основа капиталистического процесса производства, противоречат те социальные путы, которые оковывают это свободное развитие...»***

* С. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве. С. 1–3, 190 прим.

** С. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве. С. 246, 159, 259. См. также о дискуссии о рынках: С. 235–257. Здесь Булгаков вполне лояльно спорит со С. (С. 226), но резко выступает против Туган-Барановского (С. 21, прим.)

*** С. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве. С. 169, 160.

Неожиданно большой культурный багаж, который приходилось принимать левой молодёжи в связи с марксистской школой и идейно-партийным лидерством С., был не вполне типичным для русской революционной среды. Широкие культурные интересы уже были имплантированы в руководимые С. журналы «Новое Слово» и «Начало». Ведя редакционный портфель «Начала», С. писал своей давней коллеге, переводчице З.А. Венгеровой 7 марта 1899 о предложенной ею в марксистский журнал фигуре «декадента» и символиста М. Метерлинка и её опасениях:

«То обстоятельство, что нас ругают за вас, не играет... *никакой роли*. Нас ругают за всё. Я лично сочувствую статьям о Метерлинке и не боюсь конфликта с "читающей публикой". Итак, не торопитесь с Метерлинком, но *не оставляйте его* — вот моё *откровенно* высказываемое желание. За рецензию о переводе Нитцше буду очень благодарен»*.

Статьи самого С. 1890-х гг. о Ф. Ницше, Б.Н. Чичерине, В.С. Соловьёве, А.П. Чехове, первыми открывшие их творчество для марксистской литературы, затем получили продолжение в специальных очерках о них, с которыми выступили в 1900-е гг. Франк, Бердяев, Булгаков и с течением времени всё более широкий и радикальный круг социал-демократических критиков.

Следуя привычной модели интеллектуального лидерства, С., видимо, копировал и образец, явленный вождём народничества Михайловским** (которому С. тщетно пытался противопоставить авторитет Н.В. Шелгунова). Признанный систематизатор литературных знаний того времени, конфликтовавший с Михайловским, не мог не признать, что тот в годы политической

* Цит. по: В.М. Абрамкин, А.Л. Дымищ. «Начало». Марксистский журнал девяностых годов. М., 1932. С. 113.

** Однако Михайловский, будучи идейным вождём политического народничества, не хотел определять себя самого как *народника*, видя своё место во главе всего освободительного движения в России.

реакции оказался единственным, кто мог публично стать во главе «практического движения», только потому, что начал работу по «систематизации новых идей», что «главная сила [его] таланта заключается именно в философски-воспитанном уме, обладающем при богатой эрудиции непреодолимую диалектикою, всё разлагающим анализом и своеобразным остроумием», и что если бы его статьи «перевести на один из иностранных языков, они не замедлили бы доставить автору общеевропейскую известность»*. Несомненно, С. не только выступил с претензией на такой статус публичного политического мыслителя-систематизатора, но и сделал больше: лично и непосредственно дебютировал на общеевропейской социалистической сцене – в идеологическом центре германской марксистской печати. Это позволило ему персонально конкурировать с Михайловским в качестве «европейской известности». Михайловский, несомненно, адекватно понимал этот вызов и остро переживал его. За два года до появления книги С. Михайловский легко справился с другой попыткой личной полемики против него, предпринятой А.Л. Волынским (1861–1926) и «Северным Вестником», создав ему и его журналу общественную репутацию маргиналов. Однако теперь Михайловский вынужден был без достаточного сопротивления потерпеть интеллектуальное поражение от ещё более молодого человека, не сумев с тем же успехом мобилизовать на свою сторону «последние слова науки», как это внешне сделал конкурировавший с ним С.: Михайловский полемизировал неудачно и ревновал²¹. Это было тем более неудачно, в целом преждевременно и неуместно, что уже через ряд лет С. и его сторонники, закончив триумфальное начало своей борьбы за интеллектуальное лидерство «научного» марксизма против «субъективной социологии» Михайловского как идейного лидера народничества, неожиданно согласились

* А.М. Скабичевский. История новейшей русской литературы (1848–1892). 2 изд. СПб, 1893. С. 109–110.

с выдвинутой Михайловским самой постановкой проблемы соотношения свободы и необходимости и далее развивались в её фарватере.

Выдающиеся интеллектуальные способности С. и широта его научных интересов не только делали его, несмотря на молодой возраст, идейным лидером публичного русского марксизма как идейно-политического движения, но и одновременно лишали его нужды к построению инфраструктуры своего лидерства, в которой партийная солидарность и политическая лояльность вождям была важнее индивидуальной правоты. Коротко говоря, вероятно, вдохновляясь местом и ролью Энгельса в отношении СДПГ, С. изначально поставил себя в русском марксизме в положение интернационального законодателя идейной моды, оставляя за собой полную свободу для личного поиска и саморазвития, положение учителя партии, а не строителя подполья. При этом нет сомнений, что одновременно С. был полноценным участником нелегальной, подпольной революционной работы, в которой традиционно обслуживал её «интеллигентскую» часть – создание студенческих кружков марксистского самообразования для подготовки агитаторов в рабочей среде. Позже старый марксист, большевик и поэтому, конечно, радикальный политический противник С., для которых он был даже *большим* образцом ренегатства, чем меньшевики, критически рецензируя очерк партийной истории русской социал-демократии, из которой её авторам уже хотелось вычистить, дезавуировав, С. почти без следа, – лично свидетельствовал: в 1890-е годы «Струве не боялся принимать личное участие в делах социал-демократических организаций»*.

Несмотря на традиционно высокую самооценку С., источники не содержат никаких фактических свидетельств о том,

* М. Ольминский. [Рец.:] Н. Батулин. Очерк истории социал-демократии в России. М., 1906 // Былое. СПб, 1906. № 12. С. 294.

что он испытывал акты ревности, зависти или личной конкуренции в отношении других идейных лидеров русского марксизма того времени, близких ему поколенчески – Плеханову, Туган-Барановскому, Н.В. Водовозову, Булгакову. Видимо, он понимал (как много позже, с большой дистанции засвидетельствовал экономист-теоретик его поколения В.Я. Железнов), что «благодаря своим большим аналитическим и одновременно интуитивно-творческим способностям, благодаря своему исключительно глубокому и всестороннему образованию не имел с самого начала своей научной деятельности равноценной конкуренции среди марксистов»^{*}.

В «Критических заметках» С. дал изложение не только экономического учения Маркса (что до него уже сделали в России управляющий в 1889–1894 гг. Государственным банком, член Совета министра финансов Ю.Г. Жуковский^{**} и Н.И. Зибер^{***}) но и впервые легально в России – системы «историко-экономического материализма» и впервые после трудов Плеханова и членов группы «Освобождение труда», запрещённых в России, и вообще впервые в российской легальной печати выступил с радикальной критикой народничества как системы взглядов и теории «самобытного экономического развития» России, сосредоточив её теперь не на старых его вождах в лице Герцена, Чернышевского, Бакунина, Ткачёва, Лаврова, Тихомирова, как это было сделано в последних на тот момент *нелегальных в России* марксистских трудах Плеханова²², а на актуальной публицистике Михайловского, С.Н. Кривенко, С.Н. Южакова, В.В. (В.П. Воронцова) и перешедших на экономи-

^{*} В.Я. Железнов. [Современные теории хозяйства] Россия [1927] // Историки экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов / Сост. М.Г. Покидченко. М., 2003. С. 280.

^{**} См. переиздание его труда, предшествующего изложению доктрины Маркса: Ю.Г. Жуковский. История политической литературы XIX столетия. От преддверия до середины XIX века [1871]. М., 2015.

^{***} Н.И. Зибер. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования [1885]. 3 изд. СПб, 1897.

ческий язык Маркса народников *Николая –она*, Н.А. Карышева, Н.А. Каблукова*, которым эмигрант Плеханов не дал и не мог дать марксистской *экономической* альтернативы, представил очерк индустриализации и экономического развития России до и после отмены крепостного права в 1861 году.

С. заявил в своей книге о марксистах (и был позже поддержан в этом Плехановым): «мы считаем наш спор с народниками естественным продолжением разногласия между славянофильством и западничеством» – и, ссылаясь на П.Я. Чаадаева, утверждал «единство цивилизации России и Запада»**. С. оригинально различил внутри народничества, солидарного в вопросе о возможности «самобытного развития» России, – «западническую» и «славянофильскую» фракции²³ – соответственно учение о роли личности в истории (интеллигенции, свободной выбирать путь развития своего народа) и учение об особой судьбе русского народа, которые были представлены с одной стороны Лавровым, Михайловским и Южаковым – и В.В. (В.П. Воронцовым), В.С. Пругавиным и И.И. Юзовым (Каблицем), с другой.

Именно в этом контексте прозвучала знаменитая формула, повторённая С. вслед за Г. Зиммелем, о том, что марксизм «игнорирует личность как социологически ничтожную величину»*** и поэтому русская интеллигенция и её народнические вожди – в вопросе об историческом развитии России – «кучка идеалистов, мечтающая о сохранении «устоев», есть в *социологическом* отношении *quantité négligeable* (...) Мы нарочно подчёркиваем, что считаем «кучку идеалистов» *quantité*

* Народники очень любят подчёркивать своё полное согласие с чисто экономическим учением Маркса, особенно с теорией ценности..." (Н.А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском [1901]. С. 294, прим. 62).

** П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб, 1894. С. 29. О роли С. в пропаганде наследия Чаадаева в освободительном движении см.: М.А. Колеров. Предисловие М.О. Гершензона к сборнику "Вехи" (1909): его первая редакция и смысл исправлений // Исследования по истории русской мысли [15]. Ежегодник за 2019 год. М., 2019. С. 407–409.

*** П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. С. 30.

négligeable в социологическом отношении, так как вполне признаём и её интеллектуальную мощь, и её великое этическое значение», по сравнению с пролетариатом – ««бессловесная интеллигенция» не есть реальная общественная сила»*. Из этого полемического поля в русской литературе и выросла известная полемика между С. и Булгаковым 1896–1897 гг. о поставленной в результате применения кантианства к марксизму в труде Р. Штаммлера «Хозяйство и право» проблеме соотношения «свободы и необходимости»²⁴. Она была развита в трудах П.И. Новгородцева и (с прямой ссылкой на Штамллера и полемику марксистов о свободе личности, но без их имён) в последующих штудиях Плеханова о «роли личности в истории»**. Выступление Булгакова в московском журнале «Вопросы философии и психологии» со штудией о сфере социального идеала фактически открыло журнал и для самой тематики, и для участия в дискуссии С. и Н.И. Кареева, и для дальнейшего сближения петербургского «критического марксизма» с московской университетской средой и кругом журнала «Вопросы философии и психологии». Естественным фоном для неё были систематические и полемические тексты С.Н. Трубецкого и В.С. Соловьёва, направленные против доминировавших в издании проблем позитивизма, психологии и гносеологии, в частности программная статья С.Н. Трубецкого «В защиту идеализма» (1897). Именно «в защиту идеализма» С. (и по аналогии с отвергаемой и революционными марксистами, и самим С. серией статей 1896–1898 гг. «Проблемы социализма» идеолога СДПГ и реформиста-ревизиониста Э. Бернштейна, собранных в книгу в 1899 г.) планировал

* Там же. С. 70–71.

** См.: «Некоторые приняли у нас всерьёз замечание Штамллера насчёт будто бы неразрешимого противоречия, якобы свойственного одному из западноевропейских социально-политических учений» (А. Кирсанов. К вопросу о роли личности в истории // Научное Обозрение. 1898. №№ 3, 4). Плеханов написал эту статью для марксистского журнала С. «Новое Слово», но в связи с его закрытием в конце 1897 года статья была передана в близкий к марксизму журнал М.М. Филиппова «Научное Обозрение», где вышла под псевдонимом.

в 1901 году сборник «Проблемы идеализма», который он реализовал в союзе с Новгородцевым и московским кругом идеалистов С.Н. Трубецкого. Видимой для современников была и сознательная переключка с «идеалистами сороковых годов» (1840-х), заложившими основы русского идейного западничества*.

Откликаясь на рецензию Булгакова на книгу Штаммлера в «Вопросах философии и психологии», С. действовал вполне лояльно по отношению к марксистской доктрине, радикально отделяя её партийную историческую проповедь от любых гносеологических методик, применяемых её сторонниками на пути партийности. Главное в этой дискуссии С. с Булгаковым о громкой новой книге из круга германской социал-демократии состояло в том, что она вполне весомо показала интегрированность молодых русских марксистов в интернациональную марксистскую дискуссию и одновременно обнаружила в них достаточно самоуважения и доктринальной и академической квалификации, чтобы они могли уже в 1896–1897 гг. свободно и самостоятельно решать вопрос о *Privatsache*. Можно прямо сказать, что в русском марксизме тогда не было иных сил, кто мог бы выступить в этой сфере наравне с Булгаковым и С., хотя и без каких бы то ни было философских открытий. Никто из марксистов, в общем, даже недоумевая от герметичности спора, и не протестовал. С. писал в полемике с Булгаковым, из всех сил изображая наличие интеллектуальной традиции в России там, где пока было лишь кричащее одиночество двух собеседников:

«Живое обсуждение т. н. "экономического материализма" или материалистического понимания истории вновь поставило на очередь вопрос и соотношении между свободой и исторической необходимостью.

* Модель их типового описания, выработанную в сочинениях П.В. Анненкова, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского, Б.Н. Чичерина, см. в позднем очерке Н.А. Бердяева «Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века» (Глава II).

Материалистическое, — или мы охотнее станем говорить — экономическое понимание истории есть грандиозная попытка ввести историю человечества в систему *научного опыта*, основным формальным понятием которого является необходимость или закономерность в смысле строгой причинности.

Но история в то же время *делается людьми*, стремящимися к осуществлению *своих целей*, действующими во имя *своих идеалов*. Ставить цели и стремиться к их осуществлению можно только при сознании своей свободы. С другой стороны, научное познание и понимание явлений мыслимо лишь под руководством идеи необходимости, прямо противоречащей идее свободы. (...)

Исход из этого противоречия, по-видимому, один — в метафизике. Этот исход указан Кантом, Шеллингом и Шопенгауэром, каждым на свой лад. Эти три философа прекрасно понимали занимающее нас противоречие, понимали во всей его глубине. Канту мы и обязаны его раскрытием, после которого тщетны все попытки объединить свободу и необходимость в одном высшем начале²⁵. Штамлер в своём сочинении "Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung" с полною силою вновь противопоставил свободу и необходимость. В этом главное значение и основная заслуга полемики Штамлера против материалистического понимания истории. Такая постановка вопроса, как справедливо указывает г. Булгаков*, вынуждает у представителей этого учения самокритику. (...) Считаю нужным заметить, что я стою при этом на той же самой почве, что и г. Булгаков: мы оба одновременно — сторонники критической философии и материалистического понимания истории²⁶. Опровергая Штамлера, г. Булгаков говорит и слишком мало, и слишком много. Все здание социального идеализма, возведённое Штамлером, нисколько — выражаясь юридически — не конкурирует с материалистическим пониманием истории. (...) Свобода незаконна. Впрочем, другого философского смысла, кроме отрицания необходимости или закономерности, слово свобода и не имеет. (...)

Материалистическое понимание истории в его применении к современной нам жизни и является именно попыткой показать историче-

* Вопросы философии. 1896 г., ноябрь-декабрь. — *Прим. Струве.*

скую необходимость определённого социального идеала. Говорят — и я тоже говорил это, — что научный коллективизм выводит свой идеал из социально-экономической действительности. Это верно и в то же время неверно. Идеал, конечно, вырос из условий действительности, как это всегда бывает со всеми идеалами, но для каждого действующего субъекта, сознательно строящего идеал, и для массы, стихийно или тоже сознательно к нему стремящейся, он представляет психологическое *primum* по отношению к действительности и действующим в ней силам. В научном исследовании этой действительности идеал ищет лишь признания за собой реальности и необходимости. Таков и был действительный ход развития современного коллективизма от утопии к науке. Идеал остался неизменным*, изменился лишь взгляд на условия его реализации. Сам же идеал стоит вне науки, или, если хотите, выше её, хотя и нуждается в научной санкции. (...)

Итак, научным является тот идеал, который в своей картине будущего включает возможно больше элементов необходимости. Круг никогда не может оказаться совершенно зачерченным, по крайней мере, для психологического сознания; это означало бы смерть идеала и деятельности. Но чем меньше будет целый сегмент нашего круга, тем увереннее будем мы в нём двигаться, т. е. действовать. Удивительное и вполне заслуженное обаяние основанного на материалистическом понимании истории представляет наиболее удовлетворяющее современному научному духу соотношение необходимости и свободы. (...) Тут необходимость не противоречит свободе, а поддерживает её. В этом смысле за гносеологически совершенно несостоятельным определением Энгельса, что свобода есть "познание необходимости", скрывается величайшая психологическая истина. (...)

Материалистическое понимание истории не претендует давать ответ на вопрос: что делать? этот вопрос решается в другой инстанции — интересов и идеалов, оно говорит лишь: как делать. И этой теории как раз достаточно, не слишком мало и не слишком много,

* Конечно, в общих чертах. — *Прим. Струве.*

для исполнения завета Фихте: *Man muss nicht nur kämpfen, sondern auch siegen wollen****.

Несмотря на то, что в России главными распространителями экономической доктрины марксизма уже стали статусные интеллектуалы Зибер и Жуковский, а влияние её очевидно и в «Конспекте лекций о народном и государственном хозяйстве», прочитанных наследнику престола министром финансов Витте в начале 1900-х, более всего с марксизмом знакомила — широко легализованная в прессе, статистике, университетах народническая интеллигенция, в 1870–1880-х гг. перешедшая на марксистскую платформу при описании мирового и западного прогресса, из которого она временно исключала полуфеодальную Россию, в которой был недостаточно развит капитализм. Казалось, что, если Энгельс ждал свершения социалистического переворота в Германии уже в течение 1890-х гг.²⁷ (внешним противником коего станет Россия), то Россия уже не имеет времени для капиталистического развития перед наступлением эры социализма. В отрицании перспектив развития капитализма в России народники находили частичную поддержку у Энгельса, но более всего — у охранителей, составлявших в России весомую часть правящего слоя. Предсказуемо, что критики «государственного народничества», старого славянофильства и уже институционализированного народничества П.Н. Милюков, В.С. Соловьёв, Плеханов этот их идейный стык воспринимали как признак их взаимного вырождения. В поле критики родилось и понятие «легальное народничество», призванное дискредитировать или, наоборот, глорифицировать его как нечто не революционное²⁸. Ясно, что эта шкала революционности даже внутри пропаганды выглядит продуктом

* «Нужно стремиться не только к борьбе, но также и к победе» (нем.).

** П.Б. Струве. Свобода и историческая необходимость // Пётр Струве. На разные темы (1893–1901). Сборник статей. СПб, 1902. С. 487–507. Впервые: Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. 36. С. 120–139.

чрезмерного радикализма, полагающего революционность исключительно в виде непрерывной смерти на баррикадах.

Когда народничество дошло до своего этаблирования и в радикальном, и в респектабельном образе и уже подвергалось критике за его превращение в *обыденный политический* фактор, русский марксизм оставался исключительно интеллектуальным изыском на кафедре или в подполье. Плеханов, уже в начале 1880-х нашедший в России массовый промышленный пролетариат и, следовательно, индустриальный капитализм и, следовательно, полагавшийся на социал-демократическую перспективу, жил в эмиграции и в России оставался практически неизвестен.

Главным нервом своей полемики против народничества С., философски присягая «критическому позитивизму», сделал противопоставление «экономического материализма» («исторического материализма») Маркса и Энгельса и «субъективного идеализма» русской радикальной интеллигенции (согласно самоопределению Михайловского), из рецепции которого уже в конце 1890-х гг. выросла мощная синтетическая неонародническая традиция, в 1900–1930-х породившая плодотворное поколение русских социалистических мыслителей, соединявших опыт недогматического марксизма и его «ревизионистской» критики с русской идеалистической философией и практикой русских социал-демократов и социалистов-революционеров.

Вызванная первой книгой С. полемика его с Михайловским изначально сконцентрировалась на проблеме (впоследствии афористический развитой Бердяевым в его статье в сборнике «Вехи») взаимоотношений свободы и необходимости, сущего (правды-истины) и должного (правды-справедливости), способности идеологов развить, внести в общество и реализовать политический идеал свободы и социализма (коммунизма), равно отрицающий самодержавный строй и капиталистическую эксплуатацию. Это представление о свободе поли-

тической воли в деле изменения направления экономического развития страны в сторону социализма основывалось на презумпции отсталости России от Запада и отсутствии в ней собственных корней для самостоятельного роста капитализма. Одновременно проблема развития капитализма в России актуализировала теорию французских экономистов-физиократов и их последователей о фундаментальности и самостоятельности земледелия как основы для «изолированного государства» (И. Тюнен), которая в применении к Германии была предвосхищена Фихте и развита Ф. Листом в доктрину протекционизма в интересах суверенного промышленного развития и национального объединения Германии и защиты её от экономической конкуренции Англии. В 1870–1880-х гг. доктрина Ф. Листа была успешно реализована канцлером Бисмарком в Германии, что сделало её живым политическим примером для русской оппозиции, которая увидела тесную связь экономического роста с основами парламентаризма, устойчивой политической свободой и активной социальной политики государства. Одновременно масштабный голод в России 1891–1892 гг., ставший национальным бедствием, поставил под вопрос и экономическое выживание сельской общины как народнической «ячейки» социализма и способность самодержавия эффективно управлять аграрным развитием страны вне капиталистического пути. Это нанесло серьёзный удар по славянофильскому консенсусу самодержавной власти и народнической оппозиции и создало основу для консенсуса марксистов и правительства, проводившего интенсивную индустриализацию России. Однако народники утверждали, что разорение крестьянства в любом случае лишает капитализм в России перспективы, ибо лишает его внутреннего рынка, обязывая русскую буржуазию вести при поддержке государства борьбу за колонии в конкуренции с великими державами, к чему Россия объективно не приспособлена. Во-

прос о внутреннем рынке для капитализма стал центральным в полемике марксистов против народников, которым в итоге пришлось признать, что пролетаризация деревни ведёт к росту городского населения и промышленности. Именно марксистов в этом споре поддержал «индустриализатор» Витте.

«Критические заметки» С. сразу попали в центр внимания власти и оппозиции не только как манифест русского марксизма, но и как аргумент в пользу политики индустриализации, проводившейся Витте. Имея в виду эти толкования, Ленин («Что делать?», 1902) ввёл в политический оборот понятие-теорию «легального марксизма» во главе со С., согласно которой «легальный» изначально был ревизионистским и реформистским, а «нелегальный» во главе с самим Лениным – истинным и революционным. Уже в середине 1900-х, также исходя из политических интересов, эту теорию поддержал Струве²⁹. При этом игнорируются те факты, что Ленин стал автором многочисленных легально изданных работ, С. вёл активную нелегальную работу, в том числе вместе с Лениным, а «нормативов» истинного марксизма тогда просто не существовало, ибо они были разработаны лишь в СССР. Несмотря на широкое распространение даже в современной литературе этого понятия в применении к С., оно не имеет особого предмета описания, поскольку в легальной сфере работали все без исключения литераторы-марксисты, а появившееся в 1899 году условное разделение марксистского движения на «критиков» и «ортодоксов» никак не отражалось на подпольной деятельности его участников ни до, ни после этого*. «В период между 1894 и 1899 гг. российская социал-демократия выступала единым фронтом», резюмирует не-

* О бессмысленности и пропагандистском характере понятия «легальный марксизм»: Р. Пайнс. С. 181–182. Специальный критический очерк по истории понятия и независимая от труда Р. Пайнса развёрнутая аргументация в пользу его научной негодности: М.А. Колеров. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. М., 1991. № 5.

мецкий исследователь темы, указывая на активное участие «ортодоксов» Ленина и Плеханова в легальной печати (хоть и под псевдонимами)*.

Осознанный отказ С. от использования псевдонимов в его главных марксистских трудах и его ставка на максимальное использование легальных институций для прямой пропаганды марксизма (Вольное экономическое общество, легальная периодика, праздничные студенческие вечера в Санкт-Петербургском университете) требовало его личного участия под своим именем. Образцом для этого, несомненно, служила практика германской социал-демократии, где все марксисты были «легальными», а ведущие идеологи не скрывали своих подлинных имён, формируя партийную доктрину в непрерывных публичных дискуссиях. Для всех легальных и нелегальных последователей Маркса в России С. надолго стал первым политически публичным марксистом и социал-демократом в стране. Один из первых университетских марксистов в Москве, активный автор и редактор марксистских изданий, доверенный посредник в отношениях российских социал-демократов с эмигрантом Плехановым, зять главной марксистской издательницы 1890-х – начала 1900-х гг. Водовозовой, Булгаков свидетельствовал: «когда были напечатаны его [С.] "Критические заметки", то все мы считали, что появился гений»³⁰. Каутский в письме к Плеханову ряд лет спустя, в 1901 (!) году, когда в России размежевание «критиков» и «ортодоксов» марксизма уже достигло финала, зная всё личное ожесточение, с которым Плеханов публично выступал в 1898–1899–1900 годах против Бернштейна, К. Шмидта и С., продолжал оценивать значение С. как международной фигуры социал-демократии очень высоко:

«Многие из молодых марксистов — неокантианцы (я имел в виду Струве, Виктора Адлера в Австрии, Конрада Шмидта, Вольтмана,

* *Йоахим Цвайнерт*. История экономической мысли в России. 1805–1905 [2002] / Пер. под ред. В.С. Автономова. М., 2008. С. 298.

Бернштейна (...)... некоторые из этих марксистов-неокантианцев — наши лучшие головы (Бернштейн, Струве, Адлер), но я никогда не был настолько нескромен, чтобы считать себя одной из этих лучших голов»*.

Бывший социал-демократ и профессиональный историк Г.П. Федотов десятилетия спустя в эмиграции ответственно свидетельствовал о С., Туган-Барановском и Булгакове:

«Русские марксисты сумели выдвинуть ряд действительно талантливых учёных. На целое десятилетие экономические вопросы заслонили в России даже политические, сделавшись основными ("теологическими") для интеллигентского мировоззрения. (...) Русские марксисты, как в экономике, так и в истории, во всяком случае, не имели себе равных на Западе»**.

Вслед за книгой С., в декабре 1894 на средства его близкого сотрудника и друга Потресова была издана первая легальная русская книга Плеханова (под псевдонимом *Н. Бельтов*) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», в которой Плеханов, изложив свою доктрину марксистского «диалектического материализма», взял С. под защиту и тем придал ему вес равного первого систематика марксизма в России. Плеханов даже практически сравнил С. с молодыми Марксом и Энгельсом, также подвергшимися несправедливой (и в случае С. — явно недобросовестной из уст русских народников) критике за признание исторической обоснованности и «школы» (у С. — «выучки») капитализма и якобы оправдание вызываемых им социальных бедствий в Германии, каковой был подвергнут С. в России со стороны Кривенко и Михайловского³¹. С. высоко оценил эту книгу Плеханова в ряду других

* К. Каутский — Г.В. Плеханову, 6 февраля 1901 // Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т.II. С. 172.

** Г.П. Федотов. Наука в России [1940-е] // Г.П. Федотов. Собр. соч. в 12 тт. Т. 7. Статьи в журналах (...) / Под ред. С.С. Быčkoва. М., 2014. С. 417.

его трудов по философии материализма, не разделив, однако, его материалистического пафоса: «русская книга Бельтова "Монистическое понимание истории" – по-моему, наилучшее изложение историко-философских основ ортодоксального марксизма»*.

В противоположность первому популяризатору марксизма в России Зиберу** и С. (а затем и Туган-Барановский, Булгаков), Плеханов положил здесь, в книге Бельтова, начало новой терминологической традиции в русском марксизме, поддерживая перевод термина *Wert* не как «цена», а как «стоимость»³², что затем приняли на вооружение Ленин и И.И. Скворцов-Степанов³³ и вся советская наука³⁴. Впрочем, даже в 1920-е гг. ни Ленин, ни другие главные большевистские идеократы ещё не были последовательны в отвержении «ценности» и утверждении «стоимости». Прежде всего, когда Н.И. Бухарин в своём горячо одобренном центральном экономическом труде «Экономика переходного периода» (1920) употребляет категорию «прибавочная ценность» и пишет, что «ценность как категория товарно-капиталистической системы в её равновесии менее всего пригодна в переходный период, где в значительной степени исчезает товарное производство», – то Ленин в своих известных маргиналиях на этом тексте специально к этой фразе отмечает «верно!» – и «ценность» не вызывает его протеста***. Вступая в полемику с названной книгой, другой гуру большевистской теории, М.С. Ольминский терминологически уличает Бухарина вовсе не в «неверном» переводе *Wert*, а в (вытекающем из её традиционного, полисемантического

* *Пётр Струве*. Марксова теория социального развития. Критический опыт (1898) / Пер. с нем. А.В. Чусова под ред. Н.С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С. 99, прим. 14.

** *Н.И. Зибер*. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. Опыт критико-экономического исследования [1885]. Изд. 3. СПб, 1897.

*** *Н.И. Бухарин*. Избранные произведения / Сост. С.Л. Леонов, А.В. Лобова. М., 1990. С. 188, 524, а также: С. 457.

перевода) смешении: «Бухарин для пущей убедительности путает ценность с меновой ценностью, меновую ценность с ценой»*. Но вскоре эта сложная двойственность была преодолена и утверждена единая «стоимость».

Это оставило всю прежнюю терминологическую традицию С. (которая в этой части была плодом консенсуса в русской науке³⁵) с его теоретическим рядом «цена – ценность» в стороне от русской политической экономии XX века, но в широком философском контексте интернациональной «австрийской школы». Русский перевод марксового термина *Wert* как «ценности» давал русским адептам австрийской школы политической экономии плодотворные выходы к сопредельным сферам философии и социологии (особенно С.: «работы Струве по методике политической экономии близко подходят к той области, где философия сливается с социологией. Благодаря сопредельности областей, всё новейшее развитие философии отпечаталось на социологических исканиях»**). Работая над своей неоконченной книгой «Основы политической экономии», Струве писал сыну, Льву Струве, экономисту, 17 ноября 1922:

«Основные положения моей системы: положительная ценностная разность есть категория менового, основанного на цене (и деньгах), хозяйственного уклада, потому и "прибавочная ценность" не только есть, но не может даже мыслиться иначе как некоторый итог «обмена»»***.

Богатый понятийно-лексический подтекст в связи «цена – ценность – оценка» в немецком языке отметил О. Кюльпе, а русские переводчики бережно сохранили это в формуле об этике, которая «обладает одним основным понятием, общим

* М. Ольминский. О книге т. Н. Бухарина // Там же. С. 212.

** Леонид Габрилович. Новейшие русские метафизики. С. 647.

*** ГА РФ. Ф.5912. Оп.2. Д.218. Л.53.

ей с эстетикой и политической экономией, а именно – понятием *ценности*»*.

Возвращаясь к одновременному с марксистским дебютом С. марксистскому исповеданию Плеханова, следует подчеркнуть, что – следуя в этом, конечно, формуле Энгельса о немецком идеализме в ряду предшественников марксизма – Плеханов, в отличие от будущего Ленина** и в согласии с марксистским исповеданием С. – выстраивая схему генезиса марксизма, включил в неё не только французских материалистов XVIII в. Гольбаха и Гельвеция, французских историков времён реставрации Тьерри, Минье и Гизо, социалистов-утопистов Фурье, Оуэна и Сен-Симона (и именно в их контексте народники – «наши утописты»***), но и немецкую идеалистическую философию Гегеля и Шеллинга. Опираясь на формулу Шеллинга «в свободе должна быть необходимость», Плеханов, подобно С., боролся с народническим подчинением экономической «необходимости» идущей капитализации крестьянской России – «свободе» антикапиталистического выбора интеллигенции в пользу общинного крестьянского социализма – и трактовал подлинную свободу как реализацию исторической необходимости**** (он назвал здесь народников «нашими утопистами» по аналогии с утопистами французскими и немецкими: это определение потом было детально развито у С.). В духе времени Плеханов, даже пропагандируя политический смысл «диалектического материализма», не стал утверждать его философскую монополию и уверенно высказался за соеди-

* *Освальд Кюльпе*. Введение в философию / Пер. с нем. С. Штейнберга и А. Водена под ред. П.Б. Струве. СПб, 1901. С. 98.

** Немецкий идеализм в ряду предшественников марксизма Ленин признал лишь в своей поздней статье «Три источника и три составных части марксизма» (1913), очевидно основанной на энциклопедической статье С. о Марксе (об этом подробнее – в другом месте).

*** *Н. Бельтов*. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. С. 57.

**** Там же. С. 99–100, 128.

нение материализма с практическим идеализмом развития политического сознания пролетариата интеллигенцией:

«Маркс и Энгельс поставили себе задачей развивать это самосознание: согласно духу диалектического материализма, они с самого начала поставили перед собой совершенно, исключительно идеалистическую задачу», «мы вовсе не "грубые материалисты"... мы... ставим перед собою, прежде всего, совершенно *идеалистическую задачу*»^{*}.

Только после того, как в 1898 году душеприказчик Энгельса Бернштейн соединил философский идеализм с реформистской ревизией революционного марксизма, Плеханов начал требовать от С. и других материалистической «ортодоксальности».

Книги С. и Плеханова (Бельтова) сделали вопрос об «экономическом материализме» – «модным» в русской печати^{**}. При этом компетентный наблюдатель обнаружил при сравнении обеих книг, что С. «более догматичен», чем Плеханов, и даже «не признаёт никакого значения за идеалами и идеями»^{***}. В целом С. и Плеханов, по оценке критика, равно далёкого и от народничества, положительно решили «самый насущный вопрос нашей жизни: должны ли мы пережить ту стадию экономического развития Западной Европы, которая называется капитализмом», при этом несомненно являясь «врагами капитализма»^{****}. При этом, по другому свидетельству, всё-таки именно С. собрал своей книгой главный урожай марксистской славы: его «Критические заметки» «долго служили чем-то вроде

^{*} Там же. С. 233–234, 255.

^{**} [Рец.:] Историко-философские и социологические этюды Н.И. Кареева // Русская Мысль. М., 1895. Кн. III. III о. С. 158.

^{***} Л.Е. Оболенский. Новый раскол в нашей интеллигенции (Н. Бельтов: «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» – П. Струве: «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России») // Русская Мысль. М., 1895. Кн. VIII. II о. С. 30, 32.

^{****} Там же. С. 30. Такого рода адвокатирование не было излишним, ибо среди современников нередко были обвинения в адрес С. за якобы апологию капитализма (*И.А. Гофштеттер*. Доктрины капитализма (По поводу книги г. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России»). СПб, 1895). Интересно, что позже, в эмиграции, С. с лёгкостью перетолковал свой марксизм именно в таком апологетическом, капиталистическом духе.

бумажных скрижалей русского марксизма... соображениям народничества противопоставили какую ни есть теорию... на редкость вовремя*». Во всяком случае, как свидетельствовал современник, «в 90-ые годы, чтобы заслужить звание готового марксиста, требовалось и от юношей, и от барышень ознакомление с Марксом, Энгельсом, Бельтовым, Струве, Зибером и т. д.»**

Начиная с 1894 года по протекции К.К. Арсеньева (и по следам Маркса и Энгельса, писавших энциклопедические статьи) С. принял авторское участие в составлении редактируемого им «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, ставшего высшим справочным авторитетом того времени. Здесь С. до 1899 г. опубликовал серию статей по экономике и, в частности, о Марксе³⁶, в которой, в отличие от упомянутой схемы Плеханова и в развитие суждений Энгельса об источниках социализма и марксизма в Германии («Развитие социализма от утопии к науке», 1880–1882)^{***}, впервые была дана формула «трёх источников» (английская политическая экономия, немецкая классическая философия и французский утопический социализм) и «трёх составных частей марксизма», значительно позже ретранслированная (без ссылки на первоисточник в словаре) Лениным в специальной статье^{****}, канонизированной в советском марксизме.

В январе 1895 года новый император Николай II принял представителей земств и городов, перед которыми выступил

* Мих. Оленов. Так называемый кризис марксизма. СПб, 1905. С. 132.

** Ю.П. Среди общественных валов (Письмо в редакцию) // Полярная Звезда. СПб, 1906. № 13. С. 152.

*** «Современный социализм ... выступает сначала только как дальнейшее и как бы более последовательное развитие принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века. Способ понимания, свойственный утопистам, долго господствовал над социалистическими воззрениями XIX века и отчасти господствует ещё и поныне. Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за ней возникла новейшая немецкая философия, нашедшая своё завершение в Гегеле».

**** *Владимир > И<льин>*. Три источника и три составных части марксизма // Просвещение. СПб, 1913. № 3. С. 28–31.

с краткой речью, в которой ответил на либеральные надежды на новое царствование в духе реформ Александра II и расширения уже существующих прав земства на участие в вопросах местного самоуправления³⁷. В речи, авторство которой общее мнение приписывало обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву, была оглашена формула о том, что надежды на «участие представителей земства в делах внутреннего управления» – «бесмысленные мечтания» и, следовательно, все иные попытки компромиссной либерализации самодержавия – тоже*. Воспользовавшись этим поводом и следуя уже архаичному монархическому пафосу И.С. Аксакова, С. впервые выступил автором обращения в стилистике некогда лоялистской оппозиции, пробуя играть роль не только в марксистской и социал-демократической политике, но и в политической реабилитации революционеров в глазах умеренной части общества и радикализации биографически близкого ему либерального движения. В нелегально размноженном на мимеографе «Открытом письме к Николаю II», принадлежность которого перу С. вскоре выяснилась, говорилось:

«Вы сказали своё слово, и оно разнесётся теперь по всей России, по всему культурному миру... со вчерашнего дня вы стали определённой величиной, относительно которой нет более места "бесмысленным мечтаниям" (...) Если самодержавие на словах и на деле отождествляет себя с всемогуществом бюрократии... дело его проиграно; оно само роет себе могилу и раньше или позже, но во всяком случае в недалёком будущем падёт под напором живых общественных сил. (...) Ваша речь вызвала чувство обиды и удручённости, от которого однако живые общественные силы быстро оправятся и перейдут к мирной, но упорной и сознательной борьбе за необходимый для них простор; у других оно обострит решительность бороться с нена-

* «Слышались голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями». Варианты речи Николая II 17 января 1895 г. / Публ. И.С. Розенталя // Исторический архив. 1999. № 4.

вистным строем всякими средствами. Вы первый начали борьбу, — и борьба не заставит себя ждать»*.

Это выступление в соединении с растущей активностью публичных выступлений С. в Вольном экономическом обществе, в которое он вступил в 1895 году, начало создавать ему широкую известность как крайне радикальному представителю в целом единого антисамодержавного освободительного движения и марксистское кредо С. легитимировало марксизм как новый язык респектабельного общественного знания, использование которого было равно удобным для бюрократической, университетской, политически — либеральной, неонароднической или собственно социал-демократической среды. А противостоящее этому новому, западническому консенсусу самодержавие получало клеймо устаревшей самоизолированной власти, для которой сама современность была «бессмысленными мечтаниями»**.

Под впечатлением от успеха книг С. и Бельтова (Плеханова) Потресов в 1895 году составил первый марксистский «идейный» сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», который должен был продемонстрировать наличные писательские силы русского марксизма и, в русских интеллектуальных традициях, представить существующим общественное и идейное направление. Оказалось, что из наличных русских марксистских литературных сил в России и за рубежом сборник смог привлечь только П.Н. Скворцова,

* Открытое письмо к Николаю II // За сто лет. 1800–1896 / Сост. В. Бурцев. Ч. 1. Лондон, 1897. С. 264, 266–267. О своём авторстве С. прямо заявил в печати после публикации новых своих открытых писем в связи с Кровавым воскресением 9 января 1905: «После 17-го января [1895] мы — при участии наших друзей из числа земских деятелей — составили и распространили "Открытое письмо к Николаю II"» (*П. Струве*. В чём исход? // Освобождение. 15(2) апреля 1905. С. 289).

** Даже в советской драматической сказке Е.Л. Шварца «Тень» (1938–1940) был использован его освободительный код, в котором власть характеризовалась в анти-категориях «Открытого письма»: «Тень: Никаких перемен. Как было, так будет. Никаких планов. Никаких мечтаний».

В.А. Ионова, Тулина (Ленина) и Потресова, Плеханова, самого С. и Р.Э. Классена*, но был уничтожен цензурой.

Начиная примерно с 1894 года С. упорно искал возможности для создания легального партийного органа русских марксистов по образцу народнического «Русского Богатства», либеральных «Вестника Европы» и «Русской Мысли»: сохранились глухие свидетельства даже о возможности проекте использования какой-либо газеты для этой цели** (например, в её литературно-политическом отделе – подобно тому, как, по общему признанию, именно корреспонденции газеты «Русские Ведомости» из Германии стали для всего русского общества главной информационной школой парламентаризма и социал-демократии). О периоде 1894–1896 гг. вспоминал тогдашний марксист, однокурсник С. – Оболенский:

«Когда возникла мысль о издании марксистского органа печати, я получил приглашение от П. Б. Струве и А. Н. Потресова вступить в его редакционную коллегию. Эта коллегия несколько раз собиралась на квартире М. И. Туган-Барановского, обсуждая всевозможные вопросы, связанные с изданием нового журнала. (...) Перечислю здесь всех людей, принимавших участие в наших заседаниях... Это были: П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. Н. Потресов, В. В. Водовозов, К. К. Бауэр, А. А. Никонов, М. А. Рейтлингер и я. Кроме того членами редакционной коллегии считались живший в провинции А. С. Изгоев и находившийся в ссылке В. И. Ульянов (будущий Ленин)***. Фактическим редактором был единодушно выбран самый младший из нас П. Б. Струве. Официальным издателем наметили меня, а официального редактора, обязанность которого заключалась в те времена лишь

* М. Колеров. Индустрия идей: Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники 1887–1947. М., 2000. С. 27.

** Первой марксистской газетой в России стал «Самарский Вестник», издававшийся инженером и известным писателем Н. Г. Гариным (Михайловским) в Самаре в 1895–1897 гг.

*** Здесь ошибка памяти мемуариста: во время ссылки Ленина, т. е. в 1897–1899 гг., в свет выходили марксистские журналы «Новое Слово» и «Начало», организованные без участия Оболенского – М.К.

в отбытии тюремного заключения из-за каких-либо "криминальных статей" (таких редакторов имели все оппозиционные журналы и газеты), купили за хорошее жалование. Впрочем из этой затеи ничего не вышло, так как в моём ходатайстве о разрешении издавать журнал Главным Управлением по делам печати мне было отказано»*.

В ноябре 1895 года близкие к кругу С. и Потресова петербургские марксисты-пропагандисты среди рабочих, исторически связанные с кружками в Технологическом институте, создали «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с Лениным и Мартовым, но с декабря 1895 по август 1896 практически всё руководство и активный состав «Союза» были арестованы, а в феврале 1897 приговорены к ссылке в Сибирь. «Союз» успел распространить многочисленные листовки, выпустить ряд нелегальных изданий, поддержать массовую стачку петербургских текстильщиков в мае-июне 1896, выдать делегатский мандат Плеханову, С. и Потресову на участие в IV конгрессе Интернационала в Лондоне в июле-августе 1896 года**. Русская делегация на конгрессе распространила доклад о стачке текстильщиков, которая, объединив до 30.000 рабочих, действительно стала почти всеобщей, учитывая, что по переписи 1897 года в Петербурга было учтено всего 50.000 рабочих. С. так вспоминал об этом и своём пережитом тогда энтузиазме:

«Во время этой стачки и после неё пишущему эти строки пришлось быть за границей, и он никогда не забудет того внимания и того огромного интереса, с которым западноевропейские рабочие и социалисты относились к известиям приходившим тогда из Петербурга. Мне пришлось в эти дни — по поводу стачки и материальной поддержки её участников — беседовать с вожаками германской

* В.А. Оболенский. Воспоминание о Струве. С. 106.

** В делегацию в целом вошли эмигранты: Плеханов, П.Б. Аксельрод, В.И. Засулич, Р.М. Плеханова, А.Л. Парвус (Гельфанд), Б.А. Гинзбург, В.А. Бухгольц. Неофициально участвовали прибывшие из России Струве и Потресов.

социал-демократической партии, с покойным Либкнехтом, с Бебелем, с Зингером, и в первый раз из их уст услышать признание того, что с весны 1896 года русское фабричное движение не есть уже мечта кучки интеллигентов-социалистов, а факт русской действительности, засвидетельствованной поведением рабочих масс»*.

У хорошо понимавшего тогдашние условия России вождя СДПГ Каутского такая личная стратегия С. вызывала удивление и уважение. Когда в 1896 году С. собрался (и в итоге прибыл) на Международный социалистический конгресс (IV конгресс Интернационала) в Лондоне под своим именем, Каутский писал Плеханову: «мы увидимся в Лондоне? Наш друг Пётр тоже собирается туда. Я должен признаться, что считаю это отчаянной смелостью, так как Лондон, конечно, будет кишеть русскими шпиками, а он и без того уже на подозрении»**.

2 июня 1897 по всеподданейшему (адресованному лично императору) докладу министра финансов Витте император Николай II издал закон об ограничении и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности, который существенно развил начальные меры регулирования «рабочего вопроса» по законам 1882 и 1885 гг. и стал существенной основой для возможной социальной политики государства. Закон был воспринят обществом и особенно социал-демократами как серьёзная уступка правительства, вырванная у него забастовкой 1896 года, и внушила им большие надежды одновременно и на перспективы экономической борьбы пролетариата против капитализма (С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова), и на перспективы политического влияния социал-демократии, если бы она смогла возглавить рабочее движение и представить его интересы в широкой освободи-

* П. Струве. Привет // Рабочее Слово. № 3. 5 апреля 1906. С. 2.

** К. Каутский – Г.В. Плеханову 20 июля 1896 // Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. В 3-х тт. Т.1: Г.В. Плеханов и международное рабочее движение / Гл. ред. М.Т. Иовчук. М., 1973. С. 160.

тельной коалиции против самодержавия (Струве). Казалось, что именно социал-демократическая активность находит отражение в политике правительства. Примечательно, что именно тогда, 28 июля 1897 года, по распоряжению Департамента полиции МВД С. был поставлен под негласный надзор полиции*.

Тем временем в результате трёх волн арестов и ссылок петербургский «Союз» практически прекратил своё существование, выведя из активной деятельности тех его лидеров, кто стремился соединить практическую пропаганду среди рабочих с политической работой в кругах интеллигенции: в результате вне репрессий сохранились лишь практики низовой работы, обеспечивающие экономические интересы пролетариата и узкий круг социал-демократических публицистов, пропагандировавших в доступной ему печати идеи марксизма и обеспечивавших ссыльным марксистам доступ к легальной литературной авторской и переводческой работе, дававшей им серьёзный заработок. Во главе этого круга, несомненно, стояли Потресов, С., Туган-Барановский в Санкт-Петербурге и Н.В. Водовозов и Булгаков в Москве. Однако Потресов был вскоре арестован и сослан, Туган-Барановский не проявил организационных талантов, Водовозов скончался, Булгаков сосредоточился на переводческой работе в издательстве Водовозовой. В Санкт-Петербурге С. как политический социал-демократ остался практически в одиночестве.

Весной 1897 года издательница трудов Добролюбова, Михайловского, Н.В. Шелгунова, Кареева, Кривенко, научно-популярной литературы и ежемесячного журнала «Новое Слово» О.Н. Попова предложила его редактору, одному из лидеров народничества С.Н. Кривенко приобрести безнадежно убыточный под его редакцией журнал. После отказа Кривенко и выхода всего коллектива народников из числа сотрудников

* Справка СПб. Охранного Отделения от 30 мая 1911 // ГАРФ. Ф.102. ДП-ОО. Д.59 л. А. Ч. 2 (1910). Л.46.

журнала она продала его родственнику С. В.А. Поссе*, который пригласил возглавить редакцию противостоящих народничеству марксистов во главе со С. и Туган-Барановским при участии Калмыковой**. Марксистское «Новое Слово», несмотря на то, что никто из руководителей новой редакции не имел редакционного опыта, стал лучшим журналом этого направления до 1917 года, обеспечив на своих страницах консенсус всех наличных партийных и научных сил русского марксизма (кроме самих редакторов, Плеханова, Ленина, И. Гурвича, Булгакова, В.Я. Богучарского, Б.А. Кистяковского, Потресова, Е. Смирнова, Мартова, Х. Раковского, Л. Крживицкого, Е. Лозинского), деятельное сочувствие немарксистских сил. Член «Приютинского братства» востоковед С.Ф. Ольденбург свидетельствовал, что именно С. был центром редакционных решений, когда вспоминал, что именно на квартире Калмыковой, где жил С., проходили редакционные встречи с Лениным, В.В. Водовозовым, Потресовым*** (относительно Ленина, он, конечно, ошибся: встречи с ним здесь проходили ранее, а в момент издания «Нового Слова» Ленин был уже с февраля 1897 в ссылке).

Редакция С. обеспечила политическую актуальность «внутренних обозрений» самого С., следовавшего в этом образцу К.К. Арсеньева****, единство петербургского и московского круга авторов, представительную провинциальную хронику,

* Владимир Александрович Поссе (1864–1940) – был участником демонстрации 17 ноября 1886 у Волкова кладбища в память Н.В. Добролюбова, был знаком с А.И. Ульяновым, за что подвергался аресту. Два старших брата Струве были женаты на сёстрах Поссе. Соучениками Поссе по университету были В.В. Водовозов, С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбурги, В.И. Вернадский, В.В. Вересаев (В.А. Поссе. От Февраля до Бреста / Публ. В.Ю. Черняева // Русское прошлое. Кн.1. Л., 1991. С. 173–187).

** М.А. Колеров. Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

*** С. Ольденбург. Памяти А.М. Калмыковой // Красная летопись. № 4(19). 1926. С. 143.

**** «К.К. Арсеньева я очень люблю, как человека, и высоко ценю, как учителя: на его "Внутренних обозрениях" в "Вестнике Европы" я получил своё политическое образование» (П. Струве. Нельзя молчать // Листки Освобождения. № 2. 18 февраля 1904. С. 1, прим.).

ряд значимых имён в целом пресного литературного материала и квалифицированный рецензионный отдел. С марта 1897 в литературной части новая редакция дебютировала сочинениями М. Горького, И. С. Шмелёва, Е. Н. Чирикова, И. Франко, В. В. Вересаева, М. О. Гершензона, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, архивными публикациями о Герцене. В майском номере (№ 8: подписной год начинался осенью) журнала С. поместил первую для марксистской критики положительную рецензию на сочинение Чехова – повесть «Мужики»*, которую как неудачную оценил Михайловский, развязав полемику с рецензентом: С. приветствовал повесть как художественное свидетельство социально-культурной дифференциации деревни и крестьянства, обнаружив в Чехове крупного художника, а не простого бытописателя и юмориста. В этой ситуации С. единственный из политических авторов выступил в защиту Чехова от тех многих, кто увидел в повести измену «радикальному принципу»**.

Вероятно, слабость собственных литературно-критических сил подвигла создателей «Нового Слова», при соучастии имевшего значительные личные средства инженера, писателя и марксиста, прежде содержавшего влиятельную и радикальную марксистскую газету «Самарский Вестник» (1896–1897)***, Н. Г. Гарина-Михайловского искать союза с признанным, но непрерывно существовавшим на грани банкротства журналом «Северный Вестник» Гуревич и Волынского. Гуревич свиде-

* Переизд.: *Пётр Струве*. На разные темы (1893–1901 гг.). Сб. ст. СПб, 1902 («Мужики» г. Чехова и ""Мужики" Чехова и г. Михайловский»). В обширное собрание критики (А. П. Чехов: *pro et contra*. Творчество А. П. Чехова в русской мысли конца XIX – начала XX в. (1887–1914). Антология / Сост. И. Н. Сухих. СПб, 2002) не включена.

** А. С. Суворин. Дневник. С. 210.

*** В ней успешно сотрудничали самарские марксистские учителя Ленина Н. Е. Федосеев и П. Н. Скворцов, яркие авторы П. П. Маслов, А. А. Санин, Р. Э. Циммерман. Ряд статей опубликовал сам С. Очевидно, при посредничестве С., в газете приняли участие его петербургский коллега В. С. Голубев, и иностранцы Л. Гумплович, Е. Филипович, международные звёзды тогдашнего марксизма Плеханов, Каутский. О газете см. специально: А. Санин. «Самарский вестник» в руках марксистов (1896–1897). М., 1933.

тельствовала, что в 1897 году «одно время велись переговоры с Н.Г. Гариным-Михайловским. Струве и Туган-Барановский предлагали слить воедино "Северный вестник" и "Новое слово" ввиду того, что их журнал "эволюционирует в сторону идеализма", а "Северный вестник" в общественном отделе эволюционировал, как им казалось, в сторону марксизма. Но они ставили при этом условием, чтобы Волынский остался в журнале на правах обычного сотрудника, а не члена редакции, что было для меня принципиально неприемлемо, — и я отказалась»*.

Учитывая, что редакции во главе со С. и Туган-Барановским удалось подготовить лишь 10 номеров журнала и обеспечить его идейный старт практически с нуля, успех журнала был огромным — тираж его номеров составлял от 4000 до 5600 экземпляров. Журнал, признавался позже марксист, «сразу же стал на такую высоту, которой впоследствии не достигало уже ни одно из периодических изданий русского марксизма»³⁸. В декабре 1897 он был закрыт решением Комитета министров как политически вредное издание.

Получив доступ к документам Комитета министров, С. позже опубликовал их в эмиграции. Журнал совещания министров внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурора святейшего Синода от 10 декабря 1897 года гласил о «Новом Слове»: «В статьях научного содержания последовательно проводится учение К. Маркса и Энгельса, в беллетристическом отделе первое место даётся таким произведениям, в которых раскрывается борьба классов и бедственное положение рабочего люда»**.

С., несмотря на свои вполне свободные эстетические вкусы, делавшие его поклонником модерна эпохи Ницше и Метерлинка, с революционных 1890-х гг. близко общался с революцион-

* Л.Я. Гуревич. История «Северного вестника» // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С.А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 250.

** Освобождение. Штутгарт. № 4. 2(15) августа 1902. С. 53.

ными писателями Гариным-Михайловским, В.В. Вересаевым, Максимом Горьким. Видимо благодаря знакомству с последним, у Струве установился и близкий контакт с Леонидом Андреевым. Опубликована дарственная надпись Л. Андреева на титуле книги *Леонид Андреев. Новые рассказы. СПб, 1902: «Дорогому другу на память от Л. Андреева. 12 апр<еля> 1902»*³⁹. Впрочем, в эмиграции С., известный своей исключительной памятью, почему-то сделал вид, что такого близкого контакта с Л. Андреевым у него не было⁴⁰.

Начатое в «Новом Слове» сотрудничество С. с О.Н. Поповой после закрытия журнала продолжилось: С. стал редактором, составителем, отчасти переводчиком обширной книжной серии под маркой издательницы. В ней, в частности, вышли: первый том «Капитала» Маркса в переводе под редакцией и с предисловием С., труды Туган-Барановского, серия переводов по истории индустриальной экономики Европы, западной философии и литературы, превратив санкт-петербургское издательство О.Н. Поповой (наряду с московским издательством Водовозовой, где редакторами работали Булгаков и Франк) в крупнейшее русское марксистское издательство 1890-х гг. За исключением, видимо, бездоходных «Критических заметок» С., все эти издательские предприятия, несмотря на очевидный дефицит оборотных средств у издателей, носили полноценный коммерческий характер и подразумевали выплату существенного гонорара авторам, переводчикам и редакторам, что стало весомым фактором финансирования социал-демократической партийной общественности. Книгопродавцы свидетельствовали о рыночной популярности марксистской литературы того времени: «Книги Бельтова и Струве расходятся в очень короткий срок и делаются библиографической редкостью», а беспрецедентные для тиража научной литературы – по официальным данным – 5012 эк-

земпляров первого тома «Капитала» в переводе С. «разошлись за несколько дней»*.

В марте 1898 по просьбе члена ЦК новосозданной РСДРП С.И. Радченко, знакомому С. по группе Бруснева, «кружку технологов» и петербургскому «Союзу борьбы», С. написал «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии»** (издан в апреле 1898), в котором суммировал, по его признанию, то, что было предметом консенсуса русских марксистов: в ходе политической борьбы «пролетариат улучшает своё положение и вместе с тем борется за своё конечное освобождение, против частной собственности и капитализма – за социализм». «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она – основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение. (...) Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма»***. Несмотря на позднейшие попытки С. задним числом преуменьшить свой социалистический радикализм и особенно – антибуржуазный радикализм написанного им манифеста, очевидец свидетельствовал, что и в своей частной жизни С. оставался вполне ортодоксальным революционером. Крупская вспоминала, как после 19 апреля (1 мая) 1898 года жена С. писала ей об их первенце: «каждый день

* *О.В. Монеров.* Наше время и его отражение в книжной литературе // Известия книжных магазинов Товарищества М.О. Вольф по литературе, наукам и библиографии. Год II. № 1. СПб; М. Октябрь 1898. С. 12. Здесь тираж русского перевода первого тома «Капитала» указан в числе 3020 экземпляров.

** В советской литературе формула «просьбы» была заменена формулой «поручения». О самом факте – прямое признание С., где Радченко назван – «инициатор «Манифеста», написанного... П.Б. Струве по просьбе покойного по соглашению с ним» (*Пл. Струве*) С.И. Радченко [Некролог] // Русская Мысль. М., 1910. Кн. X. III отд. С. 44).

*** Опубликовано в многочисленных собраниях партийных документов в годы СССР. См. например: Всесоюзная коммунистическая партия (б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1932). Часть I: 1898–1924. Изд. 4, испр. и доп. М., 1933. С. 2–3.

подносим его к портретам Дарвина и Маркса⁴¹, говорим: поклонись дедушке Дарвину, поклонись Марксу, он забавно так кланяется*. Примерно тогда же, в 1900–1901 гг. на стене кабинета Булгакова висели портреты Маркса и затем рядом – В.С. Соловьёва⁴², а знаменитую агитационную статью уже непартийного члена «Союза Освобождения» Булгакова «С Новым годом», опубликованную в газете «Юго-Западная неделя» 1 января 1904**, Киевский комитет РСДРП отдельно перепечатал в виде листовки***.

В конце 1898 года написал и вскоре выступил в немецкой марксистской печати с трактатом, который на русском языке появился в неавторизованном и низко оценённом самим автором переводе Б.В. Яковенко лишь в 1905 года, когда споры «критического направления» в русском марксизме были уже делом истории. С., написав его, видимо, сразу на немецком языке, не приложил усилий к тому, чтобы сделать его доступным для русского читателя и, похоже, был вполне удовлетворён тем, что своим выступлением в ходе полемики о наследии Маркса заявил себя самостоятельно мыслящим критиком интернационального уровня, признанного в СДПГ. Пожалуй, лишь Плеханов тогда вовремя изучил этот текст С., но был, видимо, столь увлечён полемикой против Бернштейна, что надолго отложил сведение идейных счётов со С., с которым весь 1899 год вели общее партийное дело вокруг журнала «Начало», а в 1900–1901 гг. договаривались о коалиции для издания газеты «Искра». Это сделало «ревизионизм» С. либо «терпимым» как дело сугубо научных споров, либо известным для русской социал-демократии с большим опозданием, когда в 1899 году «критическое направление» было

* Цит. по: В.Т. Логинов. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005. С. 312.

** Она переиздана: О.К. Локтева [Иванцова]. Неизвестная статья С.Н. Булгакова (1904) // Россия и реформы. Сб. Вып. 2. / Сост. М.А. Колеров. М., 1993.

*** Центральный государственный исторический архив Украины. Ф.317. Оп. 1. Т. 2. Ед. хр. 2404 (сообщено О.К. Иванцовой).

наконец замечено и Лениным. Фундаментом для «критического направления» стало вынесение социалистического идеала за пределы исторической закономерности и научного знания и отказ от «теории катастрофы», то есть коммунистической революции, которая одновременно должна была соединить в себе политический и социальный переворот, став крахом для экономики капитализма. Историческое соседство критики С. с ревизионизмом Бернштейна сослужило С. дурную услугу: он так и не смог преодолеть поверхностных или недобросовестных уподоблений одного другому и в общих очерках идейной истории русской социальной мысли это сближение до сих пор доминирует. На деле же С., с точки зрения русских марксистов рискованно приветствуя Бернштейна за порыв к свободе мысли, постарался перехватить его критическую инициативу, чтобы укрепить и отстоять «конечную цель» — социалистический идеал как теперь уже независимый от практических приземлений. С. писал, сразу демонстрируя свой выбор в полемике вокруг Бернштейна, который противникам С. было угодно проигнорировать: «Буржуазный мир обнаруживает некоторого рода приятную взволнованность по поводу критического устранения марксизма. Оживлённо обсуждается "конец марксизма" и взвешиваются его благотворные последствия. Однако мне кажется, что здесь имеет место крупное заблуждение, и если бы я хотел дать своей статье громкое название, то озаглавил бы её скорее "Начало марксизма", или, лучше, "Марксизм и никакого конца"...».

Резюме трактата словами самого С. выглядит в целом так:

«Понятие революции изгоняется в ту область, в которой со времени Канта находятся свобода воли (в смысле беспричинного действия), субстанциальность души и т. п. — это в высшей степени важные практически, но теоретически непригодные понятия. (...) Если переход от капитализма к социализму следует признать необходимым, то его нужно представлять как общепонятный процесс, то есть нужно

показывать постоянное и причинно обоснованное изменение общества. (...)

От многих противоречий не удастся избавиться, если не откинуть совершенно мысль о "социальной революции" как теоретическое понятие. Но с ней рушится и любая интерпретация капиталистического развития, которая в само развитие вкладывает абстрактную противоположность капитализма и социализма. Необходимость социализма обосновывается тогда не чудом "социальной революции", которая на место капиталистического общественного строя ставит социалистический, но единственно посредством постепенного развития экономических феноменов и их правового нормирования в капиталистическом обществе. (...)

Марксизм даже в его реалистическом понимании содержит не так много науки, чтобы кто-нибудь потерял живую радость творчества от того, что социальное будущее предстанет его сознанию полностью predetermined. Но он достаточно научен, чтобы сделать истиной для своих адептов смелые слова Фихте: *"Нужно желать не только борьбы, но и победы"*.

Утопические черты необходимо были присущи марксизму как теоретическому обоснованию социализма, поскольку он исходил и не мог не исходить из действительных предпосылок [18]40-х годов, то есть из теории обнищания. *С тех пор, однако, стала явной реальная почва развития к социализму, иначе говоря, она впервые появилась. Я имею в виду действительное хозяйственное и политическое усиление рабочего класса в рамках капиталистического общественного строя. (...)*

Так называемая "теория крушения", или теория социальной "революции", поэтому оказывается для нас понятийно-логически несостоятельным учением. Теория крушения в её новейших прочтениях почти без исключения привязана к учению о возрастающей анархии капиталистического производства в противоположность одновременно прогрессирующему обобществлению производства и росту производительных сил. Проклятие анархии согласно этой теории делается явным в кризисах. Однако у Маркса стихийность производства обосновывала лишь возможность, но не необходимость кризисов. (...)

...возьмём проблему социализма не как, или, лучше сказать, не только как историческую, но и как *практически-политическую*. Тогда отношение между конечной целью и движением переворачивается. Тогда конечная цель должна господствовать над движением. Здесь лежит ключ к гносеологическому объяснению и социально-психологической оценке эволюционно-исторического утопизма. Каждый социалист исходит из социализма как морально-политического идеала; он является для него регулятивной идеей, которою меряются и оцениваются отдельные факты и события с этико-политической точки зрения. Ничем иным не является он и у класса, который, будучи организован в партию, выступает вовне и внутри себя как единый *этико-политический субъект*. Социал-демократическое движение должно быть подчинено, как идеалу, конечной цели, или — оно распадётся. Вера в конечную цель есть религия социал-демократии, и эта религия является не "частным делом", а важнейшим общественным делом партии... Содержание социал-демократической религии дано в движении, в его носителе — пролетариате, и в конечной цели.

И тут я должен сказать о книге Бернштейна, которая дала внешний повод к настоящим рассуждениям*. Эволюционно-исторический утопизм, с которым борется Бернштейн, причём отчасти успешно, исторически теснейшим образом сросся с теоретически необходимым содержанием социал-демократической религии. Этот утопизм нельзя просто отсечь, даже располагая более острым духовным инструментом, чем Бернштейн. Для этого он слишком глубоко врос в социал-демократическое сознание.

И это вполне отвечает его великой исторической функции. Мысль, что только верные по содержанию или истинные идеи могут производить полезное действие на личную или общественную жизнь, есть рационалистический предрассудок. Научно ложные идеи могут, в силу своего *психологически* обусловленного действия, оказывать на общественную жизнь могущественное и благотворное влияние. Они могут

* Излагаемые в настоящей статье воззрения по сути совпадают с общей идеей, которую я изложил в моей работе на русском языке «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», С.-Петербург, 1894. В предисловии к этой работе я уже защищался от упреков марксистской ортодоксии. Несмотря на это, я продолжаю претендовать на то, что мои взгляды имеют название «марксистских». Они связаны именно с основным реалистическим положением Марксовой философии истории. — *Прим. Струве*.

приводить к политически верным действиям. Не только реалистические элементы марксизма, но и эволюционно-исторический утопизм имеет неоценимые заслуги в деле социалистической пропаганды и агитации (...) И в прошедшем периоде социал-демократического движения это было практически самым важным и наиболее ценным: это означало социал-демократическое воспитание пролетариата.

Трудно судить, пережило ли себя это средство воспитания. В любом случае оно с течением времени стало традицией. Но традиция далека от того, чтобы быть для большинства тем, чем она стала для Бернштейна, — непереносимым *Cant* [молитвенным песнопением — *М.К.*]. Она ещё истинна для верующих, но не существует объективного *Cant*. Социал-демократическая религия, однако, может изменить своё содержание, оставаясь социал-демократической. И она изменит его. Со временем она сбросит эволюционно-исторический утопизм, ряд представлений, являющихся ныне религиозными, будет уничтожен или заменён иными, не носящими религиозного характера, представлениями. Видимо, произойдёт движение назад — на место уничтоженных ясных представлений придут неясные, вследствие их всеобщности, постулаты или же практические и, я бы даже сказал, мелочные программные пункты. Но так всегда происходит изменение религиозных или подобных религиозным идеологий. Да будет мне позволена одна аналогия: в некотором смысле социализм существует подобно идее бога. (...)

Бернштейн твёрдо стоит за социализм и классовую борьбу. Поэтому он остаётся социал-демократом, и этого, справедливости ради, не должны оспаривать его противники. Но от эволюционно-исторического утопизма он полностью отказывается. Все свои сомнения, полное разрушение и новый строй социально-политических воззрений он изложил в своей книге. Его книга является значительным симптомом преобразования социал-демократической идеологии и, в то же время, поскольку Бернштейн наряду с Энгельсом и Каутским является одним из основателей марксистской ортодоксии, событием, производящим сильное моральное впечатление. Но, чтобы её влияние сказалось, нужно время.

Научный социализм не является чистопородной наукой: как социальный идеал, он необходимо является сопряжением науки и утопии. (...)

Утопия тоже имеет свои права. Она является *самостоятельным*, не растворимым в науке остатком социального идеала. Утопию утверждают в её правах, когда требуют её строгого отделения от науки. Утопия не должна противоречить науке, но в остальном она может и должна быть автономной. (...) социализм является социальным идеалом и, как таковой, обладает божественным правом на добрую долю утопии. (...)

Для каждого, кто чувствует себя социалистом, утопическое и революционное в нём так же дороги, или даже ещё более дороги, чем реалистическое. Ложен лишь тот утопизм, который выдаёт себя за науку. То, что Маркс и Энгельс были утопистами и революционерами, придаёт им человеческое и в значительной мере историческое величие. (...)

В заключение ещё раз подчеркнём одну мысль: если критический марксизм в своём дальнейшем достраивании Марковского учения хочет действительно твёрдо встать на ноги, то он должен придерживаться основного реалистического взгляда самого Маркса, его "материалистического", а правильное, экономического взгляда на историю*.

С января по май 1899 года С. и Туган-Барановский получили под своё руководство новый марксистский журнал «Начало», тайно для них и даже для цензуры специально организованный в провокационных целях полицейской агентурой во главе с М.И. Гуровичем. Журнал попал под жёсткое давление цензуры, сдвинулся в сторону большего академизма, что отразилось на его меньшем, по сравнению с «Новым Словом» тиражом в 3500 экземпляров, и не успел выявить своей работой социал-демократическую сеть (что было его задачей для полицейской провокации), но зафиксировал полное интеллектуальное лидерство марксизма в России. Параллельно он ясно продолжил избранный кругом курс на соединение политического радикализма с новыми течениями в литературе, предо-

* *Пётр Струве*. Марксизм и теория социального развития. Критический опыт (1898) / Пер. с нем. А.В. Чусова под ред. Н.С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000. Passim.

ставив страницы для сочинений не только социал-демократам Гарин-Михайловскому, Вересаеву, но и Д.С. Мережковскому, З.Н. Гиппиус, а также для обзоров З.А. Венгеровой о Метерлинке и Ницше. К участию в журнале С. лично пригласил Чехова и Ф.К. Сологуба*, принял предложение о сотрудничестве Гершензона**. Здесь же С. впервые подробно в истории левой журналистики исследовал феномен В.В. Розанова («Романтика против казённости»)⁴³. Помимо текстов редакторов, в журнале было весомо солидарное присутствие марксистов независимо от их уже намечавшегося размежевания на «ортодоксальных» и «критических»: Плеханова***, Булгакова и ссыльного Ленина, успевшего разместить здесь шесть публикаций.

История «Начала» продемонстрировала новое качество марксистского движения. Оказалось, что в 1898–1899 годах Департамент полиции МВД назначил своего негласного сотрудника М.И. Гуровича издателем марксистского журнала («Начало») и обеспечил его значительными средствами. Его целью было сконцентрировать вокруг журнала все наличные руководящие силы русских марксистов и поставить их сначала под наблюдение, а затем под контроль. Первая задача была успешно решена: всё пишущее сообщество марксистов во главе со Струве, Туган-Барановским, Булгаковым и от эмигранта Плеханова до ссыльных Потресова и Ленина. Но ничего нового для полиции практически не было в этой выstavке достижений русского марксизма: все авторы, выступавшие открыто и скрывавшиеся под псевдонимами, были уже известны полиции. Общественное (легальное) звучание

* 12 января 1899 С. пригласил Чехова: ОР РГБ. Ф.331. К.59. Ед.хр.67; 14 января 1899 С. пригласил Сологуба: РГАЛИ. Ф.482. Оп.2. Ед.хр.24.

** 13 апреля 1899 С. ответил в Берлин Гершензону согласием на его сотрудничество в "Начале": ОР РГБ. Ф.746. К.41. Ед.хр.67. Л.4.

*** Плеханов начал публиковать в этом журнале свой цикл статей об искусстве «Письма без адреса», который С. после закрытия журнала передал для печатания в «Научное Обозрение» М.М. Филиппова: [Е.С. Коц] Примечания // Г.В. Плеханов. Избранные философские произведения в 5 тт. Т.У. М., 1958. С. 773–776.

марксизма, его влияние, его распространение вширь оказалось результатом активности публичных фигур, а не подпольных организаций. Численность активных членов этих организаций во всех России даже в 1900 году Фёдор Дан определил в 60 с небольшим человек⁴⁴. Здесь полицейские задачи и, прямо скажем, полицейский кругозор вступили в противоречие с политическим восприятием событий правительством. «Начало» было подвергнуто жёсткой цензуре и быстро, уже 22 июня 1899 закрыто решением Комитета министров (министров юстиции, внутренних дел, народного просвещения и обер-прокурора Св. Синода) а его номера было предписано изъять из публичных библиотек.

Политически острый, «боевой» журнал «Новое Слово», несмотря на сопутствовавший ему масштабный разгром марксистского подполья, был хорошо принят аудиторией как первый легальный, то есть легально действующий политический марксистский журнал в России. Ему сопутствовал «рабочий закон» 2 июня 1897 года, вскоре после его закрытия, в марте 1898 года С., в развитие журнальной проповеди написал уже нелегальный первый манифест РСДРП, в котором тоже акцентировал задачи социал-демократии как авангарда борьбы против самодержавия за политическое освобождения. В этом контексте журнал «Начало» в начале 1899 года, несмотря на то, что точно также аккумулировало все литературные марксистские силы в столицах, ссылке и эмиграции, прозвучало слабо, ибо оказалось слишком академичным и не смогло проявить особой политической остроты. Революционный брат писал о журнале Мартову: «Я слышал мнение многих, что оно значительно хуже "Нов. Слова"»*. К тому же в условиях широкой диффузии марксизма в периодической печати «Началу» стало невозможно соединить идейное лидерство с монополией на марксизм, в пространстве которого в 1899 году уже

* В.О. Цедербаум – Ю.О. Мартову 12 мая 1899 // РГАСПИ. Ф.362. Оп.1. Д.27. Л.12.

действовали журналы «Мир Божий» тёщи Туган-Барановского А.А. Давыдовой, В.А. Поссе «Жизнь», М.М. Филиппова «Научное Обозрение», а в ноябре 1899 – январе 1900 – петербургская газета «Северный Курьер».

Тем не менее, накопленный журналами опыт имел взрывной характер: марксистская наука и публицистика быстро разлилась по целому ряду общедемократических «толстых» журналов начиная с 1898–1899 гг. и с тех пор захватывала всё новые позиции в легальной печати, главным ограничением в которой был уже только отказ от прямых политических призывов, а «социалистическая наука» уже де-факто была признана легальной и легитимной. Последующая социал-демократическая деятельность в России развивалась уже в поле легальной практики широкой марксистской печати, марксистских книгоиздательств, а в тени этого, как известно, именно система распространения нелегальных эмигрантских изданий в России (социал-демократической «Искры» и социал-либерального «Освобождения») стала стержнем для создания подпольных партийных организаций.

1899–1901: «критическое направление» в русском марксизме

В ноябре 1899 – январе 1900 гг. С. выступил во вскоре закрытой цензурой газете «Северный Курьер» с серией статей, в которых предпринял попытку синтезировать антиреволюционное наследие «либерального консерватизма» правоведа и публициста А.К. Градовского с революционной социал-либеральной проповедью политического освобождения и социальной справедливости. Формулой такого социал-консервативного синтеза стало понятие «усложнения жизни», впервые появившееся у С. ещё в «Критических заметках». Индустриальное, антинародническое, капиталистическое усложнение жизни, по мнению С., требовало его политического «усложнения» и свободного национального развития. С. и позже возвращался к этой формуле, стремясь применить её и к нуждам идеологической консолидации национальной буржуазии, прямо адресуясь к ней в издании П.П. Рябушинского, компромиссную цель видя в «развитии и усложнении жизни, выражающемся в капиталистическом преобразовании общества»*. Собственно, констатация национального характера политического освобождения и социалистической борьбы – при всех их интернациональных ценностях – открытием в России давно уже не была. По крайней

* *Пётр Струве*. Экономическая проблема «Великой России». Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве // Великая Россия. Сб. Кн. II. М., 1911. С. 145.

мере, после того как разочарованный Герцен начал осуждать западноевропейское буржуазное «мещанство»», а перед лицом русских либералов и революционеров развернулась европейская борьба на национальное освобождение и объединение в Германии, Италии, Венгрии, Польши, как национальное «возрождение» (скорее – строительство) и освобождение славянских и балканских народов составили непрерывное содержание политической повестки дня. Но русские социалисты до С. относились к такой *национализации* социализма, прежде всего, как к исторической инерции. Авторитетнейший П.Л. Лавров так писал об этом ещё в 1873 году:

«Остатки прежних религиозных и метафизических взглядов; на построение рабочего социализма влияют национальные привычки, ... но эти явления переживания старого слишком обычны во все периоды истории человечества, чтобы они могли удивить нас в настоящем»*.

Как признался позже один из участников «критического направления» в марксизме Франк, «неокантианское движение в социализме имело, несомненно, серьёзное значение в смысле расшатывания старых устоев марксистской догмы. (...) Но положительное значение этого движения нельзя признать особенно большим»**. Идеалистические поиски в области философии ничего не могли прибавить практической деятельности марксистов в России, а признание религиозного фактора консолидирующим по аналогии с католической Италией – плохо встраивались в условия огосударственной цезарепапистской православной церкви синодального строя.

На 1900 год пришёлся пик энциклопедической интеллектуальной активности С., который одновременно выступил

* П.Л. Лавров. Из истории социальных учений [1873]. М., 2011. С. 67.

** С. Франк. Социализм и кантианство // Критическое Обозрение. М., 1909. Вып. II. Февраль. С. 81.

со своим политико-экономическим учением, близким к «австрийской школе», центром которого было понимание экономической реальности как совокупности бесконечного числа индивидуальных субъектов хозяйства и производимых ими оценок ценности хозяйственных благ, серией политических статей в газете «Северный Курьер» («Усложнение жизни»¹, «Высшая ценность жизни»^{*}, ноябрь 1899 – январь 1900), этюдом по экономической истории крепостного права в России, учением о либерализме («В чём же истинный национализм?»), изложением своего нового философского кредо, призывом к философскому развитию марксизма в направлении («назад к...») Фихте и Лассаля, серией статей в журнале «Мир Божий», которую затем объединил в сборнике «На разные темы» (СПб, 1902).

«Как я теперь понимаю, это время (январь-февраль 1901 года) было для П.Б. [Струве] моментом его окончательного, уже формального разрыва с русскими социал-демократами и его внутреннего осознания себя участником русского либерального движения. (...) Он писал тогда статьи в "Мире Божиим" (постепенно переходившем на "марксистскую" платформу), в которых... продолжал идеалистическую борьбу не только с "народниками", но и с "ортодоксальными" марксистами, то есть с догматическим мировоззрением русских "социал-демократов"; главный политический смысл этой борьбы (по цензурным условиям выражаемый только намёками для чтения "между строк") состоял именно в призыве от сектантской партийности перейти к объединяющему всю русскую оппозицию соглашению в борьбе за политическую свободу», — вспоминал Франк**.

В течение 1900 года С. готовился к изданию в эмиграции радикального журнала в сотрудничестве своего «критического направления» в марксизме (вместе с Туган-Барановским,

¹ Ср.: *Е. Дюринг. Ценность жизни*. 4 изд. [1891] / Рус. пер. Ю.М. Антоновского [1894]. М., 2010.

^{**} *С.Л. Франк. Биография П.Б. Струве*. Нью-Йорк, 1956. С. 25–26.

Булгаковым, Франком, Бердяевым) с издательским газетно-журнальным предприятием Ленина, Плеханова, Засулич и Потресо́ва («Искра», «Заря») и даже выступил в первых номерах газеты «Искра» с авторскими статьями. Примечательно, что переговоры об этой издательской коалиции начались в конце марта – начале апреля 1900 года во Пскове на квартире ссыльного В.А. Оболенского, скорее уже сочувствовавшего С., но гостеприимно заранее принявшего на постой Ленина. Разногласия, подробно описанные в научной литературе с позиции Ленина, сделали невозможным длительное сотрудничество С. с «Искрой». Глядя на разногласия с иных сторон, можно кратко отметить, что «Искре» не хотелось оставаться в тени гораздо более крупного и денежного либерального проекта, который явно затевал С. (будущее «Освобождение») на средства одного и того же одноклассника Потресо́ва по гимназии Д.Е. Жуковского, и его редакционных возможностей, а С. в итоге оказалось дискомфортно состоять в коалиции с тем, кто вёл против него лично и пропагандистски окрашенную публичную борьбу: радикальные марксисты правильно опасались раствориться в широкой политической коалиции, а С. не видел оснований поддерживать тех, кто не скрывал своей к нему ненависти.

При этом периодически газета «Искра» и непрерывно, в наибольшей части своего объёма, журнал «Заря» в 1901–1902 гг. были посвящены Плехановым, Мартовым, Лениным, Потресо́вым, Засулич и другими – многословной критике философских, экономических и политических статей и книг Струве и союзных ему Булгакова, Бердяева и Франка, начиная с 1897 года. Было видно, что марксисты по-прежнему воспринимали их как главных внутрипартийных идейных противников, несмотря на то, что те уже порвали свои партийные отношения с социал-демократией.

Старый социал-демократ, начавший свою партийную карьеру в начале 1890-х, вспоминал о своём с разговоре с Лениным в 1902 году:

«Ленин назвал Струве "изменником, ренегатом и новым Тихомировым. (...) Я считал Струве всегда человеком идейным и искренним, но для которого рабочее дело было ни в каком случае не его делом. (...) Я обратил внимание Владимира Ильича на возможные последствия подобного клеймения Струве. Я сказал ему: а что если кто-либо из рабочих, фанатически преданных делу, под влиянием травли Струве на страницах "Искры", вдруг решится расправиться с ним или даже убьёт его как "изменника и ренегата"? "Его и надо убить", — ответил мне Владимир Ильич. (...) — А что же? — возражал он мне горячась: по вашему мне надо надевать для расправы с ним замшевые рукавицы?" (...) Я редко видел Владимира Ильича в состоянии того раздражения, которое он проявил при нашем разговоре о Струве»*.

Вышедший из круга московских марксистов 1890-х, редактор марксистского издательства Водовозовой, хорошо знакомый семейному революционному кругу Ленина молодой экономист Франк в изданной Водовозовой в 1900 г. книге об экономической категории «ценности» внятно выразил переход от принятой для себя С. и его кругом формы своей революционной работы только как «социалистической науки» (формула Энгельса) и «критического направления» в марксизме — к внеклассовой претензии на общенациональное интеллектуальное лидерство в целом и во внепартийной науке, в частности:

«За последнее время в западно-европейской и русской экономической литературе одновременно замечается отрадный поворот: догматическое преклонение перед системой Маркса уступает место

* К. Тахтарев. Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. № 24. Пг., 1924. С. 22–23.

её критической проверке и созидательной работе её дальнейшего развития и дополнения. Это служит симптомом к прекращению того невыносимого состояния, в котором ещё до сих пор находится экономическая наука. Мы имеем в сущности не одну, а две экономические науки — науку "марксистскую" и науку "буржуазную", из которых каждая говорит на совершенно особом языке, не прислушиваясь к мнению другой и считая это мнение в большей или меньшей степени заведомой ложью. (...) тогда как так называемая "буржуазная" или "официальная" политическая экономия быстрыми шагами двигалась вперёд и с каждым днём завоёвывала новые горизонты, наука "марксистская", несмотря на глубину и плодотворность её основных мыслей и талантливость её представителей, упорно топталась на одном месте, занимаясь догматическим толкованием старых, превратившихся почти в ходячие фразы, положений даже там, где действительность или научная мысль давным-давно их опередила. К счастью (...) уже недалеко то время, когда разногласие социально-политический мирозерцаний не будет выражаться в обособленном существовании двух самостоятельных наук. Для нас, русских, такая тенденция особенно необходима. Если европейская мысль не сумела ещё примирить двух научных направлений, то она по крайней мере знакома с результатами обоих. Иначе обстоит дело в России: вплоть до самого последнего времени вся наша оригинальная литература по теории политической экономии сводилась к популяризации учения Маркса. (...) Великое вековое течение европейской мысли стоит выше мнений, быть может, величайшего и гениальнейшего, но всё же одного из его представителей и не может потерпеть ущерба от критики этих мнений, которые служат лишь одним из этапов его научного освещения»².

Беспокойство Франка и, надо полагать, его наставника С. о единстве науки и отказе от её партийности, разумеется, было прямым продолжением борьбы С. за внеклассовость и внепартийность истины и этического идеала и, в источнике, «должного» (личной идейной свободы и независимости этического идеала) от «сущего» (исторической реальности), как

бы первое, в конечном счёте, ни диктовалось вторым. Главным контекстом для этой апологии объективной или равно значимой для всех партий науки служила полемика вокруг реформизма и ревизионизма Бернштейна, которые в своей критике марксистской доктрины опирались на новые данные науки и, в целом, были без ожесточения восприняты в СДПГ, занятой практической борьбой за политические и экономические интересы пролетариата. В решительную противоположность этому, в русской социал-демократической эмиграции в среде марксистов в России выступление Бернштейна против материализма, теории всеобщей социально-экономической революции («катастрофы», *Zusammenbruchstheorie*), теории обнищания пролетариата и др. в основе социал-демократической программы вызвало полновесную истерику. При этом мало кто обратил внимание на то, что всю серию своих критических очерков под названием «Проблемы социализма» Бернштейн уже публиковал в партийном органе «*Neue Zeit*» в 1897 и 1898 гг., чего они мало что добавляли нового в общий контекст немецкой «социалистической науки» и тем более – катедер-марксизма, привыкших без чрезмерного пиетета относиться к наследию Маркса и Энгельса, что в этом контексте они во многом шли вдогонку, а не впереди публикаций Струве в русской и немецкой партийной печати, что *главное* – они почти не вызывали никакого полемического сопротивления со стороны других марксистов³, что, наконец, число сторонников Бернштейна в СДПГ и в России было невелико (в России их были буквально единицы – Прокопович, Кускова, др.).

Когда серия статей Бернштейна была завершена, С. кратко обсудил её итоги со своим многолетним единомышленником и конфидентом, в тот момент ссыльным Потресовым. Потресов ответил ему 9 января 1899:

«Я очень рад, что мы сходимся с Вами по крайней мере в оценке Бернштейна: "он плох в философии, немножко филистер, теорети-

чески не совсем ясно мыслит". *All right!* Подписываясь под всем этим, добавлю только следующее: полнейший невежда в философии, я не судил и не сужу о воззрениях Бернштейна в *этой* области и просто... готов Вам верить на слово. Но из-за чего же сыр-бор загорелся? Неужели из-за того, что "плохой философ" и "неясно мыслящий человек" осмелился поднять руку на ортодоксальную ветошь? Неужели из-за этого бомбардировал его своими статьями *Parvus*, негодовали *Liebknecht, Schönlanck, Zetkin, Luxemburg*, скорбил *Kautsky* и гневался монист [Г. В. Плеханов]? (...) В статьях Бернштейна нет, на мой взгляд, сколько-нибудь серьёзной работы мысли. (...) В многих и многих из его аргументов узнаются старые знакомцы: те давным-давно известные "поправки" и возражения, с которыми обыкновенно выступали против "ортодоксии" и наши доморощенные оппоненты, и их западноевропейские коллеги. И вот почему на мой взгляд мы имеем дело в статьях Бернштейна не с "*критикой*" или "*самокритикой*"—*таковую я всегда готов приветствовать*, — а не с чем иным, как самооплеванием. (...) Нельзя походя изрыгать: *die Bewegung ist mir alles, das Endziel nichts*. Это значит — другими словами — мне наплевать на идеологию того общественного движения, которое я ставлю якобы центром своих интересов*.

Выход книги Бернштейна в целом в 1899 году (в наилучшем русском переводе её заголовок «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии») и сам статус автора как душеприказчика Энгельса и Маркса буквально взбесил Плеханова, который (что странно для эмигранта и почти одиночки в отношении к общенациональной партии с миллионами легальных избирателей) потребовал от СДПГ исключения Бернштейна из партии (оно было отвергнуто).

Отвечая на критику Плеханова, Бернштейн отверг его обвинения в эклектическом соединении социализма с данными «буржуазной науки», указав, что «9/10 элементов научного социализма взяты из сочинений "буржуазных экономистов",

* *А. Н. Потресов. Письма к П. Б. Струве (1898–1899) / Публ. М. А. Колерова // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1992. № 6. С. 40–41.*

как будто вообще существует "партийная наука"...». На это Плеханову, в общем, нечего было ответить по существу и ему пришлось в своей антикритике капитулировать, придав своим утверждениям частный, непринципиальный и даже двусмысленно обоюдоострый характер, а именно: «"Партийная наука", строго говоря, невозможна. Но, к сожалению, очень возможно существование *"учёных", проникнутых духом партий и классовым эгоизмом*»*.

Почти одновременно с Плехановым на книгу Бернштейна и ответную ему книгу Каутского, также выступившего в защиту «ортодоксии» от Бернштейна, в немецкой марксистской печати выступил С.: его рецензия, как это уже стало обычно для его немецких текстов, прошла практически незамеченной в среде русских марксистов (хотя практически вся периодическая печать СДПГ была доступна в России, что показывает, например, известная переписка Ленина из ссылки в с. Шушенском) — настолько сложными им казались обсуждаемые вопросы, что даже форсированный алармизм Плеханова и позже Ленина-Ильина не мог их заставить увидеть в этой полемике нечто вредное для интересов распространения социал-демократии в России. С., в частности, писал:

«Можно как угодно низко оценивать книгу Бернштейна, но она всё же обладает тем достоинством, что казалось бы окончательно решённые вопросы социализма в ней поняты и поставлены именно как проблемы (...) И всё же сомнения и возражения Бернштейна поражены одним недостатком. (...) Марксизм — это содержательно определённое учение, определённая точка зрения, может быть даже и эвристический принцип, но методом он является столь же мало, как и дарвинизм. Так же и то, что обычно называют "диалектикой", представляет собой метод лишь при метафизическом допущении тождества бытия и мышления; она есть метод онтологической логики.

* *Г.В. Плеханов. Cant* против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна [1901] // Г.В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 93.

(...) Маркс всегда исходил из социализма как готового тезиса. Как исследователь, он обязан этой предубеждённости не только своими ошибками, но и своими блестящими достижениями. Ибо в эпоху Маркса лишь социалистический критик мог оценить грандиозное историческое значение капитализма и вместе с тем ясно постичь его историческую относительность. (...) С точки зрения последовательно эволюционизма, фундаментальное противопоставление "реформ на почве существующего правового порядка" и "радикального переворота основ этого порядка" просто бессмысленно. В бланкизме речь идёт не о прославлении "революции" в полицейском смысле (бунт), а о вере в основополагающее значение политического захвата власти в целях радикального общественного переворота. Эта вера теснейшим образом связана с верой в возможность "снятия" капиталистического общественного порядка. Противоречие между "бланкистским" революционизмом и марксистским эволюционизмом — это имманентное противоречие марксова учения о социальной эволюции в *его исторической определённости* (...)

Маркс, сам того не замечая, использовал несколько понятий ценности. Это происходит оттого, что он рассматривал две совершенно различные проблемы — социологическую проблему эксплуатации, в особенности капиталистической эксплуатации, и экономическую проблему ценности, и специально меновой ценности, — как *единую* и причём как *единственную* проблему ценности. Тем самым у Маркса в его теории ценности параллельно присутствуют и сливаются два различных угла зрения: угол зрения социологического рассмотрения, в соответствии с которым капиталистическое производство есть особая исторически определённая форма эксплуатации производителя и присвоения прибавочного продукта, и угол зрения экономического рассмотрения, в поле которого попадают явления обмена и тем самым собственно проблема ценности.

На Бернштейнову критику теории крушения Каутский отвечает утверждением, что такой теории среди аксиом социал-демократии вообще не существует. Мы бы живейшим образом приветствовали это

несколько странно звучащее* утверждение как отказ от эволюционно-исторического утопизма, если бы оно хоть сколько-нибудь было верным. Но, к сожалению, Каутский сам заморожен теорией крушения, которую он объявляет несуществующей, и которая, однако, образует сокровеннейшую сущность ортодоксального марксизма.

"Теорию обнищания", решительно отвергнутую Бернштейном, Каутский подчёркнуто сохраняет в её релятивистском варианте. В этом он примыкает к Марксу и, в ещё большей степени, к Родбертусу, которого он тоже цитирует. При этом он говорит много верного (например, что упорство мелких предприятий часто является источником обнищания), но свой основной тезис "Доля рабочего в созданном им множестве продуктов сокращается" (S.128) он нигде не доказал. (...) Основной аргумент в пользу допущений "социального обнищания" Каутский видит в росте детского и женского труда.

Сочинение Каутского против Бернштейна кульминирует в обвинении, что Бернштейн с помощью оппортунистических идей хочет добиться разжижения социал-демократии до уровня народной партии, в которой "классовые интересы крестьянства и мелкой буржуазии имеют определяющее влияние" (179). Но мне это кажется совершенно недоказанным. Во-первых, и Бернштейну должно быть понятно, что в государстве, которое подобно Германии стремится превратиться в развитое "индустриальное государство", действительно *народная* партия не может не подчиняться интересам промышленного пролетариата.

(...) Мы понимаем суть дела иначе и соответственно можем сказать: социал-демократия полагает конечной целью "социальную революцию" и добивается этой конечной цели демократически-социалистическими реформами.

... Бернштейн отказался от некоторых аксиом марксизма. Но то, что он сделал это непоследовательно, что он лишил свои реалистические взгляды в порыве невнятного идеализма их лучшей опоры — материалистического понимания истории, всё это безмерно осложнило его позицию в полемике... не столько для науки *вообще* как коллектив-

* Ср.: R. Luxemburg. Sozialreform oder Revolution. S.56: «Поскольку... крушение буржуазного общества есть краеугольный камень научного социализма» и т. д. – Прим. П. Струве.

ного целого, сколько для её социал-демократического употребления. То, что в лице Бернштейна социал-демократия сделала порядочные заимствования у "буржуазной" науки, — это не позор и не несчастье. Надеюсь, это будет способствовать тому, что фразы о "буржуазной науке" утратят свою власть над умами. Между прочим, больше всего Бернштейн перенял у фабианцев и, в особенности, у супругов Вебб»*.

Именно этих самых супругов С. и Б. Вебб, чей труд «Теория и практика современного тред-юнионизма» *исключительно ради заработка* (тираж его был коммерчески, как минимум, ничтожен, 212 экземпляров, то есть являл собой акт благотворительности в пользу переводчика) С. предложил переводить для редактируемой им «Экономической библиотеки» издательства О.Н. Поповой — ссыльному Ленину. Тот взялся его переводить, не зная английского языка, и высоко оценил и гонорарные условия перевода и сам труд, несмотря на то, что он мог бы стать для него классическим примером «реви-зионистской» и «буржуазной науки»**. В целом Бернштейн, немецкий ревизионизм и реформистская эволюция британского марксизма, похоже, застали русских социал-демократов, до 1903 года, совершенно новой эпохи в политической истории западного социализма, когда уже началось его нарастающее вхождение во власть, — так и не сумевших выстроить устойчивые партийные организации даже за границей — врасплох. «Конечная цель — ничто, а движение — всё» Бернштейна глубоко оскорбили русских марксистов, даже усилия Каутского сформулировать компромисс, «отвязав» природу постоянно отодвигающейся вдаль «конечной цели» от ежедневной

* *Пётр Струве*. [Рец.] E. Bernstein. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; K. Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm [1898] / Перевод Н.С. Плотникова // Исследования по истории русской мысли [4]. Ежегодник за 2000 год. М., 2000.

** С. и Б. Вебб. Теория и практика тред-юнионизма. Т. 1 / Пер. с англ. Владимира Ильина. СПб, 1900 («Экономическая библиотека» издательства О.Н. Поповой под общ. ред. П.Б. Струве). Книга вышла из печати в конце 1899 года.

практики не помогли. Перед Россией были поставлены, как минимум, две радикальные цели: свержение самодержавия и достижение политической свободы – и уничтожение капитализма и достижение социализма и коммунизма (не важно: революционным или эволюционным путём). И «критические марксисты» во главе со С., не в силах отрицать того, что проповедь Бернштейна стала лишь собранием полемических тем внутри марксизма за последние 10–15 лет, в том числе одномоментной «социальной революции» как *фразы*, принципиально не могли принять его отказа от «конечной цели», которую они сами уже «отвязали» от «сущего», обеспечив «должному» полную свободу нравственного идеализма. Только, видимо, их революция была уже не «прыжком из царства необходимости в царство свободы», не была социальной революцией, за которой следовал коммунизм, а актом национального освобождения одновременно от самодержавия и остатков крепостнического феодализма, синодального строя церкви в пользу её реформации, первоначального капитализма в пользу государственного социализма, конституционной демократии и национальных автономий. То есть национально-освободительной буржуазной и социалистической революции сразу. Весь горизонт своих научных занятий С. намеревался объединить созданием нового революционного мирозерцания, которое объединило бы данные науки с ценностями либеральной философии и социализма. В начале 1900 года он писал жене о своих растущих разногласиях с марксистами как «партийными товарищами» (*parteigenossen*):

«Все они не понимают, что я недаром бросил якорь моего общественно-политического мирозерцания в твёрдый (для меня) грунт идеалистической метафизики, и что поэтому я не только крити-

кую, но и подготовляю новое политическое мировоззрение, гораздо более смелое, чем марксизм»*.

Несмотря на удерживаемое публично фиксируемой идейной эволюцией «критических марксистов» их внешнее единство как «направления», С., Туган-Барановский, Булгаков, Кистяковский, их младшие коллеги Бердяев и Франк, в общем, несмотря на тогдашние отношения Бердяева и Франка к С. как учеников к учителю, отнюдь не были партией (их общей партией была так и не консолидировавшаяся русская социал-демократия), сектой, клубом единомышленников: они, скорее, были товарищами по интеллектуальному поиску в сторону от первоначального догматизма к широко расцветшему в лоне немецкой социал-демократии разнообразию экономической, социальной, исторической и философской науки, к которой они лично имели непосредственное соприкосновение как авторы, переводчики и редакторы. Это вовсе не снижало градуса их взаимной критики и острых разногласий, которым они, однако, не были склонны придавать политического или партийного звучания: например, С. остро полемизировал с Булгаковым, Булгаков — с Туган-Барановским и т. д.

Сославшись на болезнь жены** С., запросил паспорт на выезд за границу и получил его 4 декабря 1901 года — с ним С. отправился с визитами по европейским социал-демократическим вождям и, наконец, договорился о том, что нелегальный для России социал-либеральный журнал «Освобождение» будет печататься в Германии, в Штутгарте, в партийной типографии СДПГ.

* Цит. по: К. Ф. Шацлло. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985. С.59.

** «Ввиду заявления жены Струве о необходимости ей, для лечения болезни, выехать за границу и пользоваться во время поездки попечением мужа, МВД признало возможным разрешить Петру Струве отлучку за границу сроком по Июнь 1902 г.» (ГАРФ. ДП-ОО. 1898. Д.6, ч. 1667. Л.436 об).

В январе в Швейцарии и Германии С. провёл серию дружеских встреч с марксистами-эмигрантами Аксельродом, Воденом, Засулич, Крупской, местными гуру Каутским, Г. Брауном. 20 мая 1902 С. окончательно разорвал свои легальные связи с России, подав в Совет присяжных поверенных Округа Санкт-Петербургской Судебной палаты заявление о выходе «из состава помощников присяжных поверенных»*, в который он вступил, видимо, ещё в 1895 году по окончании экстерном юридического факультета Санкт-Петербургского университета. В апреле 1902 планы С. стали известны русской полиции, 1 июня 1902 Департамент полиции выпустил циркуляр, согласно которому С. должен быть немедленно арестован при появлении в России**, а 18 июня (1 июля) 1902 вышел в свет первый номер журнала.

Бернштейнианский ревизионизм и острая борьба с ним стали ложными целями во внутрипартийной полемике марксистов, уведя внимание от главной перемены исторического момента: русская левая интеллигенция массово начала сосредотачиваться не вокруг доктринальных дискуссий марксистов, а вокруг внятного дела политического освобождения, внепартийное знамя которого подняло «Освобождение» С., и вокруг сети распространения которого в России уже в начале 1904 сложился лево-либеральный «Союз Освобождения» (внутри руководящего ядра которого было ясно заметно присутствие социалистов-идеалистов⁴). Под эту широкую коалицию С. и его «идеалистическое направление» (особенно в журнале Булгакова и Бердяева «Новый Путь» осенью 1904 и «Вопросы Жизни» в 1905 году) и стремились сформировать «новое мировоззрение», придающее обескрыленной практике социалистической борьбы новые идеалистические горизонты. Получалось, что идейный поиск представлял большой смысл

* Письма П.Б. Струве к Н.А. Струве: РГАСПИ. Ф.279. Оп.1. Д.62. Лл. 1 об., 5, 10.

** Там же. Л.43 м.

не для спасения социал-демократии от оппортунизма, а для идейного достраивания современного русского либерализма на основе социал-либерального идеализма, над которым потрудились «Проблемы идеализма» и «идеалисты». В 1903 году С. привлёк известного марксиста-аграрника Булгакова к составлению аграрной программы либеральной оппозиции, давшей начало «Союзу Освобождения», а сам настоял на подготовке программы по рабочему вопросу, во всех своих положениях бывшей программой государственного социализма.

Наиболее опытные и с большим интеллектуальным горизонтом русские марксисты, особенно бывшие соратники С., увидели это очень ясно. Обсуждая вопросы недавней истории русского марксизма для исследовательского проекта «Общественное движение в России в начале XX-го века» (1909–1914), Мартов и Потресов, внутри этого проекта упорно перетолковывавшие даже самые случайные и индивидуальные события в категориях классового анализа (в итоге в дружеском дуэте генеральских сыновей С. и Потресова первый оказывался представителем мелкобуржуазной демократии, а второй — пролетарского революционаризма), не могли скрыть друг от друга более существенные обстоятельства. А именно то, что в 1900-е Плеханов, ведя полемику против С. как продолжение полемики против Бернштейна, просто сводил личные счёты, а главное направление эволюции С. было, конечно, не в сторону «бесцельного» Бернштейна, а в сторону либерализма*.

Именно в начале 1900-х во внутрисоциалистической полемике в ходе практического партийного строительства и родилось клеймо «легального марксизма», активно введённое в оборот Лениным, с тем чтобы показать и доказать изначальную «буржуазность» и «нереволюционность» марксистских «академиков», то есть на деле тех, кто — *не прекращая*

* Ю.О. Мартов, А.Н. Потресов. Письма 1898–1913 / Сост. И.Х. Урилов. М., 2007. См. переписку 1908 года.

нелегальной работы – в 1890-е гг. были идейными лидерами и организаторами, спонсорами и практическими руководителями марксистской и социал-демократической практики в легальных институциях, в первую очередь – в легальной печати. Ирония этого полемического клейма состояла в том, что *никто* и нелегальных или эмигрировавших марксистов и революционеров вообще, в том числе сам Ленин и его конфиденты, никогда сами не пренебрегали возможностями, в том числе материальными, например, легальной печати и книгоиздания, для Ленина лично в течение всех 1890-х годов связанных исключительно и лично со Струве. На это тогда же публично и печатно Ленину и своим партийным товарищам указал центральный участник этой легальности 1890-х, тоже политически порвавший со Струве, – Потресов. Однако именно ленинское клеймо победило в русской, советской и западной историографии, и до сих пор, за редкими исключениями, преобладает даже в энциклопедической литературе.

Дополнительную иронию клейму «легального марксизма» придал годы спустя сам Струве, в строительстве мифа своей жизни принявший полемическую эту подачу для утверждения своей якобы изначальной марксистской неортодоксальности и «буржуазности», мемуарной формулой которого стал для него «легальный марксизм»⁵. В этом Струве не только отвергал германский образец социал-демократической легальности, но и прямо противоречил общеизвестным фактам того, что никакой в принципе общепринятой и общеобязательной марксистской ортодоксальности ни в Германии вообще, ни в России до 1918 года не существовало, а вся «ортодоксальная нетерпимость», прежде осуждаемая самим Струве в полемике против части революционеров, была зеркальным клеймом на уличения в предательстве мифической догмы.

Наблюдатели не раз отмечали, что в Германии именно катедер-социалисты конца XIX века в начале XX века опре-

делили экономический язык и принципы государственного управления экономикой и управления крупнейшими корпорациями. Всё это уже в начале 1920-х гг. было подвергнуто восходящей звездой либертарианства Людвигом фон Мизесом резкой критике в качестве преступного социализма. Крах Веймарской республики, приход к власти нацистов, нацификация Австрии породили целое поколение австро-немецких критиков социализма и всего, что не крайний либерализм, – которые неизменно нашли приют в США, и в конце и после Второй мировой войны сформулировали доктрину тоталитаризма, отталкиваясь от немецкого опыта нацизма и антисемитизма, но и от государственной социальной политики, порождённой социал-демократической «легальностью» конца XIX века: Л. фон Мизес, Ф.А. фон Хайек, Й. Шумпетер, Х. Арендт, К. Фридрих. В США этого времени им интеллектуально сопутствовали члены Заграничной делегации РСДРП (меньшевиков), поделившиеся с властями США своей многолетней экспертизой в области практики марксизма в России и СССР и, в том числе, категорическим отвержением мифа об «однопартийной диктатуре», отделявшей ортодоксов от неортодоксов.

Позже, подводя итог одному из своих научных замыслов, С. признался, что 1900–1901 гг. стали временем, когда ему «пришлось отложить» свои научные труды (по экономической истории, теоретической политической экономии, философии) – «так как на целый ряд лет я отдался исключительно публицистически-политической деятельности»*. К систематической научной работе С. вернулся лишь в 1913 году, но ненадолго, так и не завершив целостное изложение ни одной из своих научных теорий.

На этом пике свершилось и необратимое поражение С. в политических правах и его последующее почти полное

* *Пётр Струве*. Крепостное хозяйство: Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. С.VIII.

погружение в нелегальную политическую борьбу, которое в целом и положило конец его главным творческим открытиям. Как вспоминал позже многолетний соперник С. в борьбе за лидерство в русском либеральном движении Милюков, расставшись с марксизмом и поступив к работе в рамках либерального движения, С. «перестал быть идеалом молодёжи»*.

4 марта 1901 С. принял участие в масштабной демонстрации возле Казанского собора Санкт-Петербурга в поддержку студентов, уволенных администрацией из университета с отдачей в солдаты. Демонстрация была разогнана полицией, С. был избит и арестован на две недели, после чего по решению Особого Сопровождающего от 27 марта 1901 административном порядке был выслан из столицы на два года под гласный надзор полиции с запрещением проживать в столицах, университетских городах, Риге и Ярославле**.

Чуткий и просвещённый современник, студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, участник кружка А.С. Лаппо-Данилевского Р.В. Иванов (Иванов-Разумник) вспоминал о том дне так:

«Время действия — полдень 4 марта 1901 года, место действия — площадь у Казанского собора в Петербурге. Площадь залита многочисленной толпой: студенты "всех родов знания", главным образом универсанты, но много и технологов, и горняков, и путейцев; молодые девушки — слушательницы Высших женских курсов. Много и штатских людей, среди них немало и пожилых. Вижу в толпе седобородую и всегда весело оживлённую фигуру известного публициста Н.Ф. Анненского; неподалёку от меня две восходящие марксистские звёзды — ходившие тогда в социал-демократах П. Б. Струве и М.И. Туган-Барановский. Но молодёжь — преобладает, заливают густую толпой всю громадную площадь. Тротуары Невского проспекта тоже залиты и просто любопытствующими, и втайне сочувствующими

* П.Н. Милюков. Воспоминания [1940]. М., 1991. С. 137.

** ГАРФ. Ф.102. ДП-00. Д.59 л. А. Ч. 2 (1910). Л. 46.

зрителями: всем известно, что ровно в полдень, когда ударит пушка с Петропавловской крепости, студенты пойдут демонстрацией по Невскому проспекту.

На демонстрацию эту нас созвал подпольный студенческий Организационный Комитет, чтобы выразить этим протест против мероприятий министра народного просвещения Боголепова, создателя "временных правил" о сдаче в солдаты студентов, наиболее замешанных в бурно развивающемся студенческом движении. Боголепов был убит выстрелом бывшего студента Карповича 14 февраля 1901 года, но "временные правила" не были отменены. В виде протеста мы объявили забастовку в стенах университета, а теперь заключали её демонстрацией на улицах города; тысячи студентов отозвались на призыв Организационного Комитета... В прокламации, выпущенной 4 марта, Организационный Комитет (официально именовавшийся "Советом объединённых землячеств и студенческих организаций") обращался не только к студенчеству, но и ко всему русскому обществу: "Выступая на защиту попранных прав человека, на борьбу за них на общественно-политическом поприще, мы обращаемся ко всем слоям общества. Идите с нами!".

Итак — мы на площади; шумно оживлённая, нервно возбуждённая толпа — и ни одного полицейского. Полиция, пешая и конная, вместе с отрядами казаков, до поры до времени запрятана во дворах прилегающих к площади домов. Ждём сигнала. Ударила полуденная пушка — и началось...

В середине площади, в густой толпе молодёжи, развернулся красный флаг — и в ту же минуту распахнулись ворота домов на Казанской улице и Екатерининском канале, отряды казаков врезались в толпу, работая наотмашь нагайками. Вопли боли и ярости, стоны раненных; крики негодования зрителей, которых пешая и конная полиция, разгоняя, избивала на тротуарах...

Полная победа в несколько минут оказалась в руках казаков и полиции; мы были разгромлены, избиты, оттеснены к ступеням Казанского собора, куда и ввалились толпой, поддерживая раненных; их мы сложили на мраморные скамьи около гробницы Кутузова...

В соборе заканчивалось воскресное богослужение, прерванное нашим появлением, шумом и криками....

Земное начальство вскоре появилось в соборе в образе бородатого полицейского полковника, пристава Казанской части. Собор к тому времени до отказа наполнился студентами, искавшими спасения от продолжающегося на площади избиения и начавшихся арестов. . . пристав. . . обратился к нам с речью такого содержания: западные ворота собора широко открыты для тех, кто пожелает спокойно уйти домой, доказывая этим, что их присутствие на площади было случайным и что они — граждане вполне благонамеренные; оставшиеся будут рассматриваться как бунтовщики, и с ними будет поступлено по всей строгости закона; он даёт нам полчаса на размышление и на исход из храма, после чего оставшихся арестуют, и пусть они пеняют сами на себя. . .

Не для того мы шли на демонстрацию, чтобы доказать свою гражданскую благонамеренность! Но надо сказать правду, что после речи пристава толпа в соборе стала редеть и редеть: многие то небольшими группами, то поодиночке, конфузливо таясь, стали пробиваться к "западным воротам". . .

Когда через истекшие полчаса пристав вновь явился в собор, в нём оставалось только человек пятьсот-шестьсот студентов и сотня курсисток. Пристав развёл руками, сказал: "Вы сами этого хотите"— и предложил нам выходить через "западные ворота" на Казанскую улицу, где нас уже ожидал сильный наряд полиции, окруживший нас и во главе с приставом направивший наши стопы прямо в полицейскую Казанскую часть, что неподалёку от Мариинского театра. Нас ввели во двор этого участка, заперли за нами ворота — и предоставили с часа дня и до позднего вечера проводить время по собственному нашему усмотрению. В середине дня нам дали хлеба, который мы по-братски между собой поделили. "Тогда считать мы стали раны, товарищей считать". Среди толпы студентов и курсисток выделялось только несколько штатских (**не в студенческих мундирах — М.К.**), а среди них — почтенные марксистские Диоскуры, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский*.

* *Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Сост. В. Г. Белоус. М., 2000. С. 98–101.*

Поражённый в правах, ограниченный в географии передвижений, готовясь выехать в эмиграцию на неопределённо долгий срок для издания нелегального для России оппозиционного журнала «Освобождение», С. под прозрачным криптонимом* выступил в журнале «Вопросы философии и психологии» с исповеданием своего нового политического и идейного мировоззрения, которое биографически вполне могло оказаться и политическим завещанием и потому привлекло к себе особое внимание идейно-политической общественности. Наследуя риторической традиции И.С. Аксакова («В чём недостаточность русского патриотизма», 1864**) и посвящая свой труд памяти В.С. Соловьёва (умершего 31 июля 1900), в статье «В чём же истинный национализм?» С. изложил систему обоснования того, что можно назвать национальным возрождением на основе западного пути развития, синтезирующую наследие Фихте, Герцена, Соловьёва («Национального вопроса в России»), народнического народолюбия***, права человека как основу «естественного права» и сердцевину «истинного либерализма». И поэтому он ополчился против славянофильского сужения «национального духа» до консервативных задач и одновременно максимально расширил смысл либерализма как движения «общенародного и идеального происхождения», начатого за «свободу совести» и служащего демократической практике, а не материальным интересам буржуазии. В финале С. сформулировал свой призыв к национальному освобождению как призыв к освобождению личности: «Если верно, что "нация

* Он был вскоре раскрыт Бердяевым, несмотря на то, что С. ещё находился в эмиграции: Николай Бердяев. О новом русском идеализме // Вопросы философии и психологии. Ноябрь – декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 697.

** Ср.: М. Катков. Истинный и разумный патриотизм // Московские ведомости. 14 мая 1863. № 103.

*** Впрочем, здесь С. явно перетолковывает социально-сословное понимание «народа» в духе русского XIX века как, в первую очередь, (общинного) крестьянства – в пользу его внесословного и внесоциального смысла как «нации» (в духе немецкого *Nationalwirtschaft* переводимого в русской и советской традиции как «народное хозяйство» или французского *Nation* переводимого как «нация» польским словом *narod*).

есть начало духовное", то истинный национализм не может быть ничем иным, как безусловным уважением к единственному реальному носителю и субъекту духовного начала на земле, к человеку»⁶. В этой проповеди С. следовал Новгородцеву, который за полгода до этого так же обращался к *правовому* наследию Соловьёва. В речи на торжественном заседании Московского психологического общества в память В.С. Соловьёва 2 февраля 1901 года он сказал о философе:

«С горячностью истинного патриота он стремился указать своей стране истинный путь, — "путь жизни". Время ещё не ушло, и выбор свободен. "Мы не признаём предопределения ни в личной, ни в народной жизни, — писал он, — судьба людей и наций, пока они живы, в их доброй воле. Одно только мы *знаем наверное*: если Россия не исполнит своего нравственного долга, если она не отречётся от национального эгоизма, если она не откажется от права силы и не поверит в силу права, если она не возжелает искренно и крепко духовной свободы и истины, — она никогда не будет иметь никакого успеха...»*

Здесь С., вслед за Новгородцевым, дал своим сподвижникам по идеалистическому реформированию социализма формулу национального возрождения, которая легла в основу недолговечного (1902–1906) «идеалистического направления» (в освободительном движении**) и была горячо поддержана⁷, в частности, Булгаковым, который источник своего вдохновения также (но в гораздо большей степени) нашёл в наследии В.С. Соловьёва⁸.

Отходя от партийных рамок практического марксизма, претендуя выстроить широкий фронт социалистов и либе-

* П.И. Новгородцев. Идея права в философии Вл.С. Соловьёва [1901] // П.И. Новгородцев. Об общественном идеале / Сост. А.В. Соболев. М., 1991. С. 529–530. Впервые опубликовано в Кн. VI «Вопросов философии и психологии» за 1901 год.

** К нему, кроме большинства авторов сборника «Проблемы идеализма», можно отнести и близкого к ним тогда С.А. Котляревского и ряд других авторов журналов «Вопросы философии и психологии» и «Вопросы Жизни».

ралов в борьбе против самодержавия, С. надеялся, вслед за законоучителями СДПГ, придать своему социализму громкое философское звучание в духе Фихте и Лассаля. Для большинства его партийных товарищей такой поворот С., несмотря на всю публичность его эволюции и несмотря на его укоренённость в партийной и теоретической литературе СДПГ, включая наследие Энгельса, был неожиданным, оторванным от практики и неприемлемым, неприятно созвучным (их различие не было очевидным) «ревизионизму» Бернштейна. Ленин позже не раз писал о том, что якобы с самого начала чувствовал и порицал «неполноценность» С. как марксиста, но на деле так и не понял, не оценил и не подверг внятной критике его «идеалистических» поисков 1897–1898–1899 годов, когда литературное сотрудничество со С. было наиболее близким. Вероятно не только потому, что оставался некомпетентным в тех специальных философских вопросах, в решении которых С. выстраивал своё «новое мирозерцание», но и потому, что просто не хотел рисковать утратой возможностей, которые предоставляло ему внутрипартийное сотрудничество со С. Ближайшая соратница Плеханова по марксистской группе «Освобождение Труда», в прошлом героиня террористического народовольчества, близкая знакомая С., которой он всю жизнь восхищался независимо от политических разногласий, участница его издательских предприятий, Засулич разъясняла в немецком партийном органе «*Neue Zeit*» механизм раскола русского марксизма этого времени:

«В начале движения для русских социал-демократов общепризнанным образцом считалась немецкая социал-демократия; во время же экономизма, напротив, в качестве образца приводились английские тред-юнионы и бельгийская партия с её кооперативными товариществами... на людей, взгляды которых только ещё начали оформляться, самым роковым образом подействовал тот переворот, который произошёл в мыслях известнейших "столпов" марксизма Струве и Ко,

работавших в легальной прессе. (Другие, которые писали в легальной прессе из мест ссылки или изгнания, могли пользоваться лишь незначительным влиянием уже по той причине, что они оставались незнакомыми для читателей, так как они почти каждую статью должны были подписывать разными псевдонимами)*.

Призыв С. к русской социал-демократии вернуться к идеалистическому пафосу Фихте и Лассаля был новым только именно для России, будучи излишним для СДПГ, где оба неизменно поминались с неизменным почтением, и был поддержан рядом единомышленников и учеников С., но почти не встретил позитивного отклика в партийных рядах, где некоторые не без оснований готовы были поднять его на смех за попытку искусственного, умозрительного, «интеллигентского» и кабинетного пафоса. При этом даже после того, как бернштейнианский ревизионизм доктрины актуализировал проблему философского обоснования исторического материализма, а философское разнообразие в СДПГ и западном социализме в целом превысило нормативное умолчание о философии как о *Privatsache* и стало предметом широко распространившейся моды, в том числе в России, к столетию «Речей к немецкой нации», в партийной печати один из партийных и публицистических патриархов СДПГ Франц Меринг (никогда не дезавуированный марксистской ортодоксией в России и в СССР) выступил с новой апологией обоих культов:

«Никто из лиц, явившихся после Фихте, не понял этого идеализма [Фихте] так глубоко, так резко и по существу, как Фердинанд Лассаль. Он принял политическое наследие Фихте, вырвав его из опустошительных рук "образованных сословий" и передав его, как важное национальное дело, народу, который к тому времени созрел, мог отказаться от всякой помощи и с тех пор крепкими своими руками

* В.И. Засулич. Террористическое движение в России [1902] // В.И. Засулич. Избранные произведения. М., 1983. С. 366–367. Здесь эта статья впервые увидела свет на русском языке и была переиздана. См. кстати: Ю.А. Пелевин. Казус Засулич // Вопросы истории. М., 2015. №№ 1, 2, 3, 4.

неустанно работает над осуществлением самой величественной идеи Фихте, открывшейся лишь взору умирающего мыслителя: над осуществлением истинного царства права, основанного на свободе и равенстве всех носящих человеческий образ и подобие»*.

Одновременно с подготовкой «Проблем идеализма», С. предпринял экспериментальное издание книги Бердяева с продолжением критики народнической «субъективной социологии», начатой в «Критических заметках» С. «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» (СПб, 1901), снабдив его своим огромным предисловием, фактически – небольшой монографией. Книга стала наиболее серьезным шагом к философскому примирению С. с «субъективизмом» Михайловского и философской программой «идеалистического направления» в социализме, которое собственно и создало на десятилетия вперед особую моду на философию в русском социализме в целом. Одновременно «прощение» в радикальной среде получила и многолетняя борьба общественно маргинального антипода Михайловского – Вольнского «за идеализм»⁹. Однако большинство участников освободительного движения против самодержавия воспринимало этот «идеализм» как прежнее антиреволюционное «упадничество» и идейная капитуляция перед церковной санкцией самодержавия¹⁰. Соединение простой религиозности и социального протеста удалось лишь рабочему движению в Санкт-Петербурге во главе с Г.А. Гапоном. Соединение философского идеализма и религиозности с революционностью интеллигенции осталось делом узкого социального круга.

Рафинированный философ, эстет и практический социал-демократ Л. Габрилович (Галич) так оценил предисловие С. к книге Бердяева:

* Ф. Меринг. Речи Фихте к германскому народу [1908] // Ф. Меринг. На страже марксизма / Пер. Е.и И. Леонтьевых. М., 2011. С. 189.

«Впервые "возвращение к метафизике", как лозунг передового движения, было брошено П. Б. Струве (...) Это яркое, блестящее предисловие, в сжатой афористической форме содержащее целое мировоззрение, послужило мощным ферментом. Вокруг него заиграла и забродила молодая русская публицистика (...) в конце 1902 года вышли "Проблемы идеализма", в которых необходимость метафизики высказывалась уже не как боевой тезис, а как самоочевидная предпосылка, не подверженная никакому сомнению. Вина за этот новый "этап" падает в значительной мере на бывшего главаря марксистов П. Б. Струве. (...) Философская начитанность Струве помогла ему отыскивать аргументы для утверждения "потусторонних" исканий на основаниях, схожих с легальными. Знаменательно, что "обращение" Струве послужило как бы сигналом к быстрому и поголовному "обращению" по всей линии марксистов-ревизионистов. То, что раньше целомудренно пряталось за кантианство, в приспособлении Штамлера, обнаружилось решительно и внезапно»*.

В предисловии к книге Бердяева С., по замечанию внимательного современника, «отрицает возведение классово-экономической точки зрения в необходимость и, следовательно, ратует за полный простор для теоретической мысли. В сущности говоря, у Струве тут ничего не остаётся от исторического материализма»**.

Популярный как автор очерков истории общественности и, благодаря своей партийности как социалиста-революционера, независимый по отношению к внутримарксистской полемике такой интеллектуальный свидетель, как Иванов-Разумник дал этому совместному труду С. и его протеже Бердяева оценку в контексте его времени и очевидных для современных ему читателей авторских усилий:

* Леонид Габрилович. Новейшие русские метафизики (спор о возможности метафизики) // Вопросы философии и психологии. Ноябрь – декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 646–647.

** А. Дживилегов. [Рец.] Николай Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. С предисловием Петра Струве // Вопросы философии и психологии. Январь – февраль 1902. Кн. I (61). II о. С. 613.

«Книга Бердяева-Струве была попыткой построения социологического (и именно социалистического) мировоззрения на основе трансцендентально-нормативного неокантианства, развитого в цельную и стройную систему Виндельбандом, верным учеником которого и является в этой книге Бердяев. (...) Новое "идеалистическое" течение сыграло во всяком случае громадную и развивающую роль. Марксизм поспешно ухватился за философию Авенариуса и Маха, признав этим самым бессилие философской позиции диалектического материализма; господствовавший раньше позитивизм принуждён был занять оборонительное положение. Высшей точки успеха идеалистическое течение достигло в 1903 году, когда появление сборника "Проблемы идеализма" было своего рода событием в истории развития русской философской мысли. В сборнике этом мирно уживаются рядом и трансцендентальный, и трансцендентный идеализм в борьбе против общего врага — позитивизма. (..) Книга Бердяева "Субъективизм и индивидуализм в общественной философии" объявила войну настолько же субъективизму Михайловского, насколько и ортодоксальному марксизму (...) Бердяев, однако, имел мужество признать, что во многом он стоит ближе к Михайловскому, чем к его противникам девяностых годов. (...) в книге этой и статьях единомышленников русская социалистическая мысль вышла наконец на верный путь из того позитивистского тупика, в котором она беспомощного толклась более полувека. Начинается новый период в истории русской философской мысли, новая полоса в эволюции русской интеллигенции; старые идеалы получили новую точку опоры, получили несколько иную форму и изменили свой центр тяжести»*.

Позже С. окончательно сформулировал своё кредо, в котором, по-видимому, вплоть до 1917 года сильнее всего звучал мотив превращения революционного социалиста не в консервативного реформиста, как пытались показать его марксистские критики, а скорее в индивидуалистического вождя

* Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. В 3-х тт. Т. 3. М., 1997. С. 187–188, 190.

авангардистского и модернистского типа, созвучного новой культуре его времени:

«Не религиозной ли смертью либерализма объясняется то, что он оказывается идейно так беспомощен в борьбе с социализмом, который практически лишь гораздо последовательнее своего секуляризованного родителя, а идейно с ним совершенно тождествен?! Социализм был верой в тысячелетнее царство, которое *принципиально* отличается от всей предшествующей истории; являясь, как с довольно забавной метафизической наивностью сказал Энгельс, "прыжком из царства необходимости в царство свободы". Именно эта формальная религиозность, этот энтузиазм, прикреплявшийся к социализму, представлял себе, вопреки принципу эволюции, будущее общество не просто как усовершенствованное, или преобразованное, а как *совершенное, или преображённое*».

Кредо, достроенное от идеализма до религиозности, звучало так:

«На смену современному религиозному кризису идёт новое подлинно религиозное мирозерцание, в котором воскреснут старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма — идея личного подвига и личной ответственности, осложнённые новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как *творческая* автономия. (...) Человек, как носитель в космосе личного творческого подвига — вот та центральная идея, которая... захватит человечество, захватит его *религиозно* и вольёт в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера»*.

Какую же судьбу выбирал себе С., расставаясь с партийной социал-демократией и не спеша перестать быть социал-демократом в личном качестве? Несмотря на политические ангажированные мемуарные интерпретации своего марксистского прошлого как едва ли не буржуазной апологии капитализма в полемической, столь удачно изобретённой Лениным

* Patriotica. С. 611. «Религия и социализм», 1909.

и позже принятой С. оболочке «легального марксизма» – в их обоюдных интересах оказалось важным дезавуировать их радикальное сотрудничество в 1890-х – С. дал вытнтые описания того, как ему виделась судьба этаблированного социалиста, на примере того, кто повлиял на него не только идейно, но и образом биографии. В поздней немецкой энциклопедической статье о социальном либерализме он писал об эволюции Луио Brentano в 1890-х гг.:

«Брентано превратился в наиболее социально-политически опытного в академических кругах союзника социал-демократии и в этом качестве оказал, бесспорно, огромное влияние на молодое поколение немецких социалистов и профсоюзных деятелей, сам сознательно и бессознательно испытал влияние социал-демократии как мощного социального и политического движения»*.

Проводя в применении к социологу Ф. Теннису градации догматичности социал-демократических мыслителей от крайней (через стадии: «вульгарный марксист», «последовательный марксист», «партийный социал-демократ») – к минимальной, С. в этой градации говорил и о себе: «я сам – *тогда* ещё умеренный социал-демократ-ревизионист (...) протагонист русского неортодоксального марксизма, выросший из либеральных потребностей и освободительных припадков русской интеллигенции...»**.

* П. Струве. Социальный либерализм [1932] // П.Б. Струве. Избранные сочинения. С. 414–415. Пер. с нем. Н.С. Плотникова.

** П. Струве. Фердинанд Теннис (1855–1936). К оценке его социально-философского и социологического творчества [1937] // Там же. С. 425. Пер. с нем. Н.С. Плотникова. В его переводе: «либералистских припадков».

1901–1905: «идеалистическое направление»¹ в русском социализме

Провинциальный киевский журналист, позже получивший некоторую известность в качестве религиозно ищущего революционера, восторженно приветствовал «идеалистически» поиск бывших «критических марксистов» и основанное ими направление. Особую роль в этом деле он отводил и своим землякам-киевлянам, ставшим таковыми либо по праву рождения / воспитания Аскольдову, Кистяковскому и Бердяеву, либо по месту профессорской службы Е.Н. Трубецкого и Булгакова (к ним можно добавить и уроженцев малороссийской Екатеринославской губернии Новгородцева и Лаппо-Данилевского). Он писал: «я отметил тот отрадный для киевлян факт, что большинство лучших статей в новом сборнике передовых русских учёных и философов – "Проблемы идеализма" – принадлежит киевлянам». Но центром тяжести в этой апологии было не краеведение, а вполне искреннее признание того, что *идеализм* служит от века человеческим стержнем борьбы участников освободительного движения против самодержавия и за социализм: «*Идеализм – синоним прогресса*, – мне думается, что эта истина, несмотря на все печальные исключения из неё, имевшие место до сих пор, сделается в близком будущем всеобщим достоянием»*.

* И. Книжник. Философствующий «туризм» в роли прокурора // Киевская газета. № 36. 5 февраля 1903. С. 2.

Тем временем именно «свобода совести» была дебютной организующей идеей сборника «Проблемы идеализма», с инициативой которого осенью 1901 года выступил С., затем попросив главного энтузиаста возрождения «естественного права» Новгородцева стать его титульным составителем².

Традиционно видя образец достижения целей политического либерализма в религиозном и институциональном опыте Британии, С. просил принять участие в сборнике только что эмигрировавшего в Англию историка-англомана П.Г. Виноградова, но тот отказался.

Под впечатлением от выступления предводителя дворянства Орловской губернии М.А. Стаховича* в защиту свободы совести³, осенью 1901 года С. начал организацию «идейного сборника» — «в защиту идеализма», впоследствии получившего название «Проблемы идеализма» (издан на средства Д.Е. Жуковского под эгидой Московского психологического общества Московского университета в ноябре 1902), в котором, поручив официальное ведение дела либеральному правоведа Новгородцеву, объединил своих немногочисленных единомышленников по русскому «критическому марксизму» и «идеалистическому направлению» Кистяковского, Булгакова, Бердяева, Франка и своих новых политических союзников в среде либеральных философов-соловьёвцев — С.Н. Трубецкого, Е.Н. Трубецкого и др. В своей статье сборнике С., укрывшийся за криптонимом (П.Г.), вновь сводит счёты с Михайловским за его позитивизм, хваля его за поиск «целостного мирозерцания» понимаемого как поиск идеальных, абсолютных основ мировоззрения. Выступая с фактически автобиографической рецензией на формально избранную им книгу о Михайловском**, С. дал первый в таком роде очерк

* А.Б. Гуларян. М.А. Стахович: политические взгляды и общественная деятельность // Российская история. М., 2012. № 2.

** С.П. Ранский. Социология Н.К. Михайловского. СПб, 1901.

собственной идейной эволюции как примера и части идейной борьбы в стране («К характеристике нашего философского развития»). К такому, лишённому скромности жанру описания истории русской общественной мысли конца XIX–XX веков сквозь призму своей биографии, С. впоследствии прибегал не раз. С. здесь от имени «критических марксистов» щедро признал важной идею Михайловского о независимости «должного» от «сущего», ещё недавно служившей ему примерно субъективистского произвола народников-социалистов перед лицом марксистского «объективизма», и провозгласил, что теперь «критическими марксистами» открывается «широкая область метафизического творчества» на основе онтологии и этики В.С. Соловьёва, системы Б.Н. Чичерина, панпсихизма А.А. Козлова (в сборник был приглашён его сын С.А. Аскольдов), «конкретного идеализма» С.Н. Трубецкого.

Несмотря на то что центральную роль в его составлении сыграл именно С., сборник «Проблемы идеализма» был издан под титульной редакцией Новгородцева, а самому С., как политическому эмигранту и публичному редактору выходившего в эмиграции с лета 1902 г. и нелегально распространявшегося в России журнала-газеты «Освобождение», пришлось скрыть своё участие в сборнике под узнаваемым псевдонимом. Это не помешало С. сформировать влиятельное лобби «практической философии», заинтересованное в практическом соединении философского идеализма с политическими либерализмом и радикализмом. Философски ангажированный марксист, не разделяя заявленной, по его мнению, более всего в статьях Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Жуковского, позиции «Проблем идеализма», вполне адекватно изложил идейную суть и политические пределы перемен в лагере революционеров, вступивших в коалицию с либералами: он увидел прежнее единство авторов сборника с традиционными революционерами в «практических вопросах», которое укреп-

пило «психологический» успех книги в среде интеллигенции. Сборник в его изложении всего лишь установил приоритет должного над сущим и отказался от позитивизма потому, что он был признан неспособным обосновать моральный идеал революционеров, за обоснованием которого они обратились к религии и философскому идеализму⁴.

В свою очередь, либеральный критик и идеалист, в главном повторяя марксистского критика, внятно определил вес и непосредственную причину названного успеха:

«Эта книга обратила на себя особенное внимание русского общества; ею заинтересовались даже те, кто вообще не склонен раскрывать сочинения философского характера. (...) Объясняется это, конечно, тем, что центр тяжести этой объёмистой книги лежит не столько в достоинствах её философского содержания, сколько в тех общественных воззрениях и симпатиях, которыми проникнуты её авторы — в своём большинстве, недавние или новые гости в доме отвлечённого мышления. Не то, что говорит эта книга, а то, "о чём она думает"⁵ — вот для многих её притягательная сила. Если бы "Проблемы идеализма" написали исключительно философы-специалисты, мирные деятели учёных кабинетов, то они, бесспорно, не вызвали бы такого шума и страстей. Но самые имена писателей, которые до сих пор известны были своей работой в иных областях теории и практики и которые чаще всего примыкали к действительному марксизму, — самые эти имена сосредоточили вокруг себя новый и обширный контингент читателей. (...) "Проблемы идеализма" хорошо показывают, что служение передовым гражданским идеалам и спиритуалистическое мировоззрение вполне совместимы. Но кто знаком с историей философии, тот в этом никогда и не сомневался»^{*}.

Редакция издаваемого Московским психологическим обществом журнала «Вопросы философии и психологии» в это время широко открыла свои страницы для представителей

^{*} Ю. Айхенвальд. [Рец.] Проблемы идеализма. Сборник статей под редакцией П.И. Новгородцева // Вопросы философии и психологии. Март – апрель 1903. Кн. II (67). II о. С. 333, 356.

«идеалистического направления», главой которого в России, в отсутствие С., стал Булгаков, — для самого Булгакова, Франка, Бердяева, близкого к ним правоведа С.А. Котляревского, который в те дни ярко заявил о себе диссертациями о католическом социализме и религиозном факторе национального освобождения. Вплоть до издания журнала «Вопросы Жизни» в 1905 году (и осенних месяцев журнала «Новый Путь» 1904 года) этот журнал стал фактически философским органом направления, что было замечено не только критиками, но и радикальной аудиторией⁶. Кроме того, в одном номере с текстами Булгакова, Новгородцева, Аскольдова, Е.Н. Трубецкого немедленно по выходе в свет «Проблем идеализма», не опасаясь эмигрантского статуса С. и демонстрируя солидарность с его новым политическим идеализмом, «Вопросы философии и психологии» опубликовали неумеренно апологетическую рецензию другого соавтора С. по «Проблемам идеализма», Франка, на сборник С. марксистского и «критического» периодов «На разные темы» (1902), прямо называя автора по имени. Франк с наибольшей точностью выразил, очевидно, оригинальный пафос и основные тезисы авторского мифа С. о своём призвании и задачах развиваемой им русской политической мысли, воспринятые рецензентом «из первых рук». Франк тем активней форсировал свой апологетический тон, что честно признавал факт невнимания общества и печати⁷, с которым была встречена эта книга. «Весьма крупную величину» 33-летнего С. в русской современности Франк первым из биографов С. увидел (и превратил эту формулу в банальную) в соединении в проповеди С. «науки и публицистики, теории и практики, отвлечённой и прикладной мысли», которое оказывалось ответом на давнюю проблему, поставленную «субъективным методом» Михайловского так, как её акцентировал сам С. (а позже довёл до хрестоматийного звучания Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда» в сборнике «Вехи»). В твор-

честве С. этот ответ Франк обнаружил в том, что его «искание *практической* правды – правды социально-политической, этической и отчасти даже (в последнее время) религиозной... [при том что у других деятелей] жажда "правды–справедливости" (термин г. Михайловского), потребность найти нравственно удовлетворяющие ответы на "проклятые вопросы"... редко уживается мирно и гармонически с влечением к "правде–истине"» – и достигнутое С. соединение морали, политики и науки*. Пример такого соединения апологет увидел в «Критических заметках» С., где «вывод о неизбежной европеизации русской экономической жизни» опирался одновременно на экономический анализ и теорию познания.

Примечательно, что «критический» сборник С. приветствовал и его политический оппонент, марксист-бернштейнианец Прокопович в марксистском журнале «Образование». Он писал, также прямо приветствуя эмигранта: «Сборник статей П.Б. Струве представляет собою самое крупное литературное явление за это год. Струве по праву занимал и занимает первое место среди молодого поколения писателей, вступивших в литературу в середине 90-х годов. Его кругозор гораздо шире поля зрения его соратников по перу; он уважает и ценит теоретическую мысль и литературу вообще и имеет смелость додумывать свои мысли до конца...». Прокопович точно вычленил в целом томе написанных по случаю статей С. его новую программу: в апелляции «назад к Лассалю и Фихте» – развитие мысли Фихте о том, что «конечная цель» – «устроить всеобщую жизнь и ввести человеческий порядок вещей»; в признании о новой основе своей этики: «Я признаю истину не потому, что она выражает точку зрения класса, представителем которого я себя чувствую (...) я выбираю эти идеалы потому, что они выража-

* С. Франк. [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.). Сборник статей. СПб, 1902 // Вопросы философии и психологии: Книга 66(1). Январь-февраль 1903. М., 1903. С. 96–97 (с неточным названием переиздано в: С.Л. Франк. Русское мировоззрение / Сост. А.А. Ермичев. СПб, 1996. С. 481–486).

ют то, что я считаю ценным. Моя интеллектуальная совесть и моя этическая совесть сами дают себе законы». Обоснованно привлекая к анализу не вошедшее в сборник обширное предисловие С. к книге его протеже Бердяева о Михайловском, Прокопович вычленяет из него формулу нового, этического и идеалистического социализма: «Социальный идеал должен быть подчинён идеалу этическому, социальная политика должна быть подчинена этическому началу (...) Мораль свободно выполняемого долга, состоящего в осуществлении абсолютного блага, есть единственная мораль, способная создать нового человека и новое общество...»*. Далее, защищая Бернштейна от «сектантских» претензий С. к нему как к «филистеру» и осуждения им экономических интересов пролетариата как буржуазных и их обслуживание ревизионистами, критик, однако, поддерживает С. в том, что его внеклассовая этика смыкает социализм с либерализмом: «Идею либерализма Струве вполне основательно видит в защите естественных прав человека, а не классовых интересов буржуазии»**.

«Проблемы идеализма» — как действие по сути коалиционное, объединившее недавних марксистов, а ныне — радикальных социалистов, с политическими либералами и политическими философами-наследниками В.С. Соловьёва и сторонниками «возрождения естественного права» — заметно отодвинули в тень самоорганизацию круга С., который в сентябре 1901 г. успел выступить с менее громким, но вполне громким манифестом, скандально посвящённым фигуре несомненного лидера радикальной оппозиции Михайловского в дни широкого празднования 40-летия его общественной деятельности***, — книгой Бердяева «Субъективизм и индивидуализм

* С. Прокопович [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.) Сборник статей. СПб, 1902 // Образование. СПб, 1902. № 10. III с. 80–81, 82, 84.

** Там же. С. 85.

*** Сорокалетие литературной деятельности Н.К. Михайловского отмечалось 16–17 октября 1900.

в общественной философии» и большим предисловием к ней С. (С. обнаружил в ссыльном марксисте Бердяеве близкие настроения и помог ему дебютировать в печати с проповедью соединения социал-демократии с философским идеализмом). В своём предисловии (написано ещё в сентябре-октябре 1900) С. прямо провозгласил от имени своих единомышленников, что книга Бердяева, имеющая своей целью «внести идеалистическую струю в марксизм», —

«знаменует собой в нашем направлении умственную жизнь и критическое движение, противопологающиеся духовной смерти и догматическому застою (...) В предлагаемой книге то практическое направление, появление которого в России относится к 90-м годам, составляя самый крупный факт в умственно-общественной жизни этого десятилетия, совершенно открыто и решительно делает поворот к философскому идеализму и вступает, таким образом, в союз с духовными силами, которые до сих пор лишь по историческому недоразумению считались ему враждебными (...) Исторически — мировоззрение Маркса вышло из оппозиции всякой идеалистической философии, в частности и гегелевскому логизму. С идеалистической философией у марксизма обще лишь стремление к широкому синтетическому построению мирового целого, т. е. обще лишь голая форма целостного мирозерцания. И то эта формальная связь сознательно устанавливается лишь во второй период литературной деятельности Маркса, когда его материализм становится диалектическим, когда происходит синтез материалистической метафизики и диалектической логики.

Важный шаг в деле критической перестройки марксизма на основе идеалистической философии делает книга Бердяева. Его критика, обращённая против г. Михайловского, направляется против ограниченности всякого позитивизма вообще... если отбросить скучную диалектику и ещё более скучный материализм, то и ортодоксальная форма марксизма представится нам в образе позитивизма»*.

* Пётр Струев. Предисловие // Н.А. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском [1901]. С. 8, 5, 10.

Развивая свою личную критику Михайловского, уже расставшись с классовым марксизмом, но вновь присягая «бесподобному научному зданию» Маркса в области социальной философии, С. вновь возвращается к проблеме сущего и должного — и здесь вынужден солидаризоваться с прежним и нынешним оппонентом против себя самого, прежнего марксиста середины 1890-х:

«Как классовая точка зрения не есть критерий истины, так интересы класса не суть критерий должного. Я признаю истину не потому, что она выражает точку зрения класса, представителем которого я себя чувствую, или благоприятна ему; наоборот, я потому стал на точку зрения этого класса, что в ней я нашёл истину. Я признаю такие-то идеалы ценными не потому, что они идеалы данного (моего) класса; наоборот, я выбираю эти идеалы потому, что выражают то, что я считаю ценным. Моя интеллектуальная совесть и моя этическая совесть сами дают себе законы, они — безусловно автономны. С точки зрения этих законов я исследую конкретную действительность и оцениваю её. Истина и идеал не заимствуют своего достоинства от классовой точки зрения, а сообщают ей это достоинство. Такова точка зрения философского идеализма. Принципиально, это — внеклассовая, общечеловеческая точка зрения, и было бы нечестно и смешно утаивать это. Г. Михайловский всегда совершенно правильно отстаивал самозаконность этической совести, о которой столь часто забывают ортодоксальные марксисты...»*

Уже в этом тексте, стоящем на границе «критического направления в марксизме» и «идеализма», С. настойчиво закладывал основу для включения в свою будущую программу освободительной коалиции и «естественное право», видя в нём юридическую и философскую основу для борьбы за полное политическое освобождение, главным смыслом которого было бы не просто ограничение самодержавия, а признание полных прав личности независимо от форм ограничения монархии:

* Там же. С. 24–25, 26.

«Отказ от "естественного права" представляется нам не только социологической или исторической ошибкой. Этот отказ для нас есть моральная невозможность. С той этической точки зрения, на которой мы стояли и стоим всегда, "естественное право" не может быть уступлено ни за чьё и ни за какое "счастье"»*.

Примечательно, что — как бы ни акцентировал С. внимание на необходимости этического обоснования социализма посредством права — он на деле нисколько не выходил за пределы доктрины позднего Энгельса, изложенной им в широко распространённом в марксистских кругах труде «Развитие социализма от утопии к науке». Именно здесь Энгельс детально излагал идейно-исторические предпосылки к тому, что в генезисе концепции «права на достойное существование» известно как требование *existenz minimum'a*:

«Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближавшейся революции, сами выступали крайне революционно... Мыслящий рассудок стал единственным мерилom всего существующего... Мы знаем теперь, что это царство разума было не чем иным, как идеализированным царством буржуазии, что вечная справедливость нашла своё осуществление в буржуазной юстиции, что равенство свелось к гражданскому равенству перед законом... [Однако уже в утопиях XVI–XVII вв.] требование равенства не ограничивалось уже областью политических прав, а распространялось на общественное положение каждой отдельной личности; доказывалась необходимость уничтожения не только классовых привилегий, но и самих классовых различий»**.

Логично, что в этом известном тексте Энгельса родилась прославленная в России усилиями С. и особенно Ленина формула о том, что среди предшественников («источников») марк-

* Там же. С. 78.

** Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке [1880] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М., 1961. С. 189–192.

сизма – не только социалисты-утописты, но и великие немецкие философы-идеалисты: «мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что ведём своё происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля»*. Можно сказать, что из этого положения вышло не только правило Эрфуртской программы СДПГ (1891) о религии (философии) как «частном деле» партийца, но многочисленные попытки синтеза религии и философского идеализма с марксизмом, включая сборник «Проблемы идеализма»**. Дополнительным импульсом к этому могло служить и то, что как раз в 1901/1902 гг. в немецкой партийной печати были опубликованы замечания Энгельса к названной программе, в которых не нашлось ни единого замечания против провозглашения «частного дела»***.

За два месяца до выхода в свет московского сборника «Проблемы идеализма», 22 сентября 1902, главный пропагандист «возрождения естественного права» Новгородцев, как лицо будущего идейного события и представитель московской университетской либеральной школы права, выступил в Санкт-Петербургском университете с речью «О задачах современной философии права», в которой впервые заявил сложившемся направлении в философии права и политике, не останавливая внимания на различиях их составных частей, либеральном праве и социалистической практике****:

«Мне приятно думать, что в настоящее время то идеалистическое направление философии права, к которому я принадлежу, не представляет исключительного достоинства какого-либо учёного, но объ-

* Там же. С. 323 (Предисловие к немецкому изданию, 1882).

** Об этом подробно: *М.А. Колеров*. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002.

*** *Ф. Энгельс*. К критике проекта социал-демократической программы 1891 года (1891) // *К. Маркс, Ф. Энгельс*. Сочинения. Т. 22. М., 1962.

**** Санкт-Петербург был «идейным доменом» многолетнего оппонента «естественного права» Новгородцева – Л.И. Петражицкого. О длительной полемике между ними по этому, и близким вопросам см.: *Е.В. Тимошина*. Идея справедливости в дискурсе петербургской школы философии права // Исследования по истории русской мысли [10]. Ежегодник за 2010–2011 год. М., 2014.

единяет под общим знаменем целый ряд представителей нового поколения юристов и публицистов»*.

Новгородцев, довольно холодно заметив о марксистском прошлом своих новых единомышленников «мы уже пережили эпоху крайних увлечений историческим принципом и социологической методой», вновь (как и в своей диссертации о Гегеле и Канте) вывел за пределы анализа происхождение «идеальных начал» естественного права, подтверждая «необходимость понять и обосновать нравственную проблему, как самостоятельную и независимую от всяких исторических и социологических предпосылок. Это стремление находило для себя, прежде всего, опору в самом факте нравственного сознания, которое возвышает свой голос над несовершенной действительностью, как бы ни казалась она необходимой для теоретических размышлений»**.

Радикальная апелляция к независимости нравственного сознания, столь близкая С. того времени, однако, в строе рассуждений Новгородцева уже имела перед собой готовый горизонт социал-либеральной доктрины, которую С. ещё только предстояло достроить, основываясь на своём социалистическом опыте. Новгородцев говорил:

«То, что мы вносим, то, что мы предлагаем, существует не со вчерашнего дня. Это не туманная социальная динамика, относительно которой ещё не известно, есть ли она или нет; это — вечные основы морального сознания, принципы равенства и свободы, справедливости и любви»***.

То есть Новгородцев в это время уже имел ясный образ должного там, где С., как ни странно, не мог (и, думаю, так

* П.И. Новгородцев. О задачах современной философии права [1902] // П.И. Новгородцев. Сочинения / Сост. М.А. Колеров, Н.С. Плотников. М., 1995. С. 300.

** Там же. С. 301, 304–305.

*** Там же. С. 305–306.

и не смог никогда) предъявить того главного, что собственно и требовалось от человека с марксистским опытом и социалиста, – внятного пафоса социальной справедливости.

Возглавив и отчасти породив русский марксизм как течение, С., по оценке Франка, встал к нему же в оппозицию, породив течение «критического марксизма», которое (видимо, к моменту составления «Проблем идеализма») начало строить «самостоятельную общественно-философскую программу». «Новый строй идей» С., который он поторопился изобразить в качестве итоговых фрагментов своего марксистского сборника статей за 1893–1901 гг., явно со слов самого С., Франк находил в статьях «Право и права» (1901) и «В чём же истинный национализм?»*, в которых материалистически-классовое обоснование политической (социалистической и либеральной) программы заменялось «философско-этическими» моральными правами и абсолютной ценностью личности. И гласное, что, согласно апологии, объединяло прежний марксизм С. (где свобода личности была подчинена и реализована в следовании научной закономерности) с его «новым строем идей» (где свобода личности ставилась выше материального вообще) – это «последовательное и решительное западничество» и «идея культуры и культурного развития»**. Здесь же Франк высказал надежду, что, как и прежде, идеи С. окажут «сильное воздействие на общественное мнение» и «увлекут за собой». Но на практике оказалось, что новое обоснование социального идеала на принципах свободы личности и приоритета культуры пришлось повторить ряд лет спустя, уже в иную эпоху, убеждаясь, что политическая практика перекрывает перспективы свободного творчества. Франк в своей апологии посетовал на отсутствие в сводном сборнике С. его преимущественно науч-

* Формула «истинного национализма», ретранслированная С. для поколения первой трети XX века, вошла длительной модой (мемом) в его интеллектуальную литературу. См., например: Н. Бердяев. Об истинной и ложной народной воле // Народоправство. 30 октября 1917. № 13. С. 7–9.

** С. Франк. [Рец.:] П. Струве. На разные темы (1893–1901 гг.). С. 100–102, 99.

ных трудов: предисловия к книге Бердяева о Михайловском, немецкой статьи «Учение Маркса о социальном развитии», работ о крепостном хозяйстве, немецкого же критического отклика на ревизионистскую программу Бернштейна.

В начале 1901 г. в либеральной газете «Право» С. выступил с по необходимости кратким манифестом о том новом образе общественно-политической борьбы, ради которого он разрывал свои партийные связи с классовым марксизмом и вступал в коалицию с земскими, традиционно вполне умеренными либералами. Здесь он, укрывшись за стилистически узнаваемый криптоним, опубликовал статью «Право и права». Находя политическое вдохновение в образце британского парламентаризма и фигуре русского либерального историка П.Г. Виноградова, образ национального возрождения и социалистической политики С. находил в германской практике*. Именно вновь апеллируя к ценностям «естественного права», национального освобождения⁸, С. предлагал традиционному либерализму преодолеть партийные рамки** своей борьбы за историческое обусловленное право. Он писал: «правовой порядок ценен не только потому, что он выражает собой господство объективного и бесстрастного права, а и потому, что, благодаря господству этого... права, обеспечиваются важнейшие интересы человеческой личности». Полноту прав человека он соединял с исторической традицией русской «национально терпимой и сильной национальности», но ожидая «усложнения национальной жизни»⁹ – одновременно отвергал и славянофильское отрицание самоценности прав

* В историческом понятии «Германия» в дореволюционной России традиционно соединялись объединённая Пруссией Германия и её предшественники – и Австрия внутри Австро-Венгрии. Яркий пример этого см. в очерке из представительной серии: А.К. Дживелегов. История современной Германии. Часть I (1750–1862). СПб, 1908 (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время / Под ред. Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого).

** В газетной версии статьи С. обращался к «каждой здравомыслящей политической партии» (Стлб.89), а при переиздании её в своём сборнике «На разные темы» уже заменил надпартийный образ «всех здравомыслящих людей» (С. 522).

личности, и позитивистскую успокоенность на достижении набора формальных прав, ставя задачу масштабного социалистического и либерального синтеза в понятии *достойной* жизни (и лица, и нации, намеченного В.С. Соловьёвым¹⁰ и впоследствии развитого в дни Революции 1905 г. именно в журнале С. Новгородцевым и И.А. Покровским¹¹ и сподвижником С. по «критическому марксизму» Кистьяковским): «Никакая техника и никакой объективный правопорядок не достаточны для великой развивающейся и усложняющейся национальной культуры современной России. (...) Кто мнит задачу *достойной** национальной жизни разрешить путём усвоения промышленной техники (...) тот питает мечту, которая была бы пагубной и грозила поставить нашу родину... спиной к Европе, если бы она не была совершенно утопической»**. Этот новый манифест С. встретил идейную поддержку в либеральной среде. Постфактум С. кратко определил эту свою социал-либеральную программу как революционную борьбу во имя права, а себя отнёс к числу *идейных и практических революционеров* во имя начал права, понимаемого в двуедином смысле "Прав" (т. е. неприкосновенных прав личности) и "права" (т. е. возможной допустимости только правового преобразования правовых норм). Лежащие в основе этих *положений мысли* я (...) сформулировал в статье "Право и права", которая появилась в 1901 г. (...) и тогда же ветераном русской либеральной публицистики и большим юристом К.К. Арсеньевым была признана целой программой. (...) В эту эпоху я был ещё социалистом, но в своей духовной жизни и в своей политической деятельности я и тогда был уже движим прежде всего и более всего любовью к свободе и правовому государству. С тех пор возникла не теория,

* В газетной публикации ошибочно «достойную». Исправлено по переизданию в сборнике «На разные темы».

** П.И. Право и права // Право. СПб, 1901. № 2. 7 января. Стлб. 88–91.

а практически огромная и роковая проблема соотношения между свободой и социализмом. Эту проблему поставил русский опыт^{*}. Несмотря на острые идейные и личные разногласия с политически близкими ему ортодоксальными марксистами Потресовым, Плехановым, Лениным, удивительно откровенно и эмоционально описанные последним по итогам переговоров с С. и Туган-Барановским об организации газеты «Искра» в декабре 1901, социал-демократическая партийность С. в целом не подвергалась сомнению даже его критиками: даже в ходе II съезда РСДРП в августе 1903 г. Ленин выражал надежду, что «Струве сорганизуется и войдёт в партию»^{**}.

Перспективы творчества были принесены С. в жертву политической борьбе. Проведя лето 1901 в Твери и Тверской губернии, С. вступил в соглашение с земскими либералами, которые предложили ему организовать и возглавить в эмиграции аналог знаменитых изданий Герцена – финансируемую ими вместе с Д.Е. Жуковским двухнедельную газету «Освобождение» (Штутгарт – Париж, 1902–1905). Поначалу кандидатом на руководство изданием выступал Милюков, не имевший значимого редакторского опыта, но, не желая повторить «судьбу Герцена»^{***} – то есть на возможно пожизненную эмиграцию, отказался, порекомендовав вместо себя С. Выехав за границу для организации издания, С. совершил вояж по европейским общественно-политическим столицам, где заручился моральной поддержкой со стороны практически всех знакомых ему ведущих социалистов и решил начать издание в Штутгарте, где издавался теоретический орган СДПГ «*Neue Zeit*», в партийном издательстве СДПГ. «Освобождение» стало большим и тиражным предприятием, полови-

^{*} П.Б. Струве. О непримиримости (10 ноября 1935) // П.Б. Струве. Дневник политика. С. 813.

^{**} В.И. Ленин. Заметки о прениях по § 1 устава // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. 5 изд. Т. 7. С. 430. Об этом см.: В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник. Подлинная история РСДРП – РКП (б) – ВКП (б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб, 2010. С. 71.

^{***} П.Н. Милюков. Воспоминания. С. 141.

на тиража которого реализовывалась в зарубежной Европе, а половина – ввозилась в Россию*, которое, точно так же, как «Искра», создало вокруг своих корреспондентской и читательской инфраструктуры прообраз социал-либеральной партии – «Союз Освобождения» (1904), в России превратившийся в конституционно-демократическую Партию народной свободы (1905). В приложении к газете, получившей в России, несмотря на нелегальность, чрезвычайно широкое распространение, издавались оперативные «Листки Освобождения» и сборники «Книжки Освобождения», в которых, в частности, в развитие коалиции социалистов и либералов внутри «Проблем идеализма», в качестве политического мыслителя анонимно дебютировал яркий представитель круга московских университетских либеральных интеллектуалов и друг Булгакова Гершензон, вступив в полемику со С. в защиту приоритета морального переворота от его проповеди политической революционности¹² и создав тем самым идейную основу для будущего сотрудничества с ним в деле организации сборника «Вехи». Ближайшими редакционными сотрудниками С. в журнале стали историк А. А. Корнилов и Франк. Благодаря «Освобождению», по свидетельству современницы, близко стоявшей к доставке и распространению издания в России, «кружковая известность [С.] в марксистских кругах превратилась в широкую общерусскую известность»**.

Учредительный съезд «Союза Освобождения» состоялся в швейцарском Шафгаузене в начале августа 1903 года: С. удалось ввести в число его делегатов, кроме себя лично, весь свой круг бывших социал-демократов (в том числе так называемых «экономистов», авторов партийной платформы «Credo»)¹³, ныне внепартийных социалистов, яркой идейной демонстрацией единства которых стало их авторское участие в сборнике «Проблемы идеализма» (1902) – Бердяева, Булга-

* Специально подготовленный для нелегального, контрабандного ввоза в Россию через границу, журнал печатался на тонкой, «папиросной» бумаге, чтобы физический объём его был минимальным и мог быть скрыт в дорожных вещах.

** А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе [1952] // А. Тыркова-Вильямс. Воспоминания. То, чего больше не будет. М, 1998. С. 268.

кова, Д.Е. Жуковского, Кистяковского, Франка. Кроме того, в съезде приняли участие другие социалисты – В.В. Водовозов, С.Н. Прокопович, Е.Д. Кускова, – и близкие С. социал-либералы В.И. Вернадский, Д.И. Шаховской, Новгородцев и С.А. Котляревский. Первый съезд «Союза Освобождения» нелегально прошёл в Санкт-Петербурге в январе 1904 года и избрал его руководящий Совет, в который вошли социалисты Булгаков, Прокопович, В.Я. Яковлев-Богучарский, А.В. Пешехонов, а заместителем председателя стал социалист Н.Ф. Анненский. Логично, что параллельно с этой консолидацией леволиберальной части русского освободительного (то есть антисамодержавного) движения шла организация революционной социал-демократии (РСДРП), перед которой стоял центральный вопрос её самоидентификации как части общего «либерально-демократического» освободительного движения. Проходивший в конце июля – начале августа 1903 года в Брюсселе и Лондоне II съезд РСДРП решал этот вопрос, определяя критерии членства в партии (нормативного или заявительного), которые одновременно либо отделяли, либо не отделяли членов РСДРП от идейных, но не партийных социал-демократов, идущих на политический союз с либералами ради свержения самодержавия. Политическим символом таких социал-демократов и социал-демократической интеллигенции (то есть, прежде всего, столичного студенчества) для делегатов съезда выступал С.: Л.Д. Троцкий говорил на съезде, что задача нормативного членства – отделиться от:

«Тех политически развратных и политически развращающих субъектов "интеллигентной" среды, которые называют себя социал-демократами, группируют молодёжь и предают её Петрам Струве»*.

Обсуждая проекты резолюции о либералах, делегаты съезда РСДРП вступили в полемику о роли С. в деле политической

* Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 275.

ориентации социал-демократии. Авторы одной резолюции – Потресов, Л. Д. Троцкий, Мартов и др. видели простор для политического соглашения с либералами в борьбе против самодержавия и, может быть, именно поэтому не затрагивали персонально фигуру С., авторы другой – Плеханов, Ленин и др., допуская лишь ситуативную и критическую поддержку либеральной оппозиции, уделяли С. особое внимание. Видимо, Плеханов и Ленин, в отличие от Потресова, оценивали влияние С. на интеллигенцию и близкие ей круги рабочих как значительное, угрожающее влиянию РСДРП. Когда на съезде грузинский делегат Н. Н. Жордания выступил с утверждением, что «имя Струве ничего не говорит рабочим», его опроверг Ленин, имевший личный опыт подпольной революционной работы в столице: «Имя Струве слишком известно, и рабочие знают его. (...) нам нужно определённое принципиальное и тактическое отношение [к его деятельности]»*.

Свою ключевую роль в формировании программы либеральной партии в это время С. использовал для внесения в среду умеренного земского либерализма социалистических требований по разрешению аграрного и рабочего вопросов**. Но три года напряжённого политического журнализма бесследно прошли для идейного творчества С. После «кровавого воскресения» 9 января 1905 года (его С. отметил никогда им затем не переиздававшейся статьёй «Палач народа»***) растущий революционный процесс и явочное облегчение цензуры в России не дали эмигрантской газете успевать за событиями и конкурировать с легальной прессой внутри России.

* Второй съезд РСДРП. С. 402–403.

** П. Н. Милоков. Воспоминания. С. 166.

*** П. С. Палач народа // Освобождение. № 64. Париж, 25 января (12 января) 1905. С. 233: (Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С.326–327). Под впечатлением от расстрела 9 января С. позже прямо апеллировал к революционному насилию против царской династии: «День 9 января создал кровавую традицию. И это – страшная сила, господа Романовы!» (Освобождение. № 65. Париж. 9 февраля (27 января) 1905. С. 241).

Летом 1905 Карл Каутский в русской марксистской газете – нелегальном двойнике нелегального социал-либерального «Освобождения» – «Искра» (№ 97) заявил о С., что тот, по его мнению, даже в либеральной среде «остался социал-демократом». Это вызвало заинтересованное разъяснение самого С., который словно ждал такого повода, чтобы объясниться. С. заявил о себе в третьем лице:

«Социал-демократом он не остался, потому что он *отрешился от самых основ социал-демократического мировоззрения*. Не перестав быть социалистом в том смысле, в каком были социалистами, например, Милль и Ланге, он критически перестроил всё своё философское, социальное и политическое мировоззрение»^{*}.

Продолжая начатую в редакции «Освобождения» (1902–1905) и в «Союзе Освобождения» (1904–1905) борьбу за внесение социал-демократических программных требований в области рабочего вопроса, социалистических установок в области вопроса аграрного – в программу русских либералов, после образования кадетской партии, членом ЦК которой он стал в 1906 году, С. не оставил этих усилий, с согласия партии став её главным экспертом и стратегом в рабочем и аграрном вопросах^{**}. Здесь С. предлагал начать партийную пропаганду либеральной программы в среде крестьян и рабочих, сотрудничая с социалистами, лоббировал проведение по спискам партии в Государственную думу рабочих и крестьян^{***}.

В контексте усилий С. в рабочем вопросе остаётся без исследования замалчиваемая всеми без исключения участниками, свидетелями и мемуаристами (и особенно самим

^{*} П. Струве. Из русской заграничной печати // Освобождение. 20 (7) мая 1905. № 69–70. С. 333.

^{**} Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии, 1905 – середина 1930-х гг. В 6 тт. / Т. 1. Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1905–1911 гг. / Сост. Д. Павлов. М., 1994. С. 47–48, 114, 140, 147–148, 169, 176, 178.

^{***} В.В. Шелохаев. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 52, 157–159.

С. и его ближайшим другом, сотрудником и внимательным биографом Франком) деятельность С. во главе ежедневной петербургской газеты «Рабочее Слово» и опубликованные им в ней тексты, являющие собой редкие образцы адресованной массам агитационной литературы, вышедшей из-под пера С. Неизбежно утрируя свою мысль и форсируя пафос, он, однако, не может его полностью выдумать, не разделяя его. И потому этот простой жанр неожиданно открывает нам традиционно скрывавшуюся Струве под рационально продуманной риторикой свободы – подлинную страсть справедливости. Можно вполне содержательно реконструировать современный, культурный, энциклопедически фундированный, национально окрашенный и западнически цивилизованный пафос жизненной борьбы С., как это сделал Франк в своих классических воспоминаниях. Но, думается, и ему не удалось описать не менее важное в С. и в себе самом, то, что сделало их революционерами и социалистами, а затем – подвижниками культурного и религиозного дела, – жажду справедливости. Агитационно искусственные тексты С. об этом в названной газете обречены были трактовать именно справедливость – как бы то ни было – проговаривать подлинное чувство С.

«Ежедневная общедоступная общественно-политическая и литературная газета» «Рабочее Слово» выходила в свет с 31 марта по 16 мая 1906, одновременно с газетой «Дума»*, которую вёл С., и еженедельником «Свобода и Культура»** во главе с Франком, основанном в продолжение закрытого властями еженедельника «Полярная Звезда»***, главный редактор которого – С. – попал под уголовное преследование за призывы к неповиновению власти и более не мог возглав-

* Начала выходить в свет одновременно с началом заседаний I Государственной Думы 27 апреля и прекратилась 13 июня 1906 года.

** 1 апреля – 31 мая 1906.

*** 15 декабря 1905–19 марта 1906.

лать издание. Логично предположить, что редакционно эта газета управлялась теми же С. и Франком. Программа новой газеты, несомненно, написанная лично С. в его узнаваемой стилистике, гласила:

«"Рабочее Слово", не примыкая ни к одной из существующих политических партий, ставит своей задачей содействие борьбе рабочего класса за его политическое и экономическое освобождение. Борьба эта должна быть озарена светочем великого и всеобъемлющего идеала социализма — или основанной на социальной справедливости трудового общества. (...) Становой хребет всякого крепкого рабочего движения должны составлять профессиональные рабочие организации»*.

Заявление внепартийного характера газеты, конечно, было лукавством. И не только потому, что она была основана членом ЦК кадетской партии С. и следовала его названным усилиям по привлечению рабочих к этой партии, но и потому, что газета сама не скрывала своё связи с кадетами. Она неизменно публиковала текущую информацию о работе кадетской партии в массах, в первую очередь — среди рабочих. Неоднократно газета печатала и рекламные объявления о подписке на партийное кадетского издание — «Вестник партии Народной Свободы»**. Не для рабочего, а для интеллигентного взгляда ясна была и прямая преемственность проповеди С. против взаимно разрушительных действий правительства и революционеров, которые в ходе всеобщей политической забастовки работников в ходе революции 1905 года и её подавления действительно парализовали многие сферы жизни страны. Но С., пожалуй, был единственным оппозиционным

* [П.Б. Струве]. Рабочее Слово // Рабочее Слово. № 1. 31 марта 1906. СПб. С. 1. Полностью публикуется в приложении к настоящему тексту. В этом же номере была опубликована справочно-пропагандистская статья Франка, не представляющая особенного интереса: С. Франк. Социализм и профессиональное движение // Рабочее Слово. № 1. 31 марта 1906. СПб. С. 2–3.

** См., например: Рабочее Слово. № 6. 8 апреля 1906. СПб; Рабочее Слово. № 11. 14 апреля 1906. СПб.

политиком с социалистической репутацией, который прямо обвинял революционеров в нанесении экономического ущерба государству. Умалчивая о них, в «Рабочем Слове» С. живописал тяжёлые последствия этого ущерба для самих рабочих, вступая на скользкий путь отрицания забастовочной борьбы – и тем самым на путь прямого содействия капиталистам в их экономических интересах и властям – в их интересах экономических и политических*. С другой стороны, С. в программе газеты едва ли не впервые в России выступает с проповедью классовой самостоятельности пролетариата, независимого от партийных манипуляций революционной интеллигенции (имеется в виду – подстрекательства к политическим забастовкам) и в этом качестве предвосхищает анти-интеллигентскую социалистическую публицистику Евг. Лозинского**, и отчасти повторял анти-интеллигентскую «махаевщину», если она была ему известна. Ясно, что здесь лишь излагает социальную историю инфраструктурной самоорганизации германской социал-демократии того времени, когда ей была воспрещена политическая деятельность в эпоху Бисмарка. Это самоорганизация действительно стала главной основой парламентского успеха СДПГ, надежд Энгельса на мирный переворот и ревизионизма Бернштейна, а затем и прихода СДПГ к государственной власти в Германии в результате революции 1918 года. Несомненно и то, что чрезвычайно влиятельные в России 1917 года профсоюзы тоже создавались на глазах С. и создавались как неполитические организации. Ясно и то, что и в этой газете привлекаемая им в предшественники фигура Герцена, равно дорогая социалистам и либералам, в другой, интеллектуальной и политической публицистике используется для формулирования доктрины «компромисса»,

* См. его центральный текст на эту тему, опубликованный за несколько месяцев до выхода газеты: *Пётр Струве*. Два забастовочных комитета // Полярная Звезда. № 3. 30 декабря 1905. СПб.

** *Евг. Лозинский*. Что такое, наконец, интеллигенция? Критико-социологический опыт. СПб, 1907.

а не просто исторической глубины революционной борьбы. Но то, что именно С. посреди своей либеральной политики – в специальной газете для пролетариата уделяет всему этому такое внимание, – заставляет думать о не только не отброшенном в ходе эволюции социалистическом слое его мировоззрения, но о вполне живой социал-реформистской природе его убеждений и после революции 1905 года.

Адресом редакции газеты «Рабочее Слово» был объявлен дом 58 по Литейному проспекту Санкт-Петербурге – соседний с домом 60, в котором в 1890-х годах жил сам С. и в котором в 1900-х продолжала жить его бывшая покровительница и спонсор марксистских изданий, включая «Искру», просветительница Калмыкова.

Итак, центром идеологического вещания газеты стал «великий и всеобщий идеал социализма», реализуемый в эволюционной борьбе пролетариата на основе профсоюзного движения. С. (при формально объявленных редакторе А. Тенсе и издателе И. Венедиктове) удалось привлечь к (официально объявленному) сотрудничеству в газете таких опытных и признанных социалистических политических и экономических авторов (В.С. Голубев, Л.Я. Гуревич, В.Э. Ден, Туган-Барановский, Франк, В.В. Хижняков, М.И. Фридман, Г.Н. Штильман, А.А. Яблоновский), что само это исключало «притворный» характер издания, что, кстати, подтверждало и карательное внимание цензуры, конфисковавшей воскресные номера газеты: № 7 от 9 апреля и № 13 от 16 апреля.

Публично, под своим именем, С. и Франк выступили в газете лишь по одному разу. С., в частности, поделился с рабочими читателями своим социалистическим воспоминанием, которое очень напоминает мемуарное свидетельство Франка и тем указывает, что Франк, утаив свидетельство о газете, невольно воспроизвёл эмоциональный заряд, руководивший С. в тщании быть искренним в этом социал-реформистском

проекте, мимикрирующем под классовый орган промышленного пролетариата, при том, что сам С. к 1906 году уже ряд лет как порвал с классовым пониманием марксизма и социализма вообще. Франк вспоминал в 1944 году, тщательно подбирая слова и невольно склеивая в одно свидетельство и (1) марксистскую партийность, и (2) свой со Струве *радикал-демократизм* периода «Освобождения» и (3) проблему социалистического идеала, который в реальности столь упорно стремились идеалистически обосновать в 1900-е годы Струве и Франк и теоретическое «уничтожение» которого как «конечной цели» отталкивало их от ревизионизма Бернштейна, и (4) вполне ревизионистское «повышение уровня» борьбы рабочего класса ради достижения политической свободы:

«В своей юности П.Б. был, действительно, довольно короткое время сторонником социалистического *движения* в той форме, которую оно имело в Германии в лице социал-демократической партии (с некоторыми членами этой партии он тогда находился в дружеских личных отношениях). Но эта немецкая социал-демократическая партия, подобие которой русские марксисты, в том числе и П.Б., пытались тогда создать в России, была по своему конкретному содержанию и политической практике просто радикально-демократической партией, опиравшейся на рабочее движение и стремившийся к повышению экономического и культурного уровня рабочих масс. Собственно социалистический идеал фигурировал, как известно, только в её "программе-максимум", то есть как конечная цель, осуществление которой преподносилось в некоем туманно-отдалённом будущем...»*.

В единственной в этой газете своей статье, подписанной своим именем, С. приветствовал пролетарских политиков,

* С. Франк. Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве [1944] // С. Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А.А. Гапоненкова, Ю.П. Сенокосова. М., 2001. С. 563–564. О таком же восприятии социализма С. в образе уважаемых вождей германской социал-демократии см. его собственные свидетельства, подчинённые тоже вполне агитационной, но иной задаче: *Пётр Струве*. Отпрыск буржуазной культуры. Памяти Августа Бебеля // Русская Мысль. 1913. Кн. VIII.

приводя им в пример свои впечатления 1890-х гг. о первых *экономических* забастовках, словно реабилитируясь за своё собственное отрицание пользы забастовочной борьбы в первом номере газеты и с удивительной наивностью полагая возможным удовлетворить социально-политические амбиции рабочих доступом в депутаты Государственной Думы*.

Не исключено, что из видимой двойственности её позиции газета шла трудно. Хотя, конечно, более всего на её судьбе сказался видимый дефицит средств, не дававший газете времени даже на первоначальный старт. Это, в частности, нашло своё отражение в том первом признаке «умирания» периодического органа печати, который отражал его отказ от расширения и просто удержания своей аудитории путём объявления известных целевой аудитории авторитетных имён среди постоянных авторов издания. Знаком такого отказа было прекращение публикации списка заявленных авторов уже с 5 мая 1906.

Последний известный номер газеты вышел в свет 16 мая 1906 – и на этом она, видимо, прекратилась, не оставив, несмотря на усилия, никакого заметного следа и никаких по себе воспоминаний, которые захотели бы годы спустя восстановить в памяти и на бумаге её главные создатели – С. и Франк. Весьма значительный денежный долг за печатание газеты повис лично на С., что ясно доказывает тот факт, что именно он был издателем и единственным собственником издания (может быть, тщетно надеясь частично финансировать газету за счёт финансируемой известным издателем массовой литературы И.Д. Сытиным газеты «Дума», вскоре тоже прекратившейся).

Последний день платежа, сделанного С. в адрес типографии, был зафиксирован 15 мая 1906. Расплатиться окончательно

* Пётр Струве. Привет // Рабочее Слово. № 3. 5 апреля 1906. СПб. С. 2–3. Полностью публикуется в приложении к настоящему тексту.

он не смог и 11 августа 1906 полиграфисты писали С.: «Товарищество Художественной Печати до сих пор не получило по расчёту с редакции газеты "Рабочее Слово" в сумме Рб. 2458,45»*. Других сведений о деле мы пока не имеем, что даёт основания полагать, что С. закрыт этот проект для тяжёлыми убытками для себя лично**.

Так в 1906 году рухнули все издательские предприятия С. или с ним во главе: еженедельник «Полярная Звезда», газета «Рабочее Слово», еженедельник «Свобода и Культура» и вечерняя газета «Дума». Видимо, прав был Франк, вспоминая об этом времени и сытинской газете «Дума»:

«Газета эта была полной неудачей... Струве, обладая сам замечательным дарованием журналиста и умением привлекать сотрудников и организовать их работу, по всему своему духовному складу был существом прямо противоположным типу успешного и умелого редактора газеты. Он не умел и даже не хотел приспособляться к вкусам массового читателя... Сытин, сначала так охотно пошедший навстречу П.Б., увидав, что терпит на ней убыток, сразу же её прекратил, и притом в мужицко-грубой форме — в одно прекрасное утро [то есть 14 июня — М.К.] Струве, придя в типографию, был встречен лаконическим сообщением: "Иван Дмитриевич приказал прекратить печатание газеты"»***.

Лишь в конце 1906 смерть многолетнего редактора толстого московского ежемесячного журнала «Русская Мысль» В.А. Гольцева передала журнал в руки известного кадетского деятеля, приват-доцента истории А.А. Кизеветтера, и тот пригласил в соредакторы С., что дало ему заработок и печатный орган в управление, позволило сделать его сво-

* РНБ. АДП. Ф.753. Ед.хр. 123.

** Начало этому положено в публикации: М.А. Колеров. Утаённый социализм Струве и Франка: газета «Рабочее Слово» (1906). Приложение: 1. [П.Б. Струве] Рабочее Слово; 2. Пётр Струве. Привет! // Исследования по истории русской мысли [14]. Ежегодник за 2018 год. М., 2018.

*** С. Франк. Воспоминания о П.Б. Струве // С. Франк. Непрочитанное...С.430–431.

образным убежищем для биографически и идейно близких сотрудников*. На руководство газетой вплоть до 1925 года он уже не претендовал.

Вплоть до весны 1908 года, когда политическая активность С. в рамках партии иссякла (и практически прекратилась с осени 1909, когда партийное большинство выступило против сборника «Вехи»), С. возглавлял партийную «рабочую комиссию» и был единственным лоббистом темы социальной политики в партии по германскому образцу. В это время, когда русская социал-демократия переживала период «ликвидаторства» нелегальной партийной инфраструктуры, С., не возвращаясь на классовые позиции, тем не менее публично выступал за необходимость и возможность в России «классовой рабочей партии» – «социал-демократической партии в западном смысле»** (которая, как и преследуемая в 1870–1880-х гг. СДПГ, не обходилась без нелегальной работы).

Кроме того, наряду с Милюковым, С. был главным инициатором обсуждения и создания партийной платформы в области внешней политики***, которая отныне стала предметом его творчества одновременно с созданием по британскому имперскому образцу доктрины «Великой России» как внешнего могущества и национальных интересов, независимых от вопросов внутренней политики и партийных пристрастий, символизированных будь то в парламентской Англии или монархической Германии, как развивал эту мысль С.А. Кот-

* Даже многолетним и бессменным вплоть до 1918 года секретарём редакции при С. стала участница марксистской части русского революционного движения, с января 1900 г. известная полиции в связи с эмигрантским социал-демократическим журналом «Рабочее Дело», который в будущем послужил предшественником меньшевизма, Ю.Г. Топоркова (ГА РФ. ДП-ОО. 1898. Ед. хр. 5, ч. 45, т. 3. Л.9)

** Patriotica. С. 431. «На разные темы» (1908).

*** Протоколы Центрального комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии. С. 79, 133.

ляревский* в одном из томов составленных (при помощи С.) и изданных В.П. Рябушинским сборников «Великая Россия». При этом в практических вопросах, в тени империалистической риторики в печати, во внутривнутрипартийных дискуссиях, С. демонстрировал приверженность традиционным для оппозиции принципам пацифизма. Например, 1 марта 1909 года, в связи с присоединением Боснии к Австро-Венгрии, он предупреждал ЦК своей партии: «будь у нас правильная, основанная на действительных интересах народа политика, мы не имели бы никаких поводов к войне с кем бы то ни было. (...) А случись война, побиение России было бы грандиозное и невиданное в мире»**.

Скрыто полемизируя с «Очерками философии культуры» С. и Франка, марксист и диалектический материалист А.М. Деборин в теоретическом органе СДПГ «*Neue Zeit*» выступил с очерком, в котором чутко уловил идейное отличие их проповеди «культуры» как цивилизации от революционных инспираций того времени: «Революция и культура! Эти понятия представляются современным буржуазным идеологам диаметрально противоположными (...) по их мнению, революция стремится к уничтожению "культуры", а "культура" требует сохранения существующего строя»***.

В своём идейном развитии С., несмотря на попытки найти широкую философскую основу для «освободительного движения» против самодержавия, казалось, демонстративно предпочёл самоценность своих теоретических решений и быстро утратил социального адресата своей проповеди, рискуя быстро политически маргинализироваться в своём индиви-

* С.А. Котляревский. Русская внешняя политика и национальные задачи // Великая Россия. Сб. статей по военным и общественным вопросам. М., [1911] С. 57.

** Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. С. 343.

*** А.М. Деборин. Революция и культура [1907] // А.М. Деборин. Философия и марксизм. Изд.3. М., 2011. С. 1.

дуализме. Это вынуждало его искать новую, внеклассовую социальную опору в обществе, тщетно апеллируя к концепту «культуры» как системы преемственного цивилизованного развития. И лишь почти полное отсутствие в рядах русских либералов специалистов по рабочему вопросу (наиболее опытные эксперты по этому вопросу, работавшие в «Союзе Освобождения», внепартийные социал-демократы Кускова и Прокопович не вошли в кадетскую партию, сочтя её, подобно Бердяеву, слишком «буржуазной») заставляло С. сохранять рабочий вопрос в своей повестке дня (во многом как образ и практика СДПГ, перед которыми С. благоговел, даже став правым либералом), что, впрочем, почти не отражалось на его актуальном идейном творчестве.

Став одним из ключевых организаторов широкой нелегальной антисамодержавной коалиции либералов и социалистов в основанном при помощи газеты «Союзе Освобождения» (1904–1905), в момент легализации оппозиции в России после 17 октября 1905 года в виде конституционно-демократической партии С. вместе с Милюковым пытался организовать партийную печать, действовал по её избирательному списку в составе II Государственной думы (1907), но – после провала посреднической миссии между кадетской партией и главой правительства П.А. Столыпиным, в которой, кроме С., участвовали М.В. Челноков, Булгаков и В.А. Маклаков*, – уже с 1908 года отошёл от активного участия в делах партии, где очень быстро осознал себя в идейной изоляции и политическом одиночестве. Мемуаристка свидетельствовала:

«Он всё проверял, переворачивал, перекапывал. Начав с марксизма и материализма, он через радикализм и идеализм дошёл до православия и монархизма. Немало образованных людей нашего с ним поколения прошли через этот путь. Но Струве шёл впереди. Он

* Об этом подробно: *Ф.А. Селезнёв*. О переговорах Столыпина с кадетами в апреле-июне 1907 года // Вопросы истории. М., 2002. № 12.

первый находил оправдание, объяснение, выражение для ещё не оформленных изменений в общественных настроениях... Это привлекало к нему как к мыслителю, как к публицисту, но мешало ему стать влиятельным политиком, именно своеобразный дар умственной неугомонности и политической дальновзоркости мешал Струве стать руководящим политиком»^{*}.

^{*} А. Тыркова-Вильямс. На путях к свободе. С. 350, 468.

1905–1908: культура и социал-либерализм

Срочно вернувшись из политической эмиграции сразу после провозглашения манифеста 17 октября 1905 года*, даровавшего России основы политических свобод и теоретический фундамент конституционного строя, С. обнаружил, что за истекшие почти четыре года его отсутствия атмосфера вокруг его лидерства изменилась. Глава правительства всесильный Витте лично попросил императора амнистировать С**. Но его больше не ждали во главе крупных общенациональных изданий (а громкие слухи об этом остались слухами***), его не ждали во главе политических партий, революционная

* О прибытии Струве вместе с В.В. Водовозовым в СПб (В.А. Поссе поехал через Стокгольм и отстал) 25 октября 1905: Наша Жизнь. № 317. 26 октября 1905. С. 4. Со ссылкой на «Нашу Жизнь»: Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. Большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.1. Л., 1925. С. 16.

** О беседе С. и Витте по предложению Витте, прошедшей на днях: Наша Жизнь. № 5. 1 декабря 1905 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. Большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.1. Л., 1925. С. 121. со ссылкой на *Magdeburg Zeitung* – О беседе Витте с: Гучковым, Геденом, Стаховичем, Милоковым, Родичевым и Струве около 25 ноября: Наша Жизнь. № 24. 29 ноября 1905 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. Большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.4. Л., 1926. С.61.

*** О том, что С. одна из петербургских либеральных газет предложила стать её редактором: Наша Жизнь. № 2. 28 октября 1905 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. Большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.1. Л., 1925. С. 42. О том, что С. 1 декабря 1905 становится редактором Биржевых Ведомостей: Наша Жизнь. № 26. 1 декабря 1905 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. Большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.4. Л., 1926. С.103.

молодёжь уже не заполняла восторженные аудитории, где оратором был С. Старый социал-демократ и университетский историк, при советской власти превратившийся в одного из руководителей идеологического сверхведомства Наркомата народного просвещения и главного историка СССР, М.Н. Покровский (1868–1932) дал такое яркое и резкое описание той новой атмосферы, в которой оказался С., честно сообщив о том, как С. искал в новой аудитории своей реализации как старого социалиста и революционера. Покровский, немного путаясь в датах (С. ещё не было в стране весной 1905 года), но очень точно в деталях, персоналиях и стилистике, свидетельствовал в московской легальной большевистской газете «Борьба» от 30 ноября (13 декабря) 1905:

«Бывавшим на профессиональных съездах (**съездах профессиональных союзов — М.К.**) нынешней весны, наверно запомнилась характерная фигура одного оратора. Он начинал обыкновенно с заявления, что он истинный, настоящий социал-демократ, близко знакомый с социал-демократическими партиями культурного Запада (в публике шептались, что он друг Каутского, пил чай с Бернштейном и чуть ли не на "ты" с Бебелем). И вот он с грустью должен заявить, что русские социал-демократы совершенно его не удовлетворяют... Всё это не то, всё они делают не так, как нужно. (...) Прошло несколько месяцев... буржуа не без смущения прочёл сочувственные, иногда восторженные строки о русском пролетариате и его вождях, вышедшие из-под пера "самого" Каутского и "самого" Бебеля. (...) Остаться "за штатом" в тот самый момент, когда вся страна встала как один человек, когда только что открылась возможность широкой политической работы, — быть "исключённым из революции" — худшего ничего не могло бы случиться с человеком живого политического темперамента; а в нём нельзя отказать таким "истинным социал-демократам", как г. П. Струве. Только взвесив всё это, можно оценить тот тон сдержанной ярости, какой звучит из каждой строчки его письма, напечатанного в № 314 "Русских ведомостей"*.

* Библиографиям Струве эта статья неизвестна. — М.К.

Когда-то вождь легального "марксизма" (в сущности развившего идеи революционеров <18>80-х годов, Плеханова и группы "Освобождение труда"), вождь, по крайней мере в глазах молодёжи, жадно ловившей каждое его слово, г. Струве уже в те времена вызвал у одного злого, но, как оказалось, проницательного, наблюдателя замечание, что "марксизм" г. Струве не столько пролетарский, сколько буржуазный. Может быть, это было неизбежное условие "легальной" пропаганды, но развитие капитализма ярче выступало в марксистской журналистике <18>90-х годов, нежели развитие тех сил, которые должны были подточить и разрушить капиталистический строй. (...) С плохим выделанным презрением "не замечая" русских социал-демократов, которые тем не менее поминутно попадают ему под перо, г. Струве обещает буржуазным читателям "Русских ведомостей" подарить им, наконец, долгожданную игрушку — "настоящую" "европейскую" социал-демократическую партию, "вроде германской"... — скорее "вроде бельгийской", спешит он поправиться...*

Впрочем, триумфаторское торжество М.Н. Покровского вскоре провалилось и минута его прошла: поднятое через две недели после его статьи социалистами вооружённое восстание в Москве — через неделю было утоплено в крови и для социал-демократов настал длительный период распада и отступления. Для широкой политической оппозиции это восстание так и осталось примером бессмысленной бойни, за которой не следовало ничего, кроме ужесточения правительственных репрессий и разгула малой гражданской войны с её ежедневными убийствами представителей власти и мало избирательными казнями по упрощённой процедуре.

С. пытался выступить с осуждением в равной степени и революционеров и власти, возлагая на них равную ответственность за взаимный террор, но «средней линии» между крайностями у него не получилось, а философия альтерна-

* М.Н. Покровский. Марксисты, которые... // М.Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. Изд. 2. М., 2012. С. 77–80.

тивной философии компромисса и культурно-политического воспитания и строительства не нашла никакого спроса. Можно сказать, что в эти дни революции навсегда закончилось и реликтовое политическое лидерство С. как социалиста и создателя социал-либеральной партии.

В 1905 году, ещё до возвращения из эмиграции, С. вместе со своим ближайшим сотрудником Франком начал готовить к изданию общий труд «Культура и свобода», в котором, по свидетельству Франка, «должны были быть выражены основные общественно-философские идеи, к которым мы совместно пришли в то время (мы формулировали тогда нашу веру так, что определяющим началом её было несколько неопределённое понятие "духовной культуры", во всём многообразии её содержания)»*. Плодом совместных усилий стали лишь общие для авторов «Очерки философии культуры» и статья С. «Индивидуализм и социализм», которые призваны были выстроить систему «*гуманистического индивидуализма*»**.

Франк вспоминал об этом замысле:

«Мы задумали написать такую книгу ещё в бытность Струве в Париже, летом 1905 г., распределили её по отделам между собой, вступление же писали так, что оба делали наброски и, сравнивая их, составляли окончательный текст. Это вступление и было напечатано в "Полярной Звезде"; главная часть текста его принадлежит мне. Книга никогда не была написана»***.

При этом С. и Франк попытались выстроить прямую связь политического социализма с дисциплинарным философским идеализмом. С. писал в своей статье для этой книги:

* С.Л. Франк. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 45. Переиздание с исправлением названия мемуаров в соответствии с авторской волей: С.Л. Франк. Воспоминания о П.Б. Струве // Семён Франк. Непрочитанное... Статьи, письма, воспоминания / Сост. А.А. Гапоненкова и Ю.П. Сенокосова. М., 2001.

** Реконструкцию проекта см.: П.Б. Струве. Избранные сочинения / Сост. М.А. Колеров. М., 1999. С. 127–160.

*** С.Л. Франк. Предсмертное (Воспоминания и мысли) // Вестник РХД. № 156. Париж, 1986. С. 115.

«[Социализм] колеблется в истории между двумя идейными полюсами. В одном социализме идейною сущностью является подчинение личности целому: личность есть средство, общество — цель, или иначе, личность есть орган, общество же организм. В другой концепции социализма целью и венцом является личность, общество же есть лишь средство или орудие осуществления целей личности. Первый тип есть *социализм* принципиальный, *философский*. Это социализм Платона, Фихте, Адама Мюллера, Родбертуса»*.

Сверка с неполной авторизованной рукописью, хранящейся в фонде С. в РГАСПИ (Ф.279), даёт представления о планах дальнейшей работы соавторов и причинах её остановки:

Во втором параграфе главы «Что такое культура?» (фрагмент «Порвав внутренне с наивной верой...») в первой редакции было написано (в квадратных скобках восстанавливается опущенный авторами при публикации текст): «Порвав внутренне с наивной верой [*в разные вещи (во что мы не можем в настоящее время верить, об этом ещё не раз будет речь ниже)*], на чём же утвердит своё духовно-общественное бытие современный человек?». Кроме того, в отличие от опубликованного, окончание текста выглядело следующим образом: «Принцип личности и принцип культуры (...) сплетаются в цельное и внутренне-согласованное культурно-философское мирозерцание, которое можно назвать **гуманистическим индивидуализмом**. [*Нам предстоит теперь развить это мирозерцание в его философских, моральных и политических разветвлениях и показать, какие точки зрения оно даёт для решения отдельных культурных и общественных проблем, волнующих современность*]»¹

Видно, что авторы всё ещё продолжали исходить из уже давнего для 1905 года собственного отказа (1898–1902 гг.) от революционного пути к социализму, что они вполне серьёзно планировали в своём «гуманистическом индивидуализме»

* Patriotica. С. 571. «Индивидуализм и социализм», 1906.

найти основу для общественно-политической программы в переживающей революцию стране. Неудивительно, что эти намерения победить политическую катастрофу монархии, и России в целом, на пути утверждения широко понимаемой культуры потерпели крах. И в первую очередь потому, как это хорошо видел сам С., что одномоментное, как флотоводческое «все вдруг», перенаправление общественной борьбы с «против» на «за» — было прямо противоположным всей предыдущей революционной борьбе, в том числе, самого С. Он писал об этом: «прежде [до 1905] можно было сказать — и, по крайней мере, психологически это было верно, — что никакой культурный прогресс невозможен без решительного, принципиального политического разрыва с прошлым»*. Теперь культурному прогрессу тщетно устанавливались иные ориентиры.

Сохранив верность индивидуализму, который ярче всего проявился в его полемике с Мережковским вокруг революционной религиозности, С. вскоре начал окончательный отход от «гуманизма» в сторону всё более определённого этатизма, в котором целое было уже представлено не обществом, а государством, которое для С. в любом случае было «несомненное» личности.

В 1908 году С. начал готовить к печати новую книгу «Государство, интеллигенция, революция», в которой намеревался дать очерк своего нового государственничества, политического национализма и новой революционности. Она реализовалась лишь в трёх статьях, одна из которых вошла в сборник «Вехи»**. Идейный строй книги был реализован в публицистике С. в своём последнем сводном сборнике статей «Patriotica» (СПб, 1911), в котором представ-

* П.Б. Струве. Избранные сочинения. С. 80. «Интеллигенция и народное хозяйство», 1908.

** Полный состав написанных к этой книге статей: «Интеллигенция и революция», «Великая Россия», «Отрывки о государстве». Этот проект реконструирован в: П.Б. Струве. Избранные сочинения. С. 163–210.

лены в основном статьи ноября 1905 – декабря 1910 гг., С. расширил свою идейно-философскую платформу, добавляя к реализованным в «Вехах» консервативной критике русского интеллигентского сознания и радикальной общественности и защите «личной годности», политической ответственности и пафоса государственного строительства. Восстанавливая баланс после общего предисловия Гершензона к «Вехам», где была заявлена преемственность авторов от Чаадаева, В.С. Соловьёва и Л.Н. Толстого, С. подтверждает особое признание революционно-демократических авторитетов: «традициям и идеям эпохи Станкевича – Белинского, философские увлечения которой были так плодотворны для русской культуры и в духовном творчестве которой... Михаил Александрович Бакунин сыграл такую крупную роль... присуща вечная ценность»*. Здесь же С. систематизирует свою социал-либеральную критику «реального образа русской государственности» и «тех сил, которые заправляют судьбами государства», защиту политических прав и свобод «во имя идеалов демократии и социальной справедливости»**, ставит задачу превращения буржуазной леволиберальной кадетской партии в монопольную для внеклассовой «идейно интеллигенции», а затем – «народную, крестьянско-рабочую». Здесь С. продолжает говорить не только о своей приверженности социализму, но и о своём марксизме и «социал-демократизме» германского образца, отрицая марксистское качество большевизма***. Развивая свои прежние обвинения в адрес народничества как явления реакции, архаики, славянофильства и консерватизма, С. применяет их и к освободительному движению революции 1905 года в целом (именно как контрреволюцию С. позже оценил Октябрь 1917 года):

* Patriotica. С. 69. «Памяти А.А. Бакунина и П.А. Корсакова», 1907.

** Patriotica. С. 10. «От автора».

*** Там же. С. 17.

«Консерватизм русской революционной интеллигенции сказался в том, что в идейном отношении наша революция всецело была во власти славянофильски-народнической теории: русский народ есть народ избранный в социальном и политическом отношении; мы можем и должны перескочить через отвергаемые нашим интеллигентским сознанием "буржуазные" фазы: мы как бы уполномочены историей шествовать по пути прогресса быстрее других народов»*.

После Манифеста 17 октября 1905 С. направился в Россию, намереваясь проникнуть в неё нелегально, но уже в пути, по личному докладу председателя Совета министров Витте императору, С. был им персонально амнистирован** и немедленно вернулся из эмиграции***. Вернувшись в Россию, С. попытался капитализировать свою известность как редактора-издателя «Освобождения», которое в печати сравнивали с "Колоколом" Герцена, а самого – чаще критически – с Герценом****.

Оставив ликвидировать дела «Освобождения» в Париже своей жене, С. обоснованно рассчитывал возглавить в России крупную политическую газету*****: если не партийную кадетскую (будущую «Речь»), где в руководстве ею ему составил успешную конкуренцию Милюков, то любую иную общенационального масштаба. Например, московское «Русское

* Там же. С. 42. «Из размышлений о русской революции», 1908.

** П.Б. Струве. Тем, кто «Возрождение» замыслили побить «Освобождением» (27 июня 1925) // П.Б. Струве. Дневник политика. С. 29.

*** О прибытии С. в Петербург вместе с В.В. Водовозовым и В.А. Поссе: Новая Жизнь. № 1. 27 октября 1905 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.1. Л., 1925. С. 16.

**** Розанов назвал его «"маленький Герцен" наших дней» (В.В. Розанов. Струве о духовном сословии и духовной школе // В.В. Розанов. Полное собрание сочинений в 35 тт.: Т. 5. О писательстве и писателях. Статьи 1912–1918 гг. / Сост. А.Н. Николюкин. СПб, 2017. С. 406). См. также: А. Луначарский. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. СПб, 1906. № 3.

***** О том, что некая петербургская либеральная газета предложила С. стать её редактором. Новая Жизнь. № 2. 28 октября 1905 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.1. Л., 1925. С. 42. Не подтвердившееся сообщение о том, что Струве с 1 декабря 1905 – редактор «Биржевых Вестей»: Новая Жизнь. № 26. 1 декабря 1905 // Там же. Вып.4. Л., 1926. С.103.

Слово» И.Д. Сытина (весной 1906, одновременно с открытием заседаний Государственной Думы, Сытин предпринял опыт издания специальной вечерней газеты «Дума» во главе с С., но опыт оказался неудачным и газета закрылась. Зато после неё Сытин получил, по рекомендации Витте, «огромный, почти безграничный кредит» у А.С. Путилова, на который купил собственное бумажное и полиграфическое производство*.

Несмотря на множасьщиеся неудачи, в те дни политический вес С. был значителен, что подтвердил факт его участия в делегации либералов (среди которых он был единственным левым) на встрече с главой правительства Витте. Немецкая газета *Magdeburg Zeitung* сообщила тогда о беседе Витте с Гучковым, Гейденом, Стаховичем, Милюковым, Родичевым и С., состоявшейся около 25 ноября**. Но Сытин отверг кандидатуру С. на позицию главного редактора новой общеимперской газеты.

Чтобы преодолеть своё растущее политическое одиночество, С. пробовал развить миф о Герцене (содержащий прозрачную аналогию между С. и Герценом) как символе русского социалистического культурного западничества и начал редактирование так же отсылающего к фигуре предшественника и издаваемого специально под имя С. М.В. Пирожковым еженедельного журнала «Полярная Звезда» (декабрь 1905 – март 1906)², который под давлением карательной цензуры был вынужден преобразовать в такой же журнал «Свобода и Культура» (апрель – май 1906). Его главным редакционным сотрудником здесь и отныне (до лета 1917) стал Франк. Видимо, в сотрудничестве именно с Франком С. написал краткий манифест одновременно социалистического и либерального, национального социально-

* И.С. Розенталь. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015. С. 443.

** Новая Жизнь. № 24. 29 ноября 1905 // Новая Жизнь. Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября – 3 декабря 1905 года / Под ред. М. Ольминского. Вып.4. Л., 1926. С.61. О недавней беседе Струве и Витте по предложению Витте: Новая Жизнь. № 5. 1 декабря 1905 // Там же. Вып.1. Л., 1925. С. 121.

политического освобождения: «наш журнал... будет бороться за то, чтобы общественно-политическое бытие русской нации было непоколебимо утверждено на основах свободы, равенства и социальной справедливости. (...) Своё название наш журнал заимствовал у Рылеева и Герцена. Это значит, что мы желаем стать под знамя тех великих революционных и культурных традиций, которые связаны именно с этими славными именами»*. В издании С. демонстрировал весьма широкий фронт авторов от земцев до социал-демократов и христианских коммунистов (В.Д. Набоков, И.М. Гревс, И.И. Петрункевич, Ф.И. Родичев, Котляревский, Кистьяковский, Туган-Барановский, Бердяев, Булгаков, Вернадский, Ольденбург, Л. Галич, В.П. Свенцицкий), отстаивая свой проект кадетской партии (партии народной свободы) как широкой коалиции социалистов и либералов, построенной на практической философии компромисса, правового творчества, культуры и новой социальной доктрины «права на достойное существование» (И.А. Покровский и Новгородцев). В литературно-критической и философской части в этом издании были значимо представлены Розанов, Мережковский, Гиппиус, Д.В. Философов, Л.И. Шестов. Несмотря на попытку сформулировать идеологию общенародного социал-либерального компромисса, отказавшегося от революционной перспективы, С. не встретил в этом понимания ни кадетской партии в целом³, ни власти. Опубликованная уже в одном из первых номеров «Полярной Звезды» статья С. стала основанием для возбуждения против него уголовного дела**, длившегося по 1913 год, когда оно было прекращено по амнистии в связи с 300-летием династии Романовых (одновременно С. был награждён и памятной медалью в честь этого юбилея). В подпавшей под уголовное

* От Редакции // Полярная Звезда. № 1. 15 декабря 1905. СПб, 1905. С. 3–4.

** По обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 129 Уголовного уложения 1903 г. (составление, хранение, правка сочинений, возбуждающих к неповиновению власти). Чтобы остаться на свободе, 18 февраля 1906 г. С. как редактор «Полярной Звезды» внёс наличными залог в сумме 1000 рублей судебному следователю СПб, окружного суда: ГАРФ. Ф.604. Оп.1. Ед.хр.5.

преследование статье С. возлагал равную ответственность за кровавые события революции в Москве на власть — и интеллигенцию и народ, писал о «чудовище самодержавия» и «бесчинствах» правительства во главе с Витте:

«С момента опубликования манифеста 17-го Октября я считаю, что в России есть конституция, а потому я полагаю, что в настоящее время я, "крамольный" литератор Пётр Струве, — лояльный гражданин, а адмирал Дубасов и действительный тайный советник Дурново — бунтовщики...»*.

Социал-демократ (большевик) и марксист А.В. Луначарский в своей персональной рубрике, названной «Заметки философа», обоснованно оценил практику этой «Полярной Звезды» как завершение социалистического идеалистического направления**, начатого «Проблемами идеализма», в лоне общеевропейской эволюции*** социализма и левого либерализма, как часть эволюции С. как «равноускоренного движения слева направо»: имея в виду, что журнал рассылался подписчикам в красной упаковке («под бандеролью»), он определил его партийный цвет как «розовый», а о его авторах в лице С., Бердяева, Франка, Новгородцева заключил: «им вовсе не хочется порвать всякую связь со знаменем, со словом, которое... является знаменем и лозунгом будущего»****. Об обратном влиянии этого философски-политического идеализма, начатого кругом С., на революционную среду чуть позже вспоминал другой марксист:

* П. Струве. Два забастовочных комитета // Полярная Звезда. СПб, 1905. № 3. 30 декабря 1905. С. 224, 226–227.

** Альтернативный вариант самоназвания, предложенный Франком, не прижился: С. Франк. О критическом идеализме // Мир Божий. 1904. № 12.

*** «За последнее время в России много говорят и пишут об "идеализме" и его "проблемах". Но оживление интереса к этим "проблемам" не составляет особенности только русской литературы; напротив, развитие этого направления в России стоит в несомненной связи с соответствующим течением западноевропейской мысли» (В. Хвостов. Идеалистическое направление в современной юриспруденции // Научное Слово. М., 1903. Кн.IV. С. 140).

**** А. Луначарский. Эскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. СПб, 1906. № 3. II о. С. 83, 86, 89.

«Российское "третье сословие", в дни, когда развёртывалось революционное движение, увлекалось "проблемами идеализма" и идеалистической "культуры". Но теперь, вместе с ним, увлечению философией отдаются самые широкие слои интеллигенции, не исключая и таких, которые выделяли и продолжают ещё выделять из своей среды защитников пролетарских интересов»*.

После нарастающего давления карательной цензуры, переименования журнала в «Свободу и Культуру», перемены главного редактора С. на его формального местоблюстителя Франка и отказа издателя Пирожкова от продолжения журнала, С. предложил продолжить издание его О.Н. Поповой, но она вновь отказалась**, готовя к изданию сборник процитированной и иных полемических работ Луначарского (в том числе – именно против «Полярной Звезды» С.)***. В результате С. лишился последних собственных проектов в периодической печати и фактически – стабильных средств к существованию. Одновременно с началом занятий Первой Государственной думы России, в апреле – июне 1906 года редактировал газету Сытина «Дума», но и она не стала для него местом долгосрочной занятости.

20 октября 1906 г. С. выступил Московском клубе партии с докладом «Идейные основы партии Народной Свободы», которому в печати придал ещё более широкий характер «Идеи и политика в современной России». Вменяя своей конституционно-демократической партии задачу стать общенациональным «блоком» либеральных и социалистических сил, не стесняясь его рыхлости и зыбкости и, видимо, уповая на то, что динамика развития событий сама скрепит его логикой борьбы, С., как социалист, искал в лице кадетской партии

* В.М. Шулятиков. *Оправдание капитализма в западноевропейской философии: От Декарта до Маха* [1908]. С. 8.

** О.Н. Попова. Письмо к П.Б. Струве, 6 июня 1906 // РО РНБ (АДП). Ф.753. Ед. хр. 84.

*** А. Луначарский. *Отклики жизни*. Сб. ст. СПб, 1906.

«внеклассового объединения демократических элементов на широкой либеральной и демократической программе». Принимая во внимание, что хоть трактат и не вызвал значимых откликов, а акцентированный в нём призыв к политическому компромиссу прозвучал едва ли не как призыв к капитуляции перед самодержавием, следует признать, что данный в нём образ социал-либерализма, либо «демократического социализма», во всяком случае, шёл в первом ряду истории тогдашних либерализма и социализма, из которых вскоре и выросла практическая «демократическая альтернатива» радикальному социализму и коммунизму, до сих пор питающая мировой консенсус вокруг идей социального государства. С. писал:

«Смысл социализма заключается, конечно, не в борьбе классов, а в творческом объединении и согласовании производительных сил всей нации (а, в дальнейшем расширении, — и всего человечества), в интересах всестороннего развития личности (...). В нашей партии могут быть и работать убеждённые социалисты, хотя доктринального лозунга социализма она и не написала на своём знамени. (...) Социализм в настоящее время должен бы уже перестать быть той сакраментальной формулой, на основании которой определяется доброкачественность человека, его приверженность к известным идеалам реально осуществляемым политикой. А с другой стороны, социализм должен бы перестать быть тем пугалом, каким он был прежде. Ибо в настоящее время, в начале XX столетия, после всего того огромного опыта, социального и политического, который имеет теперь человечество, после той громадной идейной работы, которую оно совершило, слово и понятие "социализм" может смущать и пугать только, как бы выразиться деликатнее, только... старых и слабонервных дам обоюго пола.

Происходит крушение доктринального социализма: всякий внимательный наблюдатель развития германского социализма должен констатировать неудержимую тенденцию в этом направлении. В связи с этим крушением должна измениться тактика германского

социал-демократизма и должны открыться перспективы для создания именно того "блока": общественных сил, который в России считается непрочным. (...)

Быть настоящим социал-демократом, т. е. стоять за идею классовую борьбу, как руководящую идею политики, и в то же самое время начисто отрицать революционизм. (...) Наша партия либеральная: она отстаивает свободу личности. И в то же время она отстаивает начало свободы личности для всякой личности и потому она демократична. И, в силу этого, в реально-политическом смысле, она вовсе не отрицает, а наоборот, утверждает в своей программе действительную, практическую идею социализма. В то же время она есть партия не классовая, а национальная*.

Словно исполняя давний свой завет себе создать новое целостное мирозерцание, равно противостоящее филистерству Бернштейна, утопизму Каутского и Плеханова, социальному бесчувствию традиционного русского либерализма, равно поднимающего права личности против политической несвободы самодержавия и политического сектанства социал-демократии, пытаясь выстроить *пока* внерелигиозную идеологию национального и социального освобождения, которое было бы именно освобождением в духе социальной революции, а не разрушением в духе социалистического переворота, позже С. вновь встал перед необходимостью равно «достроить» и социализм, и либерализм, взаимно их дополняя доктринальными расширениями. В поиске идейных образцов национального и социального освобождения, С. и его единомышленники, вслед за Лассалем и Энгельсом, обращались к наследию Фихте, в первую очередь, к его «Речам к немецкой нации». Этот яркий пример, надо признать, мало впечатлял даже просвещённую часть русской интеллигенции. И, например, Булгаков – как другой, в 1902–1905 гг. равный С., лидер русского социально-

* П.Б. Струве. Идеи и политика в современной России // П.Б. Струве. Избранные сочинения / Сост. М.А. Колеров. М., 1999. С. 45–62.

го идеализма и «идеалистического направления», настойчиво обращался к наследию В.С. Соловьёва.

«До такой высоты в национальном вопросе ещё ни разу не поднималась европейская мысль за все века своего существования, в частности в XIX веке: стоит лишь вспомнить ограниченный патриотизм Фихте и Гегеля. Национальный вопрос решается в настоящее время или в духе космополитизма, или зоологического патриотизма. Соловьёв показал возможность высшей точки зрения, устраняющей ограниченность предыдущих, поставив и разрешив вопрос в духе положительного христианского универсализма»*.

Но и пафоса Соловьёва было явно недостаточно для социального движения. Всех затмевала поистине народная и общенациональная фигура Льва Толстого.

Формулируя причины духовного лидерства Льва Толстого как анархиста, социалиста, но прежде всего – борца за свободу религиозной совести и личности, С. видит главный недостаток социализма в его безрелигиозности и неспособности предложить принципиальное обеспечение неотъемлемых прав личности перед лицом коллективизма (подразумевается: прав развитой культурной личности перед лицом принудительно примитивированного феодальной и капиталистической эксплуатацией коллективизма – прежде, чем этот коллективизм будет культурно воспитан в условиях политической свободы) и личной ответственности:

«По идее социализма стихийное хозяйственно-общественное взаимодействие людей должно быть *сплошь* заменено их планомерным, рациональным сотрудничеством и соподчинением. Я нарочно подчёркиваю слово *сплошь*, ибо социализм требует не частичной рационализации, а такой, которая принципиально покрывала бы всё

* С.Н. Булгаков. Что даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва? [1903] // С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В.В. Сапова. М., 2006. С. 627.

поле общественной жизни. В этом заключается основная трудность социализма, ибо очевидно, что ни индивидуальный, ни коллективный разум не способен охватить такое обширное поле и неспособен все происходящие в нём процессы подчинить одному плану. Это вытекает из существа дела, и отсюда явствует, что с реалистической точки зрения речь может идти только о частичном осуществлении задач социализма, а не о всецелом разрешении проблемы социализма. (...) Очевидно, для рационализации общественной жизни первым условием является рационализация и дисциплинирование индивидуальной жизни. В настоящее время в обществе, основанном на свободной конкуренции, такое дисциплинирование достигается естественным подбором (...) Демократический социализм должен изменить этот общественный уклад, рациональное устройство общественных дел и в огромной мере также и индивидуальной жизни перейдёт при нём к большинству общества. (...) Социализм немыслим при ослаблении чувства и идеи личной ответственности, и, таким образом, эта идея и её крепость в человеке есть необходимое (хотя, по всей вероятности, и недостаточное) условие осуществления социализма»*.

В отличие от своих многолетних единомышленников Булгакова и Бердяева, особенно в отличие от учительских претензий Мережковского, С. был убеждён, что даже великому духовному революционеру Льву Толстому, как и любому духовному вождю времени, было просто не под силу стать «великим религиозным реформатором»** и, видимо, сама невозможность религиозной революции в современности останавливала поиск С. там, где его продолжали Булгаков и Бердяев. Этому под стать был и чисто философский идеализм С. как революционера, и его типичный для революционера атеизм. Развитие С. по пути религиозного индивидуализма так и не дало заметных результатов вплоть до начала 1920-х гг., когда в эмиграции С. стал православным — и более всего именно

* П. Струве. Лев Толстой. 1. Смысл жизни [1908] // П. Струве. Избранное. С. 109–114.

** Там же. С. 107.

политическим православным. Полемизируя с кругом Мережковского, тщались внести религиозность в революционное движение, он, вполне нелицеприятно идентифицируя себя с либералами в настоящем и с социалистами в прошлом, признавал, что секуляризованный либерализм бессилён перехватить у социализма его внедоктринальный, но от того не менее подлинный пафос справедливости, освобождения и жертвы, что либерализм не порождает религиозно окрашенного политического героизма:

«Не религиозной ли смертью либерализма объясняется то, что он оказывается идейно так беспомощен в борьбе с социализмом, который практически лишь гораздо последовательнее своего секуляризованного родителя, а идейно с ним совершенно тождествен?! (...) [Социализм] был верой в тысячелетнее царство, которое *принципиально* отличается от всей предшествующей истории; являясь, как с довольно забавной метафизической наивностью сказал Энгельс, "прыжком из царства необходимости в царство свободы". Именно эта формальная религиозность, этот энтузиазм, прикреплявшийся к социализму, представлял себе, вопреки принципу эволюции, будущее общество не просто как усовершенствованное, или преобразованное, а как *совершенное, или преображённое*»*.

Собственное кредо С. прозвучало в этом контексте действительно как рационалистическая «личная вера», не имеющая никаких шансов на её превращение в предмет общественной веры, фундамент социального движения, даже сколько-нибудь коллективного убеждения в рамках партийной ячейки. Есть подозрение, что эта «личная вера» была изобретена С. *ad hoc*, исключительно ради целей журнальной полемики:

«Я думаю, что на смену современному религиозному кризису идёт новое подлинно религиозное мирозерцание, в котором воскреснут

* П.Б. Струве. Религия и социализм. Ответ З.Н. Гиппиус [1914] // П.Б. Струве. Избранное. С. 94–95.

старые мотивы религиозного, выросшего из христианства, либерализма — идея личного подвига и личной ответственности, осложнённая новым мотивом, мотивом свободы лица, понимаемой как *творческая автономия*. В старом религиозном либерализме недаром были так сильны идеи божественного предопределения и божественной благодати. Всю силу творческой воли этот либерализм сосредоточил в Боге. Современное религиозное сознание с таким пониманием Бога и человека мириться не может. Человек как носитель в космосе личного творческого подвига — вот та центральная идея, которая мирно или бурно, медленно или быстро захватит человечество, захватит его *религиозно* и вольёт в омертвевшую личную и общественную жизнь новые силы. Такова моя вера*.

Осенью 1906 возобновились прерванные революцией занятия в Санкт-Петербургском политехническом институте, основанном Витте в системе министерства торговли и промышленности. 25 ноября 1906 С. был избран здесь преподавателем. Не пройдя академической карьеры, он здесь был обречён позже своих сверстников достигать университетских званий, и позже обычного срока и в повышенном темпе защищать необходимые диссертации. Лишь 12 сентября 1908 он поступил сюда на государственную службу, когда был назначен доцентом по кафедре политической экономии, только 7 декабря 1913 получил степень магистра за диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 1», 30 июня 1914 стал экстраординарным профессором, 17 февраля 1917 защитил докторскую диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 2». На вакантное после смерти И.И. Янжула (октябрь 1914) место академика по политической экономии и статистике РАН единогласно избран 22 марта 1917⁴ (избрание утверждено 11 июня 1917**).

* Там же. С. 97.

** Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф.4. Оп.5. Д.74/1006–1065. Лл.432–435 (Формулярный список о службе П.Б. Струве, 1917). См. также личное дело С. о службе в Политехническом институте: РГИА (СПб.). Ф.25. Оп.1. Ед.хр. 4336 (1909–1917 гг.); Ед.хр.5345 (1917–1918 гг.).

Сборник «Вехи», вышедший в свет в марте 1909 года по инициативе Гершензона, но вскоре идейно перетолкованный и перехваченный в своих интересах самим С., помимо широко известных внутривосточных вдохновений, нёс в себе явные следы внешнеполитического примера – «младотурецкой» революции в Османской империи 1908 года*, установившей конституционный строй, и широкой полемики о мобилизации русской молодёжи новыми политическими и религиозными силами. Перед лицом турецкой революции С. сформулировал принципы, которым не суждено было надолго быть актуальными (режим в Турции вновь изменился), но которые хорошо отражали его поиск. Центральным нервом внешней стратегии России, поставившей себя под покровительство Британской империи (после англо-русского соглашения 1907 года), Струве мыслил:

(1) ликвидацию, с разрешения Лондона, османского присутствия на Чёрном море и Балканах, но не произносил пока прямых претензий России на контроль над Проливами;

(2) ликвидацию, без разрешения Берлина, присутствия Австро-Венгрии на Балканах;

(3) нейтрализацию Австро-Венгрии и сдерживание Германии с помощью союзной России независимой Польши**.

В конце 1906 года, после смерти редактора журнала «Русская Мысль» В.А. Гольцева, при котором журнал практически сошёл с общественной сцены, С. был приглашён известным историком и либеральным политическим деятелем, жителем

* Честь открытия большого идейного веса «младотурецкого» образца для «Вех», не сводимого к газетной публицистике простых упоминаний, принадлежит Ф.А. Гайде, специально исследовавшему этот вопрос: *Ф.А. Гайда. «Бескровная младотурецкая революция: как реализовалась программа «Вех»? // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XIII. М., 2012.*

** «Растащить Австрию по кускам не так просто, как кажется... (...) Славяне должны овладеть Австрией и укрепить её как славянское государство. При условии прочного русско-польского примирения у Австрии будет и славянская политика» (*П.Б. Струве. Размышления на политические темы. V. Славянские дни // П.Б. Струве. Patriotica. С. 125–126 (18 мая 1908)*). Об этом подробно см. мой очерк в настоящем издании: «Великая Россия» и Ближний Восток» П.Б. Струве: британские вдохновения и разрушение Османской империи и Австро-Венгрии (1908–1916)*.

Москвы Кизеветтером, которого издатели назначили новым редактором, разделить с ним редактирование классического либерального «толстого журнала» в качестве титульного соредактора, представлявшего петербургскую часть авторского коллектива и целевой аудитории. К этому времени журнал уже сместился на обочину общественного внимания, пропустив мимо своего внимания все ключевые дискуссии 1890–1900-х гг., а С. в свою очередь – после закрытия «Думы», «Полярной Звезды» и «Свободы и Культуры» – оказался без собственного печатного органа, в котором он мог бы проводить свои идеи и консолидировать сторонников интеллектуального движения, условно называемого «от марксизма к идеализму». При несомненном лидерстве С. как более опытного журнального организатора, соредакторство с Кизеветтером сохранялось до лета 1911 года, отчасти сдерживая дальнейший политический дрейф С. вправо и поддерживая верность «Русской Мысли» литературной непартийности в художественной части издания. В 1911 году Кизеветтер решил прекратить долго накапливавшиеся разногласия со С. и подал в отставку с поста соредактора, оставшись близким сотрудником журнала*. С. стал единоличным редактором журнала, с 1912 года став уже редактором-издателем, каковым оставался до прекращения издания «Русской Мысли» в России летом 1918 года (и стал им при возобновлении его в эмиграции в 1921–1927 гг.). При этом С. не отказывался от партнёрства с теми, кто признавал его лидерство и, например, начиная с 1909 г. заключил соглашение с «Московским Еженедельником» Е.Н. Трубецкого (издатель – М.К. Морозова) о льготной

* О предыстории этого см.: М.А. Колеров. О месте философии в «Русской Мысли»: из писем А.А. Кизеветтера к П.Б. Струве (1909–1910) // Исследования по истории русской мысли. 8. Ежегодник за 2006/2007 год. М., 2009.

совокупной цене на издания при одновременной подписке на оба журнала.

С марта 1907 в «Русской Мысли» появилась новая рубрика «Философия / Философия и религия», которую, однако, её основному автору Франку даже при расширении авторского коллектива за счёт Галича (Габриловича), А.К. Топоркова, Г.Г. Шпета, М.М. Рубинштейна, К.М. Милорадович, Лосского, С.И. Гессена, П.П. Блонского, Аскольдова не удалось поднять её до общественного звучания. С целью утверждения публичного веса философии, С. ввёл в РМ дополнительную рубрику для статей и обзоров «Философское движение» (с февраля 1911 по декабрь 1915), где, рядом с классическими текстами Франка, проявилась активная авторская «практическая философия» А.З. Штейнберга, Галича, Новгородцева, Г.Э. Ланца, И.А. Ильина, С.В. Лурье.

Именно в «Русской Мысли», рядом с последовательным отрицанием анархизма, народничества / славянофильства и социально-культурного мессианства, С. выступил с послеволюционным и постлиберальным альтернативным кредо, одновременно сопроводив его нелицеприятным признанием: «я западник и потому националист, я западник и потому — государственный»: и в результате *уже* фактом стало признаваемое им самим его «духовное одиночество в той среде, которую обычно зовут интеллигенцией»*. Прямо противореча позднейшему автоапологетическому мифотворчеству периода эмиграции, С. трезво говорил о себе и своём круге ещё до скандала вокруг «Вех»:

«Нигде в мире действительно умеренные прогрессивные элементы не имели и не имеют так мало авторитета, как у нас [в России]. В эпохи [общественно-политического] подъёма они в общественном мнении

* Patriotica. С. 116, 112.

тушёвываются пред крайними течениями; в эпохи реакции власть практически не ставит их ни во что»*.

С. легко признавал свою «непопулярность» после революции 1905 г.: в противоположность тому, что в 1890-е гг. он был «кумиром молодёжи», теперь «успеха я не имею (...) в "новые вожди" я не попал и не попаду (...) той роли, которую я играл прежде и в русском марксизме, и в освободительном движении, я не могу и не хочу играть. (...) "Вождём" можно быть лишь тогда, когда либо "толпа" покорно следует за тобой, либо ты сам приспособливаешься к толпе. (...) Когда я был руководителем *Нового Слова* и когда я был редактором *Освобождения*, я шёл в ногу с другими в своей деятельности осуществляя коллективное действие, был... в известной мере "артельным человеком". Это было нужно для дела и было нужно для меня», — писал он**. Впрочем, это политическое одиночество несколько не препятствовало С. в политически успешном руководстве РМ. Не было очевидным это одиночество С. и для полиции. В Справке Санкт-Петербургского Охранного Отделения Департамента полиции МВД от 30 мая 1911 года настойчиво сообщалось, что С. «добивается популярности среди студентов резкими порицаниями распоряжений правительства»***.

В годы редакторского сотрудничества С. с Кизеветтером литературная часть «Русской Мысли»⁵ находилась под руководством Ф.К. Арнольда, С.В. Лурье, Ю.И. Айхенвальда (1907–1908)****, Мережковского и Гиппиус (1909), В.Я. Брюсова

* Patriotica. С. 203. «Нечто о моём мнимом импрессионизме», 1908.

** Patriotica. С. 426–427. «На разные темы», 1908.

*** ГАРФ. Ф.102. ДП-00. Д.59 л. А. Ч. 2 (1910). Л. 45 об.

**** Результаты его деятельности как редактора литературного отдела журнала С. оценивал скептически: П.Б. Струве. Памяти Юлия Исаевича Айхенвальда [1928] // П.Б. Струве. Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе / [Сост. Н.А. Струве]. Paris, 1981. С. 302. См. также благодарный некролог автора главному его поклоннику в РМ: А.М. Ремизов. Памяти С.В. Лурье // Звено. Париж, 1928. № 1.

(1910–1912)*, Л.Я. Гуревич (1913–1914), Франка (1914–1918)**. В литературной части с 1907 года журнал был представлен сочинениями К.Д. Бальмонта, А. Серафимовича, Д. Мамина-Сибиряка, Гиппиус, Гершензона, Брюсова, Гуревич, Ф.К. Сологуба, С. Кречетова, Б. Садовского, М. Волошина, И.С. Шмелёва, И.А. Бунина, Б.К. Зайцева. В части философии и философской критики уже в 1907 г. журнал открылся для (кроме упомянутых выше) Бердяева, Булгакова, Е.Н. Трубецкого, Мережковского, Философова, Л.И. Шестова, Розанова, Франка, Кистяковского. В 1908 в нём появились Н. Минский, Вернадский, Ф.Ф. Зелинский, А.М. Ремизов, С.М. Городецкий, Н.С. Гумилёв, К. Чуковский. Затем: Б.В. Савинков (В. Ропшин), Блок, Андрей Белый, М.М. Пришвин, Вяч. Иванов, А.Н. Толстой, О.Д. Форш, Е.Г. Лундберг, С.Н. Дурылин, Н.Я. Абрамович, В.Ф. Эрн (в 1909-м); Ф.А. Степун, И.И. Лапшин, А.И. Введенский, В.В. Жаботинский (в 1910-м); Б.А. Грифцов, Ю.К. Балтрушайтис, П.С. Романов, С. Парнок, А.А. Мейер, А.М. Огнёв (в 1911-м); И.Г. Эренбург, А.С. Грин, В.Ф. Ходасевич (в 1912-м); Д.В. Болдырев, Н.К. Пиксанов, Н.В. Недоброво, М.А. Кузмин (в 1913-м); В.Н. Муравьёв, С. Сергеев-Ценский, А.А. Ахматова, В.М. Жирмунский (в 1914-м); П.Н. Савицкий, Г.И. Чулков, С.А. Есенин, Е.И. Замятин, Л.И. Каннегиссер (в 1915-м), Н.В. Болдырев, Н.В. Устрялов, Б.А. Пильняк (в 1916-м), И.И. Фудель, В.В. Зеньковский, В.А. Зоргенфрей, С.Я. Маршак (в 1917-м). Постоянно испытывая серьёзные финансовые трудности, РМ не могла платить большие, конкурентные на рынке авторские гонорары и потому в области «идейного вещания» более рассчитывала на философскую солидарность, репутацию издания, идеологически и художественного терпимого

* См.: В.Я. Брюсов. Письма к П.Б. Струве / Публ. А.Н. Михайловой // Литературный архив. М.; Л., 1960. Вып. 5; И.Г. Ямпольский. Валерий Брюсов о «Петербурге» Андрея Белого // Вопросы литературы. М., 1973. № 6.

** См. об этом: М.К. С.Л. Франк. Из отзывов на рукописи в редакцию «Русской Мысли» (1915–1916) // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

к разнообразию, личные связи и авторскую активность литературных редакторов. Но впервые опубликовав классические поэтические произведения Блока, Вяч. Иванова, Ахматовой, журнал так и не смог предъявить читателю яркие образцы художественной прозы*.

В принципиальной для периода интеллектуального самоопределения С. и важной для него по тематике своей рецензии на сборник Чехова «В сумерках» юношеский наставник С., редактор журнала «Вестник Европы» Арсеньев признавался: «Критический отдел наших периодических изданий давно уже не претендует на полноту, давно уже представляет пробелы, пополняемые более или менее случайно...»**. Поэтому представляется не случайным, что свою версию РМ С. снабдил значительно большими по сравнению с другими «толстыми журналами» объёмом и интенсивностью отделов рецензий, культурной хроники и (по образцу журнала «Мир Божий») энциклопедической по качеству библиографии, в этом смысле прямо наследуя недолговечному журналу Кистяковского, Гершензона и Е.Н. Орловой «Критическое Обозрение» (1907–1909) и журналу «Книга» («Новая Книга»)***. После прекращения «Критического Обозрения», с февраля 1911 С. ввёл в «Русской Мысли» постоянный раздел под таким же именем, соответствующий традиционному III отделу «толстого журнала», но оформленный как фактический «журнал в журнале», с собственной структурой и отдельным оглавлением. Этот раздел стал, вероятно, самой трудоёмкой и в этом — оригинальной частью «Русской Мысли» (близким к ней по вёрстке и спек-

* На литературно-художественные усилия журнала дважды критически откликнулся В.А. Чудовский: Аполлон. СПб, 1911. № 8; 1913. № 2.

** К.К. Арсеньев. Беллетристы последнего времени [1887] // А.П. Чехов. В сумерках. Очерки и рассказы / Изд. подг. Г.П. Бердников, А.Л. Гришунин. М., 1986. С. 295–296.

*** См. об этом: М.А. Колеров. Философия в «Критическом Обозрении» (1907–1909) // Логос. № 4. М., 1993. С. отозвался на этот жанр периодики в специальной рецензии о первых номерах «Критического Обозрения» и «Новой книги»: Русская Мысль. 1907. Кн. IX. III отд.

тру рецензируемой литературы; опытом такого внутреннего библиографического журнала был социалистический журнал «Мир Божий»): этот раздел и составлял весомую часть журнала вплоть до его закрытия летом 1918 года. Его беспрецедентно энциклопедический состав, отражая широкие интересы С., был неизменно представлен рецензиями на книги по естествознанию и точным наукам, статистике, политической экономии, финансам, медицине и гигиене, философии, праву, географии, этнографии, национальным проблемам, военному и морскому делу (где доминировали тексты А.А. Свечина), авиации, истории литературы, языкознанию (где с 1913 года, по рекомендации Гуревич, преобладали рецензии Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского*), религии и церкви, педагогике и народному образованию, изобразительному искусству.

После отдельных публикаций из неопубликованного наследия Чехова, В.В. Стасова, Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, семьи Бакуниных, Г.И. Успенского, В.С. Соловьёва, специально для Гершензона в «Русской Мысли» был создан раздел «Материалы по истории русской литературы и культуры» (с первой книги 1911 года), в котором, однако, большее участие принял В.Я. Богучарский. В разделе вышли многочисленные архивные публикации о русской классике (Герцен, А.Н. Островский, Пушкин, Гаршин, М.П. Драгоманов, Тургенев, Достоевский, Огарёв, Салтыков-Щедрин, А.А. Григорьев, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой, Победоносцев, К.Д. Кавелин, В.С. Соловьёв, Бакунины, Д.В. Григорович, Грибоедов, Добролюбов, Чернышевский, Гоголь). Впрочем, историко-культурная часть «Русской Мысли» проиграла, и именно в избранной тематике, специальному журналу «Голос Минувшего», начав-

* Об этом см.: Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского / Публ. Н.А. Жирмунской и О.Б. Эйхенбаум, вст. ст. Е.А. Тоддеса // Тьяньновский сборник: Третьи Тьяньновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. Рига, 1988.

шему выходить в свет с 1913 года, и в дальнейшем не была отмечена значительными историко-культурными открытиями.

И всё же – в пору доминирования в России ежедневной печати, массовых ежедневных газет, в том числе – широко открытых для идеологической полемики и художественной литературы, судьба этого журнала как центра политического влияния была предрешена. Ему оставалось быть центром рафинированной идейной работы, и он стал им. В остальном, даже перед лицом других, более популярных «толстых» журналов, «Русская Мысль» проигрывала именно своей недостаточной политической определённости.

Для понимания репутации журнала «Русская Мысль» под редакцией С. в кругу традиционного чтения интеллигентной публики характерен рассказ-кариатура (в будущем это назовут «комиксом») А. Иванова на последней странице обложки «Сатирикона» (№ 2 за 8 января 1911 года) «Духовная пища», о выборе буржуазным читателем Конопаткиным журнала для подписки и чтения. Согласно рассказу в картинках, к читателю домой приходят гости: журналы «Русская Мысль», «Вестник Европы», «Родина» и «Нива». В итоге такого представления символически побеждает журнал «Нива», заваливший подписчика горой бесплатных приложений из сочинений писателей. А «Русская Мысль» в узнаваемом образе её редактора-издателя С. приходит в дом первой и выступает с длинной тавтологической наукообразной речью, истекая изображённым потоком воды, то есть пустословием. В текстовом комментарии к изображению об этом визите рассказывается так:

«– Позвольте представиться — "Русская Мысль". Надеюсь, что самосознание масс, как показатель социальной эволюции на почве правовых отношений, правонарушение которых ведёт лишь к усвоению массой своих прав по существу... да заставит вас глубже и самосознательнее отнестись к интереснейшим...

Прошёл час, два... стало сыро... Конопаткину казалось, что он умирает»*.

Стержень своей редакционной политики С., очевидно, полагал вне партийных традиций и в этом принципиально спорил со сложившейся в России практикой. Он писал, едва приступив к руководству журналом:

«Время "партийных" и даже "направленских" журналов... прошло. По умственной косности, по известному идейному консерватизму они могут иметь ещё наибольший успех в кругах интеллигенции..., но внутренне они мертвы. О "партийном" характере не только беллетристики, философии, литературной критики, но даже сколько-нибудь углублённой, сколько-нибудь философской публицистики, странно говорить»**.

Поэтому этот журнал в руках С. превратился в авторитетный «парламент мнений», в политическом отношении правее радикального социализма и левее политического монархизма. С. верно увидел, что критически, вместе со всеми ежемесячными (и даже еженедельными) изданиями проигрывая мощной и массовой «большой» ежедневной прессе, расцветшей после 1905 года, в политической оперативности и влиянии (чтобы поспевать за политическими событиями, в 1917 году С. издавал в приложении к «Русской Мысли» двухнедельный тонкий журнал «Русская Свобода») и всё же обречённая соблюдать универсальный формат «толстого журнала» с его большим литературно-художественным отделом, «Русская Мысль» испытывала и растущую конкуренцию в сфере идейного влияния других журналов этого формата, хотя теперь они могут

* М.А. Колеров. Заметки по археологии русской мысли: Булгаков, Струве, Розанов, Котляревский, Флоровский, Бердяев, журнал «Скифы», ГАХН // Исследования по истории русской мысли. 11: Ежегодник за 2012–2014 годы. М., 2015.

** Patriotica. С. 384–385. «На разные темы» (1908).

показаться интеллектуально более пресными*. Журналу было трудно конкурировать и с партийно-направленческими непериодическими «идейными сборниками»** и по своей рентабельности, и по теоретической монолитности и, следовательно, внятности привлекаемого ими внимания аудитории (именно это предопределило новое, после «Проблем идеализма», обращение круга С. к жанру «идейного сборника» – в сборнике «Вехи»).

Журнал под руководством С., оставаясь праволиберальным органом в своей внутривластной публицистике, в остальном медленно смещался в нишу внепартийной и политически в целом индифферентной высокой культуры, науки, философии, религии, фундаментального обсуждения, например, таких тем из актуальной интеллектуальной повестки дня, как «проблемы нового религиозного сознания», «проблемы аскетизма», философия прагматизма, национальный вопрос*** и этнография, внешняя политика и империализм. Начиная с очерка «Великая Россия» (1908), С. был первым русским мыслителем, открывшим для России тему империализма, только на рубеже XIX и XX вв. получившую освещение в английской исторической и марксистской немецкой политико-экономической литературе (Гильфердинг, Каутский) как связанные факты колониальной активности (англо-бурская война, интервенция в Китае, др.),

* По данным студенческой библиотеки Московского технического училища, готовившего высшие инженерные кадры, в 1914 году, доли читателей, то есть иерархия «толстых» журналов (они поступали библиотеку бесплатно) по числу запросов, были таковы: либеральный «Вестник Европы» (29%), народническое «Русское Богатство» (22%), социал-демократический «Современный Мир» (19%), струвеанская «Русская Мысль» (18%), эсеровские «Заветы» (12%) (посчитано по: А.Е. Иванов. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М., 2010. С. 121).

** М.А. Колеров. Индустрия идей. Русские общественно-политические и религиозно-философские сборники. 1887–1947. М., 2000.

*** Полемика о национализме в «Русской Мысли» с участием С. собрана в сб.: Национализм. Полемика 1909–1917. 2 изд. / Сост. М.А. Колерова. М., 2015. См. также об этом: И.А. Покровский. «Эрос» и «этос» в политике. По поводу одной полемики // Юридический вестник. М., 1916. Кн. XV. См. библиографические дополнения к указанным текстам в этой полемике, в том числе В.В. Розанова и М.О. Гершензона: Евгений Голлербах. К незримо граду. Религиозно-философская группа «Путь» в поисках новой русской идентичности. СПб, 2000. С. 345, прим. 2.

многонационального единства и высшей капиталистической концентрации производства, переходящего в государственный социализм. В тот момент эта тема ещё не нашла отражение даже в русской марксистской литературе, впервые обратившейся к ней примерно в 1913 году (И.И. Скворцов, Ленин, М.Н. Покровский, М.П. Павлович (Вельтман)).

Однако в решительную противоположность громкому читательскому и рыночному успеху сборника «Вехи», в пяти изданиях 1909–1910 гг. вышедшего общим тиражом в 16 тыс. экземпляров, «Русская Мысль», как признанный «орган веховцев», в 1909 году собрала всего 2.500 подписчиков⁶, что было в несколько раз меньше числа подписчиков у таких лидеров рынка «толстых журналов», как «Русское Богатство» и главное, исключало перспективу его текущей финансовой рентабельности*. Активный автор «Русской Мысли» и опытный журналист, в будущем знаменитый советский литературовед Б.М. Эйхенбаум, чьи интересы, впрочем, скорее были подчинены личной научной карьере, двойственно похвалил и оценил журнал как «аристократический орган»**. Также подчинявший все искушения своей научной судьбе, однако принадлежавший к одному поколению со С., разделявший с ним пафос философского творчества вкупе с (впрочем, затухающим) интересом к общественной деятельности государственного масштаба, близкий к кругу С. ещё со времён «идеалистического направления», Лосский всё же оценивал «Русская Мысль» не с точки зрения демократичности аудитории, а под знаком общекультурной миссии журнала. Он вспоминал:

«Опыт революции 1905 года многому научил русскую интеллигенцию. Освобождение от узости сознания, сосредоточенного только на политической борьбе с самодержавием и на социально-экономических

* Об этом подробнее: *Ричард Пайнс*. Струве: правый либерал. 1905–1944 [1980]. М., 2001. С. 243.

** *Б.М. Эйхенбаум* – В.М. Жирмунскому 28 июля 1916 // Переписка Б.М. Эйхенбаума и В.М. Жирмунского. С. 285.

проблемах, начавшееся уже до революции, пошло ускоренным ходом. Появился интерес к религиозным проблемам и к православию; ценность национальной идеи и государства стала привлекать к себе внимание; проблемы эстетики, художественного творчества, истории искусства стали увлекать широкие круги общества. Журнал "Русская мысль", редактором которого стал П. Б. Струве, был выражением расширения и подъёма интересов ко всему богатству духовной культуры»*.

В 1917 году в журнале С. социалистический публицист В. П. Быстрин в цикле статей ввёл в публичный оборот определение, которому была уготована богатая историческая и идеологическая судьба: *пореволуционный*⁷. Уже в 1918 году его воспринял Бердяев, но, в силу цензурных условий, без публичных последствий**. И лишь в эмиграции, особенно на рубеже 1920–1930-х гг. «пореволуционность» стала непременным понятием в широкой известной публицистической активности Бердяева и общественном движении эмигрантской молодёжи. В те годы «пореволуционность» означала согласие с необратимостью революционных перемен в России 1917–1918 гг., что было равно отказу от антибольшевистской реставрации дореволюционного политико-экономического уклада – и даже согласие с правом большевиков на власть или участие во власти.

С. в 1917 году, после Февральской (и до Октябрьской) революции предоставивший страницы своего издания для порождения красноречивого понятия «пореволуционности», 1905–1908 годах, несомненно, сам пережил состояние «пореволуционности» как *транс*-революционности, *после*-революционности, *по*-революционности. То есть консерва-

* Н. О. Лосский. Воспоминания. Жизнь и философский путь [1958] / Сост. О. Т. Ермишина. М., 2008. С. 133–134.

** Речь идёт о нереализованном проекте: *Николай Бердяев. Послереволюционные мысли (вместо предисловия)* [1918] // Николай Бердяев. Духовные основы русской революции. Опыт 1917–1918 / Сост. Е. В. Бронникова. М., 1998. См. также: М. А. Колеров. К истории «пореволуционных» идей: Н. Бердяев редактирует «Из глубины» (1918) // // Исследования по истории русской мысли. [2] Ежегодник за 1998 год. М., 1998.

тивного по сути согласия с новой реальностью, порождённой сколько угодно незаконченной революцией, в спорах о политической свободе, реальной конституционности нового режима его журнал принял участие*. Тогда он равно осуждал радикализм революции и контрреволюции**, надеясь на средний путь компромисса вокруг новой меры свободы и национально-государственных, вполне «империалистических» задач. С этим пафосом творческого, то есть идейно обоснованного компромисса С. и подошёл ко времени участия в сборнике «Вехи» (1909), после которого взял решительный курс на формирование политического национализма, который он хотел навязать идущей к власти национальной буржуазии. Революция 1905 года представлялась ему тогда необратимым и достаточным фундаментом для такого либерального консерватизма.

* См.: В. Нечаев. Манифест 17 октября и форма правления. Установлена ли учреждением Государственной Думы и Манифестом 17-го октября 1905 г. ограниченная форма правления в России? // Полярная Звезда. СПб, 1906. № 4, № 5; Влад. Гессен. Самодержавие и манифест 17 октября; Б. Кистяковский // Там же. № 9; Конституция дарованная и конституция завоёванная // Там же. № 11; В. Нечаев. Ещё несколько слов о самодержавии и манифесте 17 октября. Ответ В.М. Гессену // Там же.

** Пётр Струве. Два забастовочных комитета // Полярная Звезда. СПб, 1905. № 3.

1908–1918: религиозный индивидуализм, политический национализм и путь к контрреволюции

История идей часто упускает из виду несбывшиеся надежды идеократов, тех, кто строил свою политику и практическую философию на мало обоснованных ожиданиях, на «энергии заблуждения», открытой В.Б. Шкловским. Человеческая память избирательна и потому свои собственные заблуждения – первые жертвы мемуаристов и апологетов. Русский политический идеализм, ставивший перед Россией одну за другой большие задачи, пожалуй, одна из наиболее ярких жертв такой «цензуры памяти». Особенно это видно в текущей идейной публицистике, которую её авторы постыдились включать в сборники своих избранных сочинений: и не только потому, что изменился фактический исторический антураж, а и потому, что *ad hoc* изобретённые ими теории часто открывают для читателя всю поверхностность этих теорий. Но для археологического взгляда на историю идей такие отбракованные теории – красноречивые находки. И очень часто – находки содержательно более богатые, чем мемуарный или агиографический макияж.

Хорошо известно, что теория С. о «Великой России», с которой он выступил в январе 1908 года¹, по авторскому же указанию восходит к доктрине «Великой Британии» (*Greater Britain*), чья имперская мощь и либеральная политическая система служили Струве образцом для подражания. Сам

Струве приложил много усилий к тому, чтобы сделать свою теорию и её образец непрременной страницей истории русской мысли XX века². У него это получилось. Но изначально эта теория оказалась связана у С. с переживанием политических событий в Турции, на «Ближний Восток» которой и была сориентирована экспансия «Великой России» под крылом Великой Британии. После заключения англо-русского соглашения 1907 года о разделе сфер влияния в Персии и согласии в Афганистане и Китае, за считанные дни до «младотурецкой революции» в Османской империи, С. писал:

«Бесмысленная, тянувшаяся десятилетиями распря Англии с Россией изжита, и английское покровительство турецкому султану отошло в область истории... Это поворот в мировой политике, имеющий необозримое всемирно-историческое значение»*.

В этом контексте С. вступал в резкую полемику с русскими национал-монархическими силами, ориентированными на согласие с Османской и Германской империями, напоминая, что подлинной национальной традицией России в области внешней политики являются «традиции русской политики на Ближнем Востоке», имея в виду Балканы, Проливы и Западную Армению. Даже экономическая логика развития «ближневосточного» (черноморско-балканского) вектора России приводила С. к осознанию неизбежного конфликта с Германией и Австро-Венгрией, единственным спасением от которого он считал *опережающее* резкое внутреннее (либеральное, по британскому образцу³) и внешнее (экспансия на Балканы и соглашение с Польшей) усиление России. Оба внешнеполитических направления означали будущее расчленение – Австро-Венгрии и Османской империи, как бы не скрывал это до времени С. Он писал:

* П.Б. Струве. За султана и кесаря // П.Б. Струве. Patriotica: Политика, культура, религия, социализм [1911]. М., 1997. С. 111–112 (20 июня 1908).

«Наши отношения с Англией и Францией должны были бы... использоваться в первую голову в целях экономического укрепления России на Ближнем и Среднем Востоке. (...) Если... мирное укрепление русского могущества в бассейне Чёрного моря и морально-политическое сближение России с западным славянством, если осуществление обеих этих задач означает войну Турции, Австрии и Германии с Россией, то... между органическим укреплением русского могущества и интересами германской политики существует непримиримое противоречие. Я думаю, что интересы Германии и России на Ближнем Востоке антагонистичны. Но... из этого антагонизма только в том случае вытечет военное столкновение, если сильной, могущественной Германии будет противостоять слабая, разьединённая внутри, раздираемая племенными антагонизмами забывшая о своём славянском призвании Россия, изнывающая под полицейским гнётом...»*

Британское политическое наследие, как известно, служило образцом цивилизованного развития для русского либерализма XIX – начала XX вв. Экономическая политика и ещё более – экономическое развитие Англии – служили примером для части русской бюрократии, для русских либералов и социалистов. Единственная сверхдержава XIX века, Британская империя была образцом государственного могущества. Историки и критики британского капитализма Маркс и Энгельс видели будущее всего человечества в повторении или сокращении пути Англии. И потому они часто не могли отделить в своей критике Англии своё искреннее ей восхищение. И главным империализмом, главной угрозой миру считали не британский, а в несколько раз более слабый – русский империализм. В борьбе против Российской империи отцы коммунизма не раз переходили отступали от своих принципов классового анализа и выступали проповедниками политической русофобии.

* П.Б. Струве. Русский шантажист и немецкий патриот // П.Б. Струве. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм* [1911]. М., 1997. С. 110 (27 февраля 1908).

Точно так же, говоря о государственных интересах родной империи, они и ориентированная на них германская социал-демократия – говорили как настоящие немецкие патриоты.

Примеры политической свободы в Британской колониальной империи и легальной социал-демократии в Германской империи абсолютно доминировали в социал-либеральном освободительном движении в России начала XX века. Широкое пространство между банкротством России как великой державой и её революционной катастрофой идейные сторонники Струве склонны были понимать как прямой путь к «Великой России». Его многолетний единомышленник ещё со времён «идеалистического направления» (1902–1905) резюмировал его проговорки так: «между социальной революцией и политической реакцией открывается ещё весьма широкое пространство, где могут действовать ряд партий, глубоко различных и по миросозерцанию, и по программам, но объединённых сознанием, что с подъёмом производительных сил России связана вся наша будущность – будущность не только как участников мирового хозяйства, но и как национально-культурного целого. И это единственный путь к "великой России"»⁴.

Но для С. – при характерной для него нарастающей *патриотической тревоге*^{*} о судьбе русской государственности – наиболее весомыми становились внешние факторы безопасности и имперской мобилизации России. В своём трактате «Великая Россия» он писал, в частности:

«Для создания Великой России есть только один путь: направить все силы на ту область, которая действительно доступна реальному влиянию русской культуры. Эта область — весь бассейн Чёрного моря, т. е. европейские и азиатские страны, "выходящие" к Чёрному морю. Здесь для нашего неоспоримого хозяйственного и экономического господства есть настоящий базис: люди, каменный уголь и железо. На

^{*} Слова из авторского введения в сборник статей от февраля 1911 года: П.Б. Струве. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм [1911]. С. 12.

этом реальном базисе — и только на нём — ... может быть создана экономически мощная Великая Россия. (...) Основой русской внешней политики должно быть, таким образом, экономическое господство России в бассейне Чёрного моря. Из такого господства само собой вытечет политическое и культурное преобладание России на всём так называемом Ближнем Востоке. (...) Мы должны быть господами на Чёрном море... Против Англии мы и там бороться никогда не сможем... реальная политика утверждения русского могущества на Чёрном море неразрывно связана с прочным англо-русским соглашением, которое для нас не менее важно, чем франко-русский союз. Вообще это соглашение и этот союз суть безусловно необходимые *внешние* гарантии создания Великой России. (...) Неурегулированность польского вопроса... ставит нас совершенно *à la merci* Германии. Мы либо вынуждены в международных делах и внутренней политике слепо, как вассал, следовать ей, либо будем всегда находиться под угрозой того, что в удобный и желательный для себя момент она выдвинет против нас Австро-Венгрию. (...) Австро-Венгрия, даже как славянская держава или, вернее, именно как таковая обязана стремиться к "расширению" на наш счёт*.

Непосредственно перед «младотурецкой революцией» Струве повышал антиосманские ставки и раскрывал свои карты, прямо приглашая Англию помочь России в разделе Османской империи, особенно на Балканах османского Ближнего Востока, прямо подводя вектор экспансии России в «подбрюшье» Австро-Венгрии и, очевидно, подходя к перспективе её расчленения:

«Русское общественное мнение, без различия направлений, желает, чтобы русская политика на Ближнем Востоке, и в частности на Балканах, продолжала свои славные традиции освобождения христианских народов⁵. Это не значит, что эта политика должна быть направлена против Германии и немцев. Но это значит, что она не может мирить-

* П.Б. Струве. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества [1908] // П.Б. Струве. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм [1911]. М., 1997. С. 53–54, 61. 60.

ся с неприкосновенностью существующего турецкого режима* на Ближнем Востоке. (...) Когда Англия охраняла неприкосновенность турецких порядков, вся Россия — без различия партий — была против Англии. Теперь англичане, я думаю, окончательно сознали фактическую и моральную ошибку, заключающуюся в их русофобии и туркофильстве**.

Но в июле 1908 года в Османской империи свершилась конституционная революция — и этот факт поместил теорию в особый контекст. У С. получилось очистить свой лозунг «Великой России» от своего поспешного, уже в августе 1908 года (в его не переиздававшей им статье «Международное положение и международная реакция»***, признания идейной капитуляции «реакционной» России перед конституционной Османской империей в момент прошедшей в ней «младотурецкой революции». Исследователь русского либерализма Ф.А. Гайда обоснованно вычленяет среди политических источников известного сборника «Вехи» (1909) то впечатление, которое произвела на русский политический класс «младотурецкая революция» в Османской империи 1908 года, которая на короткое время восстановила действие конституции:

«... "Вехи" вовсе не были следствием испуга от революции 1905 г., они, наоборот, стали результатом испуга от её провала. Предпоследняя фраза статьи А.С. Изгоева звучала так: "И, быть может, самый тяжёлый удар русской интеллигенции нанесло не поражение освободительного движения, а победа младотурок, которые смогли организовать национальную революцию и победить почти без пролития крови". (...)

* В газетной публикации выделено курсивом: *Пётр Струве*. Размышления. V // Слово. СПб. № 475. 5(18) июня 1908. С. 1.

** *П.Б. Струве*. Размышления на политические темы. VIII. Русско-германские отношения // П.Б. Струве. *Patriotica*. С. 129 (5 июня 1908).

*** Первое переиздание см.: *М.А. Колеров*. «Великая Россия» и «Ближний Восток» П.Б. Струве: британские вдохновения и разрушение Османской империи и Австро-Венгрии (1908–1916). Приложение: *Пётр Струве*. Международное положение и международная реакция (1908) // *М.А. Колеров*. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

В примечании к этим словам, помещённом уже во втором издании, Изгоев написал: "С тех пор, как были написаны предыдущие строки, младотурки после восьми месяцев бескровной революции перешли во вторую стадию своей политической жизни. На них, как на творческую силу, напали и справа и слева. (...) Конечно, и младотурки могут погибнуть под ударами обманутой тёмной реакционной массы и сепаратистов. Но их гибель — гибель Турции, и история младотурок была и вечно будет примером той нравственной мощи, которую придаёт революции одушевляющая её национально-государственная идея". Александр Соломонович не мог знать, что через несколько лет именно младотурки доведут Османскую империю до авантюрного вступления в Первую мировую войну, глубочайшей политической катастрофы и окончательного распада*.

За своё недолгое историческое малодушие С. сполна идейно отомстил Османской империи и союзным ей Германской империи и Австро-Венгрии. Он объединил османское наследие с австро-венгерским — и своим особым попечением о Балканах, и своим пророчеством — в момент тяжелейшего положения Сербии — об огромной Югославии как результате Первой мировой войны**. Но прежде — вот главные положения замолчанной самим С. его идейной капитуляции в статье «Международное положение и международная реакция» (1908):

«Государственный переворот, происшедший в Турции (...) лишь один из эпизодов той новой эры европейской и мировой истории, которая началась крушением старого порядка в России. (...) Осью всей мировой политики в настоящее время являются отношения между Англией и Германией. Что же внёс турецкий переворот в международную ситуацию под знаком англо-германского соперничества?

* Ф.А. Гайда. «Бескровная младотурецкая революция»: как реализовалась программа «Вех»? // Русский Сборник: Исследования по истории России. Т. XIII. М., 2012. С. 113.

** Будущие приобретения Сербии после войны, писал Струве, «ещё недавно казались фантастическими» (*Пётр Струве*. Накануне великого переворота // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 105. 20 апреля 1915. С. 1). См. также: *Пётр Струве*. Юго-славянское объединение // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 57. 28 февраля 1915. С. 1–2.

До турецкой конституции России принадлежала в этой ситуации огромная роль (...) несмотря на свою внутреннюю слабость, по самому соотношению международных сил Россия была очень большой величиной. (...) Но теперь эта сила нейтрализована и связана. (...) вместе с турецкой конституцией на Ближнем Востоке произошла полная перемена декораций. (...) не только Россия, как международная сила, нейтрализована и связана Турцией. Последняя готовится в известном смысле занять, да позволено будет мне так выразиться, то "психологическое место", которое до последнего времени в международной системе принадлежало России»*.

Показательно, что этот восторг и капитуляцию перед «младотурецкой революцией» С. в свой сборник 1911 года не включил. Значит, шансы на расчленение Османской империи при невмешательстве Англии росли лишь после провала младотурок. Здесь мы видим незыблемый каркас доктрины «Великой России», ориентированной на политический союз с Британской империей и широкое присвоение Османского наследия. Но теперь он обращается против России только потому, что С. уверен и в государственном могуществе страны, пережившей либеральную революцию (Турция), и в государственном падении страны, отказавшейся от либеральной революции (Россия).

Но и до младотурок, пока Османская империя была неконституционной, С. требовал предварительной поддержки Англии для целой серии последовательных шагов России против Турции, после неудачной войны с Японией 1904–1905 гг. низко оценивая способность России вести войну даже против слабого противника, если за ним стояла великая держава (в условиях того времени только Германия или Англия, о чём неоднократно писал С.)⁶. Поэтому для борьбы России против Турции С. требовал предварительного отторжения Турции от

* Слово. СПб. № 551. 2(15) сентября 1908. С. 1. В библиографии Р. Пайпса учтена: *Ричард Пайпс*. Струве: правый либерал, 1905–1944 [1980] / Пер. А. Захарова. М., 2001. С. 639.

Германии и гарантии Англии для экспансии России против Турции, вернее – военно-политического *зонтика* Англии для экономического проникновения России на османские территории. Территории, интересующие Россию, Струве именовал *Ближним Востоком*.

В XIX веке русское понятие *Востока* ничем принципиально не отличалось от нынешнего традиционного и, например, в программах двух главных русских центров востоковедения – Лазаревского института восточных языков в Москве и факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета таковыми, кроме языков Дальнего и Среднего Востока были лишь языки Передней Азии: грузинский, армянский, персидский, турецкий. Во всяком случае, Балканы не включались в этот *Восток*. Однако в первом томе собрания ставшего влиятельным в начале XX века К.Н. Леонтьева «Восток, Россия и славянство» (1885) в понятии Востока вообще нет его традиционного содержания, но присутствуют Греция, Фракия (Болгария, Греция и европейская Турция) и южные славяне в целом, очевидно связанные с наследием Османской империи. Это явно соответствовало географии личной биографии К.Н. Леонтьева (1831–1891), прожившего ряд лет в Константинополе, Греции, Албании и Румынии.

При этом понятие «Ближнего Востока» в России начала XX века, как минимум, нередко отличалось от современного* и фактически включало в себя не только азиатские, но и бывшие европейские владения Османской империи⁷. Подобно этому в состав Прибалтики** в 1920–1930-е гг. традиционно

* Ныне Ближний Восток – это Западная (Передняя) Азия и Северная Африка от Турции до Египта, включая Аравийский полуостров. В последнее время, благодаря активизации американской доктрины «Большого Ближнего Востока», в него всё увереннее включают Закавказье и Иран, прежде бывший классическим примером Среднего Востока.

** Ныне включает в себя только Литву, Латвию и Эстонию. Экспериментальная формула «Русской Прибалтики» для именованной Калининградской области России не прижилась.

видели, прежде всего, Латвию, Эстонию и Финляндию, лишь иногда включая Литву.

Локальный анализ русской политической прессы показывает, что такое содержание понятия, по крайней мере, непрерывно присутствовало в русской политической периодике⁸. Одним из тех видных политических деятелей и публицистов, кто использовал понятие «Ближний Восток» в указанном *османском* смысле, был именно Струве. Однако в толковании его историкографически столь популярной доктрины «Великой России» такое *османское* понимание региона до сих пор отсутствует.

Это заставляет внимательней и точнее отнестись к тому, как именно мыслилась идея экспансии России на тогдашний Ближний Восток, которую выдвинул С., когда он, формулируя признаки государственного могущества, обратил своё внимание на вопросы внешнеполитической стратегии Российской империи. Проследить, как эта доктрина С. эволюционировала в годы Первой мировой войны, когда перед Россией встали вопросы об управлении завоёванными территориями и проблема послевоенного устройства Европы и Азии. Главными источниками для новой сверки – на примере внешнеполитической эволюции С. – *первичной истории* русской политической мысли с её авторскими мифологиями и краткими курсами, служат многочисленные газетные статьи С., им не переизданные, и не переизданные именно потому, что предметная история политической мысли радикально изменилась. Однако не изменилась картина мира такого политического идеализма, в котором историческая судьба нации и империи была прямо подчинена государственной мощи, чей стержень виделся в либерально-социалистическом устройстве и либерально-социалистической общественной мобилизации.

В эпоху этой идейной эволюции С. развивалась его научная карьера. В сентябре 1908 С. поступил на службу в Санкт-Петербургский Политехнический институт имени Петра Ве-

ликого, Министерства торговли и промышленности, доцентом по кафедре политической экономии. По итогам защиты диссертации «Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. Часть 1» (изд.: СПб. 1913) на юридическом факультете Московского университета в декабре 1913 г. утверждён в степени магистра политической экономии и с февраля 1914 г. назначен экстраординарным профессором Политехнического института. В феврале 1917 г. на юридическом факультета киевского Университете св. Владимира защитил докторскую диссертацию «Хозяйство и цена. Часть 2» (изд.: СПб, 1916). В июне 1917 года по рекомендации академиков А.А. Чупрова, М.М. Дьяконова, А.С. Лаппо-Данилевского, Ф.И. Успенского был избран ординарным академиком Российской академии наук по политической экономии и статистике. Современный исследователь так резюмировал учение С. в этой науке:

«Корни оригинальной научной концепции С. следует искать в недрах теории "австрийской школы" (Ф. Визер, К. Менгер, Е. Бем-Баверк), а основные его исследования во многом тождественны или превосходят философов-экономистов американской "неоавстрийской школы" (Л. Мизес, Ф. Хайек, И. Киршнер, М. Розбар и др.). Если пытаться продолжить аналогию, то идеи С. ближе утончённому консерватизму Ф. Хайека, нежели прямолинейному догматизму Л. Мизеса. (...) В итоге [согласно С.] экономическая теория сводится к изучению процесса экономического взаимодействия отдельных независимых личностей, чей выбор взаимных услуг (или материализованных услуг — товаров) многофакторно отражается в цене. Цена в концепции С. становится центральной, системообразующей категорией»*.

Продуманную оценку личностного своеобразия идейно-политической эволюции С. этого времени дал Л.Д. Троицкий:

* М.П. Афанасьев. Либеральная экономика Петра Струве // Вопросы экономики. М., 1994. № 12. С. 141, 142.

«С. на протяжении ряда лет ведёт с собой непрерывную и неутомимую борьбу: сегодня — со своим завтрашним, завтра — со своим вчерашним днём (...) каждой из этих идейных трагедий, казалось бы, достаточно, чтобы довести политика и писателя до морального банкротства и отчаяния. Но перед нами психологическое чудо: из всех своих идейных катастроф и политических крахов Пётр С. выходит, точно из лёгкой кори — невредимым... Как личность С. не знает банкротства, ибо он как личность он не участвует в [партийной — М.К.] борьбе. Его политические убеждения никогда не сливаются с его духовной физиономией (...) С. воображает себя не связанным ни с одним классом, ни с одной партией, ни с одной идеей, а непосредственно состоящим в распоряжении Матери-Истории генерал-инспектором по делам идеологии»*.

Именно поэтому центральным идейно-политическим событием в жизни С., гораздо более громким, чем вся его марксистская и либеральная карьера стал манифест разочарованных марксистов, который вполне можно назвать манифестом *консервативной революции*.

16 марта 1909 года вышел в свет сборник «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (Бердяев, Булгаков, Гершензон, А.С. Изгоев, Кистяковский, С., Франк), в течение последующего года выдержавший пять переизданий и вызвавший громкую общественно-политическую полемику. Представителями политической оппозиции «Вехи», которые подвергли систематической критике идеалы и практику русской антиправительственной интеллигенции, отказались от революционной перспективы и присягнули политической эволюции, консервативной религиозной и правовой традиции, были объявлены актом предательства. Число сторонников «Вех» оказалось невелико. Несмотря на то что этот сборник был инициирован Гершензоном, его финальный авторский

* Л.Д. Троцкий. Господин Пётр Струве (Попытка объяснения) [1909] // Л. Троцкий. Политические силуэты. М., 1990. С. 206–209.

коллектив почти полностью был составлен представителями круга С. из сборника «Проблемы идеализма»*. С. стал главным толкователем и пропагандистом антиинтеллигентской и государственнической проповеди сборника, в значительной мере подчинив её своей полемике с Мережковским, которая увенчивала печатную дискуссию 1907–1908 гг. М.О. Меньшикова и В.В. Жаботинского, Жаботинского и С. о политических ценностях молодёжи и принципах национального (этнического) самоопределения общества**. С. представлял себе Мережковского в качестве нового претендента на роль религиозно-революционного вождя интеллигенции (в этом со С. были согласны Бердяев и Булгаков и даже Розанов***). Основой полемики с ним С. служило тогдашнее (и, по-видимому, подлинное, в отличие от его попыток участия в коллективной церковной религиозности «Братства Св. Софии» в эмиграции) убеждение С. в свершившемся преодолении «старого христианства». «Религиозному социализму» Мережковского С. противопоставлял свой «религиозный индивидуализм», «для которого не нужна и не интересна материализация царства Божия» и который реализовывал себя вне церкви и догматов****. Отрицая шансы Мережковского стать духовно-общественным вождём, С., несмотря на сотрудничество с ним в редакции «Русской Мысли», ещё до «Вех» спорил с широко распространившейся позже теорией об особой, «подспудной», «превращённой» религиозности русской атеистической революционной интеллигенции, на которую, в частности, опирались надежды Мережковского как общественного деятеля. С. так писал об этом:

* Об этом: М.А. Колеров. Сборник «Проблемы идеализма» (1902): история и контекст. М., 2002.

** Переиздание антологии из периодической печати «По Вехам: Сборник статей об интеллигенции и "национальном лице"» (1909) см.: Национализм. Полемика 1909–1917 / Сост. М.А. Колеров. М., 2015.

*** Мережковский этого времени, по его словам, «завоёвывал или коммерчески приобретал себе левую славу» (В.В. Розанов. Литературные симулянты [1909] // В.В. Розанов. О писательстве и писателях / Собр. соч. под ред. А.Н. Николюкина. М., 1995. С. 326).

**** *Patriotica*. С. 442, 446, 448, 452. «На разные темы», 1908.

«Религиозности у "интеллигенции" не может быть вне религиозных идей. Религиозных идей у русской "интеллигенции" никогда не было. Религиозность русской революционной "интеллигенции" есть благочестивая легенда»^{*}.

Непосредственно откликаясь на французский сборник Мережковского, Гиппиус и Философова «Царь и революция» (1907)**, С. резюмировал:

«Есть что-то трогательно детское в этом сочетании апокалипсиса и революционного социализма. Это самая художественная и в том время самая детская, самая наивная форма славянофильства и революционизма... Должен сознаться, апокалиптической теории Мережковского о русской революции я на французском языке не мог читать без улыбки»⁹.

Как бы ни иронизировал С., анализ непосредственно предшествовавшей публикации «Вех» идейно-общественной ситуации и контекста, который сопровождал написание статей для сборника, демонстрирует в общем отчаянное положение С., привыкшего практически в одиночку задавать идеологическую повестку дня, диктовать темы дискуссий. С одной стороны – даже в условиях фактического распыления партийной, большевистской и меньшевистской, социал-демократии, глубочайшего кризиса партии социалистов-революционеров, павшей жертвой разоблачения чудовищной роли полицейского провокатора Е. Ф. Азефа во главе террористической деятельности эсеров – социалистические литература и печать в России быстро шли вширь, в массу, к абсолютному доминированию: и в объеме тиража неонароднического «Русского Богатства», достигавшего 18.000 подписчиков, за большинством которых стояла целая библиотека читателей, и в резком росте ка-

^{*} Patriotica. С. 113. «Спор с Д.С. Мережковским», 1908.

^{**} Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов. Царь и революция. Сб. / Первое русское издание. М., 1999.

чественной аудитории марксистских «идейных сборников»*. С другой стороны – личному вождизму С. и его немногих конфидентов бросал идеократический вызов ещё более узкий кружок Мережковских (Мережковский, Гиппиус, Философов), который, казалось, вполне эффективно сеет в среде революционной молодёжи свой религиозный радикализм и свою религиозную революцию, повышая накал той же самой борьбы, которую прежде на философски идеалистических основаниях зачинало «идеалистическое направление» С., пытался продолжить «христианский социализм» Булгакова. Объективный показатель тиража заурядного сборника статей Философова демонстрировал, что намерения ещё большей религиозной радикализации ставили перед собой ещё более массовые задачи**.

Им С. безуспешно противопоставлял только индивидуализм.

Несмотря на позднейшие интерпретации позиции С. как консервативно-религиозной, главный идейный конфликт между С. и «новым религиозным сознанием» Мережковских развивался по пути отторжения его этатизма и индивидуализма С. от православия¹⁰, от любой церкви, партийности и социализации. С другой стороны, этот скепсис «веховской» проповеди С. вызвал протест в широких либеральных и революционных кругах, представители которых толковали её государственническую природу в условиях политической реакции в России – в узком диапазоне от «добросовестных

* Если марксистский сборник «Очерки реалистического мировоззрения» (СПб, 1904), направленный против «Проблем идеализма», был напечатан – на подъёме философских интересов и революционной волны – числом в 3.500 экземпляров (Книжный вестник. № 1. 11 января 1904. СПб, 1904. Стлб. 15), то марксистский же сборник в период упадка революционной энергии, реакции, массового ухода интеллигенции из партии – «Литературный распад» (Кн. 2. СПб, 1908; вышел в свет в декабре 1908) – уже был напечатан числом в 5.000 экземпляров!

** Так же увидевший свет в декабре 1908 года сборник статей Д.В. Философова «Слова и жизнь. Литературные споры новейшего времени (1907–1908 гг.)» (СПб, 1908), был напечатан в беспрецедентном для такого рода литературы количестве 7.000 (!) экземпляров. Для сравнения сборник Бердяева (Н. Бердяев. Духовный кризис интеллигенции. М., 1910) подобного типа был напечатан (даже после громкого успеха «Вех») в количестве всего 3.000 экземпляров.

заблуждений» и «политической наивности» С. до его личного, партийного и классового «предательства идеалов».

Придравшись к известной и скандальной, неловкой, но ещё более недобросовестно перетолкованной фразе Гершензона в «Вехах»*, стоившей сборнику половины всех претензий и обвинений в предательстве освободительного дела в пользу правительственного террора, С. явно хотел присвоить скандальный, но огромный капитал «Вех». Эти усилия С. по дискредитации Гершензона как голоса «Вех» и одновременно по изображению таковым главным голосом «Вех» самого себя, С. — были хорошо видны. Создавалось впечатление, что С. — не только идейный бенефициар «Вех» (что он не устал изображать позже, в эмиграции, выстраивая свою традицию «либерального консерватизма» монополю и прямо через этот сборник), но и едва ли не его главный создатель, инициатор, составитель и редактор. Конечно, он и на деле был фактическим вторым составителем сборника вместе с Гершензоном, реализовывавшим своё право вето, но не более. Когда вскоре после «Вех» известный литературный критик и теоретик А.Г. Горнфельд (он срочно писал о Гершензоне статью в «Еврейскую энциклопедию») попросил актуальных фактов его литературной биографии**, Гершензон с видной ревностью сообщил: «Вехи были задуманы мною»***. И Горнфельд услышал Гершензона, включив в энциклопедическую статью о нём прямое указание против усилий С. по «перехвату» громкой репутации сборника «Вех»: «задуманного Г.»****.

* «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ещё ограждает нас от ярости народной».

** В конце 1908 г. Гершензон предложил его имя к участию в «Вехах», но оно было отвергнуто, по-видимому, по решению С. и из-за его, Горнфельда, участия в редакции народнического журнала «Русское Богатство».

*** М.О. Гершензон. Письмо к А.Г. Горнфельду от 20 января 1910 г. // Михаил Гершензон. «Узнать и полюбить». Из переписки 1893–1925 годов / Сост. Е.Ю. Литвин. М.; СПб, 2016. С. 64–65.

**** А. Горнфельд. Гершензон, Михаил Осипович // Еврейская энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Т. 6: Гадассий — Данте. СПб. [1910]. Стлб. 423.

Соредактор С. по журналу Кизеветтер и член редакции «Русской Мысли» С.В. Лурье на страницах журнала оперативно отмежевались от позиции «Вех», но фактически «веховская» риторика и сами «веховцы» в журнале преобладали, обеспечивая ему интеллектуальное лидерство в либеральной среде, несмотря на политическую маргинальность. В 1910 просвещённый дилетант и состоятельный эксперт-химик, член правления Серпуховской бумагопрядильни* Лурье покинул редакцию и, видимо, участие в её капитале и расходах, что дополнительно заставило снижать гонорары в РМ, в первую очередь на художественные произведения и переводы, составлявшие, в свою очередь основу читательского и коммерческого успеха любого журнала.

Позитивный миф о «Вехах», который особенно развился при участии самого С. в кругах антисоветской русской эмиграции, вмещал им многое¹¹. При этом, как минимум, половина этих вменений – религиозное обоснование социального (и социалистического идеала) по праву должна быть отнесена к заслугам не «Вех», а, как минимум, «Проблем идеализма» того же коллектива 1902 года, а другая половина – к огромной части революционной же самокритики русской интеллигенции**.

Товарищи С. по либеральному движению и кадетской партии составили тематический сборник «Интеллигенция в России» (1910), полностью посвящённый сборнику «Вехи»: в нём наиболее значимые для личной биографии С. и практического либерализма фигуры публично отказали С. и «Вехам» в либерально-социалистической легитимности и солидарно отказали С. и его единомышленникам в праве выступать и призывать к покаянию от имени интеллигенции вообще и либеральной особенно, указав на их философскую мар-

* Ф.А. Селезнёв. Революция 1917 года и борьба элит вокруг вопроса о сепаратном мире с Германией (1914–1918 гг.). СПб, 2017. С. 24.

** О ней подробно: М.А. Колеров. Самоанализ интеллигенции как политическая философия. Наследство и наследники «Вех» // Новый мир. М., 1994. № 8.

гинальность. И.И. Петрункевич («Интеллигенция и "Вехи"») и специально К.К. Арсеньев («Пути и приёмы покаяния») указали на то, что «ни "богоискателям", ни "богостроителям" не удаётся возбудить сколько-нибудь широкое и глубокое движение; никому из них не дано "глаголом жечь сердца людей". Нет этого дара и у господствующей церкви. (...) Проповедь "Вех" (...) бессильна возбудить чувство, в котором, сознательно или бессознательно, ищет для себя основу. Она не исходит из существующего религиозного движения и не соединяет в себе условий, необходимых для появления его в ближайшем будущем»*. Ближайший соратник С. в его марксистский период, Туган-Барановский («Интеллигенция и социализм») уличил авторов «Вех» в классовой буржуазности. Милюков («Интеллигенция и историческая традиция»), демонстрируя позитивистскую солидарность с ортодоксальными марксистами и не боясь задеть и самого Туган-Барановского в его увлечениях, корень эволюции авторов «Вех» в сторону от радикального либерализма к религиозному консерватизму, увидел в самой истории идейной борьбы этого круга марксистов 1890-х, которые, одновременно с общеевропейским увлечением политического марксизма идеалистической философией, вступили сначала на путь формулирования «критического направления в марксизме», а затем — «идеалистического направления в освободительном движении», которое внесло свой значительный вклад и в создание самой кадетской партии. Милюков ставил диагноз с полным знанием дела, которое более всего касалось самого С., но явно преувеличивая его влияние:

«Тогда ещё, впервые в конце 80-х годов, а окончательно и решительно с середины 90-х, кружок молодых философов, политико-экономов, юристов и литераторов выкинул знамя "борьбы за идеализм" против

* Вехи [1909]; Интеллигенция в России [1910]: Сборники статей. М., 1991. С. 223–224.

позитивизма и материализма русских шестидесятников и семидесятников (...) они проложили дорогу младшим, нынешним, и на обломках их "новых слов" расположился лагерь "марксизм" (...) Начав с протеста против всего "субъективного" во имя "объективной истины", они прежде всего реабилитировали "субъективное" как "психологическое" в отличие от "логического" как объективно-познавательного»*.

Откликаясь уже на последовавшие после «Вех» усилия С. и Булгакова вместе с промышленником В.П. Рябушинским¹² умозрительно сформулировать идеологические основы русского политического национализма как платформы для формирования коалиции национальной буржуазии и либеральной интеллигенции, Милюков верно заметил: «Вопрос о положительном содержании, на котором можно было бы основать русский национализм, остаётся самой тёмной из всех туманностей "Вех"»**. Милюков успешно противопоставил им неизменно близкого к ним (но не принявшего участия в сборнике) исследователя современной социально-политической практики и видного члена руководства кадетской партии Новгородцева, уже исходившего из общеевропейских итогов институционализации либеральной демократии и социализма:

«По несчастью, кружок писателей, объединившихся в сборнике "Вехи", почерпнул свою философскую и научную подготовку исключительно из германских источников... Это, собственно, и ставит их в особенное затруднение, когда им приходится выбирать между "внешними формами" и "внутренним совершенствованием". Это же лишает их возможности справиться с примиряющей, промежуточной идеей социального воспитания в духе "солидарности", вне опыта Англии, Франции и США»***.

* Там же. С. 301.

** Вехи [1909]; Интеллигенция в России [1910]. С. 355.

*** Там же. С. 373.

Одним из самых громких событий вокруг литературной политики струвеанской «Русской Мысли» в феврале 1912 года стал скандал вокруг категорического отказа С. принять к публикации в журнале первую часть романа Андрея Белого «Петербург», уже редакторски одобренную Брюсовым. В литературе настойчиво звучит мнение, что С. почему-то, в противоречие всей его политической борьбе и принципиальной редакционной терпимости, обидел антиправительственный и даже антимонархический пафос романа*, Сам Белый считал, что С. был обижен на образ либерального профессора, забыв, что в главах, которые писатель направил в журнал, этот образ отсутствовал. Анализ показывает, что Андрей Белый представил для публикации в журнал не роман, а лишь его первые главы в виде острого памфлета на самого С., невольно изобразившего интимную историю его ранней общественной карьеры, что и вызвало его крайний, хоть и не сформулированный ясно протест**.

Несмотря на интеллектуальный авторитет, активное участие в литературном процессе, особую чуткость к философским новациям и фундаментальный анализ вопросов текущей политики, к 1910 году журнал в руках С. оказался в тяжёлой финансовой ситуации, а сокращение числа подписчиков лишило его перспектив самостоятельного выхода из банкротства. Финансовая помощь журналу от упомянутого благотворителя сборников «Великая Россия» (1911–1912) В.П. Рябушинского

* «Струве, один из идеологов конституционной монархии (!) и лидеров кадетской партии, вряд ли способен был одобрить (!) ту злую критику в адрес буржуазных верхов России и всей системы государственности, которая содержалась в романе Белого» (Л.К. Долгополов. Творческая история и историко-литературное значение романа А. Белого «Петербург» // Андрей Белый. Петербург / Изд. подг. Л.К. Долгополов. 2 изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 556).

** М.А. Колеров. Почему П.Б. Струве отказался печатать «Петербург» А. Белого? // *De Visu*. М., 1994. № 5/6. Эти аргументы в целом приняты А.В. Лавровым: Примечания // Андрей Белый. Начало века. Берлинская редакция (1923) / Изд. подг. А.В. Лавров. СПб., 2014. С. 969. Примечательно, что, независимо от приводящихся обстоятельств, этот роман А. Белого внутри редакции РМ считался мерлом литературного «брёда» (М.К. С.Л. Франк. Из отзывов на рукописи в редакцию «Русской Мысли» (1915–1916). С. 589).

была мала (всего 1000 рублей а конце 1910 года*). В 1911 г. новым сотрудником журнала был объявлен благотворитель газеты «Искра», журнала «Освобождение», сборника «Проблемы идеализма», журнала «Вопросы Жизни» Д.Е. Жуковский**, что на деле означало его привлечение к РМ в качестве его акционера (пайщика), немедленно выступившего издателем сборников статей руководителей редакции журнала С. и Франка – соответственно «*Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.)» (СПб, 1911)*** и «Философия и жизнь. Этюды и наброски по философии культуры» (СПб, 1911). Однако финансовый дефицит журнала, по-видимому, превышал возможности Жуковского и не его участие помогло выжить журналу. Участвуя вместе с Булгаковым в политических встречах интеллигенции и профессуры с представителями крупного капитала в 1909–1910 гг., С. пытался внести в их политические приоритеты задачи общенационального экономического, внутри- и внешнеполитического развития. Однако главным результатом этих встреч для С. стала финансовая поддержка со стороны П.П. и В.П. Рябушинских обанкротившейся «Русской Мысли»****, издание двух томов сборника «Великая Россия» (1910–1912) и ряда книг по экономической истории и теории под редакцией С. В любом случае, это помогло сохранить журнал настолько, что в глазах критиков он даже стал символом

* Ф.А. Селезнёв. Революция 1917 года и борьба элит... С. 23.

** Сестра его жены Е.К. Герцык писала своей подруге В.С. Гриневич в августе 1910, что он тогда же начал переговоры со С. (Сёстры Герцык. Письма / Подг. текста Т.Н. Жуковской. СПб. 2002. С. 517).

*** Предыдущий сборник С. «На разные темы (1893–1901). Сборник статей» (СПб, 1902) объединял марксистские, критические и первые «идеалистические» статьи автора, устарев как актуальный текст ещё до Революции 1905 года. Этот сборник С., напечатанный в апреле 1902 г. претензионным тиражом в 3000 экземпляров, плохо расходился в продаже и не встретил читательского успеха, вплоть до весны 1906 года появляясь в рекламных сообщениях о продаже нераспроданного остатка.

**** В.В. Шелохаев. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 286, 345.

органа широкой либеральной коалиции. Ему даже попытались создать альтернативу разнообразные русские марксисты, планируя создать на деньги Сытина общемарксистский толстый журнал на основе «Современника», который, по определению Мартова, должен был стать «контр-Русская Мысль» и включить в свой коллектив во главе с бывшим другом С. Потресовым широкую коалицию в составе Горького, Троцкого, Мартова, Валентинова, Луначарского, Базарова, Рязанова и др. Но проект не состоялся*.

Уже в 1910 году широко отвергаемая критиками революционная страсть С. тем не менее прорвалась в статье, опубликованной им даже не в его собственной «Русской Мысли», а в «Московском Еженедельнике» Е.Н. Трубецкого и более не переизданной, несмотря на все возможности для этого в сборнике 1911 года «*Patriotica*». Думаю, потому, что эта страсть ему, опытному либеральному деятелю, в итоге показалась чрезмерно радикальной. С. писал:

«...Когда я начинаю конкретно рассуждать о том, что стоит на пути такого самовоспитания русского народа, я вижу ясно: на пути его стоит реакция неестественного режима. (...) Я не разделяю вовсе банально-оптимистического мнения, что освобождённый народ тотчас же обнаружит полную дисциплину политического поведения и явит чудеса общественности. Я в это совсем не верю. Но в то же время я твёрдо убеждён, что для народного самовоспитания, и именно для государственного и культурного дисциплинирования народа, ничто не нужно в такой, мере как *полная ликвидация старого порядка*. И она будет благом во всяком случае, каким бы путём она ни произошла, ибо в мёртвых объятиях старого порядка национальная душа не может расправиться и окрепнуть. В старом порядке главное препятствие к оздоровлению нашего национального сознания. Авторы "Вех" не могут не видеть в официальной реакции злейшего врага их дела. Ибо для них имеет силу афоризм: чем хуже, тем хуже.

* И.С. Розенталь. Н. Валентинов и другие. XX век глазами современников. М., 2015. С. 86–87.

Это верно и в социологическом и в реально-политическом смысле. (...) Старый порядок хочет жить во что бы то ни стало. Но так как он духовно мёртв и бессилён, ему нужно поддерживать себя наркотиками. И главный наркотик у него — национализм. (...) Нам, русским, недостаёт национального самовоспитания — и тут на пути ему в качестве главного реального препятствия воздвигается в настоящее время всё та же правительственная реакция, в лице официального национализма, лживого и в своей лживости бесплодного. Официальный национализм внутренне противоречив: это — недоверие к нации, исторически вынужденное провозглашать веру в нацию»^{*}.

Да, и в 1910 году С. утверждал необходимость «полной ликвидации старого порядка», оставив в стороне свои упорные конституционные вменения существующему режиму и перестав искать в нём конституционность.

Продолжая полемику 1908–1909 гг. о еврейском вопросе, начатую с утверждения «асемитизма» как курса на ассимиляцию, непосредственно после циркуляра председателя Совета министров Столыпина от 20 января 1910 года, в котором «украинцы» (после признания по запросу правительства Российской академией наук в 1905 году украинского — особым языком) были включены в состав «инородцев» и тем самым была официально уничтожена официальная же доктрина о триединстве русского народа (в составе великороссов, малороссов/украинцев и белорусов), С. предпринял многолетние публицистические усилия к формулированию основ русского надэтнического национализма, противостоящего официальному этническому национализму¹³. Главным противником в этом вопросе для С. стало политическое движение в пользу обособления украинцев от русских и за автономию Украины. Придерживаясь, так сказать, «конструктивистского» взгляда на национально-государственное строительство как единство национально-политического освобождения и объединения,

* *Пётр Струве*. Отрывки // Московский Еженедельник. 1910. 13 марта. № 11. С. 6–8.

имевшего своим образцом объединение Германии и Италии в середине XIX века, С. в этом продолжал и собственную риторiku С. и «идеалистического направления» (особенно Булгакова) о национальном освобождении как антисамодержавном «истинном национализме». «Антиукраинская» позиция С. в полемике по украинскому вопросу в 1911–1914 гг.* была и продолжением интернациональной дискуссии статистиков, этнографов, демографов о принципе определения национальности при переписях: немецкие и русские научные принципы в пользу определения по языку (и отсюда отрицание статуса украинского как языка, а не диалекта и, напротив, лексическое, литературное и школьное развитие его для обретения статуса языка у сторонников отдельной украинской национальности) – против французских и австро-венгерских определений этноса как географического единства. На деле – политическая борьба против дальнейшего строительства украинской нации для расчленения России, против тех, кто боролся за её автономию ради укрепления целостности России**. Сфокусировав полемику о национализме на украинском вопросе, С. столкнулся с неожиданным сопротивлением в своей среде. В итоге 8 июня 1915 г. С. даже официально вышел из состава ЦК кадетской партии из-за своей изоляции в партии по украинскому вопросу***, где ярче всего против него оказались многолетние и лично близкие ему лица: публично выступил Кистяковский, не поддержал Вернадский, а вне партии – Туган-Барановский,

* В частности: *Украинец* [В.А. Кистяковский]. К вопросу о самостоятельной украинской культуре. (Письмо в редакцию) // Русская Мысль. 1911. Кн. V. II о.; *Пётр Струве*. Общерусская культура и украинский партикуляризм. Ответ Украинцу // Русская Мысль. 1912. Кн. I. II о.; *С. Котляревский*. Орган русского украинства // Русская Мысль. 1913. Кн. I. II о.; *Пётр Струве*. Несколько слов по украинскому вопросу // Русская Мысль. 1913. Кн. I. II о.; *Пётр Струве*. Книги по галицкому и украинскому вопросу // Русская Мысль. 1915. Кн. II. II о.

** *Жюльет Кадио*. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 [2007]. М., 2010. С. 124–127, 37–46.

*** *В.В. Шелохаев*. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 426. Письмо С. председателю ЦК кадетской партии Павлу Д. Долгорукому: ГАРФ. Ф.604. Оп.1. Ед.хр.4.

связывавшие себя с украинским политическим движением за автономию Украины. В сложившихся тогда условиях партийной работы, когда фактическими членами партии оставались только члены её комитетов, это означало практический выход С. из партии.

Однако украинский вопрос для партийной судьбы С. всё же был инерционным и не отражающим всей его собственной эволюции вокруг этой темы, после того как С. лично посетил в конце 1914 – начале 1915 гг. только что захваченные Русской Армией земли австро-венгерской Галиции с преобладающим русинским населением и украинской интеллигенцией. Личное исследование Галиции легло на всю систему политических взглядов С., подчинив ему и австрийский, и германский, и польский, и конфессиональный вопросы.

На Базельском конгрессе социалистов и марксистов II Интернационала в 1912 году, при доминировании немецких социал-демократов было принято решение в случае начала мировой войны выступать за интернационализм, за поражение своего правительства, против милитаризации. Это полностью отвечало принципам экономического интернационализма, вытекающим из британского образца свободы торговли, но XIX, а не XX века, когда именно протекционизм стал орудием политического объединения и мощного экономического прогресса Германии. И это протекционизм был прямо направлен против Британии как символа международного мира и хозяйства.

В начале XX века С. начал открывать новые для русского освободительного движения стороны в опыте Англии и Германии. С юности вдохновляясь формулой германского «национал-либерализма», то есть соединения принципов внутривнутриполитической свободы и внешнеполитического могущества, С. нашёл наилучший опыт такого могущества в Великобритании – Великой Британии. В 1908 году, формально отталкиваясь

от речи премьер-министра России Петра Столыпина в Государственной думе, он выдвинул русский аналог Великой Британии – доктрину «Великой России» (общенационального единства, стоящего выше этнографической «Великороссии»)*.

Ещё Балканские войны 1912–1913 гг. по свежим следам Базельского конгресса красноречиво продемонстрировали, что решения европейских (более всего, немецких) социал-демократов об их отказе от национальной солидарности со своими буржуазными правительствами в случае начала европейской войны были ложью. Балканские войны за этнический раздел наследства Османской империи между Сербией, Черногорией, Болгарией, Грецией – не вызвали никаких общеевропейских протестов против войны и особой реакции европейских марксистов против желания своих великих держав «погреть руки» над балканским пожаром, фактически сочтя его *не европейским, а колониальным*. В эти дни С. логично описывал как колониальные действия Австро-Венгрии и Италии вокруг захвата Черногорией албанского Скутари (Скадар, Шкодер). Колониальную семантику событий подчёркивали формулировки С. об этих событиях в Албании, в частности, и на Балканах вообще: «положение дел на Ближнем Востоке», «ближневосточный кризис». Он вспоминал свой протест против неудачную и нерациональную русско-японской войны, актуализируя аргументы трактата о «Великой России», противопоставляя *Дальний Восток* Манчжурии – *Ближнему Востоку* Балкан:

«К ближневосточному кризису необходимо было начать готовиться сразу же после окончания японской войны. Я скажу больше: с точки зрения внешней политики, Портсмутский мир необходимо было заключить именно в виду того, что есть на Ближнем Востоке у России интересы более жизненные, чем те, из-за которых шла борьба на Тихом

* Об этом принципиальном различии специально и ясно писал известный публицист уже после того как централизованное государство распалось и задачей стало сохранение в целостности хотя бы его русского этнографического ядра: *Б. Сыромятников*. Великороссия или Великая Россия? // Новое Слово [Русские Ведомости]. М. № 3. 18 января 1918. С. 1.

океане. (...) Пока ещё события представляли картину разверстания турецких владений между государствами, образовавшимися из Турции, как они существовала ещё в начале XX века: балканская война явила собой как бы *внутренний раздел* исторической Турции. Оккупация Албании Австрией и Италией будет прямым вмешательством великих держав в этот внутренний процесс»*.

Но уже 1914 год окончательно показал, что абстрактное решение Базельского конгресса было отброшено абсолютным большинством национальных социал-демократов не только в отношении Балкан. В годы Первой мировой войны С. писал, что национальная точка зрения присуща в этой войне всем социал-демократиям:

«В германской социал-демократии всегда были сильные национальные токи. Начать с Лассала. Он не был, конечно, просто националистом, каким его любят рисовать обычно, противопоставляя Марксу и Энгельсу... Но по инстинкту и по симпатиям он склонялся несомненно к национальной точке зрения**.

«Факты обнаружили всё бессилие социалистического интернационализма, — бессилие, в котором жалко потонули былые горделивые фразы социал-демократии», — писал С. о решениях конгресса в Базеле.

«Отрицая "буржуазный" мир и "национальное" государство, социалисты отрезывали себя от жизни. (...) Мировая война впервые ввела социалистов в национальную жизнь во всей её полноте и тем составила важный этап в политическом воспитании европейской демократии»***.

* *Пётр Струве*. Власть и народ в ответственный момент // Русская Молва. СПб. № 130. 23 апреля (6 мая) 1913. С. 3.

** *Пётр Струве*. Германская социал-демократия и война // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 66. 9 марта 1915. С. 2.

*** *Пётр Струве*. Национальное самоопределение социалистов // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 85. 30 марта 1915. С. 2.

Однако с началом войны, без колебаний самоопределившись в отношении Германии-агрессора, С. однозначно похоронил и ставшую на сторону военного германского национального единства германскую социал-демократию. Он подводил итог и её развитию, и – что ещё важнее для его личной судьбы – итог своему идейному социализму как отражению и применению в России его германского образца:

«Если германская социал-демократия, из слепой ненависти к России, готова поддерживать прусский милитаризм в его продиктованной безграничным самомнением мировой авантюре, если эта готовность налицо, она означает идейную смерть и духовное разложение германского социализма»*.

Когда Первая мировая война уже началась, но Османская империя ещё не вступила в неё, С., понимая, что вступить в эту войну она может только против России, полагал важным для России сохранение нейтралитета Османской империи (и Болгарии¹⁴: он, в частности, считал её союзничество с Турцией противоестественным¹⁵) и тем самым вовсе не торопился заявить о планах её расчленения. Когда же она вступила в войну против России, С., признаваясь, что хотя «Россия не желала войны с Турцией», немедленно предрекал: «*поставлено на карту самое бытие Турции*»**.

После того как Турция вступила в войну, С. развернул целую экспозицию намерений, от демонстрации которых так долго воздерживался, *страха британского* ради. Строя аналогию между Проливами и британским Суэцким каналом, в первую очередь, именно для внешней торговли (чтобы не дразнить Англию русским милитаризмом), С. уговаривал возможных британских критиков, сообщая, что интересы

* *Пётр Струве*. Вильгельм Либкнехт и Вильгельм Гогенцоллерн // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 206. 27 августа 1914. С. 1.

** *Пётр Струве*. Достойные ученики Вильгельма II // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 259. 19 октября 1914. С. 1.

России и Англии на османских Ближнем и Среднем Востоке легко размежевать по примеру их размежевания в Персии в 1907 году, а османские Левант и Сирию отдать Франции:

«Для России ближневосточная проблема сводится теперь к "контролю" над проливами (курсив мой — М.К.). (...) Контроль над проливами есть экономическая необходимость для России, и мы должны обеспечить для себя этот контроль. Если бы Турция оставалась независимой, мы, опираясь на достаточно сильный Черноморский флот и на нашу сухопутную мощь, всегда могли бы фактически достигнуть в проливах такого обеспеченного положения, которое давало бы нам необходимый для нас контроль над выходом из Чёрного моря.»

И продолжал аналогию между Проливами и Суэцким каналом, Россией и Англией, в слегка риторически склоняясь перед доминирующим британским образцом:

«Для Англии Египет является "головной" областью её Африканской империи, простирающейся от Капштата до Александрии. (...) Африканская империя Англии должна стоять в непрерывной экономической и политической связи с её Азиатской империей. Аравия, область нижнего Евфрата и Тигра, южная Персия суть соединительные звенья между Африканской империей Англии и Британской Индией. (...) У Великой Британии нет разумных оснований противиться русскому контролю над проливами».*

С. больше не скрывал своих радикальных планов и прикладного, конкретного, черноморско-балканского смысла понятия «Ближнего Востока»:

*«Теперь в связи с наступившими событиями, когда Россия, в союзе с западными державами, Францией и Англией, борется с Германией и Турцией из-за Ближнего Востока»**.*

* *Пётр Струве. Мировые перспективы русско-турецкого конфликта // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 260. 20 ноября 1914. С. 1*

** *Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 316. 15 декабря 1914. С. 1.*

По мере того, как в конце 1914 – начале 1915 гг. прогрессировало внешнеполитическое взаимопонимание России и Англии, особенно в вопросе о турецких Проливах, где Лондон поддержал претензии Санкт-Петербурга на установление послевоенного русского контроля над входом-выходом в Чёрное море и его фактическое превращение во внутреннее море России, развивалась и стратегическая фантазия С.. Цепко реагируя на любой невольный сигнал из Англии, С. сочувственно цитировал слова английского автора о том, что «Константинополь будет для России не столицей, не средоточием правительства, а лишь таким достоянием, как для Англии Каир или Дели». И вновь ссылаясь на свою «Великую Россию», которую постфактум использовал как аргумент в пользу *не названного там* Константинополя, одновременно успокаивая англичан тем, что «великое стремление к обладанию всем Чёрным морем» – это «завершение [территориального] расширения» России*.

Влиятельный в московской университетской среде (среди его учеников – В.А. Маклаков, Булгаков, Гершензон) и авторитетный для С. либеральный англоман, историк П.Г. Виноградов (1854–1925), в 1911 году окончательно эмигрировавший в Англию, считал своим долгом транслировать в России британские интересы и, наоборот, в Англии – внешнеполитические интересы России. Эта его добровольная интеллектуальная посредническая роль в годы войны выразилась в серии его специальных статей, которые развивали философию, как тогда называли, дальнейшего «сближения» Англии и России**. Его ближайшим пунктом виделось согласие Англии на политический контроль России над Балканами и аннексия Россией

* *Пётр Струве*. [Германская социал-демократия и война] // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 68. 11 марта 1915. С. 2 (в квадратных скобках – ошибочное название статьи, по недосмотру опубликованное наборщиком с названия другой статьи С. в этом издании).

** См. например: *Пётр Струве*. Англо-русское экономическое сближение // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 13. 15 января 1916. С. 1–2.

турецких Проливов. Виноградов свидетельствовал из Лондона в ответственный момент, ставя пределы России, прежде всего, видимо, в отношении других частей Османской империи:

«Англия привыкает к мысли о необходимости для России выхода в Средиземное море через проливы и Константинополь. Англия не будет возражать против охранительного влияния России на южных и западных славян. Но Англия, конечно, так же, как и другие западные государства, не примирится с гегемонией русского милитаризма...»*.

Уже в финале императорской России Виноградов иносказательно писал, что если для России нужен свободный выход в мировые морские пути (намекая на владение турецкими Проливами, но «забывая» о британском Гибралтаре), то для России – Британия (так же, как и у С., при полном игнорировании Франции) должна стать главным партнёром, если не покровителем:

«Для русских Великобритания является огромной *сокровищницей культуры* материальной и духовной, великою мировую силою, направленной в основном на сохранение политического равновесия, могущей лишь потерять от приключений**».

В дни поражений Австро-Венгрии С. с воодушевлением нашёл в британской политике формулу этнографического разделения и разрушения враждебных империй (которая, отмечу, предвосхитила знаменитые «14 пунктов» президента США В. Вильсона о государственном переделе Европы и Ближнего Востока на этно-национальных принципах). С. определённо взял на вооружение прозвучавшее тогда заявление первого лорда Британского

* *Павел Виноградов*. Англия и Россия // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 15. 16 января 1915. С. 2. При этом в прикладной сфере военной экономики С. выступал в пользу милитаризации железных дорог в России: *Пётр Струве*. Листки // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 30. 1 февраля 1916. С. 1.

** *Павел Виноградов*. Задачи сближения России и Англии // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 335. 6 декабря 1916. С. 3; См. также: *Павел Виноградов*. Англия и русские военнопленные // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 53. 25 февраля 1916. С. 2.

Адмиралтейства У. Черчилля, что «эта война призвана перестроить Европу на национальных началах, удовлетворить до сих пор ещё не удовлетворённые национальные стремления»*. Вовсе не случайно С., политический фритредер и экономический националист со стажем, ясно связывал свершившуюся накануне и в ходе войны доминирующую «национализацию» политики с доминированием протекционизма в мировом масштабе и в России, где стали фактами усиление и оправдание протекционизма, национализация промышленности, «усиление промышленного протекционизма вообще»**. Это не могло не практически подчинить британскую *риторическую* «свободу торговли» суверенным и конкурентным политическим интересам***. И даже в контексте превозносимого русско-британского союза С. теперь выступал против свободы внешнеторговой политики от внешнеполитических интересов России****, а былой лозунг экономического либерализма уподоблял национально-государственному бессилию и разоблачал:

«У нас одинаково как в бюрократии, так и в обществе распространён сейчас дух какого-то *laissez faire laissez passer*, не тот идеалистический и философский дух, который некогда проникал молодую политическую экономию, а полубюрократический, полупозиционный дух какого-то немощного государственного старчества, пуще всего страшщегося ясных решений и решительных действий»*****.

* Пётр Струве. Решимость Англии // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 224. 14 сентября 1914. С. 1.

** Пётр Струве. Размышления экономиста // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 63. 6 марта 1915. С. 1–2. См. также: Пётр Струве. Таможенное объединение Германии и Австро-Венгрии? // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 358. 31 декабря 1915. С. 1.

*** Об этом нарастающем весь XIX век влиянии протекционизма в русской общественной мысли вплоть до 1917 года и далее см. специально мой очерк: М.А. Колеров. Социализм в одной стране: изолированное государство, протекционизм и первоначальное социалистическое накопление. М., 2017.

**** Пётр Струве. Наша будущая торговая политика // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 352. 23 декабря 1915. С. 1.

***** Пётр Струве. Дух государственного старчества // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 334. 5 декабря 1915. С. 1.

В этой филигранной операции отделения благой имперской мощи от злой мощи разрушительного милитаризма, которую С. пришлось совершить, чтобы вдохновлять Россию британской имперской *цивилизацией*, отвергая германский *варварский* империализм, уже не хватало предметных описательных категорий. С. переходил на агитационный тон, стараясь, впрочем, не отрываться от истории:

«Германские монисты в политике и науке [имеется в виду Оствальд — М.К.] не поняли, что народную совесть и национальную душу нельзя "построить", как машинку, нельзя "устроить" или "организовать" на подобие заведения Круппа, которое символически и в силу военной мобилизации превращало Германию в "государство-машину"»*.

Внутри даже интеллектуальной русской среды нарастал «метафизический» пафос антигерманизма. Все известные русские философы приняли участие либо в патриотической, либо в националистической, либо в «антиварварской», либо иногда в милитаристской пропаганде. С., как редактор интеллектуального журнала «Русская Мысль», был лишь частью этого потока, но, по крайней мере, старался «метафизику» уравновесить предметным культурно-историческим знанием. Это знание вновь возвращало его к проблеме, процессу, причине *превращения государственной (имперской) мощи в милитаристское зло*. Косвенно рекламируя в одной из своих газетных статей очередной номер «Русской Мысли», С. посвятил несколько строк статье Франка** о названной проблеме, которая в самом номере была опубликована встык

* Пётр Струве. Англичане и немцы // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 302. 1 декабря 1914. С. 1. В хронике этой же газеты — ещё *до* известного выступления В.Ф. Эрна «от Канта к Круппу» — появился и публицистический образ германского производства Круппа: «Крупп — это не завод, это целое государство со своей императрицей Крупп, (теперь г-жа фон Болен), состоящее в вассальной зависимости у Вильгельма II... 60.000 рабочих, сложнейшая администрация, всюду тайны, шпионаж среди служащих» (Тайны завода Круппа // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 247. 7 октября 1914. С. 3).

** С. Франк. О духовной сущности Германии // Русская Мысль. 1915. Кн. X.

с очерком знаменитого антиковеда М.И. Ростовцева о коллизии империализма*:

«Правильная и плодотворная постановка вопроса о "духовной сущности Германии" дана, мне кажется, недавно в статье С.Л. Франка, под этим заглавием напечатанной в октябрьской книжке "Русской Мысли". В этой статье не просто германская Сила, как некое цельное зло, противопоставляется Добру других народов, а в этой самой германской Силе анализируются и разграничиваются элементы *Добра* и *Зла*»**.

Здесь же С. вступает в обширную и исторически длительную область толкования *мобилизации* как едва ли не тотальной концентрации всех наличных сил, которое преследует русскую мысль весь XX век и продолжает жить и ныне. Расширительное толкование мобилизации не порождается именно Первой мировой войной и имеет в русской публицистике богатую историю¹⁶, которая в целом ёмко отражена в формуле С. Она, видимо, была связана не только с войной, но и со всем строем государственной мысли С. и его доктрины «Великой России», которая интеллектуальное одиночество автора и свою институциональную абстрактность компенсирует тотальной претензией:

«Никакая мобилизация материальных сил не имеет и не будет иметь значения без мобилизации сил духовных»***.

И здесь тоже С. привычно апеллирует к опыту Британской империи. Постулируя одним из первых ту ставшую массовой в 1920-е годы мысль, что «переживаемая нами война есть вой-

* М. Ростовцев. Национальное и мировое государство // Там же.

** Пётр Струве. Государственное призвание // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 315. 16 ноября 1915. С. 1.

*** Пётр Струве. Государственное призвание. С. 1. При этом С. отвергает недостаточно серьёзное отношение к духовной мобилизации, называя таковое «любительской и наезднической мобилизацией сил» (Пётр Струве. Ещё о речи Бетман-Гольвега // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 329. 30 ноября 1915. С. 1). Ср.: С. Франк. Мобилизация мысли в Германии // Русская Мысль. 1916. Кн. IX.

на народов», С. косвенно полемизирует с Булгаковым, который в художественном анализе противоборства России и Германии действительно едва ли не оправдывал материальную слабость русской армии тем, что она компенсировалась её духом*:

«Превосходство техники и организации с самого начала были явно на стороне Германии, но величайшей ошибкой общественного мнения враждебных Германии стран было трактовать это превосходство техники и организации, как превосходство чисто и только материальное. Техника и организация суть выражения более глубинных, духовных факторов или сил».

Поэтому, вместе с введением в Англии всеобщей воинской повинности, С. формулирует аналогичную британской задаче духовной мобилизации, то есть аналогию «английскому пробуждению» – добровольчества русской интеллигентной молодёжи, подчинения «единой моральной задаче», личной ответственности, *подчинения частной инициативы государственной обороне***.

Хорошо известно, что в 1916 году в составе делегации русских общественников С. ездил в Англию с официальным дружественным визитом и удостоился звания почётного доктора Кембриджского университета, в России будучи лишь магистром (доктором наук он стал лишь в феврале 1917). Даже готовящееся введение «сухого закона» в Великобритании после реализации такого же в России С. рассматривал как акт духовного единства двух стран*** и восторженно отзы-

* См. в настоящей книге: С.Н. Булгаков. Кольцо Нибелунгов (Из размышлений о германизме) (1915).

** *Пётр Струве*. Второе Рождество на войне // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 355. 28 декабря 1915. С. 1.

*** *Пётр Струве*. В России и в Англии // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 341. 13 декабря 1915. С. 1. Он оценивал «сухой закон» в России как акт «мобилизационно-общественной гигиены»: «Россия производит социальный эксперимент, имеющий... по своему содержанию прямо мировое значение» (*Пётр Струве*. Героическая реформа // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 253. 13 октября 1914. С. 1).

вался о британской национальной самокритике*. Точности ради надо отметить, что этот англоманский восторг С. вовсе не был результатом его растущей ангажированности британским союзничеством. Ещё *до того*, как Великобритания дипломатически внятно поддержала претензии России на турецкие Проливы, в самом начале Первой мировой войны С. так писал о главной политической цели «сближения», словно Франции рядом с ними в этой войне просто не существовало¹⁷: «устроение и ведение мировых дел на основе соглашения между Англией и Россией»**.

В этот исторический момент С. проникается не только образом внешней имперской мощи либерального государства Великой Британии, но и той колониально-империалистической сложностью, которую даёт эволюция Британской империи по пути этнографического и регионального дробления своей периферии. Эта колониальная и имперская периферия уже в 1917–1918 гг. будет быстро превращаться в сеть «лимитрофов» — квази-национальных государств на развалинах Германской, Австро-Венгерской, Османской, Российской империй и между ними. Эта этнографическая (даже рационально сконструированная) сложность, по замыслу С., как-то может быть совмещена со стандартом Германской империи, где «верхний этаж» высшей немецкой культуры не просто надстраивается над этнографией, но быстро ассимилирует её.

После взятия русскими войсками австро-венгерского Львова в сентябре 1914 года С. направил свои стратегические размышления на судьбу Австро-Венгрии. Он её сразу же похоронил, словно делал это всегда, но на самом деле — похоронил не-

* «В одном из последних номеров «Русских Ведомостей» напечатан чрезвычайно интересный очерк г. В. Жаботинского, посвящённый «политической психологии англичан». (*Пётр Струве*. Листки // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 337. 8 декабря 1915. С. 2).

** *Пётр Струве*. Англо-русское сближение // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 288. 17 ноября 1911. С. 1. Здесь же Струве называет именно Г. Вильямса и Б. Перса (Пэрса) «лучшими знатоками России в современной Англии».

ожиданно, без плана. Он писал в дни взятия Львова: «Австро-Венгрии больше нет... Разорваны германо-мадьярские пути, сковывавшие народы Австро-Венгрии»*. И вслед этому формулировал задачи России в отношении наследства Дунайской монархии: присоединение Галиции к России, введение Венгрии в её этнографические границы**, расширение за счёт Венгрии Сербии и Румынии, создание единого государства в границах Богемии, Моравии и Силезии¹⁸. Теперь Австро-Венгрия, угрозам которой и превращению которой в абстракцию «славянской державы»*** посвятил столько усилий С., по его новому мнению, оказалась внутренне давно мертва: «Меч разъединил то, что распалось внутри себя»****. Впрочем, такую задачу уничтожения Австро-Венгрии ради польских, галицийских и ближневосточных***** интересов России С. начал ставить с первых же дней войны, полагая, что «России и её военной силе выпадает роль спасительницы Европы и решительницы войны». Он писал тогда, что целями войны должны стать ограничение влияния и экспансии Германии – «неизбежный раздел» Австро-Венгрии*****.

* *Пётр Струве*. Катастрофа Австро-Венгрии // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 209. 30 августа 1914. С. 1.

** Террор венгров против русин («угроруссов») также был печатно отмечен С. Кроме того, С. внятно указывал и на исторические корни конфликта венгров с сербами ещё в 1849 году: «У самого революционного диктатора Кошута был прямо план – *сербов совершенно истребить* и заселить их земли гонящими» (*Пётр Струве*. Стиль венгерского государства // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 230. 20 сентября 1914. С. 1).

*** «Славяне должны овладеть Австрией и укрепить её как славянское государство» (*Пётр Струве*. Размышления. IV // Слово. СПб. № 460. 18(31) мая 1908. С. 2).

**** *Пётр Струве*. Суд истории // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 214. 4 сентября 1914. С. 1. См. его проповедь расчленения Австро-Венгрии также здесь: *Пётр Струве*. Критический поворот // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 286. 15 ноября 1914. С. 1.

***** Именно ближневосточных – в применении к Балканам: *Пётр Струве*. Власть и народ в серьёзный момент. I. Сейчас // Русская Молва. СПб. № 127. 20 апреля (3 мая) 1915. С. 3.

***** *Пётр Струве*. Бельгия – заложница, Россия – спасительница // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 197. 18 августа 1914. С. 1. См. также о не просто отделении Венгрии, а о её разделе: за раздел Венгрии: *Пётр Струве*. Реальная Венгрия и идиллическая «Угрия» // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 84. 29 марта 1915. С. 1; о задачах уничтожения и австрийской династии, и «венгерской олигархии»: *Пётр Струве*. Судьбы Австрии и Венгрии // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 83. 28 марта 1915. С. 1.

Когда под контроль Русской армии и российской имперской администрации перешла входившая в состав Австро-Венгрии населённая русинами Галиция (Галичина), С. посетил новые земли России. Он специально, бросив ведение всех редакционных дел своего журнала «Русская Мысль» на Франка, поехал в Галичину в конце 1914 года и пробыл там всё начало 1915 года – в качестве «уполномоченного всероссийского земского союза»*. Здесь, на местности, известное отрицательное отношение С. к «украинизации» русинов, которую проводили австро-венгерские власти и поддерживала часть русинской и малороссийской интеллигенции, заметно изменилось. Видимо, С. думал о том, как практически будет выстроена автономия Галиции в составе Российской империи и на какие силы русская власть сможет там опереться, чтобы конкурировать теперь не австрийским, а с мощным польским влиянием. Польша в планах послевоенного устройства превращалась в мощную независимую или почти независимую от России силу¹⁹ и потому главным становился вопрос о культурно-этнографическом отделении от её экспансии, глубоко укоренённом в западно-русских губерниях и в новой русской Галиции.

Ещё в конце декабря 1914 – начале января 1915 года С. рисует перспективы только что завоёванной Галиции как автономной «Галицкой Руси» в составе России и отвергает её «украинство»**. Но уже через месяц, лично изучив реальность, С. начинает «реабилитировать» не только католицизм, враждебно критикуемый русскими консерваторами***, как

* Пётр Струве. Письма из Галиции. I // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 1. 1 января 1915. С. 2 (подписано: Львов, 24 декабря 1914). В конце декабря 1914 – январе 1915 ездил в Галицию вместе с С. А. Котляревским и А. П. Толстым (Пётр Струве. Перемышль пал // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 67. 10 марта 1915. С. 1).

** Пётр Струве. Письма из Галиции. II // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 13. 14 января 1915. С. 1–2 (подписано: Львов, 6 января 1915).

*** Пётр Струве. Верные и неверные пророчества Ф. М. Достоевского // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 316. 15 декабря 1914. С. 1.

характеристику союзной Франции и русской Польши, но и украинизацию и униатскую церковь. С. так писал по этому поводу, вспоминая украинизаторское наследие М.П. Драгоманова, митр. Андрея Шептицкого, М.С. Грушевского, видя мощное влияние униатов, служащее защитой от полонизации: уния «по существу вовсе не связана с украинством», «с национально-политической точки зрения униатская церковь может быть легко вдвинута в рамки нового русского бытия Галиции»*.

«Украинство» в Галиции, писал С., в условиях австрийской власти и польской автономии было «борьбой за русскую народность... по линии наименьшего сопротивления... таков смысл и в известной мере историческое оправдание "украинства" рядом с москвофильством" в русинской среде, без этого и без "защитного компромисса" унии русинам грозило "ополячение"».

«Противопоставляя национально-русскую и украинскую точки зрения, я в то же время ясно вижу, что противопоставление не может претендовать на абсолютное значение... украинский элемент, строго держащийся в областных рамках... вполне совместим с общерусской культурой: малорусский, русинский, украинский, назовите, как хотите, элемент рядом с русским может существовать лишь как элемент областной рядом с национальным... Нужно, чтобы вся грамотная Галичина стала читать Гоголя в *русском оригинале*»²⁰.

В серии своих внешнеполитических статей военного времени С. выступил за дальнейшую суверенизацию Балкан и объединение сербов и хорватов на будущих развалинах Австро-Венгрии**. Продолжая связывать внешнеполитические достижения России в результате войны с задачами внутрен-

* *Пётр Струве*. Вероисповедный вопрос и политика в Галиции. Проблемы и трудности // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 34. 5 февраля 1915. С. 2.

** *Пётр Струве*. Юго-славянское объединение // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 57. 28 февраля 1915. С. 1–2.

него развития, С. прозрачно мыслил связи внутреннего политического (и социального! – как социалист) освобождения России с её внешней освободительной экспансией. Если на Ближнем Востоке он видел цель России – в экономической экспансии, не говоря о политическом разделе Османской империи и удовлетворяясь лишь Проливами, то на Балканах ему казалось достаточным ограничиться их политическим освобождением от Турции и Австро-Венгрии. «Пусть война освободит народы вовне и принесёт политические и социальные реформы внутри», – писал он, очевидно, о Дунайской монархии*. «Осуществление исторических задач России на Босфоре находится в её собственных руках», – писал он, очевидно, об Османской империи**. «Только через Константинополь и проливы Россия, как держава, как великий хозяйственный и политический организм, *начнёт дышать полной грудью* (...) через Константинополь Россия пробивается на Запад и прорубает себе туда новое окно», – писал он о Балканах как Ближнем Востоке Запада и Османской империи***.

Итак, единственной предметной частью доктрины «Великой России» в дни войны, в дни её исторической проверки, стала её проекция на военную, политическую и экономическую экспансию России на русский «Ближний Восток» того времени: Проливы и Балканы. Ради этого С. обрекал на расчленение и ликвидацию Австро-Венгрию и Османскую империю. А усложнение и эволюция практического разума С., явленного в корпусе его публицистики 1914–1916 гг., но в целом замолчанном и самим С., и его биографами, заставляет внести в его

* *Пётр Струве*. Нравственный смысл войны // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 54. 25 февраля 1915. С. 2.

** *Пётр Струве*. Великая война и вопрос о проливах // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 53. 24 февраля 1915. С. 1. При этом С. считал негодным компромиссом идею о передаче России лишь «северной части Босфора»: *Пётр Струве*. Неизбежный путь // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 103. 17 апреля 1915. С. 2.

*** *Пётр Струве*. Воскрешение Царь-града // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 79. 22 марта 1915. С. 1.

биографии коррективы, дополнительные к теории «Великой России». Изложения этой теории и без того достаточно внятно указывают на утверждаемую ею принципиальную политическую зависимость России от Британской империи. Но война сделала в сознании С. эту зависимость ещё большей, в том числе потому, что резко выросшие надежды С. на передел «Ближнего Востока» (включая Проливы и уничтожение Австро-Венгрии и Османской империи) в интересах России требовали от Британской империи ещё большей поддержки. Ожидая и прося такой поддержки, С. резко изменил своё азбучно известное политическое мировоззрение. Главное в этих переменах осталось после 1914–1916 гг. забытым, а именно то, что С.:

(1) радикально и окончательно отказался от германского образца для индустриально-политического развития России и полностью разочаровался в германской социал-демократии, поддержавший германский милитаризм;

(2) пересмотрел своё отрицательное отношение к «украинству» и униатству, признав и приняв их влияние в Галиции, присоединяемой к России, как позитивное, необходимое и особо важное в перспективе расчленения Австро-Венгрии;

(3) пошёл против риторики своей русской религиозно-общественной среды, выступив «адвокатом» католицизма в интересах военного союза с Францией и политического союза России с независимой и объединённой Польшей, которая должна была стать одной из разрушительниц Австро-Венгрии и противовесом Германии;

(4) категорически выступил за дополнительную к полному контролю России над Балканами и Чёрным морем («Ближним Востоком» того времени) – аннексию Проливов у Османской империи, за прямое расчленение которой он не выступал ранее, опасаясь запрета Англии как главного союзника и покровителя России;

(5) покончил со унаследованной им славянофильской сентиментальностью в отношении балканских народов и утверждал в забытой и вновь найденной статье: «Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных* народностей... Она спасёт их друг от друга, и именно будет стоять на страже их свободы. Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его»*.

Став либералом к моменту формирования в России главной либеральной партии (конституционно-демократической, на деле с очень большой примесью социализма), С. не был политически очень успешен как либерал. Его либерализм навечно остался в тени его марксизма и социализма. Но – как идейный лидер русской практической философии *политического идеализма* – Струве был очень успешен и сумел сформировать целую интеллектуальную традицию. Центром этой традиции было ныне нередкое на Западе, а тогда повсюду не очень распространённое идейное превращение практической политики в идеологию. Она стремилась подчинить, например, внешнюю политику России продуманному строю идей. Старалась заменить характерную для русской государственной риторики – историософию *исторического призвания* России – практической идеологией национальных интересов.

Конечно, все эти усилия Струве в революционном 1917 году провалились. И Гражданская война 1918–1920 гг. не спасла их, обесмыслила их, подчинив риторику Струве – идейного и государственного делателя Белого дела – о национальных интересах России – благоусмотрению былых союзников, а теперь интервентов.

* П.Б. Струве. Верные и неверные пророчества Ф.М. Достоевского // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 316. 15 декабря 1914. С. 1. Полную публикацию текста этой статьи см. в очерке, вошедшем в настоящую книгу: «Забытый текст П.Б. Струве о Балканах, Проливах и целях войны» (1914).

Понимая провал своих риторических усилий, Струве никогда, ни словом, ни усилием по составлению собрания своих новых трудов не возвращался к своей политической философии, как она выразилась в его публицистике 1911–1916 гг.²¹ После (наполовину газетного) собрания 1911 года* нового авторского сборника не появилось**. Наиболее фундаментальный до сих пор биографический и библиографический труд Ричарда Пайпса о Струве*** фиксирует его политическую мысль этого времени широкими мазками, оставляя без адекватного внимания главные в ней идейные перевороты. Все эти перевороты в политическом сознании Струве развивают его доктрину «Великой России», вдохновлённую британским империализмом, который сопровождал внешнюю государственную мощь внутривнутриполитическим либерализмом, но подчиняют доктрину новой реальности войны 1914 года. Не учтённая в библиографии Р. Пайпса статья С. военного времени «Верные и неверные пророчества Ф.М. Достоевского»**** ясно показывает, что война 1914 года заставила его внести коррективы в свою риторику – и эти коррективы требуют специального описания.

Газетная публицистика времени войны, откровенно говоря, и не могла быть собрана Струве ни в 1917-м году, ни, тем более, позже. Очевидно, реальность и порождаемые ею надежды настолько изменились, что их переиздание имело бы разрушительные последствия для политической репутации

* *Пётр Струве. Patriótica. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.)*. СПб, 1911. Переизд.: *П.Б. Струве. Patriótica. Политика, культура, религия, социализм* / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997.

** Только наследник Струве известный культуртрегер Н.А. Струве собрал представительную антологию его эмигрантской публицистики: *Пётр Струве. Дневник политика (1925–1935)*. М., 2004.

*** *Ричард Пайпс. Струве: левый либерал, 1870–1905* / Т. 1 [1970] / Пер. А. Захарова. М., 2001; *Ричард Пайпс. Струве: правый либерал, 1905–1944* / Т. 2 [1980] / Пер. А. Захарова. М., 2001.

**** Первое переиздание см.: *М.А. Колеров. Забытый текст П.Б. Струве о Балканах, Проливах и целях войны: Пётр Струве. Верные и неверные пророчества Ф.М. Достоевского (1914)* // М.А. Колеров. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018.

Струве – настолько они были бы не адекватны свершившейся катастрофе. Однако их значение для реконструкции идей, руководивших русским либерально-государственным политическим идеализмом в годы Первой мировой войны вплоть до Февральского переворота 1917 года, весьма велико.

Резюмируя, можно сказать, что его, политического идеализма, представления о мобилизованных ресурсах и оперативной мощи России, способности России к тотальной войне и идущей в военное время реформы управления страной, намерениях Британской империи в её отношении оказались не соответствующими действительности.

Всё это делало основу для конфликта с традиционным русским либерализмом и его кадетской партией более широкой. Незадолго до этого Лев Троцкий в специальном очерке о жанре русского «толстого журнала» подвёл итоги курса, избранного С. во главе «Русской Мысли»:

«Это, в сущности, единственный толстый журнал, который не просто живёт автоматической силой идейной инерции, а действительно стремится выработать "новые ценности": национально-либеральный империализм на консервативной религиозно-философской платформе. Но именно поэтому "Русская Мысль" вступает в конфликт с практическим, политическим, партийным либерализмом, с кадетством»^{*}.

В январе 1914 Гиппиус и Мережковский организовали исключение Розанова из Санкт-Петербургского Религиозно-Философского Общества за антисемитские выступления писателя в печати в связи известным делом еврея Бейлиса, обвинённого в «ритуальном убийстве»^{**}. Протестуя против исключения Розанова, осуждая Розанова, но считая его «морально невменяемым» и потому неподсудным, Струве и со-

^{*} Л. Троцкий. Судьба толстого журнала [1914] // Лев Троцкий. Литература и революция. М., 1991. С. 305.

^{**} Об этом см.: Доклад Совета РФО и прения по вопросу об отношении Общества к деятельности В.В. Розанова / Публ. Е.В. Ивановой // Наш современник. М., 1990. № 10.

лидарные с ним Франк и Бердяев подали заявления о выходе из Совета Общества²².

Одновременно в 1908–1916 гг. С. подробно, насколько это возможно в публицистике, возвращается к детализации своего кредо о противостоящем официальному «лженационализму», «дробящему государство», либеральном, надэтническом, государственно-объединительном в духе Фихте и Мадзини, «освободительном» национализме, прежде сформулированному в статье «В чём же истинный национализм?» (1900). Сначала С. противопоставляет «открытый» англосаксонский национализм – самозамкнутому еврейскому, и присягает первому. Затем, в упомянутой полемике о национализме 1916–1917 гг., он пытается придать ему внеправовой, метафизически-органический характер и формулирует своё представление о реализации национальных интересов и проблеме русского могущества, (1908)* – в соединении внутривосточных либеральных и социалистических прав, свобод и ценностей с империалистической внешнеполитической и внешнеэкономической экспансией России. Главным смыслом этого оказывалось стремление избежать сценария национальной катастрофы в результате противоборства великих держав:

«Слабая Россия со всей позицией, со всем прошлым, со всеми традициями великой державы. Положение... опасное до трагизма. (...) При этом положении Россия... всегда может быть отброшена назад в XVII век и низведена на ту ступень, которую она занимала до великой северной войны»**.

Ясно понимая, что будущую войну Россия будет вести против объединённого фронта Германии и Австро-Венгрии, С., тем не менее требует переориентировать направление империа-

* Развитие этих идей С. см. в: С.А. Котляревский. Правовое государство и внешняя политика. М., 1909 (рец. Г.Н. Трубецкого в: Русская Мысль. 1910. Кн. III).

** Patriotica. С. 137, 139. «Современное международное положение под историческим углом зрения», 1909. См. также: С. 235. «О «Вехах», 1909; С. 299–301. «Два национализма», 1910.

листических усилий России с Дальнего Востока на Ближний Восток и турецкие Проливы. При этом у С. нет сомнений, что политическое освобождение России означает политическое отделение от неё Финляндии и Польши. С точки же зрения литературной традиции, в этой концепции С. реабилитирует внешнюю политику и «внешнюю мощь» государства для левой и либеральной оппозиции, стремясь обосновать «новую русскую государственность», устанавливает «мерилом» эффективности внутренней политики правительства и политического класса страны того, «в какой мере эта политика содействует т. н. внешнему могуществу государства», «государственная мощь невозможна вне осуществления национальной идеи... государство и нация должны органически срастись»*. Актом этого сращивания С. мыслит именно революцию: «Как смута [XVII века] была первым рождением нации, так революция XX века была её вторым рождением»**. «Государство... сверхразумно и внеразумно... Государство есть существо мистическое... Война есть самое видное, самое яркое, самое бесспорное обнаружение мистической природы государства... Могущество государства есть его мощь вовне»***. Из этой формулы впоследствии, прямо указывая на свою генетику, выросли национал-большевизм Н.В. Устрялова (1920) и идеология эмигрантского сборника «Смена Вех» (1921).

Начало мировой войны 1914 года, ожидаемое, предсказанное много раз, стало тем не менее разрушительным по своим результатам для идейного облика С. В его сознании рухнула социал-демократическая цивилизация Германии, капитулировавшая перед германскими империализмом, милитаризмом и национализмом. В его проповеди всё более не критической стала апология Британской империи, как образца (уже ан-

* Patriotica. С. 73, 76–80, 93. «Великая Россия», 1908.

** Там же. С. 206. «Мнимая пропасть», 1908.

*** Там же. С. 98, 100. «Отрывки о государстве», 1908.

тигерманского) синтезирования социализма, политического либерализма и государственной мощи, способа нейтрализации и идейного перерождения разрушительного национализма. Вскоре после начала войны С. писал:

«Во многих отношениях новейший социализм является отпрыском и наследником либерализма, где либерализм уже исполнил своё историческое назначение, явно национализируется и, национализируясь, входит в жизнь, как живая сила, ответственная и в то же время государственно-действенная... Но всего знаменательнее и многозначительнее — что происходит в России. Национальное начало неудержимо внедряется в либерализм (...) национальное начало перестает и перестанет быть "монополией" тех элементов, которые именуется "правыми"»*.

Февральскую революцию 1917 года С. встретил с надеждами на полноценное государственное строительство** и, преодолев личную антипатию, лично принял в нём участие, в апреле 1917 став директором Экономического департамента МИД России (при политически враждебном С. министре П.Н. Милюкове), а после ухода с этой должности в день отставки Милюкова 5 мая 1917 — председателем Таможенно-тарифного комитета при Министерстве торговли и промышленности***. В поддержку журналу «Русская Мысль» С. предпринял издание более оперативного журнала «Русская Свобода». Октябрьскую революцию оценил как антилиберальную контрреволюцию**** и принял активное участие в Гражданской войне на стороне белых, а затем — в жизни правого крыла политической антибольшевистской эмиграции. Подвести итоги дореволюцион-

* *Пётр Струве*. Национальное начало в либерализме // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 309. 8 декабря 1914. С. 1.

** *П. Струве*. Освобождённая Россия // Русская Мысль. М.; СПб, 1917. Кн. II.

*** См. письмо П.Б. Струве в этом качестве к В.И. Масальскому от 18 мая 1917: РГАЛИ. Ф.1348. Оп.1. Ед.хр. 878. Л.3.

**** *П. Струве*. В чём революция и контрреволюция? // Русская Мысль. М.; СПб, 1917. Кн. XI–XII. II о.

ного развития С. пытался в московском «идейном сборнике», составленном в развитие закрытого большевиками журнала «Русская Мысль», «Из глубины» (1918), в котором почти полностью приняло участие авторское ядро сборников «Проблемы идеализма» (1902) и «Вехи» (1909): С., Бердяев, Булгаков, Франк, Изгоев и их единомышленники Новгородцев, Котляревский и другие, но он не смог выйти в свет и был издан лишь малым тиражом в 1921 году, не получив никакого публичного распространения.

Октябрьскую революцию 1917 года С. назвал «контрреволюцией», то есть разрушением политических достижений Февраля и антисоциалистическим торжеством хаоса и анархии. Он писал, наблюдая революционный процесс от Февраля к Октябрю:

«Русская революция, по своему объективному смыслу и реальному значению, есть не торжество социализма, а его поправление и крушение. Ибо что такое социализм? Прежде всего это такое упорядочение производства и вообще всей экономической жизни, которому должны подчиняться все групповые и личные интересы. (...) Для меня лично социализм... уже давно является... одной из идей, многозначительной и могущественной, исторического развития народов, в своей отвлечённой сущности не представляющей ровно никакой опасности для нормальной политической и экономической эволюции. Социализм всегда таков, каким его делают конкретные живые деятели, социалисты. В современной России — и это подготовлено всем её развитием — самые влиятельные социалистические элементы дискредитируют и губят идею социализма»*.

Первый политический наставник ещё юного С., в кружке которого тот стал непременным участником во второй половине 1880-х гг., видный либерал и западник, юрист К.К. Арсеньев умер лишь в 1919 году и имел возможность наблюдать

* Пётр Струве. Иллюзии русских социалистов // Русская Свобода. № 7. Пг., 1917. С. 3, 5.

за всей карьерой своего ученика в России. Он, как известно, не разделял его радикализм и именно потому всё дальше дистанцировался от революционных и идейных поисков С., а после выхода в свет сборника «Вехи» публично выступил с их осуждением в коллективе либеральных старейшин. В конце 1917 года, говоря о том, как большевистская революция фактически отвергла отца русского марксизма Плеханова и тот, вернувшись из эмиграции в Россию, оказался в ней не у дел, Арсеньев с явным сожалением рассказал о своём образе должного для революционера и социалиста. Арсеньев писал о Плеханове, что от его политического одиночества «потерю несёт вся страна», «опалу переживает и научный социализм», — и высказывал надежду на «дорогу к более нормальному распределению влияний»*. Такому образу политического социализма С. ни в молодости, ни в зрелости не соответствовал даже тогда, когда после революции 1905 года призывал к компромиссу, — полагая, видимо, конституционный строй в России уже появился и разрушать больше нечего.

Работая над воспоминаниями о С., которые стали воспоминаниями о себе самом и о времени, его ближайший сподвижник, Франк примечательно соединил задачу собирания наследия С. (которая в главном сегодня уже решена, но полностью решена не будет, по-видимому, во всё обозримое время) с формулой признания специфики роли С. в русской истории и культуре (которая, несмотря на солидарность с ней части специалистов по русской философии, отнюдь не является популярной в сводных исторических очерках темы, не стала литературным мифом русской культуры даже XX века). Франк писал 6 мая 1944 года, два месяца спустя после смерти героя:

«Я убеждён, что по самому характеру своего творчества П<ётр>
Б<ернгардович> войдёт в историю русской мысли не столько свои

* К. Арсеньев. Старые и новые революционеры // Русские Ведомости. М. № 247. 10(23) ноября 1917. С. 1.

ми печатными трудами (разве только в отдалённом будущем удастся издать нечто вроде "собрания сочинений" — дело, конечно, огромной трудности!), сколько как личность, через личное его влияние на современников — примерно так, как вошли в историю русской мысли, например, Белинский или Грановский*.

* Переписка С.Л. Франка с В.Б. Ельяшевичем и Ф.О. Ельяшевич (1922–1950) / Публ. Г. Аляева и Т. Резвых. С. 133–134.

II

Новое собрание сочинений
П.Б. Струве

О чём думает одна книга?*

Несколько месяцев тому назад вышел в Москве сборник философских статей разных авторов под заглавием «Проблемы идеализма». Это коллективное произведение обратило на себя всеобщее внимание и такое внимание, думается нам, не лишено основания. Нам хотелось бы остановиться на одной стороне выступающего этой книгой и в этой книге умственного течения. Произведения, выходящие в пределах русской цензурной опеки, поневоле не высказывают всего того, что они думают. «Проблемы идеализма», к тому же, занимают, главным образом, так называемыми отвлечёнными вопросами. Но эта отвлечённая книга, не высказываясь прямо о жгучих политических и общественных злобах дня, всё-таки думает о них, ими живёт и болеет. В каждой её строке присутствует живая и действенная мысль о той правде и свободе, которые должны быть внесены в русскую жизнь, в отмену властвующим над ней лжи и произвола. «Проблемы идеализма» знаменуют собой укрепление и расширение того союза между идеализмом философским и идеализмом практически-политическим, начало которому положил своей блестящей публицистической деятельностью Владимир Со-

* П.С. О чём думает одна книга? // Освобождение (Штутгарт). № 18. 2 марта 1903. С. 311–312.

ловьёв.* Этот союз нужен и для философской мысли, и для дела освобождения. Философия не может равнодушно взирать на то, что правда и право попираются в жизни; борцы за освобождение не могут не искать поддержки в вечных идеях права и свободы. Для русской идеалистической философии дело её самопознания и её чести – быть на стороне свободы и права; для русского освободительного движения тоже дело его самопознания и его чести возвести себя к высшим и непререкаемым идеям, отказаться от которых означало бы для человечества открыть двери звероподобию. Мы знаем, что есть деятели, убеждённые, искренние деятели освобождения, которые вовсе не разделяют философского идеализма и готовы всячески оспаривать это мировоззрение. Это – их право. Но пусть за нами, сторонниками идеализма, будет признано и наше право: делу освобождения давать дорогую для нас идеалистическую санкцию, а идеализму находить жизненное оправдание и воплощение в деле освобождения.

* Отмечая публицистическую заслугу Соловьёва, мы считаем нужным оговориться, что его богословствование не только не было в согласии с философским идеализмом, но наоборот, в корне ему противоречило, представляя не более, не менее, как грубейший вид *богоматериализма*, или материалистической теологии. Яркий образчик этого теологического материализма дан Соловьёвым в том философско-беллетристическом перечислении богословско-христианского учения о конце мира, которое мы находим в «Трёх разговорах» (Прим. П.Б. Струве).

Н. К. Михайловский*

В дни тяжёлого и грозного испытания Россию постигла крупная потеря, и тем чувствительнее эта потеря. Ушёл с жизненного поприща человек больших заслуг и большого таланта.

Лучшие идеалы человечества всегда окрыляли его мысль. Это был философ общественности, но не холодный отвлечённый мыслитель, а писатель-борец, наложивший печать своего духа на самые заветные думы, чаяния и действия целого поколения. В его писаниях многие самоотверженные борцы за лучшее будущее русского народа находили и находят теоретическую опору для своих стремлений. Имя Михайловского — вместе и рядом с именем Лаврова — неразрывно связано с историей русского освобождения. И больно думать, что в момент, когда Россия ускоренным шагом стала идти к разрешению великих исторических задач, этого крупного испытанного в боях человека, на которого можно было положиться, как на каменную гору, не стало среди нас. В той великой, подлинной национальной борьбе, которая ведётся непрерывно за благо и достоинство русского народа с тёмными силами, гнетущими его на родной почве, не стало одного из самых лучших, из самых крепких. Горько за него,

* П.С. Н.К. Михайловский. Некролог // Освобождение. № 17(41). Штутгарт, 5 февраля (18 февраля) 1904. С. 297.

горько за нас, что он не смог встретить вожденный день освобождения словами: «Ныне отпускаеши».

Мы лучше всего почтим память Михайловского, если, верные тем освободительным идеям, которые покойный защищал с таким блеском и с такой непреклонностью, будем дружной ратью бороться за самоопределение общества и всестороннюю свободу личности.

Б. Н. Чичерин*

В лице Б.Н. Чичерина сошёл в могилу крупный учёный и общественный деятель. В тёплом некрологе Чичерина, помещённом в «Праве», А.Ф. Кони усиленно подчеркнул непоколебимость убеждений покойного. Нам думается, что Чичерин, наоборот, ценен именно как образец честной коренной ломки убеждений, ломки философской, политические выводы из которой были лишь необходимым логическим следствием. Начав с культа государства и власти (теоретически сопряжённого с социологическим материализмом в духе Л. ф.-Штейна), Чичерин закончил культом личности и свободы. Из этой общей эволюции взглядов Чичерина вытекли и частные перемены огромной практической важности. Сначала сторонник подавляющей государственной власти в России и её орудий, защитник самодержавия и сословного строя, он стал под конец жизни, в качестве окончательно укрепившегося в своей позиции идеалиста и умудрённого опытом политика, решительным врагом русского самодержавия и сословных привилегий.

Нас, как последовательно убеждённых демократов, конечно не удовлетворяет недемократический либерализм Чичерина, но, несмотря на это коренное разногласие, мы высоко ценим его

* П.С. Б.Н. Чичерин. Некролог // Освобождение. № 18(42). Штутгарт, 19 февраля (3 марта) 1904. С. 323.

литературную и политическую деятельность и вменяем ему в огромную заслугу перед Россией блестящее политическое завещание потомству – изданную в Берлине (за подписью «Русский патриот») книгу «Россия накануне XX-го столетия». В этом произведении, принадлежность которого Б.Н. Чичерину теперь нет более никаких оснований замалчивать, с замечательной силой и убедительностью разъяснено, что исторической задачей времени в России является – порвать с самодержавием.

Палач народа*

Народ шёл к нему, народ ждал его. Царь встретил свой народ. Нагайками, саблями и пулями он отвечал на слова скорби и доверия.

На улицах Петербурга пролилась кровь и разорвалась навсегда связь между народом и этим царём. Всё равно, кто он, надменный деспот, не желающий снизойти до народа, или презренный трус, боящийся стать лицом к лицу с той стихией, из которой он почерпал силу, — после событий 22/9 января 1905 г. царь Николай стал открыто врагом и палачом народа. Больше этого мы о нём не скажем; после этого мы не будем с ним говорить. Он сам себя уничтожил в наших глазах — и возврата к прошлому нет. Эта кровь не может быть прощена никем из нас. Она душит нас спазмами, она владеет нами, она ведёт и приведёт нас туда, куда мы должны идти и прийти.

Вчера ещё были споры и партии. Сегодня у русского освободительного движения должны быть едино тело и един дух, одна двуединая мысль: возмездие и свобода во что бы то ни стало. Клятвой эта мысль жжёт душу и неотвязным призывом гвоздит мозг. Против ужасных злодеяний, совершённых по приказу царя на улицах Петербурга, должны восстать все,

* П.С. Палач народа // Освобождение. № 64. Париж, 25 января (12 января) 1905. С. 233.

в ком есть простая, человеческая совесть. Не может быть споров о том, что преступление должно быть наказано и что корень его должен быть истреблён. Так дальше жить нельзя. Летопись самодержавных насилий, надругательств и преступлений должна быть закончена.

Ни о чём другом, кроме возмездия и свободы, ни думать, ни писать нельзя. Возмездием мы освободимся, свободой мы отомстим.

Казнь*

Каляев казнён. С тем же мужественным благородством, с каким он совершил своё дело, взошёл он и на эшафот. Чиновникам, присутствовавшим при казни, он сказал: «передайте моим друзьям, что я умираю с радостью и что я буду всегда с ними». Со своей матери он взял клятву, что она не будет ходатайствовать об его помиловании; узнав от матери, что его собираются помиловать, он написал министру юстиции, что считает, в качестве революционера, своим долгом отказаться от помилования. Священника он принял как человека, а не как духовника**.

Есть что-то невыразимо обаятельное в этих русских людях с мягкими сердцами, с поэтическими душами и с несгибаемой железной волей, ведущей к убийству из чувства долга. В этих личностях и в их действиях трагедия русской жизни достигает своей высшей точки, в которой нравственная красота сочетается в неразрывное единство с религиозным ужасом.

Казнь не может ничего убавить от этой красоты и ничего прибавить к этому ужасу. Казнь совершена над ним, — его личности она не коснулась.

* П.С. Казнь // Освобождение. № 71. Париж, 31 мая (18 мая) 1905. С. 351.

** Сообщение петербургского корреспондента «Daily Telegraph» (№ от 25 мая) (Прим. П.Б. Струве).

Но мы не можем мириться с этой казнью, с её потайным, воровским характером. Всякая настоящая казнь гнусна и отвратительна. Гнусно в ней то, что люди убивают человека, находящегося в полной их власти и потому для них уже безвредного, значит, убивают объективно бессмысленно; казнь и субъективно бессмысленное убийство, ибо оно совершается без всякого движения души, без риска, безошибочно: убивают не люди, а государство руками палача. Всё, что есть человеческого в любом самом мерзком убийстве, совершенно отсутствует в казни. Она, настоящая казнь с её обязательной троицей – прокурором, священником и палачом – совершенно безлична и холодна. Она есть самое гнусное, более того, абсолютно гнусное убийство.

Гнусное убийство Каляева презренной рукой палача бесильно оскорбит героическую личность этого трагического, религиозного, святого убийцы. Но оно оскорбляет нас, и мы не можем молчать об этом, тем более не можем, что мы ответственны за совершённое им убийство, а потому виновны и в его казни...

Когда министр юстиции Манухин доложил Николаю II о том, что сенат отверг кассацию и смертный приговор, таким образом, вступил в законную силу, Царь, ничего не отвечая, отошёл к окну и забарабанил пальцами по стеклу. Ответа на сообщение Манухина так и не последовало*. Царь, молча барабанил пальцами по стеклу, открывал двери палачу. Не в первый раз!

Когда же, наконец, нация, воспрянув, положит конец гнусной и смрадной язве самодержавия?!

* Сообщение нашего корреспондента (Прим. П.Б. Струве).

Рабочее Слово*

Русский рабочий класс переживает тяжёлые дни. В борьбе за освобождение России он принёс огромные жертвы. Сколько людей пало на улицах от ружей и даже пушек! Но ещё больше погибло и гибнет от затяжного кризиса промышленности, от безработицы и от следующих по пятам за нею болезней. В рабочем классе молодые и старые, мужчины и женщины, и дети, дети без числа сошли и сходят в могилу жертвами тех тяжёлых мук, в которых наша истерзанная, искровавленная родина рождает свою свободу.

В такие дни рабочий класс должен разумно сплотить свои силы для того, чтобы отстаивать и свою жизнь, и свои человеческие права, для того, чтобы бороться с ежедневно изматывающей, губительной нуждой и в то же время пробиваться к свету, свободе и счастью.

Где горит тот свет, к которому нужно пробиваться?

Где пути к этому свету?

Свет этот в вере и убеждении, что возможно и необходимо такое устройство общества, в котором не будет никакого угнетения человека человеком, в котором никто не будет наслаждаться жизнью за счёт чужого труда, проживая в праздном

* [П.Б. Струве]. Рабочее Слово // Рабочее Слово. № 1. 31 марта 1906 года. СПб. С. 1.

довольстве. Вера в такое справедливое устройство общества называется **социализмом**.

Никто не может в настоящее время утверждать, чтобы было возможно сейчас же перестроить современное общество и сразу сделать его трудовым и социалистическим. Но это не значит, чтобы социализм был пустым словом и праздной мечтой. Социализм есть великая цель, яркая путеводная звезда, свет которой преображает мелкую повседневную борьбу за интересы в великое дело созидания нового, справедливого общества.

Кто же будет строить это общество? Все те, кто поняли несправедливость эксплуатации человека человеком — и прежде всего сами обездоленные и трудящиеся. Благородные мыслители, друзья человечества, вдумываясь в судьбы человеческого общества, открыли великую цель социализма, но только сами трудящиеся своей самостоятельностью могут построить камень за камнем, стена за стеной здание трудового социалистического общества.

В этом — основной смысл слова «классовая борьба» и учения об этой борьбе. Никто не может помочь рабочему классу, если он сам не пожелает себе помочь.

Путь борьбы рабочего класса за его повседневные нужды и за его конечное освобождение усеян трудностями и преградами.

Свокорыстие обеспеченных и богатых на каждом шагу противится всякому даже частичному улучшению положения трудящихся. Но ещё больший враг освобождения трудящихся всюду и всегда была их собственная неподвижность и косность. Вековое угнетение создало в рабочих массах привычки рабства и подчинения. Рабочий класс в лучших, наиболее сознательных своих элементах уже порвал с этими привычками. И этот дух непримиримой борьбы с угнетением сознательные

рабочие должны поддерживать в себе, как огонь неугасимый, и нести его всюду, где живёт трудящийся человек.

Борьба рабочего класса за освобождение есть прежде всего и главнее всего дело самовоспитания рабочих.

В этом деле огромная помощь может и должна оказать рабочему классу интеллигенция. Но пусть она не стремится то, что зародилось в отдельных кружках и даже партиях, навязывать и диктовать рабочему классу. Рабочий класс в России настолько уже созрел, что он должен организоваться из себя, снизу, не под диктовку тех или других интеллигентских групп, а в упорной работе самодеятельности и самовоспитания.

До сих пор русское рабочее движение попеременно то подчинялось узким интеллигентским группам, то шло помимо интеллигенции, подчас даже во враждебном отчуждении от неё.

И то, и другое ненормально и нежелательно.

Русскому рабочему движению пора выйти на широкий путь сплочения рабочего класса изнутри в прочных организациях, которые пустили бы крепкие корни в рабочую массу и в её повседневную жизнь. Только став на этот путь, рабочий класс соберёт и измерит свои силы и сможет в полной мере использовать их в политической и социальной борьбе. В этом отношении первой мыслью, первой задачей сознательных рабочих должна быть организация профессиональных рабочих союзов и вообще всякого рода экономических и бытовых единений среди рабочих.

Часто рабочему классу приходится слышать лозунги или призывы, смысл которых «всё или ничего!», «либо пан, либо пропал!» Следовать за этими лозунгами значит для рабочих идти на верные поражения, значит не рвать, а укреплять цепи, в которых держит рабочих союз насильничающего чиновничества и корыстной буржуазии. Не следует обманываться: только шаг за шагом рабочий класс пробьётся к свету

и конечной свободе. Человечество – сказал наш великий мыслитель-социалист **Герцен** – «идёт от освобождения к освобождению». Сегодня завоёвано одно, завтра другое, и каждый шаг, отвоёванный от насилия и эксплуатации, как бы он ни был мал, дорог сам по себе и ценен для дальнейшей борьбы.

Русский рабочий класс уже сейчас покажет свою мощь, если он сумеет действительно сплотиться и использовать свои соединённые силы в упорной и мудрой, освещённой светом социализма борьбе за свои права и интересы. Органом, посильно служащим такой борьбе, будет «**Рабочее Слово**».

Оно не служит никакой партии, потому что нет в России ещё партии, в программе и деятельности которой целостно воплощались бы начала настоящей **рабочей политики**, соответствующей интересам русского пролетариата. Разъяснять эти начала и тем вносить дух сознания и самодеятельности в рабочий класс будет основной задачей нашего органа.

[Рец.:] А. Н. Потресов (Старовер).
Этюды о русской интеллигенции.
Сборник статей.
Издательство О. Н. Поповой. СПб,
1906. Стр. 313*

В шаблонной, мы бы сказали, попугайской литературе русской социал-демократии книга Потресова представляет «отрадное явление». В ней есть мысль; она написана хорошим русским языком, а не тем ужасным жаргоном, которым пишут люди, имевшие несчастье упражняться в родной речи на «дискуссиях» заграничных кружков. Автор был видным участником «легального» марксизма, писал в сборнике 1895 г., уничтоженном цензурой, был фактическим издателем «легальных» сочинений Плеханова, сотрудничал в *Новом Слове* и *Начале*, и затем, участвовал в редакции заграничных изданий *Заря* и *Искра*.

Статьи сборника — полемические: тут полемика с народниками и литературными эпигонами народовольчества («Артельная эпопея», «О наследстве и наследниках», «О разночинце-скитальце», «Современная весталка»), с критическим марксизмом («Что случилось?»), с «Освобождением» (и заодно с социалистами-революционерами — «О двуликой демократии»), наконец, с социал-демократами-большевиками («Наши злоключения»). Полемический букет этих статей теперь, за одним исключением, имеет лишь исторический интерес. Но автор так оригинально и так вдумчиво подходил к своим темам и так добросовестно-серьёзно трактовал их, что книга

* Русская Мысль. 1907. Кн. X. III отд. С. 206–207.

его долго ещё будет читаться с интересом. «Их (статей) действующим лицом неизменно оставался тот пёстрый комплекс наслоений нашей русской общественности, который известен под общим названием – интеллигенция: умеренная и революционная; хлопочущая о сырных артелях и грезнящая мировым переустройством; идущая вслед за представителями имущего общества в строительстве жизни и слагающая собственную партийную постройку, как антитезу этому строительству; интеллигенция, тяготеющая к крестьянству, и интеллигенция, с пролетариатом в центре своих политических планов и социалистических перспектив».

Проблема социально-психологической характеристики интеллигенции таким образом всё время занимает автора «Этюдov». Статья «Артельная эпопея» помимо этой общей темы имеет специальный интерес, написана с эрудицией и составляет ценный вклад в литературу об артельном движении, его экономическом и социальном значении.

В духовном облике интеллигента-разночинца автор подметил и подчеркнул черту, которую он назвал не новым, впрочем, термином «отщепенства». Отщепенцы – решительные критики и противники, данного общественного строя. «Идейные формы, в которые облекается психологическое содержание (отщепенства) могут быть, по мнению А.Н. Потресова, весьма разнообразны», но самое это психологическое содержание гораздо более устойчиво, чем его формы. Мы бы выразились иначе: отщепенство это – *эмоциональная* форма, в которую может выливаться самое различное *идейное* содержание, это – чувства и настроения, которые могут прикрепляться к довольно различным взглядам и теоретическим построениям. Как бы то ни было, Потресов подметил и выдвинул действительно существенную, определяющую черту духовной физиономии той русской интеллигенции, которая сыграла такую роль в переживаемую нами эпоху. Если автор не сумел

надлежащим образом использовать своё наблюдение, то это объясняется, конечно, тем, что и этот оригинальный, я бы сказал высокопробный марксист всё-таки находится в плену у марксистского шаблона.

Автор в своё время был прав, когда божественное качество «отщепенства», т. е. гармонической революционности чувств и идеологии, присваивал марксизму и отрицал у его литературных противников с Н. К. Михайловским во главе; упоение своим марксистским отщепенством продиктовало Потресову лучшие, иногда прямо блистательные полемические страницы (см. в особенности статью «Современная Весталка», направленную против *Русского Богатства*). Но теперь вряд ли и сам Потресов не видит, что это преимущество марксизма и социал-демократии потонуло в русской революции. Совершилось революционное равнение – и, соответственно этому, «полемические красоты» завяли.

Единственная статья, полемика которой сохранила всю свежесть и остроту современности, это – заключительный этюд сборника «Наши злоключения». Он направлен против апостола большевиков г. Ленина и чрезвычайно интересен убийственной критикой того уродливого продукта русского умственного развития, который известен под названием «большевизма».

Потресов мужественно вскрывает и разъясняет интеллигентский характер русской социал-демократии и из него выводит все характерные особенности «большевизма», родившегося по прямой линии от «марксизма кружкового подполья» (стр. 259). Эта «интеллигентски-кружковая среда» – «один из островков в безбрежном пространстве политически-аморфного общества», которое наделило её «собственной социально-политической неразвитостью и соответственно беспомощностью в оценке происходящих внутри его (общества) процессов». Автор останавливается на этом несомненно верном указании и не

только не решает, но даже не ставит дальнейшего вопроса: почему же эта куцая интеллигентски-кружковая идеология оказалась всё-таки столь влиятельной в нашей революции, что в конце извратила дело русской социал-демократии?

Я думаю, это случилось потому, что и пролетариат оказался достаточно «социально-политически неразвитым» для восприятия такой идеологии и «соответственно беспомощным в оценке происходящих внутри общества процессов». Между уровнем «революционной интеллигенции», т. е. социал-демократии, и «революционного народа», т. е. пролетариата, оказалось некоторое «исторически-неизбежное» соответствие.

Нам думается, что «испытанное орудие материалистического понимания истории», о котором автор «Этюдов» говорит в своём предисловии, даёт уловить именно эту связь.

Международное положение и международная реакция*

В течение лета произошли события настолько многозначительные, что не хотелось их касаться под первым впечатлением, которое могло быть поверхностным и ошибочным. Я разумею государственный переворот, происшедший в Турции. Теперь всё яснее и яснее становится, какими огромными последствиями чреваты эти события. И в то же время совершенно ясно, что этот переворот — лишь один из эпизодов той новой эры европейской и мировой истории, которая началась крушением старого порядка в России. В настоящий момент словосочетание «крушение старого порядка в России» звучит, конечно, какой-то насмешкой над русскими людьми.

Но я говорю не о сегодняшнем дне, который принадлежит Дубровиным и Меншиковым, а о событиях в их исторической перспективе, в их неизбежном сцеплении, в их логическом завершении. Турецкий переворот есть необходимое последствие столько же революции, сколько и реакции в России. И последнее для нас интереснее и важнее, чем первое. Можно сказать, что это, с русской точки зрения, самое важное поучение, которое дают нам турецкие события.

Несомненно, что они усложняют до последней степени международное положение России. Осью всей мировой политики

* Слово. СПб. № 551. 2(15) сентября 1908. С. 1.

в настоящее время являются отношения между Англией и Германией. Что же внёс турецкий переворот в международную ситуацию под знаком англо-германского соперничества? До турецкой конституции России принадлежала в этой ситуации огромная роль. Как ни расшатана была Россия войной и противонациональными эксцессами революции, за которыми спешит угнаться и которые уже перегнала противонациональная, убийственная для государства реакция, — несмотря на свою внутреннюю слабость, по самому соотношению международных сил Россия была очень большой величиной.

Но теперь эта сила нейтрализована и связана. Рядом с ней стала новая Турция, которая в короткое время должна вырасти в крупнейшую силу, всегда способную войти в любую международную комбинацию.

Турция, по всему своему прошлому, не может быть «другом» России. Это было бы психологически противоестественно и политически нерационально для Турции. А в то же время Турция может и даже должна быть «другом» по крайней мере одной из тех двух держав, отношения между которыми господствуют над мировой политикой — либо Англии, либо Германии. Но положение новой, конституционной и либеральной Турции среди этих двух держав ещё выгоднее: она может быть «другом» и той, и другой вместе. Это положение совершенно напоминает недавнее положение России между Францией и Германией (одна комбинация) и между Англией и Германией (другая комбинация). Первую комбинацию Россия — себе назло — использовала в том протесте против Симоносекского мира, из которого родилась русско-японская война. Вторую комбинацию она могла бы использовать в балканском вопросе, если бы вместе с турецкой конституцией на Ближнем Востоке не произошла полная перемена декораций.

Таким образом, не только Россия, как международная сила, нейтрализована и связана Турцией. Последняя готовится

в известном смысле занять, да позволено будет мне так выразиться, то «психологическое место», которое до последнего времени в международной системе принадлежало России. Из этого могут вытечь очень разнообразные последствия, и даже весьма неожиданные. И одним из таких последствий, на мой взгляд, может быть, если не англо-германское сближение, то во всяком случае установление между Англией и Германией гораздо лучших отношений, чем те, которые господствуют теперь. Международная ценность и защищённость России ещё более понизится. По существу наступит её изолирование, такое, какое было в эпоху перед крымской войной (что и привело к последней) и потом после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. до русско-французского сближения. Почему же Турция может способствовать англо-германскому сближению? Очень просто. Потому что она нуждается в дружбе и поддержке обеих этих держав, и обе они заинтересованы в её дружбе. Это почва, которая сама повелительно диктует компромисс. О том, что интересы Турции и Германии солидарны, не стоит особенно распространяться. Немцы ищут в Турции приложения для своего капитала и для своей предприимчивости и никакими политическими аспирациями, опасными для Турции, не задаются. Возрождающаяся Турция может только выиграть от проникновения в неё даров германской экономической культуры. Взаимоотношения Англии и Турции сложнее. Англия заинтересована в том, чтобы египетский вопрос не был поставлен во враждебном ей смысле; с точки зрения положения вещей в Индии, где мусульмане составляют самый лояльный элемент, она должна считаться с «мусульманским» сознанием вообще, которое и окрепло именно под влиянием государственного переворота в Турции. С другой стороны, английская дружба, начиная с английского капитала, прямо неопределима для возрождающейся Турции, опираясь на собственные экономические и культурные силы Англии, Турция может

много навредить англичанам, а Англия, враждебная Турции, может прямо раздавить последнюю; и в то же время Англия не извлечёт из уничтожения Турции для себя такой выгоды, которая сколько-нибудь соответствовала бы серьёзным замешательствам, всегда связанным с подобным столкновением.

Вот почему Турция должна быть в дружбе с Англией. С другой стороны, собственный экономический интерес Турции требует от неё, повторяем, поддержания самых лучших отношений с Германией.

Что всё это означает? А то, что международное положение России изменилось и осложнилось в огромной мере после турецкого переворота. Нельзя при этом упускать из виду того, что возрождение Турции ослабляет положение России и на Дальнем Востоке, ибо иметь своими соседями на двух противоположных концах сильную Турцию и сильную Японию — значит быть в сущности... зажатым с двух концов.

В начале XIX в. во время наполеоновских войн была распространена карикатура на русских с надписью: «*Nous arrivons toujours trop tard*» (см. эту карикатуру в книге Шильдера об Александре I). Когда обзреваешь в широкой исторической перспективе события последних 30–40 лет, всегда припоминаешь это изречение, и ясно видишь, как внутренняя реакция ослабляла международное положение России и вела её к поражениям.

В том международном положении, в котором находится теперь Россия, только величайшее напряжение всех внутренних сил может предотвратить дальнейшее ослабление государства.

Между тем, что мы видим? Страна успокоилась и ушла внутрь себя. Начался сложный труд переработки политического созерцания, на котором выросли и действовали целые поколения. В это успокоение раздумья, из которого должно и может вырасти новое культурное творчество, растущая реакция беспрерывно бросает свои вызовы, которые свидетель-

ствуют о том, что она одержима духом мелкой мстительности, застилающей перед ней всякие государственные перспективы.

Всякий день может принести нам великие государственные испытания. И ужас разбирает при мысли о том, с каким *вновь накопленным* капиталом ожесточения мы вступим в эти неизбежные испытания. Между тем, быть может, никогда ещё Россия так не нуждалась в национальном подъёме.

И какой насмешкой звучат самые слова «национальный подъём» в эту минуту, когда лозунгом дня является призыв к низости и вымогательство подлости.

Внутренняя реакция есть теперь такая же, нет, даже большая национальная опасность, чем до русско-японской войны. Она есть разложение и убийство государства в самых его основах.

Лондон. 29-го августа 1908.

Отпрыск буржуазной культуры. Памяти Августа Бебеля*

Когда сходят в могилу люди, с именем которых связано какое-нибудь историческое дело, трудно и в то же время привлекательно – из «формулярного списка» такого человека извлечь его дух) выгнать крепкий «спирт» его личности. Это значит дать не бледную, безжизненную «вытяжку», не *éspirit de M-r Montesquieu (Voltaire etc.)*, а именно вызвать живой образ вместо сухой справки стола личного состава в главном управлении NN или заранее аккуратно заготовленной заметки некрологического «департамента» большой газеты...

Я вижу Бебеля. Может быть, потому что я много раз его видел и что самая блестящая эпоха его деятельности, когда он встал в полную меру своего роста, последнее десятилетие XIX века, пережита и мною со всей восприимчивостью, свойственной вообще развивающейся юности. И этот живой образ знаменитого агитатора и парламентария вдвигается для меня естественно в широкую историческую рамку, грани которой так хорошо изведаны, хотя лишь отчасти пережиты, всем нашим поколением. Лассаль разбудил рабочее движение Германии, вдохнул в него исторический энтузиазм и дал ему огненные слова. Маркс и Энгельс дали этому движению

* Русская Мысль. 1913. Кн. VIII. II отд. С. 160–164.

«науку», и «теорию», из которой с некоторыми поправками и приближениями могла быть выведена «практика» и «тактика». Но для того, чтобы энтузиазм не испарился и для того, чтобы теория не оказалась бездейственным «учением», необходимы были люди, которые хотели и умели бы действовать. Нужно было пламенному энтузиазму Лассаля и гениально-умным мыслям Маркса вселиться в живые и действенные личности, способные на упругую, повседневную работу создания большого движения. Такими людьми явились Либкнехт и Бебель. Не они одни. Из рядов ближайших последователей Лассаля вышли такие же действенные и упругие люди. Но как-то случилось так, что в первые ряды на протяжении целых десятилетий выдвинулись те деятели, которые именно умным мыслям Маркса нашли и создали живое воплощение в себе и в других. Быть может, это было случайно, просто они пережили других и долголетней работой приобрели руководящий авторитет. Но это далось им не без труда, не без заслуг и в этом смысле было вовсе неслучайно.

Замечательна в истории германской социал-демократии смена в лицах разных культурных сил и слоёв. Лассаль и Маркс были первоклассными духовными творцами своей эпохи. Борцы за демократию, они сами принадлежали к бессословной аристократии духа. Либкнехт был по сравнению с Лассалем и Марксом ординарным журналистом-профессионалом. К рабочему движению он пришёл через интеллигентские демократические увлечения. До конца своей жизни он оставался типичным немецким интеллигентом пасторского типа, со скучной, какой-то заспанной внешностью, за которой скрывалось, однако, большое упорство и упрямство. Через журналиста и демагога в нём пробивался старо-немецкий студент, который, может быть, только случайно не сделался «духовной особой». И, произнося свои

речи, Либкнехт как-то по-пасторски не размахивал, а помавал руками. Однако, это пасторское «*помавание*» было весьма нужно и полезно для дела: в этих, точно усыпляющих, жестах символизировалась подчас серая и скучная, но воспитательная выдержка. Без неё эти кряжистые одиночки не могли бы собрать те рабочие батальоны, «железную поступь» которых предрекал и призывал Лассаль.

Совсем не таким, как Либкнехт, был Бебель. Его выдержка и упорство были другого чекана. По своей натуре Бебель был настоящим, типическим немецким «бюргером» в точном историческом смысле. Этот *Todfeind der bürgerlichen Gesellschaft* был *fine-fleur* немецкого мещанства. Я пишу это без всякого оттенка иронии – для меня это просто исторический факт.

В «пролетарии» Бебеля ощущалась вековая и богатая культура трудового немецкого мещанства. Это та же культура, которая, как часто безымянное художественное творчество, чарует нас в немецкой готике фрейбургского мюнстера и других соборов, в пластике Бамберга, Нюрнберга и Страсбурга, в драгоценной резьбе знаменитой любекской залы. Это – культура городского ремесла с его любовью к труду, порядку и вольностям, с его грубоватостью и в то же время размеренностью. Нечто старое и почтенное, непогасимо-буржуазное и в своих новых воинствующих антибуржуазных облачениях и заострениях. Такова вся немецкая социал-демократия.

Когда вы видите стройные группы демонстрирующих немецких «товарищей», чинно, под командой своих «орднеров», шествующих по улицам, – перед вами встают их предки, цеховые мастера и подмастерья, тоже выходившие на улицу для торжественных шествий, а подчас и ради той *action directe*, о которой мечтают современные синдикалисты и при помощи которой цехи в своих революциях завоёвывали себе права.

В эту богатую «мещанской» культурой почву уходил своими корнями Бебель и вместе с ним в этой же почве коренится в значительной мере и вся немецкая социал-демократия. Как в новой германской промышленности второй половины воскресла раздавленная религиозными войнами XVI и XVII вв. экономическая культура средневековой Германии, — так в немецкой социал-демократии возродились к новой жизни в новых формах те социально-политические и культурные силы, которые создались и развернулись в городской культуре старой Германии. И победоносная германская буржуазия с её Сименсами, Борзигами, Кирдорфами и Круппами, и победоносная германская социал-демократия с её Ауэрами, Бебелями, Дитцами, Молькенбурами выросли на одном культурном стволе старого трудового мещанства Германии. Немецкая социал-демократия — и это составляет её силу, а не слабость — насквозь «буржуазна».

Этой родословной живым свидетелем был Бебель. Именно «пролетарское» в нём было глубоко «буржуазно». В его революционном пыле, помимо чисто индивидуального, было нечто и родовое, та закваска вольнолюбия, которая так сильна в городском мещанстве Западной Европы.

Замечательный человек, Бебель не был вовсе замечательным писателем, хотя его книги и получили весьма большое распространение. Для настоящего писателя в нём не было ни литературного таланта, ни вообще той глубокой, специфически духовной культуры, которая в сочетании с личной одарённостью создаёт стиль, т. е. совершенно индивидуальное выражение писательского и вообще духовного облика человека. Конечно, Бебель личным трудом, пытливостью ума, поверхностного, но честного, добыл себе порядочное образо-

вание, которое было вполне и даже более чем достаточно для парламентских речей. Но всё-таки он был только крупным политическим деятелем, на долю которого выпала крупная историческая задача.

Эта задача подчинила его себе и подняла его на историческую высоту. В таких случаях всегда возникает вопрос: почему в первый ряд выдвинулся этот человек, а не другой? Так, я никогда не мог отделаться от вполне определённого впечатления, что гораздо менее выдвинувшийся, чем Август Бебель, Игнац Ауэр был гораздо более значительным и глубоким человеком. Но Ауэру не дано было сыграть такой исторической роли, как Бебелю – и потому он войдёт в историю как менее крупная историческая фигура, будет стоять во втором ряду. Это бывает довольно часто: историческое значение личности определяется далеко не одной только её индивидуальной значительностью...

Рядом с интеллигентами и духовными аристократами Лассалем и Марксом, даже рядом с Либкнехтом Бебель был органическим и подлинным «бюргером» (и в то же время «пролетарием») в немецкой социал-демократии. Это не мешало ему, вместе с Ауэром, который тоже был отпрыском буржуазной культуры, быть лично аристократом в серой буржуазной массе немецкой социал-демократии. Этот относительный аристократизм Бебеля мною живо чувствовался, когда я наблюдал Бебеля на фоне его собственной среды. Того, кто видел Бебеля рядом с достопочтенной *Frau Bebel*, прямо поражал этот контраст мужа-аристократа с женой-мещанкой. В своей среде Бебель был *Weltmann*'ом, человеком другой культуры, других потребностей, других мерок. В этом смысле даже за довольно примитивным (в особенности для нас, русских) радикализмом книги Бебеля о женщине чувлось нечто личное, пережитое, некоторое индивидуальное выхождение из рамок исторической среды. Правда, в этом

выхождении не было ничего творческого и потому, строго говоря, не было и ничего *исторически* примечательного. Замечателен Бебель не как пролетарий-аристократ, а как пролетарий-буржуа, как яркий выразитель того культурного преемства, которое – вопреки всякой классовой борьбе и всякому революционизму – существует между немецкой социал-демократией и историческим трудовым бюргерством Германии.

В лице Бебеля сошёл в могилу последний член рейхстага империи, который ещё заседал в рейхстаге северогерманского союза. Так сходят или почти уже сошли со сцены младшие современники классической эпохи Бисмарка, эпохи объединения Германии (Бебель был ровно на 25 лет моложе Бисмарка, который был только на 3 года старше Маркса). Места старых деятелей постепенно занимают новые люди, для которых классическая эпоха Бисмарка уже относится всецело к истории. Бебель целые десятилетия верил в «социалистическую революцию», которая нагрянет на буржуазный мир, и от этой веры, вероятно, отрешился только на седьмом десятке лет*. Для людей, которые после 1890 г., когда пал исключительный закон против социалистов, выступили на историческую сцену, «социалистическая революция» есть не предмет младенческой веры, а либо демагогическая фраза, либо условное обозначение всего необозримого и неопределимого многообразия социальных возможностей, чаемых и призываемых современными социалистами.

В лице Бебеля уже отошёл в иной мир самый яркий выразитель социалистического революционизма среди практических деятелей социал-демократии. Он был таковым частью по своему темпераменту, частью по демагогическому чутью, присущему всякому политическому деятелю,

* См. интересные воспоминания о Бебеле Эдуарда Бернштейна в *Frankfurter Zeitung* от 24 авг. н. с. (*Erstes Morgenblatt*).

имеющему дело с большими массами: такой деятель должен управлять своей толпой, подчиняясь ей, приспособляясь к её психологии. Но наступит – и не в очень отдалённом будущем – момент, когда и массы перестанут верить в то, во что вожди уже перестали верить или никогда не верили. Старая ортодоксальная догма окончательно станет набором выветрившихся фраз, потерявших живую силу.

Смерть Бебеля есть, конечно, внешний факт, но этот внешний факт совпадает с неудержимым внутренним процессом разложения той традиционной социал-демократической догмы, которую Бебель когда-то воспринял как живую веру и которую он в качестве практического деятеля вынужден был и отстаивать, и разрушать. Отстаивать, ибо догма есть идейная спайка партии; разрушать, ибо она означает идейные пути для практической работы, в которой – призвание и оправдание большой политической партии.

Бебель всей своей жизнью и деятельностью выражал и изображал присущее социал-демократии колебание между сектантским догматизмом и практической подвижностью, доходящей до эластичности. В его наружности даже характерно проступало это смешение упрямства и гибкости. В его фигуре была какая-то элегантная подвижность и в то же время в форме рта, в некрасиво выдвигавшихся вперёд зубах было что-то упрямое, почти жестокое и хищное. Этими двумя чертами Бебель физически и в то же время духовно неотразимо производил впечатление красивой и сильной «кошки».

Однако тот, кто видел Бебеля в рейхстаге, где и враги почтительно прислушивались к его кипучему и в то же время всегда содержательному красноречию, или в народных собраниях, в которых сотни и даже тысячи рабочих, как характерно выражаются немцы, «висели на его устах», беспощадно обличавших «буржуазное общество», – тот не

мог не ощутить, что этот подвижный человек, со страстью сеявший семена жестокой вражды, наполнявшей его существо, всей душой предан великой идее и что эта одержимость великой идеей просветляет и поднимает всю его личность.

*Засснитц на о. Рюгене
Август 1913 г.*

Оздоровление власти*

Посвящается С.Л. Франку

Культурное и политическое состояние России отличается многими своеобразиями, делающими его подчас непонятным для иностранцев и даже для нас самих, поскольку мы привыкли рассуждать в формулах, вычужденных для употребления «вообще».

Особенностью политического состояния современной России является совершенно особое соотношение между властью и населением. Это соотношение может быть понято только исторически. В течение ряда столетий власть шла впереди населения, и образованные элементы страны почти исчерпывались органами власти и с ними сливались. Русский абсолютизм конца XVII и XVIII ст. был не только «просвещённым» — он практически воплощал в стране *всё* просвещение. XIX век внёс постепенно в это положение вещей огромную перемену. Просвещение, образованность, интеллигенция отделились от власти и стали вести самостоятельное существование. Это произошло не сразу и не совсем. Материально такое отделение даже невозможно, его никогда не было и его никогда не будет. Морально же такое отделение происходило в течение всего XIX века с неуклонностью какого-то геологического

* Русская Мысль. 1914. Кн. I. II отд. С. 148–158.

процесса, совершающегося путём отложений и сдвигов. Горсточка интеллигенции обозначилась в конце XVIII и начале XIX века как некая величина и сила, переставшая быть просто органом и орудием власти. Постепенно эта горсточка росла. Но всё-таки до 1904–1906 гг. ей для того, чтобы соприкоснуться с населением или народом, нужно было в него «ходить». Это выражение весьма характерно: отделившаяся от власти интеллигенция не соединилась ещё химически с народом. Будучи материально, бытовым, социальным образом связана с властью, она от неё морально и духовно всё больше и больше отпадала. Она протягивала руки к народу, но между нею и им оставалась какая-то пропасть отъединённости. Если население не верило властям, то оно верило во власть, и в борьбе интеллигенции с властью было, хотя и пассивно, на стороне последней.

В 1904–1906 гг. произошёл великий перелом, который состоял в том, что интеллигенция в некоторых отношениях *химически соединилась с народом*. Поскольку это произошло, — а мы дальше именно и затронем вопрос, в какой мере это произошло, — собственно интеллигенция даже перестала существовать как нечто обособленное. У нас до сих пор не понимают всего исторического значения этого переворота. Совершенно неверно, что в 1905 г. произошли только политические «перемены». И даже наоборот, именно в политическом отношении изменения, происшедшие в России в эту эпоху были наименее радикальными. *Мирозозерцание* и правосознание народ изменились глубже, чем *политическое устройство* страны, чем её государственное право. Власть до этой эпохи имела дело с кучкой или кучками интеллигенции, ей враждебной, и с народом, которому и власть и интеллигенция были одинаково культурно чужды, но который своим мирозозерцанием пассивно поддерживал власть, а от интеллигенции отталкивался.

Теперь положение совершенно изменилось: между интеллигенцией и народом произошло в некоторых отношениях прямо-таки химическое соединение, а бывшее пассивное содружество власти и народа рушилось, потому что пало совершенно то мирозерцание народа, на котором оно держалось. Власть духовно отрезана и от интеллигенции и от народа, т. е. от широких масс населения. Сверху поощряемый антисемитизм, национализм и т. п. представляют лишь идеологические суррогаты былой непосредственной связи, которая существовала между властью и верившим в неё народом.

Это неестественное положение власти в безвоздушном пространстве чрезвычайно опасно и для власти, и для страны. Оно опасно потому, что, как показывает именно современное положение вещей, эпоха 1907–1913 гг. – эпоха так называемого «успокоения» – была потеряна в смысле органического укрепления власти. В 1907 г., когда в «революции» окончательно обозначилось отъединение народа и власти и определилось химическое соединение народа и интеллигенции, могла быть сделана попытка укрепить власть на «средних» элементах страны, которые нужно было организовать и сплотить в силу лояльным приобщением их в властвованию в стране. В этом было историческое призвание Столыпина и тех общественных элементов, которые шли под флагом октябризма.

Столыпин оказался не в силах осуществить эту историческую задачу, и его банкротство в этом отношении реализуется (да простит мне читатель парадоксальное слово о *реализации* банкротства) теперь партией и фракцией октябристов. В то время как интеллигенция сумела химически соединиться с народными массами, власть не смогла так же соединиться с средними классами.

Исторически это понятно. История не выработала в нашей власти ни навыков, ни самой идеи самоограничения. А между тем именно это и требовалось и требуется от власти в мо-

мент, когда из-под неё оказался вынутым былой фундамент *пассивной* поддержки народа с его патриархальным мирозерцанием, которого больше *не существует*.

Революция 1905–1906 г. породила тот кризис интеллигенции, во вскрытии которого – историческое значение сборника «Вехи». Суть этого кризиса можно охарактеризовать так: то химическое соединение народа и интеллигенции в революции, о котором мы говорили, было и тем и другим элементом куплено слишком дорогой ценой, ценой упрощения и оскудения духовного содержания и интеллигенции и народа. Анализ этого кризиса сделан и не прошёл, я думаю, даром. «Вехи» проникли в умы русской интеллигенции и дали толчок к, быть может, ещё не замеченной и не осознанной, но весьма значительной критической работе. С двух концов. «Вехи» учили, с одной стороны, общественному реализму, разоблачая мечтательное забвение глубоких почвенных условий развития всякой культуры и, в частности, культуры русской; с другой стороны, материализму и нигилизму интеллигентского мирозерцания «Вехи» противопоставили религиозный идеализм.

Реакция 1907–1914 гг., так же как революция 1904–1906 гг., упёрлась в кризис, который есть не только внешнее фиаско «политической» системы или курса, а внутреннее крушение и известного мирозерцания. Ещё мы не пережили кризиса интеллигенции, ещё он происходит под спудом, как обозначился родственный ему кризис власти, столь же внутренний, столь же глубокий, столь же значительный. Правда, можно было бы сказать, что то положение вещей, которое привело к событиям и настроениям 1904–1906 гг., было *тоже* или было *уже* внутренним кризисом власти. Это так и не так. В 1904–1905 гг. власть ещё могла предаваться иллюзии, что в мирозерцании и правосознании народа не произошло никаких коренных перемен. Самый характер того построения, которое получило в 1905 г. народное представительство, свиде-

тельствовавал о том, что власть тогда ещё желала и считала для себя возможным опереться на широкие массы крестьянства. Лишь произошедшее в 1905–1907 гг. химическое соединение народа и интеллигенции отняло всякую возможность такого построения государственной реформы. Симпатии и инстинкты народных масс в 1905 г. переместились в сторону интеллигенции. Тогда-то власть в области аграрной стала окончательно на почву программы ярко противонароднической и в сфере политической стала как будто сознательно искать опоры в средних слоях, в земледельческом и буржуазном классах. Но тут-то воскрес ветхий Адам абсолютизма, и очень быстро под конституционной оболочкой обозначился ещё не разрушенный материально, хотя духовно низвергнутый и отвергнутый страной, скелет старого порядка. Средние классы не были допущены к участию во властвовании, низшие же классы, а также интеллигенция были, как политические фигуры, вновь переведены на «нелегальное» положение.

Отсюда – то парадоксально-бессильное положение, в котором находится Государственная Дума, и та необычайная фактическая власть, которая принадлежит Государственному Совету.

В Государственной Думе есть большинство, которое с правительством, желающим осуществлять органические реформы, и закономерно, в согласии с обещаниями манифеста 17 октября, управлять страной, могло бы работать в полной гармонии. Но в России нет такого правительства – и в этом внешнем, каждодневно дающем себя знать, факте обнаруживается тот внутренний кризис власти, о котором мы говорим. Некоторые при этих условиях склонны говорить о *параличе* законодательной власти и рекомендовать для его излечения героические средства новых и новых нарушений основных законов. Весьма характерно, что эта постыдная революционная пропаганда ведётся на столбцах периодических изданий,

которые считаются влиятельными в так называемых «сферах». То, что это возможно, свидетельствует об ужасающем упадке политической морали в стране. Плачевная пропаганда непрерывного правонарушения есть некоторый *pendant* к той идее непрерывной революции, которую проповедывали крайние элементы в 1905–1906 гг. Эта пропаганда, в сущности, представляет лишь один из самых ярких симптомов всё того же внутреннего кризиса власти.

Суть этого кризиса заключается в стремлении сохранить в России XX века для власти такие условия существования, такие формы и приёмы деятельности, для которых во внутренних отношениях страны нет уже более никаких — ни духовных, ни материальных — устоев. Это либо неумно, либо неправдиво. По правде говоря, тут есть и то, и другое. Государственная Дума с точки зрения этого, только что охарактеризованного, стремления есть не равноправный фактор власти, не участник властвования, а какое-то присутственное место с особыми распорядками и особым способом пополнения своего «личного состава». С этой точки зрения вполне последовательно стремиться к превращению Государственной Думы в «законосовещательное» учреждение, мнения и постановления которого ни в каком смысле не обязательны для власти. Мы не станем критиковать этой программы с точки зрения «конституционного идеала». Не это важно и интересно для нас в настоящем случае. Конституционные идеалы, как идеалы, ни для кого не обязательны. Но те, кто рекомендует вести политический корабль по такой линии, должны считаться с тем, к чему их программа приведёт. А именно осуществление их программы поставит власть в то же самое положение, в котором она уже находилась до 1905 г., с одним существенным однако различием: власть будет находиться в таком положении теперь после 1905 г., т. е. после того величайшего переворота в политическом и культурном миросо-

зерцании русского народа, в силу которого стало возможным химическое соединение народа с интеллигенцией.

Какой же выход из создавшегося положения?

Выходов может быть только два: либо постепенное нарастание государственной смуты, в которой средние классы и выражающие их умеренные элементы вновь будут оттеснены на задний план стихийным напором народных масс, вдохновляемых крайними элементами, либо *оздоровление власти*.

Первый выход не подлежит сейчас нашему обсуждению. Мы сознательно стоим в русских условиях на точке зрения, исключаящей для нас возможность как действительно стремиться к этому выходу, так даже просто желать его. Поэтому нам остаётся только ставить прямо перед общественным сознанием второй выход, как такую очередную проблему, которая должна быть осуществлена совокупными усилиями всех прогрессивных и в то же время охранительных сил. Проблема власти никогда не стояла так болезненно перед русским общественным сознанием, как в настоящее время. Ибо никогда страна так сильно не нуждалась в том, что можно назвать здоровой властью, и никогда действительное положение вещей не было столь далеко от осуществления идеала такой здоровой, или нормальной власти. Прежде всего тут есть психологические трудности, которых не знало даже недавнее прошлое. Прежняя власть не знала никакой политической борьбы и не знала поэтому того озлобления, которое неизбежно связано с такой борьбой там, где политическая борьба, даже направленная против власти, не признана ещё, как нечто вполне законное, поскольку она осуществляется в рамках общеобязательного права, основанного на признании прав граждан. Русская власть на местах, можно сказать, поглощена политической борьбой, которая к тому же принимает

прямо необъятные размеры, так как направляется не только на крайние, но и на умеренные элементы, раз они только притязают на известную независимость. Можно сказать, что никогда, даже в самые мрачные дореформенные времена, губернаторская власть не была поставлена так ненормально, не была так органически *больна*, как в наше время, когда почти всякий губернатор чувствует и ведёт себя как агент какой-то политической борьбы. Правда, и прежде губернаторы боролись с «крамолой», но тогда всякая «политика» была юридически действительно крамолой, а теперь, как с крамолой, губернаторы борются с явлениями, которые сами по себе образуют реальные условия существования высших государственных учреждений. Таковы прежде всего все политические партии, представленные в Государственной Думе, с большинством которых губернаторы ведут непрерывную борьбу всем богатым арсеналом доступных им средств. Вообще тот факт, что в Думе функционируют как факторы, составляющие законодательную власть, элементы политических партий, которые вне Думы преследуются администрацией, как нелегальные или нелегализованные, есть факт, доказывающий, что русское управление действует по принципам, которые в своей основе собственно отрицают и бытие Государственной Думы, и всякий правовой порядок, основанный на признании прав граждан. Правда, в Германии от 1878 до 1890 г. действовал исключительный закон против социалистов. Но, хотя он прошёл нормальным порядком через парламент, несовместимость такого трактования существующей в стране партии с присутствием её представителей в парламенте обнаружилась в Германии с полной ясностью. Это и привело к падению злополучного «исключительного» закона, который власти и умеренным элементам общества повредил гораздо больше, чем социалистам и рабочему классу. Между тем, в современной России или, вернее, в большинстве мест современной России в том

положении, в каком в Германии с 1878 по 1890 г. находились социал-демократы, фактически находятся *все политические партии до октябристов включительно*, поскольку они желают проявлять политическую жизнедеятельность. Наша местная власть есть полиция, действующая как политическая партия, или, если угодно, политическая партия, вооружённая полицейскими полномочиями, т. е. нечто, до последней степени нездоровое.

Ненормальное состояние власти обнаруживается не только в борьбе с политическими партиями и их организационными стремлениями. Не менее ярко оно сказывается в той борьбе, которую целый ряд местных администраторов ведёт с органами самоуправления. И прежде эта борьба была лишена смысла и оправдания, но прежде можно было, пожалуй, сослаться на необходимость (конечно, мнимую) всячески урезать самоуправление, дабы не дать ему развиться в народное представительство. Теперь, когда народное представительство существует, борьба с местным самоуправлением окончательно превратилась в какие-то бессмысленные шиканы, лишь озлобляющие население и компрометирующие власть.

Необъединённость так называемого объединённого правительства, составляющая секрет полишинеля и проявляющаяся подчас в формах комических, служит дальнейшим доказательством того нездорового состояния, в котором находится в России власть. В сущности, в этой необъединённости отражается та нелепая двойственная позиция, которую власть вообще заняла по отношению к элементам нового правового порядка в России. Она их не желает признавать, но она их не решается последовательно отрицать. В области управления новый строй решительно отрицается *почти* всеми, так или иначе «правящими», органами власти от местных до центральных включительно; в области законодательства он вынужденно признаётся. Но законодательство, стоящее вне

живой связи с управлением, не может не быть обречено в значительной мере на бесплодие. Указанная двойственность, сказывающаяся и в том, как необъединённо построено и не-солидарно действует правительство, ярко свидетельствует о глубокой болезни власти.

Есть люди, которые самую идею оздоровления власти признают утопической. Но ведь в таком оздоровлении — и только в нём — заключается эволюционный выход из того тупика, в который зашла политическая жизнь страны. Кроме того, несомненно, что и прошлое и даже некоторые факты настоящего нашей государственной жизни дают основания считать эту трудную проблему — при концентрации на ней общественного внимания и общественных усилий — разрешимой. Наша бюрократия, которую одно время отчасти по «цензурным» соображениям выставляли, как квинтэссенцию и главного носителя старого порядка, на самом деле есть явление довольно сложное, не поддающееся однозначной характеристике. Бюрократия не столько за совесть, сколько за страх служит реакции, движущие силы которой находятся, по-видимому, в обломках старого дворянства, в тех кругах, которые обыкновенно трактуются под зловещим заголовком «объединённого дворянства». *Седалище современной реакции находится вне бюрократии, как таковой.* В этом, между прочим, и обнаруживается и органическая слабость реакции, и её подчас поразительная техническая беспомощность.

Реакция способна поставить или окрасить в свою краску те 5–6 десятков губернаторов, которые сверху управляют Россией на местах; она способна была сильно (надолго ли?) окрасить нашу магистратуру и прокуратуру, но всё-таки большинство деловой рабочей бюрократии лишь нехотя, лишь из-под палки исполняет волю реакции, органически наше рабочее чиновничество её дела не творит и не может творить. В общем и целом русский чиновник — такой же обыватель, как и все

прочие и, поскольку в разных группах чиновничества это обывательство не преодолевается профессионально-служебной тенденцией и тенденциозностью, отрезающей «чиновника» от населения, бюрократия в своей массе не идёт с реакцией. А отрезывая себя от населения, бюрократия не может технически сколько-нибудь удовлетворительно выполнять своей деловой задачи.

Однако, с точки зрения оздоровления власти, важен не только и не столько рядовой чиновник. Важен дух власти, исходящий от высших её представителей. Этот дух должен во всех областях стать иным. Новая Россия требует нового отношения к себе власти. Требуется и в объективном смысле, ибо управление не может быть управлением, превращаясь в политическую борьбу власти с населением. Требуется и в субъективном смысле, ибо новая Россия желает, чтобы с нею, с проявлениями её независимой жизнедеятельности перестали обращаться, как с крамолой.

Есть ли такое оздоровление власти совершенная утопия? Разрешение этой задачи зависит, конечно, от крепости и сплочённости *умеренных* элементов страны, которые, в интересах мирного развития государства, должны в полном объёме поставить эту задачу и перед собой, и перед самой властью. Вся политика влиятельных думских партий должна быть ориентирована в этом направлении, все её линии должны сходиться в этом пункте. Что при известных условиях, когда государственная необходимость оздоровления власти повелительно диктуется всей обстановкой, частичное оздоровление возможно даже в современных условиях общего нездоровья власти, это вполне убедительно доказывается примером управления Кавказа. Печать наша с *этой* точки зрения обратила недостаточно внимания на замечательный документ, озаглавленный «Всепопданнейший отчёт за восемь лет управления Кавказом», генерала-адъютанта графа Воронцова-Дашкова.

Какие-то особые условия сделали возможным укрепление на Кавказе русской *либеральной власти*. Власть эта, в лице гр. Воронцова-Дашкова, является либеральной не по ярлыку. Смешно было бы говорить о гр. Воронцове-Дашкове, одном из самых близких к покойному Александру III лиц, как о либерале. Наоборот, гр. Воронцов-Дашков скорее *старозаветная фигура*. Но, быть может, именно *поэтому* он смог оказаться носителем либеральной власти. Современная нездоровая власть не есть просто преемница старой и старозаветной власти. Это — власть, захваченная политической борьбой, науськиваемая Пуришкевичами и Марковыми, руководимая правыми газетами, власть, которая оглядывается по сторонам и считается с «прессой», только не с той, которая выражает действительное общественное мнение, а с той прессой, которая существует для того, чтобы изображать как бы «хор» для ничтожных по численности, но могущественных по влиянию реакционных котерий и кружков. Первый шаг к оздоровлению власти должен заключаться в отрешении её от настроения политической борьбы. По существу известного рода правовая *нейтральность*, исключая политическую «направленность», должна быть признаком всякой нормально функционирующей, здоровой власти. В отчёте графа Воронцова-Дашкова, рядом с подчёркиванием национально-государственной точки зрения, чрезвычайно ярко выступает эта здоровая нейтральность власти, отсутствие того тенденциозного задора и той полицейской придирчивости, которые характерны для втянувшейся в политическую борьбу, потерявшей психическое равновесие власти. Если гр. Воронцов-Дашков додумался до того, что власть вовсе не заинтересована на Кавказе в борьбе с армянами, грузинами и т. п., то также власть в коренной России может и должна додуматься до того, что абсолютно бессмысленна, ни к чему не приводит и плодит лишь иллюзии и лицемерие полицейская борьба с октябристами,

прогрессистами, кадетами, социал-демократами. Ибо в коренной России, и именно в ней, все эти партии и наименования столь же неустраимы, как неустраимы на Кавказе армяне, грузины, татары и т. д.

Мысль о химическом соединении народа с интеллигенцией совершенно верна, поскольку речь идёт об отношении к идейным основам старого порядка. От этих основ народ безвозвратно отпал и в *этом* смысле он и интеллигенция стали одно. Но народ не тождествен вовсе с интеллигенцией, поскольку последняя является до сих пор носительницей некоего определённого культурного и политического мирозерцания. В народе есть возможности и зачатки разных культурных мирозерцаний и разных политических направлений. И по отношению к русскому народу, ещё более чем по отношению к какому-либо другому очевидно, что его культурное мирозерцание ещё лишь слагается и что разновидности его политической мысли не могут не быть многообразны.

До 1905 г. мы привыкли считать, что образ мыслей народа замыкается в известные традиционные рамки. В 1905 и следующих годах он явно окрасился в интеллигентский цвет. Но и это последнее не есть вовсе явление окончательное. Наш народ ещё не сложился и ещё не расчленился. То, что он долго был косным и как бы разом стал революционным, — ничего не говорит о том, чем он будет, когда все заложенные в нём возможности смогут развиваться.

Говоря об оздоровлении власти, мы в то же время указывали на необходимость для неё соединения с «средними элементами» страны. Эти «средние элементы» не должны и не могут быть противопоставляемы народу. В сущности,

для всякого народа характерны именно его средние элементы — в этом смысле до сих пор остаются неопровержимыми знаменитые рассуждения Аристотеля. Именно эти элементы всего более народны. Поэтому то они и суть «средние». В социально-экономическом смысле под «средними элементами» понимаются обычно имущественные, буржуазные классы. Но в культурном смысле понятие «средних элементов» шире. Они суть те элементы народа, которые своими корнями уходят в самый фундамент народа, верхушками своими над ним возвышаются. Это лишь культурно наиболее зрелые элементы того же народа, из него питающиеся и из него вырастающие. Вырастающие в двойном смысле: они растут из народа, из толщи и в то же время её перерастают, над нею поднимаются.

В русском народе, говорят, мало консервативных сил. Это совершенно верно и не может быть иначе, ибо консервативные элементы сильны в народе не в меру его косности и подчинённости, а, наоборот, в меру его подвижности и свободы. *Русский народ слишком долго сидел на одном месте для того, чтобы быть консервативным.* И он выделит из себя подлинные консервативные элементы лишь тогда, когда утвердит свою свободу. Иными словами: консерватизм станет возможен в России только тогда, когда политический строй нашей страны будет окончательно закреплён на совершенно ином уровне, чем тот, на котором его хотели остановить в реакционную эпоху, начавшуюся в 1907 г.

Чем могут быть вызваны в жизни дремлющие в стране, подлинные творческие и консервативные в то же время, силы?

Только здоровой либеральной властью, способной на систематическое самоограничение и тем самым — сильной.

Как будет действовать такая власть?

Слабый намёк на это, как мы указали, можно найти в современном управлении Кавказом. Мы не скрываем от себя, что оздоровлению власти в России противостоят огромные трудности. Историческое происхождение русской конституции, рождение её в грозовой атмосфере так называемой «смуты», которая в то же время оказалась внутренне несостоятельной и, надломившись в себе, сломилась о государственную технику, – всё это отравило самую власть ядом политического озлобления, не приличествующего власти, как таковой. Ничто, конечно, не извратило и не умалило в такой мере, например, исторической фигуры Столыпина, как то, в чём видят его главную заслугу, а именно, что он боролся с «революцией», в которую тенденциозно и неумно были включены даже «кадеты». Всякая здоровая и сильная власть возвышается настолько над своим «внутренними» врагами, чтобы их даже не видеть. Она именно этим сильна и здорова. Наоборот, слабая и нездоровая, реакционная власть не только всюду ищет своих врагов, она их выдумывает, их создаёт. Немецкие историки спорят о том, *в какой мере* реорганизатор прусского государства барон ф.-Штейн вдохновлялся идеями французской революции, заклятым врагом которой он был. В самом деле, неоспоримо, что дух французской революции почил на административной реформе консервативного прусского министра. А когда Бисмарк осуществлял свою социальную реформу, он не страшился сопоставления своих мероприятий с идеями... парижской коммуны, память о которой до сих пор есть религиозная святыня для социал-демократии.

Нет, наоборот, ничего мизернее и малосмысленнее, чем та паническая кадетофобия, которой предавался покойный Столыпин и которую он так сумел внушить русским властям. Пусть даже сами кадеты противогосударственны, как об

этом каждый день твердит газета *Россия*. Хотя это пошлый вздор, мы готовы даже на минуту допустить эту мысль. Но основные, самые важные «кадетские» мысли – это идеи государственного обновления, и без их усвоения властью Россия не может двинуться вперед. А потому кадетофобия есть в сущности страх перед теми идеями, которые власть для обновления страны и для своего подлинного укрепления сама же должна *усвоить* и *присвоить*. В самом деле, стоит задать себе вопрос: чем была укреплена и спасена монархия на континенте Европы после французской революции? На это может быть лишь один ответ: усвоением идей и учреждений революции. Великие реформы в Пруссии и России, без которых было невозможно поддержание монархии, были усвоением и претворением монархической властью идей антимонархической революции. Русская реакция 1907 г. и последующих годов тем мелка и бессильна, что она не смогла усвоить идей русской революции, претворить и *вработать* их в государственную жизнь, что над смелой государственной мыслью в ней одержало верх трусливое полицейское *бесмыслие*.

Как это ни странно, но ничего в такой мере нельзя пожелать власти, как забыть о том, что были когда-то те события и факты и настроения, которые принято обозначать, как «русскую революцию». Очевидно, только отрешившись от неприятных исторических воспоминаний, отравляющих её сознание, власть сможет возвыситься до правовой и государственной точки зрения...

Культурная и государственная жизнь русского народа развивается, однако, не считаясь с неприятными воспоминаниями власти, и эта жизнь, несмотря ни на что, претворяет в себя идеи и учреждения, родившиеся в великую критическую эпоху «смуты». Другими словами, культурный

и политический рост народа происходит и будет происходить независимо от того, дальновидна ли или, наоборот, близорука власть. И если мы в оздоровлении власти видим настоящую задачу политического прогресса России, то не потому, чтобы иначе мы отчаивались бы в судьбах самой России. Мы просто желали бы, чтобы политическое развитие нашей страны совершалось мудро и твёрдо, без «великих потрясений», всегда болезненных, но неизбежных там, где из «потрясений» не выносятся никаких уроков для... «успокоения».

1 января 1914 г.

Почему застоялась наша духовная жизнь?*

В прежнее время, до политических перемен первого десятилетия нашего века, ощущали и думали так: как мысли наши опередили действительность, какое несоответствие между идейной работой и движением жизни!

Теперь, по-видимому, думают как раз наоборот: жизнь неуклонно, с стихийной силой движется вперёд, а мысль, идейная работа безнадежно отстаёт, ничего не производит, топчется на месте**.

Так признают те самые, которые блюдут священный Вестов огонь традиционной русской идеологии, и нам, стоящим в стороне от этой идеологии, не приходится спорить против их утверждений.

Но у нас, «посторонних», никакими учениями не связанных, являются совсем особые, наши собственные мысли на эту тему о жизни и идеях. Трудность изложения этих мыслей, пожалуй, и заключается больше всего в том, что мысли эти наши *собственные*, и что мы, говоря о соотношении идей и жизни по поводу жалоб на несоответствие в их развитии, должны изъясняться по-своему, излагать мысли не канонизованные, говорить и развивать вещи, чуждые «народникам»

* Русская Мысль. 1914. Кн. III. II отд. С. 104–118.

** См. статьи А.В. Пешехонова «На очередные темы» в последних книжках *Русского Богатства*.

и «марксистам», «меньшевикам» и «большевикам» и даже несколько *shoking* для «кадетов».

Почему идеи наших передовых направлений так отстают от жизни?

Вопрос этот может получить ответ в стиле обычных прицаний современности: измельчали люди, нет крупных умов и т. д. Не желая говорить никаких комплиментов современным руководящим публицистам, я должен отклонить это указание, как пошлое и даже, да позволено будет сказать прямо, глупое. В некоторой своей части оно неверно именно до глупости. Н.К. Михайловский лично был, конечно, крупнее своих журнальных продолжателей. Но в своей борьбе с марксизмом он обнаружил непонимание теоретического значения марксизма, как учения, неотразимо-правильно ниспровергнутого и отмеченного народническими предрассудками об экономическом развитии России. Не уловил он совершенно и огромного практического значения марксизма как идейной основы рабочего движения. Теперь продолжатели г. Михайловского преодолели и отбросили его ошибки, объективно они теперь гораздо умнее своего учителя. Дело тут, стало быть, не в даровитости лиц.

Почему заветы в кавычках и без кавычек неизбежно напоминают и будут напоминать казённую апологетику, которая отовсюду тащит материал для «оправдания» своего учения? Потому, что самая задача, которую ставят себе церковники и апологеты разных толков, есть задача, внутренне противоречивая и носящая в себе зародыши увядания и старения.

До сих пор у нас в России любят распространяться о прелести цельного мирозерцания. Но при этом забывают или хотят заставить нас забыть, что всякое мирозерцание цельно в живом лице и всякое кусочно на страницах бумаги. Цельна может быть лишь вера, а не мирозерцание, или мирозерцание, лишь поскольку оно есть вера.

Самое высшее явление духовной культуры, христианство – поскольку оно действительно цельно, не будучи абсолютно индивидуальным – есть не просто мирозерцание, а живая личная вера в живую личность. Церковь (всякая) держится именно такой верой. Всё остальное, догматы и обряды, обрывает эту живую, личную в двойном смысле веру, из неё извлекая жизненные соки.

Те мыслители и те идеологии, которые властвовали над умами в прежнее «богатырское» время русской мысли, – кстати к «богатырской» эпохе теперь, по-видимому, относят уже и марксизм за первое десятилетие его жизни, – властвовали лишь в меру иллюзии, что действенная сила «мирозерцания» определяется объективной логической связью его частей, а не субъективным их сцеплением для верующего. Эта чисто младенческая уверенность теперь навсегда стала невозможна именно для *мыслящих* элементов общества. Поэтому мыслящие и в особенности критически мыслящие личности – я употребляю эти выражения не как «клише», а потому и без всякой иронии – теперь не могут быть уловлены ни в какие направления, предлагающие «цельные мирозерцания».

Цельное мирозерцание – это я сам, и ни откуда оно мне не может быть доставлено. На первый взгляд это кажется провозглашением крайнего духовного анархизма. Но признание того, что «мирозерцание» может покоиться лишь на субъективном и индивидуальном сцеплении, есть лишь признание самочинности, или свободы каждого индивидуального духа. «Направления» стремятся истину, красоту и добро привести в раз установленный порядок, рассадить их по местам, заранее назначенным. Это хорошо в философской системе, но дело в том, что живая личность может *жить* только в своей философской системе или, что то же, свою философской системой.

Наши общественные направления (народничество, марксизм) разрушились, как дельные мирозерцания, в процессе роста

здорового духовного индивидуализма. И я думаю, к былому господству таких мирозозерцаний нет никаких новых путей. Вот почему с такой ужасающей быстротой у нас происходит превращение направления – религии из единомыслящей общины в общину, объединённую единым культом. Поминки Михайловского в этом смысле представляли чрезвычайно интересное социально-психическое явление. Скоро наступит время, когда народники и марксисты соединят свои культы и поставят Митру-Михайловского рядом с Юпитером-Марксом.

Русские общественные направления перешли в эпоху религиозного синкретизма, от которого их не спасёт уже никакой идейный монотеизм.

Это вполне естественно и исторически необходимо. Эпоха общественных направлений, как мирозозерцаний, как религий, отошла в область истории. Теперь эти направления – идейные окаменелости, которые никакими заимствованиями извне не могут быть превращены в живые организмы.

Как же может быть влита жизнь и внесено движение в застоявшуюся духовную жизнь? И почему духовная жизнь застоялась?

Она застоялась именно потому, что то, что было прежде естественной иллюзией, хранится и пестуется теперь сознательно как спасительное учение. То, что было прежде увлечением и порывом, стало теперь уставом и благонамеренностью.

Я думаю даже, что мысль наших руководящих в идейной жизни элементов, как она представлена в передовой печати, в особенности в толстых журналах, не только застоялась, но и прямо отстала. В русской культуре произошла огромная перемена: плоскости идей (мысли) и фактов (действия) разошлись и в известном смысле разошлись навсегда. Наши мудрецы просмотрели и до сих пор игнорируют этот величайший внутренний переворот, обозначающий подъём русской

культуры на высшую ступень. Между тем только с открытого признания этого великого переворота может начаться, или, вернее, должно теперь каждый раз начинаться всякое действительное культурно-идейное творчество.

Русская идейная жизнь отстала, застоялась, прямо страдает от того, что фактически в ней, в смысле влияния, господствуют элементы, которые не понимают того, что можно назвать самозаконностью мысли. Мысли в русском культурном обиходе, которым заправляют эти элементы, по-прежнему расцениваются по их общественной полезности или, что то же, по их общественной «направленности» или даже прямо в связи с общественно-политической физиономией автора. Вот пример, весьма любопытный и весьма показательный. В последней книжке *Заветов* напечатана статья г. Александра Гизетти по поводу книги кн. Е. Н. Трубецкого о Владимире Соловьёве. Статья эта интересна с двух точек зрения. Во-первых, в ней обнаруживается, как, вопреки тому отношению, которое установили к Владимиру Соловьёву Михайловский* и Лесевич, на историческом расстоянии даже наша «радикальная» мысль прониклась известным признанием Вл. Соловьёва и уважением к нему.

Но то, что в писаниях Михайловского против Соловьёва присутствовало в непривлекательной гротеске, — то в смягчённой благоприличной форме всё-таки воспроизводит статья ученика Михайловского г. Гизетти, — уже в отношении не столько самого Соловьёва, сколько кн. Трубецкого. Г. Гизетти, разбирая книгу Трубецкого, никак не может отрешиться от мысли, что кн. Трубецкой — «умеренный либерал-политик», «европеизированный национал-либерал». Точно это существенно для «имманентно-критической» оценки философских

* См. в недавно вышедшем втором издании X тома «Полного собрания сочинений» Н. К. Михайловского его весьма характерную статью (письмо в редакцию) «О диспуте г. В. Соловьёва» (1874 г.).

рассуждений кн. Трубецкого и точно вообще для философской мысли в её существе важны политические, или общественные идеи автора!

На этом примере вполне ясно, как, даже прошедший некоторую философскую выучку и преодолевший былую полемическую невоспитанность своих учителей, наш новейший радикализм не способен понимать и ощущать samozаконность человеческой мысли. От статьи молодого автора веет каким-то старчеством. Нет сильного темперамента Михайловского, но есть некоторые весьма плохие приёмы его мысли.

Наши «направления» сели на мель, потому что они мелко плавают и боятся глубоких вод, потому что у всякой мысли они разными способами разыскивают её общественную окраску и по ней произносят свой суд.

В частности, это приём грубо неверный и, да позволено будет так выразиться, мелкотравчатый даже и по отношению к воззрениям так называемым общественным. Сколько ценных мыслей были просмотрены и на многие годы оставались неиспользованными из-за того, что они расценивались именно этим жалким способом, не «по существу», а по своим общественно-психологическим придаткам.

Г. Пешехонов, констатируя застой мысли, говорит о том, что «в идейное возбуждение», «всё общество» может быть приведено лишь «идейной борьбой... внутри самой интеллигенции», и напоминает о той роли, которую «сыграла... в пережитом странюю подъеме... борьба марксизма и народничества», начавшаяся в маленьких кружках*.

Я это время помню, и на историческом расстоянии, теперь уже двадцатилетнем, для меня ещё явственнее, чем прежде, выступает одна характерная черта, наложившая свой отпечаток на весь этот спор. В нём были поставлены не только практические, но и огромной важности теорети-

* *Русское Богатство*, № 1, стр. 361.

ческие проблемы. И почти всё время и та и другая сторона швырялась в противника обвинением в... реакционности. Самый публицистический характер спора и распадение на два лагеря определились в значительной мере тем, что господствующее народническое направление, по своей «направленности» просмотрев неугодную и неудобную ей работу мысли, как таковую, сразу оцетинилось на неё, как на «вредное направление». Существо дела, например, решение вопроса: развивается, может ли развиваться в России капитализм? – от этого не только не выигрывало, но даже временами куда-то из поля зрения исчезало. А почему? Потому, что в работу мысли приносились критерии, которые этой работе должны были бы оставаться чуждыми.

По существу то же самое повторилось в истории с «Вехами». Полемическая литература против «Вех», по заслугам не имевшая ни малейшего успеха, вся была построена на том же приёме (или принципе) предъявления публицистического отвода против работы мысли.

Самозаконность мысли и её работы – вот за что необходимо бороться ещё внутри самого общества (интеллигенции, назовите как угодно). Этот великий культурный принцип ещё не утверждён в сознании даже большинства образованных русских людей.

В этом отношении мысли, нахождению истины приходится гораздо хуже, чем искусству, творчеству красоты. Искусство для русского сознания уже освободилось от подчинения утилитарным критериям, тому, что Вячеслав Иванов недавно назвал «ересью общественного утилитаризма»*. Этот общественный утилитаризм в отношении красоты – несмотря на то, что он тоже принадлежит к заветам, – изжит и преодолён даже значительной и влиятельной частью нашего радикализ-

* См. *Заветы* № 2 «Символисты о символистах», стр. 82.

ма*. Но мысль и истина продолжают находиться под игом утилитаризма.

Этот утилитаризм становится вдвойне опасным, когда он из уклона индивидуальной мысли превращается в коллективную «направленность», в направление. Г. Пешехонов, констатируя в той же, уже цитированной, статье исчерпанность теоретических тем и программных разногласий, которые существовали в эпоху борьбы марксизма и народничества, на мой взгляд объективно правильно говорит, что «новое оживление в сфере мысли зависит в сущности от жизни, — от тех материалов, какие она даст, от тех перспектив, какие откроет, от тех возможностей, какие предоставит». Мысли, продолжает автор,

* Приведу из библиографического отдела *Заветов* характерную цитату: «Из трёх излюбленных философами категорий — истинного, доброго и прекрасного — последней в нашей литературе повезло наименее. Знаменитое писательское презрение к „травоядным эстетикам“, неоднократно вызывавшее жестокое осуждение со стороны последующих критиков, было в сущности лишь наиболее ярким и резким проявлением антипатии к чистому эстетизму, свойственной русской литературе вообще. В чём лежит причина этого явления, трудно сказать. Быть может, в том учебном характере русской литературы, который в последнее время с особенной силой подчёркивался С.А. Венгеровым. Так или иначе, но от Писарева и Чернышевского, с его превознесением действительности над искусством, эта склонность как бы по наследству перешла к Н.К. Михайловскому. Недаром, его знаменитая правда — двуедина, включает в себе слитые истину и справедливость, не касаясь красоты. И едва ли будет ошибкой сказать, что, идя по следам Михайловского, всё русское народничество недооценивало значение прекрасного в жизни. Споры нет, здесь играло роль то обстоятельство, что в жизни апология красоты была продолжительное время тесно связана с защитой реакционных идеалов. Это, однако, не умаляет ошибки: категория прекрасного рассматривалась не сама по себе, а в зависимости от личности своих ярых апологетов. Была, правда, замечательная по глубине попытка осветить роль прекрасного в жизни, исходившая из рядов народничества. Мы говорим об очерке Гл. Успенского „Выпрямила“. Читатель помнит его содержание. Бедняк учитель Тяпушкин, обиженный и придавленный судьбой, попадает в Париж в Лувр и видит там Венеру Милоскую. Дальше с паразитической художественной силой описывается „выпрямляющее“ действие статуи, на опустошённую, отчаявшуюся душу Тяпушкина. Очерк этот, высоко ценимый Михайловским (см., наприм., интересные размышления в вышедшем недавно десятом томе, особенно в статье „Мой промах“), не влил, однако, заметной струи в общее развитие народнической идеологии. Ещё недавно г. Иванов-Разумник попытался дополнить двуединую правду третьим членом — красотой. Но это было только мимоходом. Между тем нет сомнения, что вопрос требует исследования. Будущим идеологам русского народничества предстоит показать место красоты в жизни целостной человеческой личности и в частности решить вопрос, существует ли антагонизм между красотой и истиной, с одной стороны, красотой и справедливостью — с другой; антагонизм, мучительно переживавшийся Генрихом Гейне и занимавший отчасти наших „модернистов“» (*Заветы*, № 2, стр. 61 „Библиографии“). Журнал *Заветы* вообще интересен — и только этим он интересен — как явление разложения традиционной идеологии радикальной интеллигенции.

предстоит громадная работа, чтобы разобраться в том сдвиге всей жизни, который происходил последние годы*.

Это совершенно верно. Но для того, чтобы началась работа мысли в широких кругах и чтобы настоящая мысль завоевала себе место и признание, — для этого, во-первых, необходимо теперь коренное изменение отношения к работе мысли вообще, а, во-вторых, общественные силы должны освободиться, «сдвиг» должен быть реализован. До сих пор дело обстоит так. Есть реакция и есть заветы. Реакция объединяет Россию в ненависти к себе и в решимости борьбы с защищаемыми ею порядками. Это практическое объединение, как оно, с чисто политической точки зрения, ни существенно для силы удара, замораживает и обеспложивает работу мысли. На место неё стали заветы, стал культ угодников и легенды о них, поминки мёртвых и юбилеи живых. Откровенно говоря, я ни за что так не ненавижу современную реакцию, как за это замораживание мысли в России. Бессильная одерживать какие-нибудь духовные победы, давно потерявшая всякую поддержку совестливой и ищущей мысли, — эта реакция систематически отравляет и повреждает русское сознание его же собственной мертвечиной. Традиции — хорошая вещь, и их надлежит чтить, но живым людям не следует жить на кладбище, хотя бы оно и было гонуэзским *Campo Santo*.

Да, работа мысли должна начаться *внутри*, но работа, вполне свободная, творящая единственный культ — самозаконной мысли.

К чему приводит отказ от самозаконности мысли, доказывает пример Мережковского и всего идущего от него и с ним религиозно-философского движения. Превосходно о Мережковском говорит Вячеслав Иванов: «Димитрий Мережковский, один из бывших символистов, оглашает воздух призывами

* Стр. 363.

к разрушению красоты вообще, искусства в частности, и символического искусства частнейшим образом. Конечно, он говорит это не серьёзно. Слишком это искусившийся человек, чтобы я не чувствовал в его словах бессознательного притворства. Он не может серьёзно верить, что тютчевщина и обломовщина — одно и то же, что от Тютчева пошли самоубийства. Всё это он при помощи своих демагогических приёмов распространяет по России. Я говорю с некоторым негодованием, потому что самое существо дела возбуждает негодование. Я готов подчеркнуть и положительные стороны этого явления и помочь вам понять это патологическое состояние Мережковского, патологическое и только патологическое, потому что общественность при наших теперешних понятиях никоим образом не затронута вопросом, что Тютчев — великий поэт или нет^{*}. Но Мережковский возвращается к общественному утилитаризму не только как ценитель искусства и пожинает лавры не только гимназическим превознесением Некрасова над Тютчевым.

Что такое то религиозное народничество, которое проповедают Мережковский и его друзья, как не противоестественное соединение мистического христианства с политическим радикализмом и социализмом? Как в своё время, веруя в христианство в форме православия, Мережковский соединял дорогое ему тогда и вечное по его идее православие с весьма брэнной политической формой, крушение которой произошло через несколько лет, — так теперь он какое-то новое, своё собственное христианство, вероятно, считаемое им за вечную истину, объявляет неразрывно связанным с какими-то, более или менее брэнными, формами не то мирового, не то специально русского социализма и с тем питаемым нашей реакцией оппозиционным духом, который разлит по всей России.

^{*} *Заветы* № 2, стр. 82–83.

Здесь есть своеобразное *sacrificium intellectus*, т. е. сознательное умаление умственности, но не святая простота, а простачество из лукавства.

С одной стороны, религиозный максимализм, вера в воскресение, словом, всё главное содержание христианской мистики и теологии, а с другой стороны, уловление в качестве союзников элементов, глубоко равнодушных и даже враждебных всякой религии и религиозности. Разные, подчас весьма почтенные люди, пишущие о русской общественности, смотрят на Мережковского и его друзей, как гоголевский Осип на знаменитую верёвочку:

«Подавай всё! Всё пойдёт в прок. Что там? Верёвочка? Давай и верёвочку – и верёвочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое подвязать можно».

В деле борьбы с реакцией пригодится и такая верёвочка, как религиозное народничество Мережковского. Мережковский же всячески приспособляет религию и религиозные проблемы к аудитории, которой нет никакого дела до религии и которая интересуется исключительно «общественной» стороной дела.

Если Осипы русской общественности могут быть с известной точки зрения оправданы в их стремлении всякую верёвочку употребить в дело, то для Мережковского, как религиозного философа, такой утилитаризм совершенно непростителен, вернее, он подвергает сомнению религиозную глубину и даже религиозную подлинность всей его пропаганды. В самом деле, тут такое смешение планов и идей, в котором религиозный максимализм превращается в оппортунизм, приобретающий характер смешной и пошловатый.

Когда Мережковский и его друзья в союзе с В.Я. Богучарским и М.И. Туган-Барановским выступают как отряд воинствующей церкви религиозно-настроенного радикализма, это и грустно и смешно. Тут есть не то обидная недодуманность, не то претящее лукавство.

В основе всего этого лежит всё тот же утилитаризм, который мысль запрягает в ярмо общественной полезности. Это продельвается над религией в XX веке, когда человечество, поскольку оно действительно томится по религии, с такой болезненной ясностью должно ощущать, как трудна, прямо тяжка проблема религиозной реформы и как разные общественные полезности несоизмеримы с проблемой такой реформы!

Если бы мы в идейном течении, которое связано с именами Мережковского и его друзей, могли видеть стихийно-наивное движение, питающееся из жизни масс и на них воздействующее, к этим исканиям следовало бы подходить с совсем иными мерками и критериями. Но ведь это чисто интеллигентское, более того, прямо *литературное* движение, в котором внимание прежде всего обращается на качество мысли, на её строгость к себе, на её, я бы сказал, *теоретическую* неподкупность.

Между тем именно эти черты совершенно отсутствуют в религиозном движении Мережковского. При словесном радикализме на всём этом движении лежит клеймо величайшего оппортунизма и крикливой неразборчивости.

Томление по религии переживается не только в России, и в кругах интеллигенции; быть может, в России оно выражено слабее, чем в других странах. Правда, мы имели Толстого, но толстовство русскую интеллигенцию захватило меньше и слабее, чем интеллигенцию западную.

Томление по религии и пробуждение каких-то новых потенций религиозной жизни есть явление мировое. Религиозная жизнь и Запада представляет нечто чрезвычайно сложное, можно сказать, пёстрое до хаотичности*. Но отрицательно

* Ср. замечательно интересный обзор религиозной жизни, даваемый Трельчем в Ежегоднике *Das Jahr 1913. Ein Gesamtbild der Kulturentwicklung. Herausgegeben von Dr.D. Sarason. Leipzig Berlin, 1913.* (Об этом сборнике-ежегоднике в *Русской Мысли* будет специальный отчёт).

в ней вырисовываются две главные трагические проблемы современного религиозного развития.

Всё, что возникает вне «исторических», идейных и организационных форм религиозности, бессильно создать и организовать коллективную религиозную жизнь. А исторические идейные и организационные формы религиозности слишком затвердели, стали слишком консервативны для того, чтобы допустить в своих пределах религиозное развитие и вместить индивидуальное творчество. Наступило окаменение церковной религиозности при неспособности новых религиозных сил кристаллизироваться в нечто коллективное. В современности мощно организуется не религиозность, пребывающая в старых разрушающихся формах, а лишь неверие и вражда к религии.

Это положение вещей выражается в постепенно растущем религиозном индифферентизме масс и в прямой враждебности в религии сознающего себя пролетариата. Было бы бесполезно оспаривать реальность этих явлений*.

Таким образом две основные трагические проблемы современного религиозного развития можно формулировать так:

I. Индивидуальная творческая религиозность не находит себе удовлетворения и места в традиционных формах.

II. Массы в процессе социального развития, в котором они поднимаются на более высокую интеллектуальную ступень и формируют своё классовое сознание, отпадают от религии.

Таково истинное положение религии в современном мире. Вместо того чтобы смотреть в глаза этому положению, Мережковский и его друзья с какой-то странной хлопотливостью красят религию и, в частности, христианство в красный цвет, и на социализм наводят религиозный лак. Это в высшей

* Ср. заключительные слова обзора Трёлча: «При всём том преобладает огромное безразличие... (массы) в церковных организациях ненавидят духовные брустверы господствующих классов, в мире христианских идей – стремление нездешним миром вознаградить человечество, и ещё общее – во всякой нехристианской идеологии непонимание исторического материализма, непонимание, которое благо человечества строит вместо классовой борьбы на каких-то невразумительных идеях» (S. 549).

степени несерьёзно и прямо недомысленно. Положение религии слишком трагично для того, чтобы предаваться таким операциям.

Для характеристики этого положения я укажу на тот чрезвычайно поучительный обмен мыслей, который произошёл недавно между бывшим пастором Гере, вышедшим из церкви и примкнувшим к социал-демократии, и его прежними друзьями, либеральными богословами, оставшимися в церкви и стремящимися к её обновлению*.

Как известно, в настоящее время с разных сторон в Германии ведётся агитация в пользу выхода из церкви**. Видную роль в этом движении играют, с одной стороны, радикальные социал-демократы (молодой Либкнехт!), с другой стороны – монисты и другие реформаторы религии на «научных» основаниях.

В этом движении Гере выступил теперь с таким лозунгом:

1. Для всякого порвавшего внутренне с религией социал-демократа обязателен выход из церкви.

2. Обязанность сохранившего религиозные потребности социал-демократа – обнаружение и удовлетворение их внутри

* В еженедельном журнале *Die Christliche Welt. Evangelisches Gemeindeblatt für Gebildete aller Stände*, издаваемом профессором богословия в марбургском университете д-ром Мартином Раде, за текущий год. Журнал *Die Christliche Welt* – одним из ближайших участников этого издания был прежде сам Гере – сыграл крупнейшую роль в развитии новейшей протестантской богословско-общественной мысли и создал даже целую организацию «Vereinigung der Freunde der Christlichen Welt».

** Агитация эта, благодаря участию социал-демократов, приняла такие размеры и получила такое значение, какие раньше не наблюдались. Гере констатирует, что «число тех членов партии, которые участвуют в движении ухода из церкви, в настоящее время чрезвычайно велико, что это число из месяца в месяц, в особенности в городах, будет расти. Движение ухода из церкви, которое прежде было узко очерченным и к тому же ещё по преимуществу буржуазным, в настоящий момент готово стать пролетарским массовым движением очень прочного характера». Ср. статью Гере «Kirchenaustrittsbewegung und Sozialdemokratie» в *Neue Zeit*, № 14 от 2 января 1914 г. Ср. статьи о том же: *Karl Liebknecht*: «Kirchenaustrittsbewegung und Sozialdemokratie», *S. Meerfeld*: «Kirche und Sozialdemokratie», *Hans Markwald*: «Zur Kirchenaustrittsbewegung» (все три в *Neue Zeit*, № 16 от 16 января 1914 г.) и *Bernhard Menke*: «Zur Kirchenaustrittsbewegung» (там же, № 18 от 30 января 1914 г.).

Движение ухода из церкви направляется против протестантской церкви. Перед агрессивными действиями против католицизма это движение останавливается в почитильном, а бы сказал боязливом, бессилии. Ср. на эту тему интересные рассуждения в статье Мэрфельда.

церкви на основе особой программы, требующей возведения христианства к немногим простым религиозным идеям Иисуса, возвращения к нравственно-социальным принципам первохристианских общин, отделения церкви от государства и школы от церкви, децентрализации культа, демократизации всех корпораций церковного представительства и др*.

В основе такой постановки религиозного вопроса у Гере лежит, с одной стороны, мысль о значении религиозной жизни для отдельных личностей и, с другой стороны, убеждение в том, что большинству людей, массам религия всегда была чужда.

Эта точка зрения религиозного аристократизма, выдвигаемая убеждённым социал-демократом, который сам для себя не отвергает религиозной потребности, весьма интересна и по существу, и симптоматически, как факт, рисующий современное положение религии.

Я приведу основное рассуждение Гере** его собственными словами. Гере исходит от того факта, «перед которым до сих пор все церкви и все церковные властители закрывали глаза, который они до сих пор по большей части превращали в его противоположность, а именно, что во все времена лишь меньшинство людей имеет подлинные, серьёзные и неразрушимые религиозные потребности. Остальные, подавляющее большинство людей и религиозно бездарно, и лишено религиозной потребности. Их всегда лишь силой принуждали в религии. И потому это большинство людей радостно и быстро сбрасывает с себя религиозные путы, которые прежде носились с трудом и отвращением, лишь только появляется сила, которая освобождает массу от лишённого для неё смысла и мёртвого балласта и даёт ей все те настроения, чувства,

* Ср. его статью в № 14 *Neue Zeit* от 2 января 1914 г.

** Основное рассуждение это заимствовано из статьи Гере, напечатанной в 1908 г. в «Dokumente des Fortschrittes» (4 Hefte). С этой статьёй я познакомился по статье *Paide* в № 3 *Christl. Welt*, за текущий год, откуда я привожу цитату.

хотения и возбуждения, ради которых религия вообще выно-сима для масс. И вот, с тех пор как социализм поднял голову и развил и показал свою силу, которой он может равняться с религией, постепенно, но неизбежно, с радостью, в его лоно, как зрелые плоды, падают все религиозно неударённые люди и часто также, но по другой причине, и люди с религиозной потребностью».

Далее Гере характеризует современный социализм. «Социализм не парит непостижимо в небесах, но покоится твёрдо на земной почве; он вырастает из сил этой земли, как дерево и колос; он цель, которая так же дорога сердцу, но ближе для глаза, а мыслящему рассудку, как логическая необходимость, в тысячу раз осязательнее, чем вся вечная жизнь, вся идея Бога, ибо он в одно и то же время и действительность, и возможность, и высший идеал. И вера в социализм получает для социалиста, для рабочего ценность, которая по меньшей мере равняется старым религиозным ценностям по тому блаженству, которое она вселяет в душу, по своему освобождающему, возвышающему, движущему вперёд действию... То, что в первой христианской общине именовалось любовью к ближнему, у социалистов называется солидарностью. Принцип равноправности всех перед лицом Бога возрождается здесь вновь в требовании равенства, свободы, братства и в идее интернациональности. Возвышение положения женщины, которое мы видим в первых христианских общинах, в современном социализме идёт гораздо дальше, воплощаясь в само собою подразумевающееся для социалистов требование женской эмансипации. Даже в более внешних вещах сходство социалистического движения с религиозным часто поразительно велико. Как здесь, так и там – собрания, обучение, воздействие на юношество; программы, направления, лозунги, символы; празднества, песни, залы, фанатики, пророки, личности-священники».

Но значит ли эта характеристика, что социализм есть религия?

Так же как пишущий эти строки*, Гере решительно отклоняет такое понимание социализма. «Религия, по моему мнению, – говорит Гере с в своём ответе Раде, – *всюду* имеется там и *только* там, где человек сознаёт себя противостоящим некой конечной божественной силе и находящимся с нею в каких-нибудь, хотя бы и не поддающихся никакому контролю, отношениях. Не в доступности какому-либо контролю, а именно в сознании наличности такого отношения тут главное дело. Вот почему все те формы и пути, в которых в наше время пытаются найти или даже вновь создать религию вне указанной области отношений, представляются мне уклонениями, религиозными суррогатами, которые с религией в определённом мною смысле (а этот смысл есть в то же время тот, который к нашему времени исторически создался) имеют общего, в сущности, лишь внешности, лишь сходство душевной функции захваченного данным содержанием человека, ничего более. К таким религиозным суррогатам я причисляю социализм, который в глазах моих и всех разумных людей прежде всего есть движение политическое и экономическое, а затем общекультурное, но вовсе не религия»**.

Отклоняя понимание социализма как религии, Гере «высшую и конечную религиозную ценность социализма» видит в том, что «социализм освобождает путь для очищенной и усовершенствованной религии будущего». Социализм делает это тем, что, давая «массе религиозно неударённых и индифферентных» людей яркий суррогат религии, он освобождает религию от балласта безрелигиозной массы. Таким образом

* См. мою статью «Религия и социализм», помещённую в *Русской Мысли* за 1909 г. (август) и перепечатанную в сборнике «Patriotica» (стр. 597–611): «Раз навсегда следует устранить то недоразумение, по которому социализм, как в известном смысле вера и вероучение, рождающее энтузиазм, признаётся религией. Голая психическая форма веры и энтузиазма не может составлять религию. Вера в небожественное и вероучение не о Боге не есть религия... Социализм, поскольку он создавал подобие религии и религиозности, давал человечеству суррогат и фальсификат. Это был не обман, а самообман, и теперь человечество начинает его сознать».

** Ответ Гере Раде в *Christliche Welt*, № 5 за текущий год.

он превращает окончательно религию в то, чем она всегда была, в дело меньшинства, во внутреннее общение верующего с Богом.

С этой точки зрения Гере называет социализм тем камнем, на котором созиждется церковь будущего.

Я знаю, что можно многое возразить против изложенных взглядов Гере на религию с точки зрения религиозной истории и психологии, – в другом месте я, может быть, вернусь к этому вопросу. Но нельзя отрицать одного: в этом суровом анализе религиозного положения современности, исходящем от социалиста, который прошёл такой редкий и своеобразный путь развития, обаятельна теоретическая неподкупность мысли, отсутствие всякого приспособления, замазывания, всякой демагогии, т. е. именно того, чем поражено и заражено религиозное народничество Мережковского и его друзей.

Тут обнаруживается – помимо личных свойств тех писателей, о которых идёт речь, Гере и Мережковского – как раз то вошедшее в плоть и кровь культурных людей запада уважение к самозаконности мысли, за которое у нас приходится бороться ещё больше, чем за самозаконность художественного творчества. Именно из этого уважения западного человека в самозаконности мысли вытекает обаятельная теоретическая неподкупность всего рассуждения Гере.

Умственное бессилие нашей радикальной мысли, демагогический оппортунизм Мережковского в вопросах искусства и религии, который привёл, в конце концов, к внутреннему ослаблению его писательства, – всё это восходит к одной и той же давней, в сущности, болезни нашей «передовой» литературы – к оппортунистическому общественному утилитаризму, отрицающему автономные пути искусства и науки. Литературная деятельность Мережковского в этом отношении являет прямо ужасающий пример. Каковы бы ни были чисто личные психологические пружины занятой им позиции, со-

вершено ясно, что, обещая в «Вечных спутниках» развиваться в первоклассного художественного критика, Мережковский, вообразив себя пророком новой общественности, оставил своё подлинное литературное призвание и извратил и обесценил своё литературное творчество. Достаточно сопоставить недавние статьи о Некрасове и Тютчеве, статьи по содержанию воистину плачевные, с «Вечными спутниками» и книгой о Толстом и Достоевском, чтобы измерить расстояние между тем, чем был Мережковский и чем он стал. Быть может, ни на одного русского писателя атмосфера общественного радикализма и его специфический спрос не подействовали так разрушительно, как на Мережковского.

Подлинное движение в нашей умственной жизни начнётся тогда, когда самозаконность мысли, её принципиальная независимость от общественно-утилитарных критериев окончательно проникнет в сознание. Это, в сущности, дело внутреннего идейного воспитания. Но в известной мере, конечно, этот важный шаг в развитии общественного сознания, как я уже подчёркивал выше, будет зависеть от успехов нашей *политической* жизни. Утверждение в стране известного политического минимума есть важное условие освобождения русской мысли от внутренних пут, её сковывающих. Тут есть некоторая аналогия между ролью политической свободы в деле русского духовного роста и той ролью социализма в деле освобождения религии, о которой говорит Гере.

Русская мысль должна освободиться от того огромного тянущего её к низу груза, или балласта общественного утилитаризма, которым она наследственно отягчена. Последнее, наименее откровенное, а потому и самое дурное выражение этого утилитаризма, это – то, которое, в лице Мережковского и его друзей, мистическую религию связывает с политическим и социальным радикализмом. Ибо тут порча мысли касается высочайшего, от чего прежний утилитаризм старого

стиля просто отвёртывался и на что он тем самым не посягал. Для того чтобы восчувствовать эту порчу мысли, достаточно сопоставить Толстого и Мережковского. Толстой эпохи обращения к Богу не проходил мимо общественных явлений. Он на них откликался, но всегда – религиозно и тем самым вполне свободно от какой-либо политической и социальной тенденции. Оттого его голос и в политических делах и вопросах имел такую силу – чувствовалась его религиозная независимость. Рядом с этим и смешно и больно напоминать о том, во что главная арена деятельности Мережковского, Религиозно-Философское Общество, была превращена в дни общественного возбуждения, вызванного делом Бейлиса. Тут была не религиозная независимость, а общественная шумиха, никому не могшая импонировать, бессильная воздействовать на кого-либо. Всякий может, а в некоторых случаях должен устраивать «общественные выступления», но выдавать их за нечто религиозное – значит фальсифицировать, в сущности, и религию и политику*.

В конце концов, это даже плохая политика.

К анализу религиозного положения современности я вернусь в дальнейших статьях. Это даст повод и основание установить место «Вех» в развитии русской духовной культуры, ибо это место может быть понято и оценено лишь в контексте развития общечеловеческой мысли. Быть может, сами авторы «Вех» в момент издания этого сборника не подозревали или по крайней мере в полной мере не сознавали, насколько работа их мысли не замкнута в национальные рамки, насколько она входит в более широкое русло мировой религиозно-философской и культурно-философской мысли.

5 марта 1914 г.

* В сказанном выше – главный мотив моего выхода из Совета СПб. Религиозно-Философского Общества.

Религия и общественность.

Ответ З. Н. Гиппиус*

Если социализм, политика, вообще общественность не есть религия, то как может быть «религиозная общественность»?

Вот вопрос, который в упор ставится в моём споре с Мережковским и его друзьями. На этот вопрос нельзя отвечать *фактическими* ссылками. Конечно, в целом ряде случаев религиозные стремления бывали тесно связаны с общественными течениями разных оттенков. Но именно возможность, фактически-психологическая, соединения с подлинной религиозностью как консерватизма, так и радикализма в общественных вопросах указывает, что эта связь — чисто психологическая, исторически-обусловленная. Те или другие общественные решения от вечных религиозных ценностей в необходимой объективной зависимости не находятся.

Раз это понято, — идея религиозной общественности становится невозможна. Или она становится явно и соблазнительно тактической. И тогда либо общественность уловляет души для религии, либо религия уловляет души для общественности. То и другое я называю тактикой и демагогией. Пусть религия есть дело не аристократическое, а демократическое в смысле доступности чистой религиозности массам, пусть религиозное сознание воплощается в коллективе, всё это не

* Русская Мысль. 1914. Кн. V. II отд. С. 136–140

меняет своеобразие и автономности религиозного отношения к миру и к жизни, всё это ещё не даёт нам права говорить о религиозной общественности в том смысле, в каком её понимают Мережковский и его друзья.

Религиозная общественность предполагает, что религия прямо устроит общественные отношения. А так как, с другой стороны, явно, что религия Мережковского и его друзей должна быть понимаема как утверждение какой-то *церковности*, хотя бы и отрицающей всю исторически сложившуюся, традиционную церковность, то, значит, эта церковность, связанная с известной общественностью, не может быть ничем иным, как своего рода теократией. Это слово вызывает определённые исторические ассоциации: и цезаропапизм и папоцезаризм и религиозную диктатуру Кальвина. Никто, знакомый с ходом развития религиозной культуры, не может отрицать, что в самой идее церкви, связанной с государственностью и общественностью, заключена огромная опасность и угроза для личной свободы вообще, религиозной свободы, в частности. Неслучайно, поэтому, свободная общественность проводит идею отделения церкви от государства и абсолютно «частного» характера религиозной жизни (*Religion ist Privatsache*). И точно так же чистая религиозность должна настаивать на том, что всё общественное и государственное в значительной своей части – *религиозно безразлично*. В том, что З. Н. Гиппиус характеризует как «демагогию» Павла, обнаруживается не «демагогия», а наоборот, общественное безразличие этого основателя христианства. Это безразличие вытекало у Павла из того, что все политические и социальные ценности для него исчезали перед основной религиозной ценностью, спасением души. Первохристианство вообще было слишком революционно в своём религиозном индивидуализме, сочетавшемся с универсализмом, для того, чтобы ещё заниматься общественностью и интересоваться государством. Отсюда

своеобразный консерватизм первохристианства, который определился именно позицией Павла. Это – консерватизм из безразличия. «Консервативная позиция христианства – метко говорит Трёльч – покоилась не на любви к существующим учреждениям и не на их положительной оценке, а на смеси из презрения, покорности и относительного признания*». Христианство не обращено к миру, а отвращено от мира. Но это в известной мере положение, занимаемое всякой религией. Разница между современностью и эпохой первохристианства лишь в том, что отвращение от мира для первохристианства было связано с ожиданием близкого и телесного пришествия Царства Божия, с наивно-историческим ощущением преходящности, не только индивидуальной, но и коллективно-исторической, бытия мира, т. е. с тем, что можно назвать эсхатологическим ощущением христианства. Первохристиане чувствовали себя стоящими в конце и при конце мира. Этого ощущения у современных христиан нормально быть не может. Для современных христиан и, я скажу, для всей современной религиозности религиозная отвращённость от мира есть обращённость внутрь себя. Конечно, для религиозного человека все проявления жизни, человеческой в особенности, должны быть религиозно оцениваемы. Но именно для религиозной оценки общественные в государственные явления не могут не располагаться в иной ряд, чем для оценки политической и социальной.

И именно эта религиозная перспектива сказывается в том, что – с точки зрения социологической – можно назвать «безразличием» и «консерватизмом» апостола Павла**. Так же, как непозволительно из этой позиции выводить религиозное освящение каких-либо земных учреждений консервативного характера, так же из христианского религиозного индивиду-

* Cp. Ernst Troeltsch. Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. Tübingen, 1912. S. 72.

** Cp. Troeltsch, 1. c. SS. 58–83.

лизма, утверждающего равноценность человеческих личностей пред Богом, нельзя делать каких-либо выводов в духе радикальной политики и социализма. Поэтому «консерватизм» и «радикализм» христианства, в сущности — лишь социологические истолкования чисто религиозного ядра христианства и всякой подлинной религии. Эти истолкования, как социологические, чужды религиозному ядру, его не затрагивают.

Для того, кто это понял, идея «религиозного народничества» представляет такую же ценность с точки зрения религиозной, как и идея христианского государства в смысле Ф.Ю. Шталя, который, как известно, умеренный конституционализм выводил из «духа христианства»*.

В качестве социологических преломлений христианской идеи мы находим в истории и современности и анархизм, и социализм, и либерализм, и консерватизм. Конечно, в самом христианстве заложены возможности этих различных истолкований и преломлений. Но все они стоят по существу вне религиозного ядра христианства.

Вот почему, оставаясь на религиозной почве христианства, нельзя в наше время *сознательно* его мистическую религиозность связывать с политическим и социальным радикализмом, так же, как нельзя и связывать её с какими-либо видами консерватизма. Психологические и социологические связи, которые можно нащупать в этой области, лишены нормативного руководящего значения для религиозного сознания.

В пропаганде и агитации Мережковского и его друзей я не могу не видеть «порчи мысли» и фальсификации религии именно потому, что религиозная идея в этой пропаганде поглощается и извращается социологическими выводами из неё, ей посторонними, для неё случайными. Почему известный отклик с.-петербургского религиозно-философского общества на дело Бейлиса был «шумихой»? — спрашивает меня З. Н. Гиппиус. А именно потому, что в этом отклике совершенно

* Ср. Troeltsch, 1. с. SS. 76–77.

отсутствовало религиозное содержание и религиозное углубление, что и сказалось между прочим в безразборчивом привлечении к этому отклику лиц и элементов, и индивидуально и по своей общественной позиции индифферентных к религии и даже ей враждебных.

Религия, для того, кто её признаёт и приемлет, должна действительно проникать и освящать всю жизнь. В частности, христианская религиозность в этом отношении обязывает к известным решениям. Но получить эти решения, как религиозно-обязательные, можно, лишь оставаясь на чисто религиозной почве. Первохристианство в лице апостола Павла, нашло для своего времени живые формулы этих решений, рождённые из самого духа христианского учения. Наше время из этих вечных формул отношения религиозного сознания к обществу и государству должно сделать живые выводы. Это большая и трудная задача, которая религию призывает быть самозаконным судьёй общественности и государственности. Для меня ясно, что ответ современного религиозного сознания на эту задачу не может заключаться в присоединении к какой-либо политической и социальной «программе», к каким-либо общественным и политическим движениям. Религиозный ответ на политические и социальные задачи должен и может заключаться прежде всего в указании того, что в общественной и государственной жизни для религиозного сознания, обращённого, как таковое, внутрь человека, принципиально, с точки зрения верховной религиозной ценности, спасение души, *неприемлемо*.

Это есть проблема религиозной оценки общественности, проблема, для разрешения которой религиозное сознание нуждается прежде всего — в *самоочищении*, в осознании верховной *самозаконности* религии. В других условиях мировой жизни и духовного развития современное религиозное сознание призвано разрешить задачу, уже однажды для мира

и человечества, охваченного эсхатологическим ощущением, разрешённую первохристианством.

Я ставлю ударение на словах: *самоочищение* и *самозаконность*. Если действительно ставится задача, выраженная в этих словах, то проблема религиозной оценки общественности прежде всего требует очищения религии и религиозной идеи от чуждых ей примесей. В своей статье, рисуя современное религиозное положение, я указал на трагическое положение религии в современности. Это положение характеризуется тем, что современная прогрессивная общественность, в лице её действенных носителей на западе, враждебна религии, а консервативные силы общественности в значительной мере, сознательно или бессознательно, склонны рассматривать религию как служебное орудие для политики. Отталкивание современного социализма от религии и в частности от христианства неслучайно, не основано на недоразумении – в нём сказывается расхождение основных принципов. Христианское сознание не может ставить классовую борьбу на то место, которое ей не только фактически, но и идейно принадлежит в современном социальном движении. Тот, кто хочет христианизировать современное социальное движение, носителем которого являются рабочие, должен вынуть из этого движения или, по крайней мере, религиозно обуздать его нехристианскую душу, идею классовой борьбы.

Современный рабочий класс проникнут идеей классовой особенности и борьбы сильнее, чем какая бы то ни была другая социальная группа; он не только проникнут, но прямо одержим этой идеей, составляющей основной «завет» современного действенного социализма. Поскольку это так, рабочий класс из всех «коллективов» современной общественности наиболее далёк от религии и христианства, как бы их ни понимать, лишь бы только не фальсифицировать.

Таково, настаиваю я, истинное положение религии в современности – мои слова как объективное констатирование может

подписать всякий искренний и мыслящий социалист – и игнорирование этого положение есть либо слепота, либо демагогия, в жертву которой приносится сама религиозная, идея.

Приложение:

З. Н. Гиппиус.

*Открытое письмо редактору «Русской Мысли»**

Многоуважаемый Пётр Бернгардович!

Долгое моё сотрудничество в *Русской Мысли*, с одной стороны, и с другой – ваше всегдашнее внимание даже к тем мнениям и убеждениям, которых вы не разделяете, дают мне надежду, что вы не откажетесь поместить эти несколько строк на страницах вашего журнала. Меня не занимает полемика; мне хотелось бы только привести некоторые пояснения и дополнения, – чисто принципиальные, – к вашей статье «Почему застоялась наша духовная жизнь?» (*Русская Мысль*, март) со стороны той группы русских интеллигентов, которую вам угодно было назвать «Д. Мережковский и его друзья».

Вполне присоединяюсь к вашим словам о необходимости свободной и независимой мысли, о том, что среди русской интеллигенции в этом направлении делается мало: мысль стеснена и подчинена всяческим традициям.

Благодаря сложности внешних условий (их касаетесь и вы), «традиции» и «заветы» играют до сих пор несоответственно большую, поработачивающую роль для части мыслящей России. Но мы, – та группа, которую вы тоже упрекаете в подчинении им, в «ереси общественного утилитаризма», – слишком хорошо знаем, что подобное подчинение было бы именно «ересью». У нас есть собственная мысль (насколько она «самобытна», насколько можно с ней соглашаться – вопрос другой) и, не

* Русская Мысль. 1914. Кн. V. II отд. С. 133–135.

изменяя этой мысли, мы не можем ставить себя в какое бы то ни было подчинение каким бы то ни было «традициям». Но правда: наша же мысль (убеждение, вера, понимание, назовите, как хотите) заставляет нас относиться к «заветам» и «традициям» без предубеждения. Если в содержании данной традиции есть, с нашей точки зрения, доля истины, мы не отталкиваемся и от традиции — только потому, что это «традиция» и «завет». Мы стремимся высвободить долю истины из отжившей исторически формы, больше ничего.

Наша мысль очень проста, более или менее известна; так же проста и ближайшая наша, из не» вытекающая, задача: вскрыть религиозный смысл во всех, — от великих до мельчайших, — проявлениях жизни; утвердить и выявить сознание *связи* между высшими жизненными стремлениями человечества и божественной силой. Такое осознание и было бы подлинной религией, — *religio*. Вы приводите определение Гере: «религия там, где человек сознаёт себя противостоящим некой конечной божественной силе и находящимся с нею в каких-нибудь, хотя бы и не поддающихся контролю, отношениях». Это определение нами целиком принято. Мы лишь прибавляем: не только *человек*, но и *человечество*, ибо религия для нас дело не только личное, но и коллективное.

С этим можно не соглашаться, можно не признавать, что религия — дело всечеловеческое, всенародное, коллективное (не аристократическое, как утверждает Гере, а демократическое), но вряд ли можно доказать, что стремление внести религиозное сознание *и* в коллектив — есть по существу стремление, дискредитирующее религию. В той же книге *Русской Мысли*, где вы высказываетесь против «религиозного народничества», есть заметка г. Быстренина. Он выражает мысли, весьма близкие нашим, «о соотношении материального роста и религиозной культуры». Совершенно правильно указывает он на коренную жажду народа Царствия Божия «не когда-то,

в конце мировой истории, а сейчас, на земле», и прибавляет, что «в этом стремлении заключается вся сущность народного религиозного движения». «Запросы народной мысли уже не удовлетворяются официальной церковностью, — это факт, не подлежащий сомнению», говорит далее г. Быстренин. «Да, народ отходит от церкви, но это отхождение не только не атеизм и не индифферентизм, а искание новой праведной церковности, вернее, соборности, искание Града Грядущего» на земле. Г. Быстренин затем признаёт, что «устроение Царства Божия на земле, — эта пламенная мечта лучших вождей человечества и бессознательная мечта народа, — есть устроение новой свободной общественности».

Связь тут достаточно утверждена. Правда, это пока всё общие теоретические положения; кроме того, Быстренин говорит о народе, вы же говорите об интеллигенции, и не только о мыслях, о целях данной ей группы, но и о действиях, о тактике. Вы переходите от суждений о том, *что* думает интеллигенция, к тому, *как* она свои мысли воплощает. (Пользуюсь терминологией Вяч. Иванова.) Вы упоминаете о «демагогии». Скажу, прежде всего, что общее мнение о низменности так называемой «демагогии» я разделять не решаюсь. Что такое демагогия? «Будучи свободен от всех, я всем поработил себя, дабы более приобрести; для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона, как чуждый закона, не будучи чужд закона перед Богом, но подзаконен Христу, чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых» (I, Кор., гл. 9). Таковы «приспособления», «демагогия» апостола Павла. И я не могу осуждать её, как «порчу мысли», как приём антирелигиозный. Но действительно: в современном человечестве ни у кого нет, и не может быть, необходимой

для этого, апостольской силы. Мы не в состоянии действовать демагогически-апостольски – и не должны. И современные наши религиозные устремления этого не требуют.

Без «приспособлений» и «замазываний», но и без страха «разы общественного утилитаризма», мы открыто утверждаем всякий раз тот коллектив, то направление, тот «завет», где мы видим наибольшую часть нашей правды, могущей осветиться религиозным сознанием. Много раз и мне лично приходилось писать, с последней резкостью, против «социализма как религии», против тех, кто делает из социализма религию. По сей день, по сей час и я, и мы все находимся в жестокой борьбе с «обратной» цензурой, имеющей власть зажимать нам рты, когда мы идём «к подзаконным» (точнее, «подзаветным»...) не для того, чтобы быть, «как они», а чтобы говорить им о их рабстве. При малейшей же возможности мы возвращаемся к открытому осуждению всех попыток социализма «подменить» религию. Но в то же время мы утверждаем идею социализма и жизненные, реальные пути к её воплощению, как дело, могущее стать праведным и Божьим, при условии религиозного сознания.

Г. Быстренин ещё конкретнее и частнее говорит: «кооперативное движение и движение религиозное идут рука об руку»... Почему одна мысль о «связи мистической религии с политикой и социализмом» – есть уже «порча мысли», «дурное выражение утилитаризма»? Почему отозваться на религиозно-политическое дело Бейлиса утверждением идей истинной религии и праведной общественности – значило только создавать «шумиху»?

Ещё раз скажу: можно протестовать против чьих-либо ошибок, можно не соглашаться с известной мыслью, в данном случае с мыслью о связи религии со всей совокупностью жизненного исторического движения; но правильно ли судить действия тех или других лиц с точки зрения заведомой не-

состоятельности их идеи и отказывать последней в праве на существование?

Примите, многоуважаемый Пётр Бернгардович, моё уверение в совершенном к вам почтении.

*Ментона (Франция).
апреля 1914 г.*

Великая Россия и Святая Русь^{*}

Посвящается памяти А.М. Рыкачева

Что такое Великая Россия? Каково содержание и смысл этой идеи?

Великая Россия есть государственная формула России как национального Государства-Империи^{**}. Россия есть государство национальное. Она создана развитием в единую нацию русских племён, слившихся с собой, претворивших в себя множество иноплеменных элементов. Ход развития и сложения России есть весьма характерный случай тесной связи между государственным и национальным развитием. В государстве складывалась и крепла нация и нацией скреплялось и расширялось государство. Не всегда в истории дело происходило так.

^{*} Русская Мысль. 1914. Кн. XII. II отд. С. 176–180.

^{**} Факту и идее «Великой России» я посвятил под этим заголовком статью, напечатанную в январской книжке *Русской Мысли* за 1908 г. и перепечатанную в сборнике «Patriotica» (стр. 73 и сл.). К этой статье, на которую в своё время покойный А.М. Рыкачев отозвался сочувственной заметкой в *Нашей Газете* и в которой я пытался дать идейное обоснование русского национального империализма, я отсылаю читателя. Настоящие строки в значительной мере опираются на основные положения программы 1908 г., набросанной не только до балканских войн, но и до турецкой революции. Многие, конечно, сложилось иначе, чем я предполагал в 1908 г., но главные политические линии, начертанные тогда, как показывают факты, оказались проведёнными верно и программа эта событиями 1914 г. не только не устранена, а наоборот, в существе своём целиком оправдана. С настоящей статьёй, представляющей в значительной мере позднейшую вались публичной лекции-речи, произнесённой в Москве 22 ноября с. г., я бы просил сопоставить также мою статью «Чему учит и к чему обязывает война?», напечатанную в журнале *Отечество* (№ 4 за текущий год).

Греческая национальность сложилась и окрепла во множестве государств; то же было с национальностью немецкой. Русские племена были отчасти внутренним сцеплением, отчасти внешним давлением сдвинуты в единое государство и в нём спаялись в единую нацию. Это национальное государство-ядро, поставленное в определённую географическую среду, росло путём расширения, а не уплотнения; именно расширяясь, оно захватывало в сферу своего воздействия иноплеменные элементы. Связь этих элементов с русским государственно- национальным ядром различная: в одних случаях чисто или по преимуществу государственная, в других случаях государственно-культурная, доходящая в окончательном своём развитии до полного уподобления, обрусения «инородцев». Между этими двумя видами связи в их чистом виде (назовём их: государственная инкорпорация и национальное претворение) существует ряд переходных ступеней или форм.

Таким образом, географически расширяя своё национальное ядро, русское государство превратилось в государство, которое, будучи многонародным, в то же время обладает национальным единством.

Такого рода государственное образование мы называем Империей, когда этим словом выражаем особое понятие, имеющее своё собственное содержание. Могут быть многонародные государства, лишённые национального ядра, их скрепляющего. Но такие многонародные государства, каковы бы ни были их размеры и какое бы государственное устройство они ни имели, не суть Империи. Многонародная Швейцария не есть Империя; не является Империей, несмотря на свой официальный титул, несмотря на исторические традиции могущества, Австро-Венгрия. Ибо ни в дуалистическом целом, ни в обоих его частях нет национального ядра. Наоборот, подлинными Империями являются Англия, Северо-Американские Соединённые Штаты, Россия.

Наличность национального ядра в многонародном целом обуславливает одну характерную для подлинных Империй черту: их способность и волю к расширению. Многонародные государства, лишённые национального ядра, не могут и не хотят расширяться. А если в их политике и обнаруживается воля к расширению, то такая воля оказывается ложной в своей основе и потому пагубной для самого бытия этих государств. Лучшим примером может служить опять-таки та же Австро-Венгрия. В стремлении Австро-Венгрии к балканскому расширению заключалось внутреннее противоречие. Расширяясь на Балканах, Австро-Венгрия не могла этим усиливать своего национального ядра, ибо такого вообще нет. Она могла расширяться на юго-восток только на счёт Сербии, но введение в Австро-Венгрию сербского элемента означало бы усиление её многонародности в целом и дальнейшее национальное разложение Венгрии. Австро-Венгрия желала, но не могла быть Империей.

Расширение национального государства в Империю может носить разный характер, в зависимости от исторического прошлого такого государства и тех реальных условий, в которые оно поставлено. Имперское расширение может быть экстенсивным и внешним, сводясь к присоединению новых областей; оно может быть интенсивным и внутренним, сводясь к претворению уже присоединённых областей. Наконец, эти два вида расширения могут сочетаться.

Великая Россия есть государственная формула России, как Империи. Она выражает силу России, но силу не только внешнюю или материальную, даже – не только государственную.

Вообще, нельзя в применении к государству говорить лишь о материальной или внешней силе. Всякая подлинная сила, действующая через государство, в истории её творящая, есть сила культурная и тем самым духовная. Государство-Империя опирается на нацию, а нация есть духовное понятие и духовная сила. Вообще, в исторических судьбах народов

и государств сила и правда суть моменты, действительное соотношение которых отнюдь не может быть мыслимо просто как раздельность или противоположение. Длительное торжество так называемой «грубой силы» в истории невозможно.

Вопрос о силе и правде есть труднейшая метафизическая проблема и роковая загадка истории для лиц и народов. Одно можно сказать, что то воззрение, которое заранее подозревает и осуждает силу (так относился к силе Лев Толстой), тем и грешит, что не улавливает необходимой связи между силой и правдой. Во всякой подлинной силе не может не быть элемента духовности и всегда правда стремится воплотиться в силу. Сила всегда хочет оправдать себя, а правда — возобладать. Это прекрасно понимали великие мыслители англосаксонского мира, Карлейль и Рёскин.

Великая Россия есть факт, но не только факт. Это идея и идеал, нечто не только осуществившееся, но и осуществляющееся.

Война 1914 г. призвана довести до конца внешнее расширение Российской Империи, осуществив её имперские задачи и её славянское призвание.

Прежде всего, Россия должна воссоединить и объединить с Империей все части русского народа. Отсюда вытекает историческая неизбежность присоединения к Империи русской Галичины. Такое присоединение необходимо — как это, к сожалению, с полной ясностью обнаружилось именно в связи с этой войной — и для внутреннего оздоровления России, ибо австрийское бытие малорусского племени породило и питало у нас уродливый так называемый «украинский» вопрос. Во-вторых, Россия призвана в том или другом объёме возродить Польшу, как единый национальный организм. Задача эта теперь ясна одинаково и для русского правительства и для русского общества. Психологически она вошла в русское сознание как великая национальная задача России именно

в 1914 г. Наконец, Россия должна подчинить своему «контролю», или иначе влиянию и власти проливы, т. е. выход из Чёрного моря в Средиземное. Это для самой России – экономическая и политическая необходимость, но в то же время это – необходимость и для всех народов Ближнего Востока, ибо присутствие России на проливах есть единственное, необходимое и достаточное, обеспечение мирного сожительства христианских народов Ближнего Востока.

После завершения роли прямой освободительницы христианских народов от турецкого ига, Россия теперь призвана осуществлять миссию – могущественного умиротворителя и третейского судьи между христианскими народами, наследниками османского государства.

Обладание проливами необходимо России для неё самой, но оно же необходимо ей и для её миротворческой и объединяющей роли на Ближнем Востоке. «Весь этот век – пророчески указывал Достоевский в 1877 г., – может быть, придётся России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству... После разрешения славянского вопроса России очевидно предстоит окончательное разрешение восточного вопроса. Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и всех восточных народностей, не различая их с славянами. Мусульманское владение было во все эти столетия для всех этих народностей не единительной, но подавляющей силой и они при нём шевельнуться не смели, т. е. вовсе не жили как люди. С уничтожением же мусульманского владычества может наступить в этих народностях, выпрыгнувших вдруг из гнёта на свободу, страшный хаос. Так что не только правильная федерация между ними, но даже просто согласие – есть без сомнения лишь мечта будущего. А пока новой единительной для них силой и будет Россия, именно тем отчасти, что твёр-

до станет в Константинополе. Она спасёт их друг от друга и именно будет стоять на страже их свободы. Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его*.

Но Великая Россия есть не только идея и идеал внешнего расширения Российской Империи. Это есть идеал правовой, тесно связанный с духовно-религиозной идеей.

Великая Россия для того, чтобы быть живой силой и органическим единством, должна действительно осуществить те начала правового порядка и представительного строя, которые были возведены 17 октября 1905 г.

В такой политике внутреннего устройства Великой России на началах утверждения права и осуществления прав уже намечается связь с другим фактом и с другой идеей русского духовного бытия.

Мы знаем и любим не только Великую Россию. Мы знаем и любим ещё больше другое лицо, которое являет перед нами наш народ и наша страна.

Кроме Великой России есть Святая Русь.

Если в Великой России для нас выражается факт и идея русской силы, то в Святой Руси мы выражаем факт и идею русской правды.

Государство и государственная мощь не есть ни единственная, ни конечная ценность для человеческого сознания. Мы надеемся, мы верим, мы хотим, чтобы самое государственное наше бытие было подчинено не механически и не доктринально, а органически, в живом народном делании высшей религиозной идее. Словом, мы верим в союз Великой России и Святой Руси.

И эту веру мы обретаем в том, как переживается национальным сознанием великая европейская война, в том подлинном лике, с которым нам предстаёт русская армия.

* Это одно из поразительно верных пророчеств Достоевского, рядом с другими, совершенно неверными.

Я много слышал рассказов лиц, соприкоснувшихся с нашей армией там, где она совершает свой великий жертвенный подвиг, на передовых позициях, в окопах. Там русская армия выступает перед всем миром как огромный поток организованной вооружённой силы. Но в рассказах разных наблюдателей, русских и иностранцев, я уловил ещё нечто другое: эта же грозная армия воплощает в себе не только великую мощь Великой России, но и духовную силу Святой Руси, силу подвига, силу страдания и смирения.

Так там на полях брани и смерти, в бесконечном подвиге бесчисленных и безымянных героев серой крестьянской армии, осуществляется религиозное чудо слияния силы и правды, разрешается величайшая загадка истории.

Верные и неверные пророчества Ф. М. Достоевского*

Из великих русских художников Достоевский всех больше отдавался публицистике. Его публицистика такая же тяжело-весная и в то же время такая же пронизанная гениальными мыслями, как и его беллетристика. И там, и тут он громоздит факты, озаряя их светом глубочайших идей и прозрений.

Сейчас поневоле вспоминаются пророчества Достоевского, ибо мы реально приблизились к некоторым граням, к которым в своё время подходила мысль Достоевского. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. взволновала и вдохновила великого писателя, и он ставил рождение ею проблемы с полной ясностью и громадной силой.

«Константинополь должен быть наш!», – провозгласил он в «Дневнике писателя».

Обосновал он это требование двояко. Во-первых, – восточно-христианским православным призванием России. Вообще, вся публицистика Достоевского сильно окрашена вероисповедным цветом. В политике видит он путь к торжеству православия; как политик, он был глубоко, фанатично враждебен католичеству.

Но помимо этого вероисповедно-религиозного мотива, – требовать для России Константинополь, у Достоевского действовал мотив чисто политический, совершенно практический.

* Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 316. 15 декабря 1914. С. 1.

Достоевский гениально предвидел, что России целый век «придётся... бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству». Очень долго славяне не поймут «славянского единения в братстве и согласии». «Объяснять им это непрерывно, делом и великим примером, будет всегдашней задачей России впредь». Тут пророчески предвосхищена действительная роль России именно за последние годы.

Для того, чтобы так действовать на славян, и должна Россия, по мысли Достоевского, владеть Константинополем. «Россия, владея Константинополем, будет стоять именно как бы на страже свободы всех славян и *всех восточных* народностей... С уничтожением... мусульманского владычества может наступить в этих народностях, выпрыгнувших вдруг из гнёта на свободу, странный хаос... Новой единительной для них силой и будет Россия, именно тем отчасти, что твёрдо станет в Константинополе. Она спасёт их друг от друга, и именно будет стоять на страже их свободы. Она будет стоять на страже всего Востока и грядущего порядка его».

Здесь выражена мысль, которая именно теперь получает особый и значительный смысл, как живая возможность и реальная задача для России. Это пророчество Достоевского нам понятно, ибо идём так или иначе, но быстрыми шагами к тому будущему, которое так смело предвосхищал Достоевский в своих размышлениях о Константинополе, славянстве и России.

Но вероисповедная точка зрения, на которой стоял великий писатель, затемнила его взор в другом вопросе. Он был враждебен до крайней степени, а потому несправедлив к католичеству. Католичество рисовалось ему в каком-то поистине фантастическом образе мирового великого инквизитора. Этот inferнально-властолюбивый католицизм идёт к союзу с социализмом и социальной революцией.

«Католичество умирать не хочет, социальная же революция, и новый, социальный период в Европе тоже несомненен: две силы несомненно должны согласиться, два течения слиться. Разумеется, католичеству даже выгодны будут резня, кровь, грабёж и хотя бы даже антропофагия. Тут-то оно и может надеяться поймать на крючок, в мутной воде, ещё раз свою рыбу, предчувствуя момент, когда, наконец, измученное хаосом и несправедливостью, человечество бросится к нему в объятия, и оно очутится вновь, но уже всецело и наяву, нераздельно ни с кем и единолично, "земным владыкою и авторитетом мира сего" и тем окончательно уже достигнет цели своей».

Неудивительно, что при таком понимании соотношения великих исторических сил основанная Бисмарком Германия рисовалась Достоевскому не только как друг, но и как вечная союзница России и её мирового призвания. Слеплённый своей враждебностью к католичеству и видя во Франции какое-то дьявольское совмещение католицизма и социализма, Достоевский звал Россию к союзу с врагом католицизма, протестантской Германией, вождём которой он справедливо считал Бисмарка.

«Мы нужны Германии даже более, чем думаем. И нужны мы ей не для минутного политического союза, а навечно. Идея воссоединённой Германии широка, величава и смотрит в глубь веков. Что Германии делить с нами? Объект её – всё западное человечество. Она себе предназначила западный мир Европы, провести в него свои начала вместо римских и романских начал и впредь стать предводительницей его, а России она оставляет Восток. Два великие народа, таким образом, предназначены изменить лик мира сего. Это не затеи ума или честолюбия; так сам мир слагается. Есть новые и странные факты и появляются каждый день. Когда у нас, ещё на днях почти, говорить и мечтать о Константинополе считалось даже чем-то фантастическим, в германских газе-

тах заговорили многие о занятии нами Константинополя как о деле самом обыкновенном. Это почти странно сравнительно с прежними отношениями к нам Германии. Надо считать, что дружба России с Германией нелицемерна и тверда и будет укрепляться чем дальше, тем больше, распространяясь и укрепляясь постепенно в народном сознании обеих наций, а потому, может быть, даже не было и момента для России выгоднее для разрешения Восточного вопроса окончательно, как теперь. В Германии, может быть, даже нетерпеливее нашего ждут окончания нашей войны. Между тем действительно за три месяца нельзя теперь поручиться. Кончим ли мы войну раньше, чем начнутся последние и роковые волнения Европы? (вот идея неизбежной социальной революции. П.С.) Всё это неизвестно. Но поспеем ли мы на помощь Германии, нет ли, Германия во всяком случае рассчитывает на нас не как на временных союзников, а как на вечных».

У Достоевского, как и у многих наших «восточников», не было живого ощущения Запада. Его представление о католицизме было, с чисто политической точки зрения, фантастично и, кроме того, в религиозном и историческом смысле оно было глубоко ошибочно. Достоевский был неправ, не видя в католицизме великой религиозной силы, не оценивая в нём подлинной христианской стихии и настоящей кафоличности, т. е. вселенского или универсального характера.

Нарисовав себе фантастический в значительной мере образ католицизма и всецело пленённый чисто временной социалистической идеей неизбежной грядущей кровавой социальной революции, Достоевский пришёл к своей идее вечного русско-германского союза. Теперь в связи с наступившими событиями, когда Россия, в союзе с западными державами, Францией и Англией, борется с Германией и Турцией из-за Ближнего Востока, идея вечного русско-германского союза представляется нам какой-то чудовищной *гротеской*.

В этом больном порождении политической фантазии Достоевского, однако, сказывается та же сила громадного воображения великого писателя, которая так блистательно даёт себя знать в гениальных прозрениях о Константинополе, славянстве и России.

Напоминание об аберрации политической фантазии Достоевского в настоящий момент может быть полезным предостережением. В политике фантазию вообще стерегут великие опасности. Политика должна располагать широкими и дальновидными идеями, но *эти* идеи должны быть всегда ясны — до прозрачности — и свободны от всякой призрачности.

Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики*

Гр. С.Ю. Витте представлял историческую фигуру, настолько выразительную, что о нём не нужно и нельзя писать некролога. Некролог обычно это – собрание умолчаний, плод ретушировки, продиктованной особым чувством невыясненности того лица, оценку которого, после всё примиряющей смерти, приходится давать.

О Витте нельзя спорить и совершенно не нужно писать с умолчаниями и экивоками. Это была сложная и противоречивая фигура; но все различные уклоны, складки и противоречия её были обнажены, и именно в их обнажённости, если угодно, заключалось в значительной мере своеобразие этой исторической фигуры. Далее, значение людей, становящихся крупными государственными деятелями, часто определяется вовсе не размером их личности, а тем, что они попали в определённую историческую минуту на определённую полочку. Задача и обстановка творят не только человека, они часто создают всё значение человека. Исторические деятели часто в буквальном смысле сосуд, в который по какому-то капризу влилось определённое содержание. Часто история выбирает

* Этот опыт воспроизводит с некоторыми добавлениями статью автора, напечатанную в *Биржевых Ведомостях* (№ 14700 от 1 марта). [Прим. П.Б. Струве]. Русская Мысль. 1915. Кн. III. II отд. С. 129–133.

своим орудием если не первого попавшегося человека, то просто того из многих, которые были «под рукой». Витте совсем не принадлежал к таким случайным людям истории: его значение связано с размерами его личности, есть его собственное, а не заимствованное значение.

В истории русского управления мало фигур можно поставить рядом с Витте и одного только человека можно поставить выше его: Сперанского. Но и то не по личной даровитости, которую Витте превосходил всех русских государственных деятелей, облечённых властью, начиная с Александровской эпохи и кончая нашими днями. Витте был, несомненно, гениальным государственным деятелем, как бы ни оценивать его нравственную личность, его образованность и даже результаты его деятельности. Более того: все личные недостатки Витте лишь подчёркивают его политическую гениальность. Подчёркивается она и тем, что, как государственный деятель, Витте не обладал никакими знаниями, был, вопреки довольно распространённому противоположному мнению, попросту говоря, необразованным человеком. Экономический «гений» Витте следует искать не в плохих трактатах по политической экономии, написанных чужими руками, а в государственном творчестве, свободном от пут доктрин и с какой-то державной лёгкостью разрешавшей трудности, перед которыми останавливались мудрецы и знатоки. Способность Витте понимать самые трудные государственные вопросы, находить самые разумные решения в запутанных областях управления, выбирать нужных людей, определялась гениальной интуицией рождённого государственного деятеля и администратора, а вовсе не опытом и не каким-либо «знанием». Его тяготение к науке и учёным, его широко либеральная оценка высшего образования, памятником которой навсегда останутся политехнические институты, были выражением гениального

инстинкта и пиетета к науке человека, который сам всегда стоял вне науки и ей был глубоко чужд.

Нравственная личность Витте – следует прямо сказать – не стояла на уровне его исключительной государственной одарённости.

Я не говорю об его свойствах как частного человека, которых я не знаю. Но нравственная личность государственного человека проявляется и в политической деятельности. Витте не был просто оппортунистом, его гибкость и приспособляемость шли гораздо дальше того делового приспособления к условиям места и времени, которое необходимо в практической политике.

Он был по своей натуре беспринципен и безыдеен. Политическая история знает много крупных до гениальности политических деятелей, изменявших свои взгляды и, соответственно этому, переходивших на новые пути. Гладстон, Бисмарк, Чемберлэн, Победоносцев принадлежат к числу классических примеров политических превращений. В деятельности Витте никогда не было идейного центра, к которому он морально тяготел бы. Витте не изменял в этом смысле взглядов и принципов, ибо их у него вовсе не было. Витте никогда не был ни либералом, ни консерватором. Но иногда он был намеренно реакционером; иногда же присоединялся к силам прогрессивным. Его стихией однако была область государственного строительства, политически и нравственно безразличного. Когда он становился лицом к лицу с общими вопросами политики, он не способен был восходить к моральным основам таких вопросов. Оттого такие великие вопросы русской жизни, как община, университет, земство, превращались под его руками в материал для интриг, для «ходов», при которых какие-либо общие начала и даже интересы родины и народа ступеньвались перед борьбой за власть и влияние. В Витте не было ни грана идеализма и в его гибкости была

изрядная доля органического цинизма. Вот почему могло сложиться и широко укорениться представление, что от Витте можно всего ожидать. Отсутствие морально-идейного стержня у Витте было особенно поразительно именно в связи с его политической гениальностью. Это оно налагало на всю его фигуру какой-то почти зловещий отпечаток.

В сущности, ту же самую черту можно выразить и охарактеризовать ещё с другой стороны. Один из творцов конституционной России, сам Витте был совершенно лишён всякого чувства права. Мы знаем, что Сперанский под ударами судьбы согнулся и согнул своё правосознание. Но Сперанский не только как юрист, а как моральная личность в самые тяжёлые времена был напоен чувством и идеей права. Этого Витте совсем не было дано. И не потому, повторяем, что он не был юристом, а потому, что права и правды Витте никогда не чувствовал, в них никогда не жил.

В других условиях государственной жизни атмосфера права обнимала бы со всех сторон такого государственного деятеля, как Витте, и самый вопрос о том, было ли у него чувство права, не возникал бы вовсе. Но в России конца XIX и начала XX века нужно было и нужно до сих пор вести борьбу за право. Витте душой никогда не мог вести такой борьбы, и в этом громадное отличие ответственного автора манифеста 17-го октября от автора плана государственного преобразования России. Сперанский, поскольку он начертывал новое право, делал это смело, упреждая своё время, дерзновенно прозирая в будущее. Витте, как гениальный делец, только раскрыл затворы для чуждого ему бурного потока нового правосознания и преобразования, который — это было уже явно — нельзя было остановить и который поэтому необходимо было канализировать.

Для правового творчества необходимы подъём и полёт особого рода, не просто деловая и дяляческая гениальность.

И этого подъёма и полёта, несмотря на всю изумительную одарённость Витте, ему не было дано.

Но понимать и оценивать Витте нужно именно в масштабе таких сопоставлений. Всякие современники склонны создавать мнимые, дутые величины и рядом с этим преуменьшать своё время именно в его самых крупных проявлениях. По этой психологической причине Витте недостаточно оценивался у нас при жизни. Его слабости и недостатки скрадывали совершенно необычные размеры его личности. Смерть сразу может и должна в этом отношении внести должные поправки и пролить истинный свет.

Витте не только был исключительно одарённым государственным деятелем. Он вложил свою личность в великие события и воплотил свою энергию в больших делах. Преобразование тарифного дела, управление русскими финансами в сложную эпоху окончательного перехода всего русского народного хозяйства на капиталистический путь, самая смелая и грандиозная валютная реформа, когда-либо произведённая, введение казённой продажи вина и вообще подъём техники финансового управления до чрезвычайно высокого уровня, опрос России об её нуждах через достопамятные сельскохозяйственные комитеты, портсмутский мир, манифест 17-го октября, ряд важнейших законов 1905 и 1906 гг. — всё это и многое другое связано с именем Витте в русской истории.

Витте потерпел неудачу в деле осуществления манифеста 17-го октября. Но как бы строго ни судить его деятельность в трудную эпоху между обнародованием великого манифеста и созывом первой Государственной Думы, — не в ошибках Витте, конечно, ключ к неудаче этих первых шагов нашей конституционной жизни.

Бесспорно он сделал много ошибок, но и без них переход к новому государственному строю был соединён с трудностями непреодолимыми. Великая реформа 1905 г. была неизбежна, но она нашла и власть, и народ неподготовленными к принци-

ально новым отношениям. Сам Витте не умел даже технически приступить к разрешению новых задач совершенно иного порядка, чем задачи того чисто бюрократического управления, в делах которого он искусился. Между провозглашением начал правового государства и их осуществлением в практике взаимодействия народа и власти лежало огромное расстояние, воздвигались препятствия, которые никакая личная воля не могла побороть. Правда, Витте не только не преодолел трудностей, он в значительной мере потерялся в них и среди них. Тут обнаружилось роковые пределы, в которые не могла не быть заключена деятельность Витте, как гениального администратора-практика старого абсолютного порядка и как человека, которого гений правды совершенно не коснулся.

Витте понял необходимость коренного преобразования нашего государственного строя, но, как человек старого порядка, он в новых условиях, рождённых в буре и грозе, не мог разом и победоносно разобраться. Состояние, в котором находился Витте после 17-го октября 1905 г., было состоянием недоумения, растерянности и пассивности. Между тем, только активная борьба направо и налево и чрезвычайная творческая активность управления могли бы тогда кристаллизовать и в правительстве и в обществе дееспособные элементы, которые были бы в силах осуществить властвование в духе новых начал. В этой обстановке Витте положительно не нашёлся. Но никто не может сказать, что, даже если бы он в ней и нашёлся, его деятельность увенчалась бы успехом. Конечно, активность Витте в эпоху с октября 1905 г. по апрель 1906 г., может быть, иначе направила бы развитие некоторых наших политических отношений, но основных трудностей, заключающихся в самой стремительности перехода от старого порядка к новому, даже она не смогла бы преодолеть. Ведь ошибки и неподготовленность цвета русской оппозиции — кадетов, — в эту эпоху были вряд ли меньше, чем ошибки и неподготовленность власти и правительства.

Фигура Витте стоит на рубеже двух эпох русской истории и принадлежит им обеим. Размеры этой фигуры таковы, что для неё в известном смысле разом наступила история, и в самый день смерти стала принципиально возможна справедливая оценка. При такой оценке нужны большие масштабы, ибо исчез с исторической сцены человек, исключительная одарённость которого только подчёркивается его слабостями и недостатками, и который, несмотря на все свои очень большие недостатки и весьма крупные ошибки, вложил в дела великого исторического значения не как случайная фигура, которой выпал счастливый жребий, а как человек, отмеченный государственным призванием.

«У Троицы в Академии»^{*}

У Троицы в Академии. Юбилейный сборник исторических материалов. Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. Москва, 1914 г. Стр. XI+772. Цена 3 руб.

Любопытная книга, которая представляет очень значительный интерес как сборник материалов по истории русской культуры и литературы.

Одна из интереснейших проблем развития культуры вообще и литературной культуры, в частности, каждого народа есть вопрос о роли в ней различных социальных элементов, о том, как в творчестве культуры и литературы отпечатлевается тот или иной социальный строй.

Всякая культура в значительной мере является созданием вершин культурной лестницы в их взаимодействии с широким народным основанием. Таких вершинных слоёв до образования «интеллигенции» в России было два: дворянство и духовенство.

Дворянство дало русской культуре первоклассных деятелей во всех областях, но роль дворянской культуры в особенности велика, дворянский отпечаток особенно явствен и показателен в литературном творчестве. Пушкин, Лермонтов, Гоголь и великие классики послегоголевского периода суть, конечно, выразители общенациональной культуры, но их в то же вре-

^{*} Русская Мысль. 1915. Кн. XII. III отд. С. 15–18.

мя исторически и социально нельзя не «вменить» русскому дворянству.

Менее блестящ, но всё-таки многозначителен тот вклад, который в историю русской духовной культуры внесло духовенство, как социальный слой и культурный тип.

Его значение с этой точки зрения ещё не оценено, самая научная проблема влияния русского духовенства, как социально-культурной силы в нашем общенациональном развитии, не только не разработана, но даже не прочувствована и потому не поставлена.

Русское духовенство создало особый духовный тип, и этому типу принадлежит своя особая роль в русском культурном процессе. Это совершенно ясно ощущается, когда вас любовно вводят и заставляют пристально взглянуть в историю такого организма, как Московская Духовная Академия. Прежде всего русский «семинар» и «академик» как-то на свой манер и весьма многозначительно вложились в историю русской науки. На этот счёт не может быть никаких сомнений.

Но наука и, в особенности, философия и история, главные науки, которые везде культивирует богословская школа, в своих высших проявлениях входят в «национальную литературу». Боссюэ, Гизо, Тьерри, Ренан, Тэн, Бергсон, Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Ницше, Штраус, Ранке, Моммзен принадлежат не только философии и историографии, но и национальной литературе, как общекультурной стихии данного народа.

Своеобразную прелесть такого сборника исторических материалов, как тот, который с великим пиететом издали бывшие воспитанники Московской Духовной Академии, составляет именно то, что здесь мы непосредственно воспринимаем, как духовное просвещение, дело церкви и духовенства, претворяется в национальную культуру. Если А.В. Горский был учёным эрудитом, не создавшим ничего цельного, всю свою жизнь таскавшим «кирпичи» для научного здания, если Е.Е. Голубинский был учёным исследователем, своего рода Нибуром русской

церковной истории, творения которого лишены всякой литературной и даже архитектурической прелести, то В.О. Ключевский – историк, с таким же правом принадлежащий к русской национальной литературе, как и Карамзин, – художественный гений исторического прозрения и изображения. И в то же время Ключевский – первый и единственный подлинно гениальный в русской национальной литературе попович. Так же как Пушкин или Лев Толстой порождены и вскормлены дворянской стихией той же культуры, так Ключевский создан и воспитан «духовной» или «клирной» стихией той же культуры. По самому своему развитию он неразрывно связан с этой стихией, органически гораздо более связан с нею, чем его предшественник по университетской кафедре и тоже попович С.М. Соловьёв.

Три названные учёные – А.В. Горский*, имя которого в истории русской историко-философской науки своеобразно-неразрывно соединяется с именем другого эрудита, К.И. Новоструева, Е.Е. Голубинский** и В.О. Ключевский*** – центральные фигуры замеча-

* А.В. Горскому уделено всего больше места в сборнике, более чем 250 страниц (стр. 252–510). Особенно интересны письма канониста Н.К. Соколова к Горскому и последнего к Соколову и воспоминания о Горском проф. Н.Ф. Каптерева, а также отрывок из литографированного курса Н.С. Тихонравова, дающий выпуклую характеристику работы Горского и Новоструева.

** Воспоминания детства Е.Е. Голубинского характеризуют самые низы русского духовенства и дают яркую картину его быта, в котором такое крупное место занимало пьянство. «...Духовенство всех приходов, – пишет Голубинский, – как, впрочем, и решительнейшее большинство духовенства всей епархии и едва ли не решительнейшее большинство духовенства всей России, по крайней мере, северной, без преувеличения можно и должно сказать, предано было безмерному пьянству или совсем погружено было в пьянство... Славить для нашего духовенства – значило пить и пить – напиваться каждый день к вечеру до совершенного положения риз... Против порока пьянства духовная власть принимала одни бумажные меры, но как они влияли на наше духовенство, можно видеть из следующего. Раз, во время возки снопов с поля, устав от складывания снопов, мы сидели, отдыхая на берегу ладони (тока). Вдруг является перед отцом, который тогда был старшим священником, рассальный от благочинного с бумагой в руке. В бумаге содержалось извещение от благочинного, что получен из синода строжайший указ относительно поведения священников и что он (благочинный) скоро явится в село. Отец прочитал бумагу и, с улыбкой, передавая её мне, сказал: „Знаешь, что это значит? Когда благочинный проезжает по обыкновенным делам, то мы ставим на собор по четверти, а так как он придет по необыкновенному делу, то придется поставить полведра“... А что касается до моих сверстников, то они были ещё хуже наших отцов. Отцы пили, но не умирали от водки, а из сверстников моих, бывших священниками в нашей местности, трое или четверо преждевременно отправились на тот свет от водки» (стр. 715–716, 720).

*** Весьма любопытны для характеристики личности Ключевского воспоминания о нём г-жи Марии Голубцовой, живо и умно написанные (стр. 670–682). Примечателен также, прежде всего и больше всего именно для характеристики самого Ключевского, отзыв его о Максиме Горьком,

тельном сборнике, посвящённом Московской Духовной Академии. Но эти фигуры именно потому получают такой исторический «рельеф», что они выступают перед нами в издании «У Троицы в Академии» на культурном фоне целого социального слоя, — русского духовенства и в связи с историей такого многозначительного явления, как наша высшая духовная школа.

В цитированном выше явно пристрастном и несправедливом мнении Ключевского о Максиме Горьком характерно то отталкивание, которое испытывал от фигуры Горького Ключевский. Несмотря на весь относительный политический

сообщённый Е.В. Барсовым (стр. 692–693) и вполне совпадающий, по своему общему смыслу, с суждениями Ключевского о Горьком, известными из других источников:

«Однажды во время моей беседы с В.О. Ключевским о современных литераторах я спросил его:

— А как вы смотрите, Василий Осипович, на Максима Горького, и чем вы объясняете успех его произведений?

— Горький, — отвечал он, — это *пропаганда*, а *пропаганда* — не литература. Горький пришёлся по плечу обществу, которое теперь особенно умножается. Это — люди, борющиеся за своё существование, много читающие и работающие над собою этим путём больше, чем учащаяся молодёжь, но в них нет никакой устойчивости; они непрерывно хромают на оба колена и 'впадают (? П. С.) ветром модных учений. Этому слою низменных людей с напряжёнными потугами на знание и мнящих себя интеллигентами совершенно по плечу творения своего собрата — Горького; в их неразвитых и небрезгливых вкусах блестят талантами и такие его произведения, как снохачество „На плотях“ и „Дно“ всяких мерзостей, с подкладками нищезанятия, политиканства и т. п. Если просвещённая публика бросилась видеть это „Дно“, то, увидев, никогда больше не пожелает его видеть и в большинстве с омерзением отвернётся от него. У Горького вовсе не талант, а одно пылкое воображение.

— Однако, Василий Осипович, Горький известен и за границей, и там его хвалят, — возразил я.

— Если его славят за границей, — отвечал он, — то ведь и там есть отбросы общества, имеющие свои газеты, кои видят в Горьком свои вкусы в кричат о нём.

— Но не даром же, — говорю, — наша Академия Наук хотела возвести Горького в „академики российской словесности“.

— Если бы Академия это сделала, — продолжал Василий Осипович, — то в глазах просвещённого общества „по Сеньке была бы и шапка“. Академия сама спустилась бы на „Дно“ Горького, и здесь, среди оборванцев, с течением времени, явился бы и герой в академическом мундире с проповедью физической силы против морали, социализма против собственности и государственности. Конечно, тогда ликовали бы и рукоплескали герои и любители „Дна“, возносясь превыше небес российскую Академию Наук; но что сказала бы она на своих страницах, это несуразное явление: отсутствие элементарного *этического* чувства у академиком вашей эпохи в преклонение пред бойким пером в ущерб науки и действительного таланта.

— Жестоко ваше слово, Василий Осипович, — заметил я, — а ведь, говорят, Горький достал ваши лекции и выучил их наизусть.

— Ну, что ж, — отвечал он, — жаль напрасного труда. Не в коня корм — изучение моих лекций. Горький и после этого остался тем же Горьким, то есть пропагандистом, а не *литератором*».

Ключевский и Е.В. Барсов, по-видимому, забыли, что Горький *был избран* в почётные академики, но не был утверждён. Этот факт, как известно, повлёк за собой уход из Академии А.П. Чехова и В.Г. Короленка.

радикализм последних годов своей жизни, знаменитый историк от своей среды и её культуры унаследовал значительную дозу органического консерватизма, которому была чужда, непонятна и прямо претила новизна «босячества», воплотившегося в Горьком. Ведь Ключевский представлял кость от кости и плоть от плоти русского духовенства и органически воплощал в себе его традиции, представляющие своеобразное соединение консерватизма с демократизмом. В русском духовенстве и его культуре нет ни грана аристократизма, столь характерного для духовенства западноевропейского, оно ни в историческом, ни в бытовом отношении не связано с дворянством*, но это не мешает ему и его элементам, поскольку они сохраняют своё лицо в культурном и социальном отношениях, хранить также и большой запас консерватизма, правда, не похожего вовсе на консерватизм дворянский, но не менее его подлинного.

* Так, поскольку у нас была активная борьба крестьянства с дворянством, духовенство было в союзе с крестьянами.

Суд истории*

Мы переживаем удивительные события, захватывающие дух и в то же время его поднимающие. Эти великие события превосходят всякие ясные предвидения и в то же время точно одним ударом открывают перед государственным творчеством огромные перспективы дел и вещей, прежде погруженные в непроницаемый туман неведомого «будущего». Произошла историческая катастрофа. Волны истории несут нас к новым берегам. Но всё-таки и в этом огромном крушении есть только один способ ясного видения вперёд, это – обращение назад, к прошлому, ясное понимание того, что осталось за нами, словом – историческое знание.

I

С наполеоновских войн, приведших к венскому конгрессу, война 1914 г. есть третья мировая война. Ибо вне всякого сомнения так называемая крымская кампания, как она ни кажется, по современным масштабам, скромным эпизодом, какой-то местной «севастопольской» борьбой, была войной мировой – последней мировой войной, в которой Россия име-

* Русская Мысль. 1914. Кн. VIII–IX. II отд. С. 168–178; Русская Мысль. 1914. Кн. X. II отд. С. 165–174; Русская Мысль. 1914. Кн. XI. III отд. С. 158–168; Русская Мысль. 1916. Кн. VII. III отд. С. 109–116.

ла против себя не только Англию, но и Францию, последней мировой войной европейского Запада против европейского Востока. В этой войне и в её местных продолжениях, итальянской (1859 г.), австрийской (1866 г.), франко-германской (1870–1871 гг.), русско-турецкой (1877–1878 гг.) и русско-японской (1904–1905 гг.) войнах, окончательно переместились прежние силы и перестроились все отношения европейского мира.

В ходе событий с 1870 по 1914 г. обозначились в Европе три основные могущественные силы, три величайшие державы: Англия, Россия, Германия. Около этих основных сил расположились силы второстепенные, просто великие державы: Франция, Австро-Венгрия и Италия.

Комбинация величайших и великих держав, которую являет война 1914 г., не была дана просто естественным ходом вещей. Её можно и необходимо было из данных исторических условий, из психологических и естественных возможностей создать построющей политической мыслью. В этом всегда и вообще заключается та великая работа, которую выполняет дипломатия, как особое государственное искусство. Из исторических данных сложной жизни народов и государств создавать системы политических сил и приводить их в действие, – вот в чём дело дипломатии.

Почему возгорелась война 1914 года? – таков вопрос, с которым испытующая мысль будет всегда обращаться к историку и политику. Какие внутренние необходимости прорвались в этом великом столкновении? И почему эти силы, направленные так, а не иначе, действовали с исторической неотвратимостью?

II

Обратимся прежде всего к величайшим державам: Англии, России, Германии. Между Англией и Россией с половины XVIII века обозначились ясно соревнование и антагонизм.

С переменным успехом, перемежаемая отчасти вынужденным, отчасти добровольным союзничеством, шла борьба между Россией и Англией. Последним этапом её была русско-японская война, в которой руками японцев, но вряд ли во благо самой Англии, английская дипломатия отбросила Россию на Дальнем Востоке на позиции, занятые гр. Муравьевым-Амурским.

Потрясённая японской войной Россия пережила глубокий внутренний кризис, от которого действием какого-то своеобразного политического заражения родились внутренние перемены в Австрии и Турции. Россия казалась в огромной мере ослабленной, и на этом временном ослаблении России замерла и почти потухла вековая англо-русская распря. Россия, по-видимому, стала недостаточно сильна для того, чтобы беспокоить Англию. А в то же время она была и недостаточно слаба для того, чтобы Англия или какая-либо иная держава решилась использовать частичное поражение России в 1904–1905 гг. для её дальнейшего ослабления. Тем более, что рядом с слабеющей, казалось, Россией подымалась новая сила – Германия.

Германия – это в царствование Вильгельма II обнаружилось с полной ясностью – окрепла в державу, которая явилась в одно и то же время огромной и сухопутной и морской силой. Этот рост германского могущества опирался на поразительно быстрое развитие её хозяйственных сил, – не только одного богатства, но и личных сил, ибо, в отличие от Франции, в Германии росли и множились не только вещи и деньги, но и люди.

Не только ослабление самой России в 1904–1905 гг., но и огромное естественное усиление Германии в эпоху 1888–1913 гг. определили изменившееся отношение Англии к России. Ещё раньше то же самое изменение произошло в отношениях Англии к Франции. Столкновение из-за Фашоды было последней вспышкой вековой англо-французской враждебности. Германская опасность заставила Англию искать сближения

с Францией, которая совершенно очевидно не могла уже противопоставляться Англии в качестве равносильной соперницы.

Так обозначилось соотношение величайших держав:

Англия – величайшая морская держава.

Германия – фактически наиболее сильная сухопутная держава и огромная растущая морская сила.

Россия – в возможности, непрерывно растущей, величайшая сухопутная держава, на море пока совершенно ослабленная.

Германия занимает и географически, и культурно, и милитарно-политически положение, промежуточное между Англией и Россией. Это положение «между» делало (до 1914 г.) Германию в единоборстве с Россией *пока* сильнее России; в единоборстве с Англией – *пока* слабее Англии. Такое соотношение сил между Германией и Англией, между Россией и Германией делало борьбу Германии с Англией по инициативе первой невозможной. Но точно так же почти невозможным являлось единоборство России с Германией. Однако такие комбинации и не представляли никогда реальности, ибо против Германии и Англия и Россия всегда могли рассчитывать на союзничество Франции. С другой стороны, против России Германия всегда могла иметь с собой Австрию. Таким образом, две из второстепенных, но великих держав, и притом самые сильные из них, были каждая порознь естественными, не только договорными союзницами противостоящих друг другу величайших держав.

В таком положении основной задачей германской политики должно было быть – разъединение Англии и России. Основной же задачей русской политики являлось привлечение Англии на сторону России (и Франции) в случае дипломатического или милитарного конфликта с Германией. Без Англии борьба России с Германией представлялась очень трудной, почти безнадежной. С другой стороны, конфликт с объединёнными Россией и Англией заранее сулил Германии в конечном счёте поражение. Англия становилась осью, вокруг которой,

как сто лет тому назад, неизбежно должна была вращаться мировая политика.

III

Россия и Германия до самого последнего времени не сталкивались сами по себе. С того момента, когда Австро-Венгрия из соперницы окончательно стала международным придатком Германии, т. е. со времён берлинского конгресса, отношения между Россией и Германией определялись патронатом последней над Австро-Венгрией. Лишь в самое последнее время ход мировой политики создал между Россией и Германией независимые от связи последней с Австро-Венгрией плоскости трения.

Вот почему до рассмотрения русско-германских отношений, для понимания этих последних, нужно уяснить себе отношения русско-австрийские, в недрах которых внешним образом родился великий конфликт 1914 г. Отношения эти определялись тем, что Австро-Венгрия из союзницы России по борьбе с Турцией, каковой она была в XVIII веке, в XIX веке стала её соперницей, систематически против России поддерживавшей Турцию и те «западные державы», которые вели такую же политику борьбы с Россией и охраны Турции. В процессе этой борьбы с Россией в значительной мере сложились и оформились великодержавные традиции Австро-Венгрии. Последняя, задаваясь расширением на юг, стремилась осуществлять такое расширение не в союзе с Россией, а либо против России, либо пользуясь затруднениями России. Так осуществилась австрийская оккупация Боснии и Герцеговины, явившаяся вознаграждением, выговоренным Австрией как плата за её нейтралитет в русско-турецкую войну.

Имея перед собой два пути политики на Ближнем Востоке: 1) полное соглашение с Россией и 2) борьбу с Россией, Австро-Венгрия роковым образом с начала 50-х гг. постепенно

становилась на второй путь. Самые неприемлемые и унижительные условия Парижского мира 1856 г. были поставлены Австро-Венгрией, и согласие на них России было вынуждено формальным ультиматумом императора Франца-Иосифа. Правда, в 1876 г. состоялось так называемое рейхштадтское соглашение о Боснии и Герцеговине. Но это была оплата нейтралитета, а не соглашение о союзе. Мюрцштегское соглашение было эпизодом, не получившим значения.

Чем определялось упорное нежелание Австрии – прийти к соглашению с Россией? Тут действовал целый ряд причин и моментов. Австрия всегда находила для себя более выгодным поддерживать какую-нибудь противорусскую комбинацию и всегда она делала это трусливо, наполовину, не доверяя ни своим силам, ни своим контрагентам. Так было при австрийце Буоле в эпоху 1854–1856 гг., так было в 1876–1878 гг. при венгерце Андраши.

Чем же обусловлена была антирусская позиция Австрии, которой по существу держался и Меттерних, навязавший России мертворождённую политику сохранения Турции?

Прежде всего тем, что, занимая позицию против России, Австрия казалась своим собственным государственным людям, начиная с самого императора Франца-Иосифа I, гораздо сильнее, чем в союзе с Россией. Это было до известной степени верно: и фактически, и потенциально Австрия была всегда бесконечно слабее России и в союзе с последней она всегда должна была бы совершенно явно оказываться слабейшей частью. Это было непереносимо для австрийского самолюбия, которое уязвлялось зависимостью от России и испытывало ату зависимость как унижение. Так было и в отношениях с Пруссией, до Кениггреца и Седана, когда уже всякие сомнения в прусском превосходстве исчезли и Австро-Венгрия раз навсегда приняла прусско-германский патронат, как некую необходимость.

Кроме того, немецкая и католическая Австрия всегда испытывала известную антипатию против славянской и православной России. Однако не следует преувеличивать этого отталкивания. До последней трети второй половины XIX в. немецкое национальное сознание вообще ещё мало давало себя знать как политическая сила, всего же меньше оно влияло на решения австрийских правящих сфер. Когда же немецкое национальное сознание стало политической силой в германском мире, – Австрия перестала быть немецким государством. Католицизм же никогда сколько-нибудь ощутительно не определял собой австрийской политики по отношению в России. И это очень наглядно сказывается в том, что в Австрии именно феодально-клерикальные элементы были носителями русских симпатий*.

Гораздо важнее другое. С момента австро-венгерского соглашения (1867 г.), в австрийскую политику определяющим фактором вошло венгерское национальное сознание, и политика Австро-Венгрии попала в зависимость от венгерских интересов.

Венгрия и мадьярский элемент в австро-венгерской политике вносили в неё парадоксальную двойственность. С одной стороны, только в соединении с Австрией Венгрия могла выступать как великодержавный элемент и мадьяры могли претендовать на видную роль в европейской и даже мировой политике. С другой стороны, в отличие от Австрии, которая из централизованного государства явственно превратилась в федерацию национальностей, Венгрия оставалась централизованным национальным государством, основанным на беспощадно осуществляемом господстве мадьярского племени. Великодержавие Австро-Венгрии требовало чрезвычай-

* Как известно, и фельдмаршал Радецкий, победитель при Новаре, и эрцгерцог Альбрехт, победитель при Кустоце, были сторонниками соглашения с Россией. Ср. *Friedjung*: «Der Krimkrieg und die oesterreichische Politik». Stuttgart-Berlin, 1907, SS. 21–22 и *E. v. Wertheimer*: «Graf Julius Andrassy», II Band (Stuttgart 1913) SS. 68–69.

ной эластичности и гибкости государства в национальном отношении, такой эластичности, которой удовлетворяло только федеративное устройство. Между тем венгерское государство исключало равноправие национальностей и самым суровым образом проводило мадьярское владычество. Кроме того постепенно в Венгрии у господствующего мадьярского элемента, у венгерской «джентри» сложился политический идеал возможно большого государственного обособления от Австрии — до превращения связи между обоими государствами в простую личную унию. Эта программа, наиболее популярная в Венгрии, исключала однако возможность австро-венгерского великодержавия, осуществимого лишь в реальном соединении Австрии и Венгрии. Таким образом между австро-венгерским империализмом и венгерским национализмом обозначалось непримиримое противоречие. Австрийский федерализм может чрезвычайно успешно служить целям австро-венгерского империализма. Тирания мадьярства над другими национальностями делает осуществление австро-венгерской империалистской программы неосуществимой. Вождь христианско-социальной партии в Австрии, Луэгер недаром сказал однажды, что мадьяры суть засов, который запирает для Австрии Восток, и что, дабы открыть империи путь на Восток, этот засов необходимо сломить*.

Однако в новейшее время появился и другой засов, не внутренний для Австро-Венгрии, а внешний: сами балканские государства. Балканский союз, который разгромил Турцию, отрезал Австрии путь на Восток к Эгейскому морю. Салоники после войны балканских государств с Турцией могли стать греческими или болгарскими, но во всяком случае балканская

* Ср. D-г Paul Rohrbach: «Deutschland unter den Weltvölkern» 2 Auflage, Berlin, 1908. SS. 242–259, где дана превосходная характеристика основ современной австро-венгерской политики.

война заперла для Австрии путь на юго-восток и отрезала её от Салоник.

Это отрицательное решение вопроса об юго-восточном расширении Австро-Венгрии в то же время до последней степени обострило для неё сербский вопрос. Образование балканского союза и война против Турции были делом независимого сербского государства. Блистательный успех этого дела, увенчанного огромным расширением сербского королевства, впервые дал сербской государственной идее и яркое выражение и жизненное воплощение. Сербия, как государство, стала верить в себя, и государственно разъединённый сербский народ, большая часть которого живёт в Австро-Венгрии, стал верить в своё собственное национальное государство. Так естественным процессом самоосвобождения и самоутверждения сербского народа создавалась грозная для Австро-Венгрии «*великосербская*» идея.

Заперев Австро-Венгрии путь в Салоники, Сербия отняла у своей могущественной соседки её балканское призвание и её балканскую будущность. Правда, Эренталь сказал, что, уже овладев Боснией, Австрия стала балканским государством. Но в лице Сербии, окрепшей и уверовавшей в себя, навстречу Австро-Венгрии встал национально единый и сильный этим единством соперник.

Окончательное самоосвобождение балканских народов и отвоевание ими Балкан от Турции совершило, однако, ещё одно крупное дело, политически, быть может, самое важное. Это самоосвобождение по существу избавило Россию от необходимости какого-либо принципиального политического соглашения с Австро-Венгрией. Запертая Сербией, с Италией и Румынией в тылу, Австро-Венгрия уже не представляла такой величины, которая могла бы что-либо предложить России. Момент соглашения с Россией был окончательно упущен Австро-Венгрией.

Балканские войны были, таким образом, поражением не только Турции, но и Австро-Венгрии. А потому они были поражением и патрона обеих этих держав – Германии.

IV

Активно противостоять союзу России с Францией, к которому в своих собственных интересах естественно тяготела Англия, германская империя могла только в союзе с Австро-Венгрией. Формально, правда, в союзе с Германией и Австро-Венгрией состояла Италия. Но уже давно для всех, кроме бездарных германских дипломатов, на которых выпало тяжёлое наследие Бисмарка, было ясно, что Италия в настоящей европейской войне никогда не будет в одном лагере с Австро-Венгрией*. Таким образом для Германии с её огромными претензиями великодержавная Австро-Венгрия представлялась абсолютно необходимой. Как немцы сами мыслили себе соотношение германских и австро-венгерских интересов, всего лучше показывает следующее рассуждение известного немецкого публициста Порбаха:

«Перед лицом России, которая станет такой сильной, какою она может быть, когда она будет иметь либеральное политическое устройство, более высокий уровень народного образования, здоровое сельское хозяйство и тем самым мощную хозяйственную жизнь вообще, для средней Европы есть только две возможности сохранить свою политическую самостоятельность и собственными силами оберечь свои

* Это прекрасно понимал, наприм., проф. Ганс Дельбрюк, который, обсуждая возможность войны Германии и Австро-Венгрии с европейской коалицией, включал в неё Италию, как естественную противницу Австро-Венгрии. Ср. статью его в *Preussische Jahrbücher* за 1908 г. (Januar) под заглавием «*Kriegsgefahr*», где он прямо говорит, что «итальянцы исполнены бешеной ревности к австро-венгерской балканской политике». Вся статья Дельбрюка свидетельствует об ясном понимании соотношения интересов и сил между великими державами Европы и в общем и целом является поистине пророческой. К этой статье, которую я уже однажды затрагивал (см. статью «Современное международное положение с исторической точки зрения», напечатанную в *Русской Мысли* и перепечатанную в сборнике «*Patriotica*», стр. 128–140), я ещё вернусь. Совершенно трезвое понимание возможной политической позиции Италии в европейской войне см. также у Порбаха I. с. SS. 238–239.

интересы по обе стороны океана: либо непосредственное расширение Германии от Северного до Эгейского моря, которая сама по себе стала бы достаточно сильна для того, чтобы при всяких обстоятельствах быть противовесом восточному славянству, — либо же объединение земель среднего течения Дуная в особое государственное целое, которое так или иначе должно было бы быть соединением земель и народов по образцу австро-венгерского государства; это государство должно было бы находиться в тесном союзе с Германией и быть обращённым фронтом на восток. Поэтому было справедливо сказано: если бы Австро-Венгрии не существовало, нужно было бы выдумать её. В борьбе сил между великими европейскими державами она для средних частей Европы, т. е. в первую очередь для Германии, есть необходимая опорная сила перед лицом нарастающего с Востока русского колосса. Даже если представить себе немецкую Австрию политически соединённой с германской империей (хотя здесь возникли бы, не говоря о прочих, труднейшие проблемы в результате усиления ультрамонтанского элемента в лице католического населения Альп и внедрения враждебных масс чехов), то было бы совершенно невыносимым состоянием и угрозой германскому миру, — угрозой, не уравновешиваемую увеличением населения на одну пятую или шестую — если бы, вместо объединённой военной силы австро-венгерской державы, московитское царство отделяли от Альп и Адриатического моря только ничтожные, по сравнению с Россией, венгры и румыны; ибо сербские славяне, из которых черногорцы уже теперь суть лишь форпост России, не могут считаться задерживающим моментом для русского могущества»^{*}.

Таким образом Австро-Венгрия была нужна для Германии, как союзница против России. И союз с Германией был нужен Австро-Венгрии для противодействия России.

Роковая связь, за которую в 1914 г. наступила расплата!

В эпоху Бисмарка эта связь ещё не обозначилась так, как она обозначилась теперь. Бисмарк не брался идти с Австро-Венгрией всюду и во всём: он лишь готов был защищать

^{*} L. c. SS. 246–247.

Австро-Венгрию на тот случай, если Россия займёт агрессивную позицию и станет угрожать целостности габсбургской монархии*. Балканские притязания Австро-Венгрии Германия Бисмарка не собиралась проводить и охранять во что бы то ни стало. В 1876 г. граф Андраши хотел добиться от Бисмарка категорического обещания – поддержать Австрию в случае вооружённого конфликта с Россией. Бисмарк отвечал весьма уклончиво. Он ограничился тем, что подчеркнул свободу германского правительства от каких-либо обязательств по отношению к петербургскому кабинету и нежелание принимать на себя и впредь такие обязательства. Пока же, – разъяснял Бисмарк, он к своему удовлетворению и успокоению не видит того пункта, на котором пути России и Австро-Венгрии могли бы разойтись; если бы однако он заметил такой пункт, то он постарался бы устранить его. Как бы то ни было, он никогда не решился бы притязать для Германии на то всемогущее положение, какого требовал для себя Николай I и которое привело этого царя к тому, что он в конце концов поссорился с обоими соседями. Германия желает остаться в добрых отношениях с Россией и с Австро-Венгрией и, таким образом, обеспечить мир. Князь Бисмарк ни одной минуты не колебался недвусмысленно заявить, как всё положение вещей в Европе в интересах германской империи побуждает его занять такую позицию. Если он теперь выступит односторонне против России, то это будет иметь следствием не только нарушение дружественных отношений между Россией и Германией. По всей вероятности, это побудило бы Россию – сговориться с Англией, на время оставив в стороне свои восточные планы для того, чтобы сперва вступить в коалицию с Францией и Италией. И это, – прибавил Бисмарк с чувством собственной силы, – если нужно,

* Ср. заявление Бисмарка Гогенлоэ, цитированное в «*Denkwürdigkeiten*» последнего. Ср. также гл. 29 в «*Gedanken u. Erinnerungen*» самого Бисмарка.

должно быть перенесено (*müsste überstanden werden*). Но вряд ли кто-либо захотел бы принять на себя ответственность — самому накликать такое положение вещей.

Нельзя без волнения и изумления читать эти выдержки из конфиденциальной переписки Бисмарка с германским послом в Вене графом Штольбергом*, так они звучат пророчески-современно.

Такую же позицию занял Бисмарк в 1890 г., и это послужило одной из причин, едва ли не важнейшей, его падения, — факт тем более примечательный, что в 1890 году уже существовал союз с Австро-Венгрией.

Тогда было ещё в силе так называемое «страховое соглашение» между Россией и Германией, обеспечивавшее каждой из этих держав доброжелательный нейтралитет другой в случае нападения третьей державы.

Обстоятельства расхождения Бисмарка и Вильгельма II по вопросам внешней политики таковы. Германский консул в Киеве Раффауф донёс своему министерству, что Россия придвинула много войск к западной границе и собирается, очевидно, напасть на Австро-Венгрию. Бисмарк, который ещё в 1876 г. такие же известия о концентрации русских сил на галицийской границе назвал «слухами из мюнхенских пивных» (он приписывал тревожные сообщения тогда баварскому источнику), отнёсся весьма недоверчиво к этим сообщениям, как к преувеличенным, основанным отчасти на устаревших данных. Зная, что Вильгельм II настроен против России и Александра III и что в его натуре — внезапно принимать важнейшие решения, Бисмарк не доложил консульского сообщения императору, а только препроводил его в генеральный штаб для сведения и проверки.

Вильгельм II узнал, однако, об отчёте киевского консула, прочёл его и был возмущён, что Бисмарк утаил от него

* Wertheimer I. c. Band II. SS. 364–365.

столь важные вещи. Своё неудовольствие император выразил в весьма немилостивом письме к Бисмарку: в этом письме он весьма похвалил сообщение киевского консула и требовал, чтобы австрийцы были предупреждены об опасности и чтобы вообще против русских передвижений войск были предприняты контрмеры. Бисмарк решительно воспротивился этому. Он предвидел, что подобные действия до того обострят положение, что гроза непременно разразится, и Германии с Австро-Венгрией придётся вести войну с Россией и Францией. А это означало бы полный разрыв с традициями политики Вильгельма I. За такой переворот во внешней политике Германии Бисмарк не хотел нести ответственности. Этот мотив ухода Бисмарка совершенно ясно выражен в его историческом прошении об отставке.

Переходя от основного разногласия с императором по вопросу о положении прусского министра-президента перед императором и своими коллегами к вопросам внешней политики, Бисмарк в своём прошении пишет:

«После новейших решений вашего величества о направлении нашей внешней политики, как они резюмированы в высочайшем письме, которым ваше величество сопроводили отчёт консула в Киеве, я поставлен в невозможность принять на себя исполнение содержащихся в этом письме предудказаний относительно внешней политики. Иначе я бы подверг опасности все те важные для германской Империи успехи, которых в течение десятилетий в духе обоих усопших предшественников вашего величества достигла наша внешняя политика в отношениях с Россией и притом при неблагоприятных условиях, успехи великие, значение которых, превзошедшее все ожидания, мне подтвердил NN по своём возвращении из П.»*

Заветы и советы Бисмарка в 1914 г. оказались забытыми с поразительным легкомыслием. Но нельзя не сказать и того,

* Обо всём этом см. в исследовании *Gottlieb Egelhaaf*. Bismarcks Sturz. Stand des Problems. Stuttgart. 1909. Тут напечатано также прошение Бисмарка об отставке.

что со времени Бисмарка у германской внешней политики возникли новые задачи и создались таким образом новые плоскости трения. Германия не только как союзница Австро-Венгрии повернулась против России.

У германских политиков явилась *самостоятельная турецкая политика*, которая сгустилась в идею-программу *египтизации Турции* под эгидой Германии. Босфор и Дарданеллы должны были превратиться в германский Суэц. Ещё до итало-турецкой войны, вытеснившей Турцию из Африки, и до балканской войны, почти вытеснившей её из Европы, для Германии ясно обозначилась задача охранения Турции и её независимости – в интересах экономического и политического укрепления самой Германии. После этих войн задача изменилась только в том смысле, что стала явна крайняя слабость Турции; при таких условиях союз неизбежно должен был фактически вылиться в протекторат или опеку, которая по существу привела бы Оттоманскую Империю на положение Египта. Но совершенно очевидно, что германский Египет на берегах Чёрного и Мраморного морей был бы совершенно нетерпим с русской точки зрения. Неудивительно поэтому, что русское правительство сразу заявило протест против приступа в осуществлению этой новой задачи германской политики, против миссии генерала Сандерса фон Лимана, который был призван не только реорганизовать турецкую армию, но и командовать одним из её корпусов, расположенных в Константинополе. Формально в этом вопросе Россия получила удовлетворение (поручение командовать корпусом, данное генералу Сандерсу, было взято обратно), но по существу положение вещей отнюдь не изменилось. При таких обстоятельствах дело в декабре прошлого 1913 года было очень близко к войне между Россией и Германией: именно эпизод с военной миссией Лимана ф. Сандерса разоблачил

политику Германии, направленную на «египтизацию» Оттоманской Империи.

Одной этой новой линии германской политики было бы достаточно для того, чтобы вызвать вооружённый конфликт Германии с Россией. В декабре 1913 года мы вступили таким образом в эпоху назревания конфликта, который неизбежно должен был принять мировой характер. Как мы увидим дальше, конфликт этот назревал в условиях, которые сами могли родить из себя некоторые задержки ему и, пожалуй, дать ему рассосаться. Международное положение было сложно тем, что при существовании серьёзного антагонизма между Германией и Англией, назревал ещё более серьёзный антагонизм между Россией и Германией, которая уже не в качестве патрона Австрии, а самостоятельно пошла наперерез вековой линии русской политики на Ближнем Востоке и направилась на пункт, около которого в течение почти всего XIX века кристаллизовался русско-английский антагонизм. Этот антагонизм смягчился в огромной мере за последние годы, он уступил место известному сближению, но он не исчез совершенно, как исчез былой антагонизм Франции и России. Именно это обстоятельство – неясность взаимоотношения между Англией и Россией – определяло сложность международного положения в 1913 и 1914 гг. Такое положение требовало величайшей дипломатической бдительности и умелости от лиц, руководящих внешней политикой как России так и Германии. Необходимо было принять во внимание всё: и многообразные переплетающиеся интересы, и дипломатические традиции, и степень возбудимости или косности общественного мнения всех великих держав Европы, прежде всего наиболее свободной из них, Англии. Как в этом сложном международном положении конкретно разыгрался великий мировой конфликт, как отвлечённые возможности превратились в реальности

и образовали сомкнутую цепь неотвратимых в отдельности фактов, — это будет предметом дальнейших статей.

V

В газетах установился как бы публицистический трафарет, что современная Германия есть та самая милитарная и милитаристическая Пруссия, которая объединила германские государства, что Вильгельм II — продолжатель политики Бисмарка и что в этих традициях ключ к пониманию великой европейской войны 1914 г.

Мы уже показали, в какой мере неверно это отождествление политики Бисмарка с политикой Вильгельма II в области русско-германских отношений. Но шаблонное трактование прусско-германского милитаризма, как чего-то единого и целого на пространстве всей его истории, неверно в ещё более общем и глубоком смысле. Политика, которая привела к войне 1914 г., есть нечто новое сравнительно с той политикой, которая восторжествовала в 1866, 1870–1871 гг., нечто коренным образом от неё отличное. В этом — особенный характер событий, переживаемых нами. Ни одна из стран, участвующих в великом конфликте, ни Англия, ни Франция, ни даже Россия, не является в настоящую минуту как великая *держава* со столь новым обликом, как Германия. Этим новым обликом Германии отмечено всё столкновение. Он придаёт войне её грозный и решающий характер.

Войну ведёт новая Германия, и Вильгельм II не наследник Бисмарка, а протагонист этой новой Германии, которая в основе чужда поколению Вильгельма I и Бисмарка. Отсюда — поразительное зрелище единодушия Германии в этой борьбе; ведь — что бы там ни говорили — в ней социал-демократия и рабочие подают руку милитаризму и юнкерству. Конечно, в новой Германии есть черты и старой, и даже именно в этом сочетании нового и старого заключается объяснение

того конкретного оборота, который приняли события. Новая Германия является, конечно, недостаточно новой. Новым содержанием жизни она пытается овладеть при помощи старых форм. Но решающее значение в великом конфликте принадлежит всё-таки не этим старым формам, а влившемуся в них новому содержанию. Историческое рассмотрение судеб народов должно иметь в виду слова великого немецкого историка, который писал, что «муза истории имеет широчайший духовный горизонт и с полным мужеством отстаивает свои мнения. Внесение интересов современности в историческую работу приводит обычно к тому, что свобода этой работы нарушается»*. Публицистике сегодняшнего дня, быть может, соблазнительно и выгодно видеть в новом только старое и как бы отжившее. Той публицистике, которая осуществляет девиз другого великого историка: «Политика и история суть лишь две стороны одной и той же науки»**, и приличествует различать, а не смешивать, не малевать действительность в одну краску, а видеть оттенки и переходы.

VI

Германия Бисмарка была «насыщена», новая Германия, наоборот, ощущала неутолимую потребность в расширении своего могущества. Именно вся Германия ощущала эту потребность, а вовсе не одно юнкерство с Вильгельмом во главе. Посмотрим, как самые дальновидные, наиболее широко смотрящие немцы понимают и формулируют «немецкую идею»***.

«Немецкая идея» не состоит в абсолютном мировом господстве. Но она требует согосподства над мировой культурой, согосподства рядом с англо-саксонством. Другие силы

* *Ranke* в предисловии к «*Englische Geschichte vornehmlich im sechszehnten und siebzehnten Jahrhundert*».

** *Сили*. Расширение Англии. Два курса лекций. СПб, 1903 г., стр. 129.

*** В дальнейшем я пользуюсь книгой *Ропбаха: Paul Rohrbach. Der deutsche Gedanke in der Welt. Düsseldorf-Leipzig, 1912.*

представляются заранее исключёнными из состязания. Россия «внутренней некультурностью» осуждена на неудачу своих замыслов и упований в области мировой политики, а Франция, добровольно отказавшись от размножения, тем обнаружила «моральный упадок» и признала себя неспособной участвовать в соперничестве мировых народов. «Лишь немецкая нация рядом с англо-саксами так развилась, что является в одно и то же время достаточно многочисленной и внутренне достаточно крепкой для того, чтобы для своей народной идеи притязать на участие в судьбах наступающей мировой эпохи». Но эту немецкую идею можно правильно понять, лишь усвоив себе, что она может быть поддерживаема в своей силе лишь непрерывным её распространением.

«Мы не можем остановиться или стоять на месте, для нас не может быть даже временного отказа от расширения нашей жизненной сферы, у нас выбор только между тем, чтобы снова пасть на уровень территориальных народов или же завоевать себе место рядом с англо-саксами. Мы подобны дереву, корни которого в расщелине скалы. Либо мы раздвинем скалу и будем расти, или сопротивление нашему росту так велико, что мы засохнем от недостатка питания. Немыслимо сказать: развивайте вашу культуру, умножайте ваше богатство, повышайте ваше научное, техническое, художественное умение, но откажитесь от того, чтобы обрабатывать, в качестве коммерсантов и фабрикантов, всё новые и новые страны, откажитесь от того, чтобы строить новые суда и бросать в мировое хозяйство новый капитал, посылать ваших сыновей в далёкие страны и со всех концов земли собирать в вашу землю плоды вашего труда».

Разве немцы могут отказаться от этого, когда они растут так быстро, что в три года увеличиваются на такое число людей, которое равняется всему населению Швейцарии, а в шесть лет — на всё население Швеции или Голландии.

«Наш рост есть процесс стихийной природной силы. Только истощение естественного и нравственного чувства, какое пережили французы, или ужасная внешняя катастрофа, которая сделает нас такими бедняками, что мы не сможем больше растить детей, рождающихся у нас, способна была бы остановить наше размножение».

«Мы растём и множимся, но не в обширной по пространству земле, которая имеет избыток всего нужного для жизни: средств питания, материальных богатств и сырья, — нет, мы втиснуты в узкие и отнюдь не благоприятные границы и из года в год должны привозить издалека всё больше и больше благ для того, чтобы быть сытыми и поддерживать в движении наши машины. Та часть нашего народа, которая может существовать лишь при условии ввоза материалов и вывоза фабрикатов, ежегодно возрастает почти на миллион. Наше школьное знание и всякое прочее образование, нашу технику, наш дар изобретательности и искусство, нашу основательность и точность, иногда, пожалуй, даже немножко вкуса мы вкладываем в тот процесс превращения, который преобразует у нас американское дерево и испанский металл, египетский хлопок и австралийский могаир, каучук из Конго и бычачьи кожи с Лаплаты в фабрикаты для мирового рынка. Мировой рынок — мы в нём нуждаемся теперь для нашего существования так же, как в нашей собственной почве, и неумолимо близится день, когда мы в нём будем нуждаться ещё больше, чем в ней. Но только в том случае, если с нашим собственным ростом увеличится также наша доля и наш прибыток на мировом рынке и в мировом хозяйстве, можем мы оставаться здоровыми; только в таком случае мы можем дать тем внутренним ценностям, которые вырастают из нашей национальной идеи, развиться, расцвести и действовать в качестве образующих факторов мировой культуры. Прекращение роста было бы для нас катастрофой как внутренней, так и внешней, ибо при наших теперешних обстоятельствах оно не могло бы никоим образом быть добровольным или естественным, но наступило бы лишь тогда, когда какой-либо другой народ или соединение народов так повергло нас во прах, что мы долгое время лишь влачили бы существование».

«Таким образом немецкая идея может оставаться живой и расти лишь в том случае, если её материальная основа, т. е. численность немцев, благосостояние Германии, количество и величина поставленных на службу германской идее миро-хозяйственных отношений будут продолжать всё расти и расти. Но именно это вынудит англо-саксов принять решение — будут ли они со своими интересами в мире приспособляться в то же время к нашим и столкнутся ли они сообща с нами о своей и нашей доле, или же они против нас будут силою отстаивать своё единоладычество. Если они решатся на поединок, то от нашей силы будет зависеть, сумеем ли мы победить и утвердить себя, или же будем побеждены».

«В Англии заключены, стало быть, судьбы Германии. Для того, кто следил за развитием мира в последние сто лет и к тому же из собственных наблюдений знает нечто о современном мире, — для того из всех национально-политических вопросов будущего есть лишь один, которому неоспоримо принадлежит значение, заслоняющее все прочие вопросы. Вопрос этот гласит: предназначен ли англо-саксонский тип к тому, чтобы он один достиг господства в тех частях земли, где отношения ещё не установились, а находятся в текущем состоянии, или же, кроме того, и для немецкого останется достаточно простора для того, чтобы явиться в качестве фактора, конституирующего культурное целое как по сию, так и по ту сторону океана?»

Задачи германской мировой политики поставлены тут с необыкновенной ясностью. И вряд ли можно сомневаться, что в этих задачах солидарны были все элементы германского народа, что тут формулирована программа национального характера, вытекающая из всего предшествующего экономического и политического развития Германии.

В этом обосновании «немецкой» или «германской» идеи лейтмотив: Англия есть рок Германии. Отношениями с Англией определяется всё положение и все возможности Германии. Рядом с этим замечательно пренебрежительное отношение к России в её настоящем состоянии. Россия теперь и в бли-

жайшем будущем не может идти в счёт как дееспособная в Европе великая держава. Это на разные лады повторялось в ответственной немецкой публицистике и вошло прочно в сознание руководящих людей Германии. Поскольку дело обстоит так, русско-японская война и русская революция сыграли с Германией дурную шутку. Картины цусимского разгрома и московских баррикад загипнотизировали общественное мнение Германии. В Германии просмотрели тот факт, что в сущности и японская война и освободительное движение, принесшее народное представительство, не ослабили, а усилили, — по крайней мере, абсолютно, — внешнее могущество России.

VII

Но как бы то ни было, современная Германия с её мировой политикой имела против себя и Россию, и Англию. Отсюда для германской политики возникала неотвратимая альтернатива, или дилемма. Необходимо было взвесить и решить, с какой из двух держав Германии выгоднее и легче вступить в соглашение, по существу обеспечивающее нейтралитет на случай вооружённого столкновения с другой из тех же двух держав.

Дилемма была — нужно это признать прямо — чрезвычайно трудно разрешима. Тут необходимо было учесть самые различные факторы и оценить самые различные отношения.

Антагонизм Германии с Англией носит всеобщий характер — он не приурочен ни к какому определённом пункту в особенности. Это — всеобщее экономическое и потому колониальное соперничество.

Иначе обстоит дело с русско-германским антагонизмом. Тут есть один ясный пункт. Россия не может ни в какой форме допустить укрепления Германии на Босфоре, ибо не имея возможности иметь очень сильный флот на всех морях, Россия в каждый данный момент должна быть сильнее всякой

другой державы на Чёрном море. Германия либо должна была прийти к соглашению с Англией относительно ограничения морских вооружений, к идее контингентирования своего флота, либо она должна была, работая над непрерывным увеличением своего флота, прийти к соглашению с Россией относительно турецкого вопроса.

Вопрос ставился ясно. Вернее, только ясная постановка дилеммы и сознательное её разрешение в том или другом смысле могли обеспечить Германию от внезапной войны на два фронта с целой коалицией держав, секундирующих Англии и России.

Германия Вильгельма II уклонилась от ясного и окончательного разрешения намеченной дилеммы. Такое уклонение, конечно, само по себе не приводило бы к войне, если бы налицо была твёрдая воля – не только воздерживаться от каких-либо агрессивных действий, но до поры до времени, по крайней мере, избегать и всякой постановки международных вопросов, могущих угрожать войной. Именно со стороны Германии – даже при отсрочке разрешения вопроса – с кем же возможно и необходимо столкнуться: с Англией или с Россией? – необходима была величайшая сдержанность, доходящая до полного самообуздания. Между тем рост политического могущества и экономической мощи Германии создал у неё не только сознание своей силы, но и глубокое чувство неудовлетворённости своим положением «под солнцем». Это сознание и это чувство сгущались в целое агрессивное настроение или самочувствие всей страны. У специалистов же военного дела и отчасти у специалистов-политиков это агрессивное настроение принимало определённые очертания программ активного выступления Германии, подчас выливавшихся в идею и замысел превентивной войны. Эта идея при разрешении той альтернативы, о которой я говорил выше, могла бы быть реально-политически оправдываема (хотя,

нужно сказать, даже Бисмарк её осудил самым суровым образом) теми аргументами, которыми вообще оправдываются подобные вещи, и, наконец, она могла бы найти себе оправдание – в успехе.

VIII

Здесь случилось нечто особенное. Агрессивное политическое мышление в сущности перестало быть политическим. Политические решения стали построяться по типу решений стратегических. Политика попала в плен к стратегии. Когда знаменитый основатель научной стратегии Клаузевиц учил, что война есть «продолжение политики, действующее только иными средствами», то он имел именно в виду, что война есть средство для цели, которую укажет политика. Если таково соотношение стратегии и политики, то последняя должна управлять первой, а не наоборот.

В истории возникновения войны 1914 г. самое замечательное, что политической задаче, подлежавшей разрешению политическими же средствами, было, по недомыслию или по легкомыслию, дано военное или стратегическое разрешение.

Это разрешение политической задачи приёмами стратегии есть, конечно, в известной мере наследие военной психологии предшествующей эпохи. Прусский милитаризм, как вершитель мировой политики, потерялся в её сложных сплетениях и проблемах. Но это – только частичное объяснение.

Конфликт 1914 г., как он разыгрался фактически, лишь отчасти может быть сведён к действию общих причин и мотивов безличного характера. Антагонизм германской мировой политики, всюду наталкивавшейся на британские позиции и британское владычество, стремившееся к расширению и пришедшее в известного рода равновесие с некогда ему абсолютно враждебным французским; встреча германского

проникновения на Ближний Восток на проливах с русским вековым движением в том же направлении; психология прусского милитаризма, по наследству перешедшая к деятелям Великой Германии – всё это, конечно, могущественные факторы конфликта. Но без остатка к этим безлично-необходимым, если угодно, массовым факторам нельзя свести индивидуально-конкретной смены событий, составившей содержание тех критических 13 дней, рассказ о которых читатель найдёт выше в статье Б.Э. Нольде «Начало войны». «Ошибочно думать, – говорит Сили в своей классической книге, – что великие общественные события, в силу своих грандиозных размеров, больше подчинены роковой необходимости, чем обычные события частной жизни; подобная ложная идея порабощает суждение. Мы не можем ни составить себе понятия о великой национальной политике, ни оценить её, если отказываемся даже вообразить возможность какой-либо другой политики»*. Это совершенно верное замечание вполне применимо к возникновению великой европейской войны 1914 г.

Прусская военная психология, конечно, сыграла роль в событиях. Идея, что политическая задача может быть всего лучше разрешена быстрой концентрацией сил на одном пункте, согласно основному положению стратегии, означала применение стратегии к политике. И эта идея, конечно, определила собой нарушение бельгийского нейтралитета, не только давшего Англии нравственное право вмешаться, но прямо лишившего её возможности не вмешиваться. Но мы знаем, что эта военная психология не владела вовсе основателем Германской империи: Бисмарк, наоборот, умел бороться и энергично боролся с вторжением этой психологии в политику. Лучший тому пример – роль Бисмарка при заключении никольсбургского мира: условия последнего, на которых настоял Бисмарк и которые для него диктова-

* Ук. соч.

лись сложными соображениями политического предвидения, военной психологии Вильгельма I представлялись постыдными и неприемлемыми. Между тем, сравнительно с Вильгельмом II, не говоря уже о Бетман-Гольвеге, Бисмарк стоял гораздо ближе к корням, а потому и к психологии классического прусского милитаризма. Вильгельм II и его сподвижники являются людьми новой Германии и её мировой политики. Нельзя также, однако, в общей форме утверждать, что представители новой Германии все были настолько ослеплены, чтобы не видеть огромной опасности для Германии и Австро-Венгрии борьбы с русско-англо-французской коалицией. Напротив, опасность такой войны была до её наступления прочувствована и теоретически продумана германскими умами с такой глубиной и ясностью, которая в настоящее время производит на нас сильнейшее впечатление, а самим немцам должна была бы внушать прямо жуткие ощущения. Посмотрите, например, какую величайшую осторожность рекомендовал ради сохранения европейского мира Дельбрюк Австрии в её отношениях с Сербией в 1909 г. Дельбрюк в 1909 г. писал буквально так: *alle Hoffnung auf Erhaltung des Weltfriedens steht auf der Mässigung Oesterreichs**, и не только не рекомендовал Австро-Венгрии объявить войну Сербии, но, наоборот, советовал первой, в случае открытия военных действий сербами, по возможности не переходить границы и лишь ловить и обезвреживать вторгающиеся в пределы Австро-Венгрии сербские и черногорские отряды**. Как эти мудрые советы Дельбрюка непохожи на ту роль, которую в великом современном конфликте 1914 г. действительно сыграли Австро-Венгрия и Германия, сами избравшие сербские дела поводом и исходной точкой для инсценирования

* «Вся надежда на сохранение европейского мира покоится на умеренности Австрии».

** См. ниже «Дельбрюк об опасности европейской войны в 1908–1909 гг.».

европейской войны! «*Die Sache ist so Ernst wie nur möglich... Die Aussichten auf einen schliesslichen glücklichen Ausgang liegen in der Politik*» – говорит Дельбрюк и выражает уверенность, что европейская коалиция против соединённых Германии и Австро-Венгрии совершенно не осуществится.

Но Дельбрюк не предвидел, что сама Германия, и по существу, и формально, возьмёт инициативу борьбы на себя, что она будет нападающей стороной. Никакими софизмами нельзя отвести этого истинного соотношения фактов. А оно определило для Германии характер и исход всего столкновения, т. е. всю ту политическую и милитарную обстановку, в которой происходит и будет протекать конфликт. Ни задачи мировой политики новой Германии, ни традиционная психология прусского милитаризма не могут, как безличные факторы, исчерпывающим образом объяснить конкретного сцепления событий, приведших к войне 1914 г. При надлежащей проницательности политический ум, осуществляя задачи германской мировой политики, должен был создать совершенно иную обстановку для возможных политических и милитарных конфликтов между Германией и находящимися в противоположном лагере державами, чем та, которая создалась в июле 1914 г.

Таким образом, и тот конкретный анализ дипломатической истории войны 1914 г., который даёт в своей статье Б.Э. Нольде*, и общие соображения, нами развитые, одинаково приводят к мысли, что возникновение войны должно быть вменено определённым лицам, оно явилось выражением личных свойств и формулировкой личного решения.

Чьего же решения?

Историческое суждение в этом вопросе пока не может быть произнесено с полной категоричностью. Однако, весьма

* См. выше статью «Начало войны» (Б.Э. Нольде. Начало войны. Опыт дипломатической истории // Русская Мысль. 1914. Кн.Х. Отд. II. С. 127–164. – М.К.).

вероятно, почти несомненно, что главным ответственным лицом за события является сам император Вильгельм II. Я весьма далёк от мысли видеть в германском императоре какого-то изверга. Изверг всегда выдаётся из ряда вон. Несчастье Вильгельма II, наоборот, заключается именно в том, что он ординарный человек, на которого легли чрезвычайные ответственности и который не сумел в своём положении сохранить ни сознания своих сил, ни надлежащего равновесия. Быстрота, с которой было принято бесповоротное и роковое решение вести войну, с полной ясностью свидетельствует об утрате душевного равновесия. В такое короткое время нельзя было – и это фактически обнаружилось на неожиданности для германских государственных деятелей естественного и даже неизбежного решения Англии – просто обозреть ту сложную политическую обстановку, которая создавалась приближением держав к войне. Из хода войны в тому же теперь совершенно ясно, что для Германии не было объективной надобности форсировать ведение дела: ни Россия, ни Франция не были даже хотя бы приблизительно готовы в быстрому нападению на Германию.

Вопрос о роли Вильгельма II в возникновении войны и об его ответственности имеет для русских, англичан и французов чисто теоретический интерес. Но для Германии и для немецкого народа этот вопрос имеет совсем иной, практический и в то же время интимный, интерес и смысл. Суд, который творится теперь историей, в Германии и для немцев должен превратиться в суд не только над целыми общественными течениями и силами, но и над определёнными лицами. Глубокий трагизм положения, в который попали теперь германцы, и состоит в том, что от такого суда они не смогут уйти. Несчастье Германии в 1914 г. (так же, как несчастье Франции в 1870 г., когда она принадлежала Франции) – именно потому, что инициатива войны принадлежит теперь Германии – поставит перед немецким народом вопрос об ответственности

за войну. В патриотическом порыве сопротивления немцы могут забывать или намеренно не задумываться над этим вопросом. Но наступит момент, когда и непосредственное патриотическое чувство и патриотическое сознание вынудят у немцев категорическую постановку этого вопроса.

Для огромной части немецкого народа это будет целый морально-политический кризис, весь грозный характер которого трудно преувеличить. Вина и ответственность за войну 1914 г., лежащие на тех, кто вверг мир в эту катастрофу, столь громадны, сознание немецкого народа ещё так мало освоилось с мыслью о том, что вину эту следует искать на германской стороне, это сознание ещё так усыплено той фальшивой перспективой, в которую германское правительство с самого начала старалось вдвинуть процесс возникновения войны, что пробуждение от злого сна будет для Германии прямо ужасно.

Ведь, когда война придёт к своему неизбежному концу, который не может быть благоприятен для Германии, то для немцев отпадёт возможность и смысл – обвинять своих противников в чем-либо. Вопрос будет ставиться так: кто же с германской стороны виновен в том, что не предохранил страну от военного столкновения, которое не могло привести ни к чему, кроме поражения, материального умаления и морального унижения Германии? И тогда для всякого немца станет ясно то, что ясно теперь всем нам, а именно, что преступная инициатива этой войны принадлежит ответственным руководителям германской политики. Тогда немцы поймут, что их не только ввергли в войну, но что в вопросе о смысле и реальных двигателях событий их прямо обманывали.

Есть что-то роковое и зловещее в том упорстве, с которым Германия ведёт теперь эту войну. Конечно, упорство это совершенно неизбежно, но чем больше оно будет, тем

полнее и бесповоротнее будет и окончательное крушение германского могущества и тем глубже будет тот морально-политический кризис, которым будет отвечать душа Германии на это крушение.

Ведь ещё никогда с таким отсутствием предусмотрительности не ставилось на карту такое огромное реальное могущество, сберечь которое было так легко. Гордыня всегда преступна, но она вдвойне преступна тогда, когда она губит нечто действительно большое и сильное. Это и случилось с германской политикой в 1914 г.

IX

В настоящий момент общественное мнение глубоко волнует вопрос о русско-немецких отношениях. Россия воюет с Германией, но этим милитарным и политическим фактом вовсе не исчерпываются сила и значение происходящего столкновения.

В октябрьской книжке *Русской Мысли* читатель найдёт мнение Дельбрюка, высказанное задолго до европейской войны, что мировую войну в наше время может вызвать только взрыв народных страстей, разжигаемых прессой. Великая война опровергла это предсказание, но не вполне. Война не была вовсе вызвана взрывом народных страстей, она была устроена германским правительством, и даже общественное мнение Германии было войною, как совершившимся фактом, захвачено врасплох. Но германское правительство сумело после начала войны, в интересах её, вполне овладеть общественным мнением страны, разжечь идеей войны народные страсти и убить в германском народе всякое критическое отношение к роли правительства в этой войне. Но и в других странах, которым пришлось обороняться от германского нападения, народное сознание признало и войну своей. Это придаёт войне 1914 г. ту

остроту и силу, которой были лишены многие милитарные столкновения прежних времён.

В частности, вопрос о корнях настоящей войны в народной душе, в общественном сознании с особенной силой возникает по отношению к Германии. Немецкий народ Германии не сам потребовал этой войны, но он всецело принимает и оправдывает её, — в этом не может быть ни малейшего сомнения.

Выше мы печатаем статью Е. В. Тарле*,* в которой германская враждебность к России характеризуется как настроение, особенно присущее реакционным элементам Германии. Однако, было бы ошибочно думать, что идея германизма, как воинствующей и завоевательной стихии, есть идея исключительно реакционных, консервативных или, по крайней мере, националистических кругов Германии. Я не могу присоединиться к мысли**, что вражда к России и русской стихии есть явление, характерное лишь для таких «правых» элементов Германии, как прусское юнкерство, для консервативной публицистики Германии в лице Гена (посмертный памфлет которого «*De moribus Ruthenorum*» есть, быть может, самое яркое выражение этого антируссизма), в лице известного публициста *Kreuzzeitung* историка Шимана и т. п. отсталых идеологов отживающей Германии.

Исторически и фактически это неверно.

Всякий, знакомый в целом с деятельностью Маркса, знает, что агрессивное германское расширение против славянства не только в прошлом, но и в современной Марксу действительности встречало с его стороны сочувствие и одобрение. Маленькие славянские национальности (до чехов

* * *Евг. Тарле*. К истории русско-германских отношений в новейшее время // Русская Мысль. 1914. Кн. XI. Отд. III. С. 158–168. — М. К.

** Кое-что из приводимого ниже материала было мною уже использовано в статье «Карл Маркс и восточный вопрос», напечатанной в *Биржевых Ведомостях* от 9 ноября [1914].

включительно!) Маркс сознательно обрекал на съедение германизму.

«История целого тысячелетия, — писал Маркс в 1852 г. на страницах нью-йоркской *Трибуны*, — должна была показать им (этим умирающим национальностям, т. е. австрийским славянам)... что если вся область на восток от Эльбы и Заале некогда была населена рядом родственных между собой славянских народов, то этот факт служит лишь показателем исторической тенденции, физической и интеллектуальной силы германской нации и её способности покорить, всосать и ассимилировать этих восточных соседей; что эта поглотительная тенденция немцев всегда составляла и составляет до сих пор одно из самых могущественных средств распространения западной цивилизации на востоке нашего континента; что эта тенденция лишь тогда прекратит своё действие, когда процесс германизации дойдёт до границ больших, цельных, несломленных наций, которые способны вести самостоятельную национальную жизнь, каковы венгерцы и в некоторой степени (sic!) поляки, и что, таким образом, естественной и неизбежной судьбой этих умирающих наций является — дать свершиться процессу разложения и поглощения более сильными соседями. Это, правда, весьма нелестная перспектива для национального самолюбия мечтателей панславизма, которым удалось привести в движение часть чехов и южных славян. Но разве они могут ожидать, что история двинется назад на сто лет, в угоду нескольким чахоточным обществам, состоящим из людей, которые во всякой части населяемой ими страны видят рядом с собой и кругом себя немцев, людей, которые с почти незапамятных времён для всех целей цивилизации не имеют другого языка, кроме немецкого, и которым недостаёт первых условий национальной жизни: и большой численности и замкнутой территории»*.

* Эта статья относится к серии статей о революции и контрреволюции в Германии, изданных дочерью Маркса и на немецкий язык переведённых Каутским. Ср. *Karl Marx: «Revolution und Kontrerevolution in Deutschland»*. Stuttgart, 1896, Ss. 98–99.

Маркс в 1848–1849 гг. желал и требовал войны с Россией; эту войну, как он рассчитывал, революционная Германия будет вести в союзе с революционной Польшей*.

Нельзя сказать, чтобы Маркс в историческом славянском призвании России и в вековой борьбе её с Турцией видел только происки реакционного русского правительства или фантазии литературного панславизма. В его статьях встречается, наоборот, признание народного характера за русской ближневосточной политикой**.

* Следует при этом отметить, что в 1848–1849 гг. Маркс желал европейской войны потому, что он ждал от неё социальной революции, совершенно так же, как того же ожидал от англо-русской войны Жюль Гэд в 1885 г., навстречу которой он кричал: *Vive la guerre!* (ср. мою заметку «Жан Жорес – великий оратор-пацифист» в октябрьской книжке *Русской Мысли* (Пётр Струве. Жан Жорес – великий оратор-пацифист // *Русская Мысль*. 1914. Кн. X. Отд. II. С. 197–202. – М.К.)). В обзоре революционного движения за 1848 г., помещённом в новогоднем номере *Neue Rheinische Zeitung*, Маркс писал: «Страна, которая превращает целые нации в своих пролетариев, которая своими исполинскими руками охватывает весь мир, которая своими деньгами уже однажды покрывала издержки европейской реставрации, в недрах которой классовые противоречия развернулись в самой ярко выраженной, самой бесстыжей форме – Англия кажется скалой, о которую разбиваются волны революции; Англия ещё в утробе матери морит голодной смертью новое общество. Переворот экономических отношений в каждой стране европейского континента и на всём европейском континенте без Англии есть буря в стакане воды. Условия промышленности и торговли внутри каждой нации определяются их отношениями с другими нациями, обуславливаются положением данной страны на мировом рынке. Англия же господствует над мировым рынком, а буржуазия управляет Англией... Старая Англия будет испровергнута только мировой войной, только мировая война может дать партии чартистов, организованной английской рабочей партии, условия успешного восстания против их исполинских угнетателей. Когда чартисты станут во главе английского правительства, только в этот момент социальная революция из царства утопии перейдёт в царство действительности. Всякая же европейская война, в которую вовлекается Англия, есть война мировая. Она ведётся как в Канаде, так и в Италии, как в Ост-Индии, так и в Пруссии, как в Африке, так и на Дунае. И европейская война будет первым следствием победоносной рабочей революции во Франции. Англия, как во времена Наполеона, будет стоять во главе контрреволюционных армий, но самая война заставит её стать во главе революционного движения и загладит свою вину против революции восемнадцатого века.

Революционное восстание французского рабочего класса, мировая война – таково содержание 1849 года» (цитирую по *N. Rjasanoff. Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. Kritische Untersuchungen. Stuttgart, 1909, Ss. 2–3*).

Принципиальный пацифизм был всегда чужд социал-демократии, поскольку она опиралась на ортодоксальный марксизм. В его расчёты всегда входила европейская война как сигнал к социальной революции. Однако несостоятельность таких расчётов на войну, быть может, никогда не чувствовалась так ясно, как именно теперь, когда мы дожили до величайшей мировой войны, площадь которой всё расширяется.

** «Так в учёных кабинетах некоторых славянских дилетантов (sic!) в исторической науке родилось то смехотворное анти-историческое движение, которое стремилось ни более, ни менее как к подчинению цивилизованного запада варварскому востоку, города – деревне, торговли,

Но Маркс считал русскую стихию врагом Запада и цивилизации и всей душой отвергал эту стихию. Из ненависти к России Маркс и Энгельс в исторических конфликтах нашего отечества с Турцией в 1853–1854 и в 1877–1878 гг. всегда были на стороне Турции, в союзе с самыми яркими английскими туркофилами.

Для Маркса лорд Пальмерстон не был достаточно ярким русофобом, и он вслед за мономаном английского туркофильства Д. Уркартом обвинял Пальмерстона в предательстве английских и турецких интересов в пользу России*.

Мечтая о всевропейской революции, Маркс в 1853 г. видел в турецком султанине союзника этой революции. В статье его, напечатанной в *New-York Tribune* от 12-го августа 1853 г., есть такая поистине классическая фраза: «*The Sultan holds Constantinople only in trust for the Revolution*», — «Султан владеет и управляет Константинополем исключительно по доверию и в интересах революции». Революция должна и призвана сломить «демонические» влияния Восточного Рима (т. е. России)**.

Классических английских либералов своего времени: Кобдена, Брайта, Гладстона, Маркс не выносил, между прочим, и за их доброжелательное отношение к России. «Кобден и Россия» — озаглавлена едкая английская статья, в которой

промышленности, науки — первобытному земледелию славянских крепостных. Но позади смехотворной теории стояла ужасная действительность русской империи, той империи, которая каждым своим движением заявляет притязание — рассматривать всю Европу как владение славянской расы и в особенности единственной крепкой отрасли этой расы — русских. Русская империя, несмотря на наличие двух таких столиц, как С.-Петербург и Москва, ещё не обрела своего центра тяжести, так как город Царя (Константинополь по-русски Царьград), который каждым русским крестьянином рассматривается как истинное средоточие религии и нации, ещё не стал резиденцией императора...» *Revolution und Kontrerevolution in Deutschland*, S. 63.

* Ср. цит. выше брошюру г. Рязанова и объяснение самого Маркса в его пресловутом, убийственно скучном памфлете «*Herr Vogt*», London, 1860, Ss. 58–59. Статьи Маркса против Пальмерстона были переизданы в Лондоне в конце прошлого века. Их у меня, к сожалению, нет под руками. «Мономаном» Уркарта называет сам Маркс в одном из своих писем к Энгельсу.

** Статьи и корреспонденции Маркса по восточному вопросу, писанные Марксом для *New-York Tribune*, были переизданы большим томом почти в 700 стр.: *Karl Marx. The eastern question. A reprint of letters written 1853–1856 dealing with the events of the Crimean War*. Edited by Eleanor Marx Aveling und Edward Aveling. London, 1897. Цитированное место находится на стр. 81.

от Маркса одинаково достаётся как Кобдену, так и России*. Интересно отметить, что Кобден принадлежал к числу тех немногих англичан, которые всегда понимали, что между Англией и Россией нет реального антагонизма. Реальную опасность для Англии Кобден видел в американской торговой и промышленной конкуренции, а не в воинственной политике России. Психологически забавно, что проповедник идеи классовой борьбы Маркс в одном из своих интереснейших писем к Энгельсу, недавно опубликованных Бернштейном, почти с негодованием говорит о том, что «квакер Брайт интересуется только внутренней войной» (письмо от 24-го января 1854 г.)**.

В 1877–1878 гг. Маркс и Энгельс стояли безусловно на стороне Турции. После русско-турецкой войны они ожидали русско-германской войны и со своей точки зрения германских социал-демократов её весьма опасались. Весьма характерно в этом смысле следующее место из письма Энгельса к Марксу от 9-го сентября 1879 г.:

«В тот самый момент, когда нигилисты и панслависты (совершенно так же, как самые заскорузлые немецкие консерваторы, духовные вожди германской социал-демократии сближали и отождествляли в этом пункте „нигилизм“ и „панславизм“. П. С.) так основательно разрушают русско-германский союз, что он лишь на короткое время, для видимости, может быть заштопан, — в этот самый момент их афганские агенты бросают Англию, в случае войны России с Германией, в объятия Бисмарка. Я уверен, что Бисмарк руками и ногами работает над тем, чтобы довести дело до войны с Россией. В союзе с Австрией и Англией он может дерзнуть и на это, Англия обеспечит ему нейтралитет Дании, вероятно, Италии, может быть, даже самой Франции».

* L. c. pp. 232–235.

** «Cobden, the "Umble" and "homely Man" hat sich bedeutend blamiert mit seiner letzten Rede. Er zeigt, dass er und die "Umble Men", die ihm Beifall klatschten, nicht dazu berufen sind England zu beherrschen. Quäker Bright will bloss vom inneren Krieg wissen. Cobdens Entdeckung, dass die soziale Konstruktion Englands und Russlands analog, weil es dort Demidoffs und hier Derbys giebt, ist eines Pfälzer-Neustädter Revolutionsphilisters würdig. Der Briefwechsel zwischen Friedrich Engels und Karl Marx 1844 bis 1883. Herausgegeben von A. Bebel u. Ed. Bernstein. Zweiter Band, Stuttgart, 1913, S. 6.

«Было бы лучше, если бы дела в России быстрее пошли к кризису и устранили перспективу войны внутренним переворотом. Положение становится слишком благоприятным для Бисмарка».

«Одновременная война с Россией и Францией явилась бы (для Германии) борьбой за национальное существование, и в возгоревшемся из этой борьбы шовинизме наше движение (социал-демократическое) на целые годы погибло бы. И шансы при этом, в случае присоединения Англии, были бы для Бисмарка весьма благоприятными — долгая и трудная борьба, но 3 шанса против 2 за окончательную победу, вроде исхода Семилетней войны»*.

К этой картине европейской войны, которой Энгельс боится только потому, что её удачно повёл бы Бисмарк, а не всеевропейская революция, Маркс в ответном письме от 10-го сентября того же года замечает:

«Для нашего движения и для Европы вообще не могло бы произойти ничего более вредного, чем осуществление плана Бисмарка»**.

Как известно, у Бисмарка вовсе не было плана войны с Россией. Выше читатель найдёт перевод классической XXIX главы «Мыслей и воспоминаний» Бисмарка, в которой рассказывается история возникновения австро-германского союза. Этот аутентичный комментарий к союзному акту 1879 г. в настоящее время читается с огромным интересом. Между прочим, он показывает, в какой мере Бисмарк мог в своей внешней политике всё-таки руководиться соображениями внутренней политики. Это подчинение внешней политики мотивам, по-

* L. c. Vierter Band. S. 423. Маркс полагал, что «внутреннее движение» в России после вступления на престол Александра II означает крушение русской внешней политики, последним триумфом которой он считал парижский мир 1856 г. «*Das Geheimniss der Erfolge der russischen Diplomatie abroad war die Grabesstille of Russia at home*» (I. c., S. 424). Переживаемые нами события доказывают как раз обратное. Русская внешняя политика, при прочих равных условиях, никогда не стояла так высоко и не достигала таких успехов, как в наше время, когда «внутреннее движение» привело к созданию народного представительства и именно в вопросах внешней политики — к широкой свободе печати.

** L. c. S. 424.

черпнутым во внутренней политике, представится нам ещё более значительным, если мы вспомним, что союз с Австрией диктовался Бисмарку полной неприемлемостью для него идеи соединения немецких земель Австрии с Германией, ибо такое соединение означало бы усиление католического элемента и ослабление прусского начала в Германской империи. Как бы то ни было, внутренне-политические соображения Бисмарка сами по себе уже исключали для него агрессивные намерения против России. Но кроме того, как я уже указывал в своих статьях, Бисмарк решительно отклонял мысль о том, что Германия должна до конца солидаризироваться с Австро-Венгрией в её ближневосточной политике, «представительствовать» балканские интересы Габсбургской монархии. А самостоятельных интересов Германии на Ближнем Востоке Бисмарк не признавал.

Вот почему того плана войны с Россией, который Маркс и Энгельс приписывали Бисмарку, у него не было и не могло вовсе быть. Мнимый план Бисмарка на самом деле и по существу был давнишней мечтой самих Маркса и Энгельса.

Не только не имея ничего против разгрома России, но, наоборот, мечтая о нём, Маркс и Энгельс не хотели, однако, чтобы план грандиозной противорусской коалиции осуществил их политический противник, уже успевший за это время обрушиться на германский социализм исключительным законом. Но менее осторожный и хитроумный ученик Маркса и Энгельса, Вильгельм Либкнехт, за год перед этим, в 1878 г., в германском рейхстаге прямо противопоставлял действительной, лавирующей между Россией и Австрией политике Бисмарка программу решительной борьбы с Россией в союзе с Турцией.

Какую политику рекомендовал Германии тогда Либкнехт-отец?

Политику теснейшей связи с Австро-Венгрией, во-первых, поддержания Турции и решительной борьбы с Россией, во-вторых.

По первому пункту Либкнехт 19-го февраля (н. ст.) 1878 г., в исторических дебатах рейхстага о восточном вопросе, происходивших перед сан-стефанским договором, сказал буквально следующее:

«Пока опасность угрожает только Австрии, но Австрия есть лишь кусок Германии (ein Stück von Deutschlands), и поскольку она не является прямо германской, она есть форпост Германии (ein Vorland Deutschlands)»

«Сегодня дело идёт о Турции; после Турции — очередь за Австрией. Мир, какой ещё теперь в лучшем случае возможен, если России в последний момент не будет дан отпор, — такой мир бросает семена уничтожения в австрийское государство. Принцип национальностей, который с таким успехом был использован Россией против Турции, будет точно таким же образом использован против Австрии».

Извращая истинный ход событий, Либкнехт в заключение своей речи так характеризовал отношения между Россией и Германией:

«Скоро наступит время, когда ставшая лишь благодаря германской помощи (sic!) могущественной Россия направит свои когти и против Германии... Германская культура, Германская империя испытают пагубное влияние созданного германским нейтралитетом преобладания России. До сих пор мы поддерживали мир и, быть может, нам удастся ещё несколько лет его поддерживать, но потом наступит момент, когда мир уже станет невозможен, когда могущество России обнаружится так ясно, что необходимо будет поднять меч. Тогда, быть может, некоторые из вас вспомнят о том, что то были социал-демократы, которые заявили в рейхстаге следующее: то, что в 1877 г. могло бы быть достигнуто для Германии, для всего света истинно-национальной политикой и честным нейтралитетом Германии, это когда-нибудь

германской нации придётся завоёвывать с несказанными жертвами, ужасным кровопролитием»^{*}.

Х

Программа Вильгельма Либкнехта, которая по основной своей идее – борьбе с Россией и славянством – была программой Маркса и Энгельса, в совершенно новых политических условиях осуществляется Вильгельмом Гогенцоллерном в 1914 г.

Таким образом, Вильгельм Либкнехт, в весьма существенных пунктах оказался замечательным пророком, но – тем хуже для Вильгельма II. Ибо в 1877–78 гг. та открыто противорусская политика, которой требовал в рейхстаге Либкнехт-отец, могла быть осуществлена Германией в союзе с Англией, при нейтралитете Франции. Теперь, в 1914 году, император Вильгельм, презревший советы князя Бисмарка, осуществляет политическую программу Либкнехта в условиях, когда против Германии стоит не только Россия, но и Англия с радикальным министерством во главе, и Франция, в которой для борьбы с Германией республиканец-консерватор Рибо объединился с марксистом Гэдом, личным другом Либкнехта.

И ещё одно отличие 1914 г. от 1878: в 1878 году о растерзанной Польше вспомнил германский рейхстаг устами польского депутата Комеровского и того же Либкнехта, которые оба требовали восстановления Польши; в 1914 году о ней вспомнила и её призвала к новой жизни Россия в достойном и мудром воззвании Верховного Главнокомандующего.

Вся мудрость этого акта особенно ярко выступает при свете тех мыслей о русско-германских отношениях, которые

^{*} Ср. ставшие теперь большой редкостью брошюры Либкнехта, вышедшие в 1878 г.: «Die Orientdebatte im deutschen Reichstag» и «Zur orientalischen Frage oder soll Europa kosackisch werden?» Этими брошюрами я уже воспользовался в статье «Вильгельм Либкнехт и Вильгельм Гогенцоллерн», напечатанной в *Биржевых Ведомостях* от 27 августа.

читатель найдёт в печатаемых выше соображениях Бисмарка. Русско-польский спор был всегда желанным орудием подчинения России интересам и целям Германии*.

Как бы то ни было, исторический материал, нами привлечённый, неопровержимо доказывает, что антирусская политика и даже, ещё общее, вражда к славянству, свободное объединение которого рисуется в виде какого-то чудовищного «панславизма», является исторической традицией германской социал-демократии. Я глубоко убеждён, что наличность и сила этой традиции в значительной мере объясняют поведение германской социал-демократии в настоящее время и вообще отношение всего рабочего класса Германии к великой европейской войне.

Не только русское государство, но и русская стихия традиционно рассматривается всем германским радикализмом, с социал-демократией во главе, как сила, враждебная культуре и прогрессу.

В этом отношении в Германии мало что изменилось со времён восточной войны 1853–1855 гг. и русско-турецкой кампании 1877–1878 гг.

Правящая и консервативная Германия лишь в последнее время пришла в прямой конфликт с историческими задачами России на Ближнем Востоке. Германия радикальная и народная традиционно воспитана во вражде к России и к её славянскому призванию.

Но вопрос о соотношении между настоящей войной и различными германскими идеологиями должен быть поставлен и шире и глубже. Та германская «гордыня», которую мы ощущаем, как главный источник происхождения этой войны, есть явление новой и даже новейшей Германии. В ней поражает полное отсутствие всякой религиозной подкладки, она по питающему

* Пользуюсь случаем, чтобы указать на чрезвычайно поучительную статью *М.П. Драгоманова* «Восточная политика Германии и обрусение», напечатанную в 1872 г. и перепечатанную в т. I «Политических сочинений» (Москва, 1908 г.), стр. 1–216.

её духу – позитивна и позитивистична. Официальная Германия на словах поминает Бога, но вся политика её, поддержанная и поддерживаемая Германией неофициальной, есть реальная политика, исходящая исключительно из учёта «реальных» сил, технической мощи, фактора времени и быстроты и т. п. В этой политике – и в этом её глубочайшее метафизическое отличие даже от политики Бисмарка и идеологии Трейчке – совершенно отсутствует ощущение и сознание сверхчеловеческих сил, действующих в истории, словом, отсутствует религиозное начало. В мировоззрении и в политике Бисмарка, как бы ни оценивать её отдельные приёмы и действия, присутствовало ощущение и сознание сверхчеловеческих сил, руководящих людьми в истории. Именно этого нет у деятелей современной Германии. Внешняя политическая обстановка войны 1914 года (заранее обдуманное, основанное на учёте сил нападение, дипломатически подготовленное возбуждением сербского вопроса) есть лишь выражение некой духовной сущности, лежащей в основе этой войны. Катастрофа 1914 г. есть крушение того овладевшего Германией позитивизма, который всего полнее захватил в ней именно городские народные массы, находящиеся в духовном подданстве у социал-демократов*. Гордыня Германии есть гордыня материалистической веры в хозяйственную и техническую культуру, успехи которой в Германии за последние десятилетия были действительно беспримерны. В этом отношении между Германиями официальной и неофициальной, буржуазной и пролетарской, северной и южной, прусской и не-прусской нельзя и не должно проводить никакого различия. Германия в этой войне духовно едина, в дурном и в хорошем. Но, устанавливая это, с тем большей силой необходимо подчеркнуть, что дух этой войны родился именно в недрах новой, послебисмарковской Герма-

* О безрелигиозности народных масс в Германии я говорил в статье «Почему застоялась наша духовная жизнь?» (*Русская Мысль*, март, 1914 г., стр. 104–118).

нии, Германии безрелигиозной и позитивистической*, не то что забывшей своих великих мыслителей, но органически изжившей ту духовную стихию, которой были порождены Лессинг, Гёте, Шиллер, Кант, Фихте, Шеллинг. Я останавливаюсь перед именем Ницше. Он двойственен, ему не чужда духовная культура старой Германии, но в то же время он, может быть, вопреки своему лучшему «я» – духовный творец новой Германии. И потому недаром и неслучайно на той книге генерала Бернгарди, которая является пророческой программой превентивной войны 1914 г., в качестве эпиграфа стоит афоризм из Ницше: «Война и мужество свершили больше великих дел, чем любовь в ближнем».

Но чем более я настаиваю на том, что ни старая Германия философов и поэтов, ни даже Германия Вильгельма I и Бисмарка не являются творцами войны 1914 г., тем важнее с моей точки зрения указать, что необходимо ясно и точно отделять и отличать дух, который родил эту войну, от духа, вызванного войной, после того как она стала неотвратимым фактом. Сами немцы, и в том числе те видные учёные, которые подписались под известным манифестом германской интеллигенции, так же смешивают эти два глубоко отличных одно от другого явления, как и многие не-немцы, судящие и пишущие о современной Германии. Этим отождествлением двух явлений сами немцы не возвеличивают, а принижают своё отечество.

Патриотизм, связанный с личным самопожертвованием, несомненно после войны охватил и объединил Германию, и такой патриотизм всегда остаётся великой идеалистической силой. Но война, как политический факт, не имеет ничего общего с этим рождаемым ею идеализмом, и не имеет его именно со стороны Германии. Со стороны Германии эта война

* Ярким представителем и выразителем этой Германии является известный натурфилософ Оствальд, считающий, что Германия призвана «организовывать» мир.

не родилась из геройского идеалистического порыва, а была актом весьма плохого, но в то же время холодного политического расчёта и учёта, совершенно позитивный, свободный от идеализма характер которого нисколько не колеблется тем, что этот расчёт был ошибочным до безумия. В самых этих ошибках учёта, наоборот, обнаружилось отсутствие внимания к духовным и сверхчеловеческим факторам мировой истории, сказалось то, что можно назвать безбожием в политике.

XI**

Исполняется два года, что идёт великая мировая война, которую все ожидали и в которую никто не верил.

Каково же на третий год соотношение сил борющихся сторон, какие уроки дал этот новый опыт войны, совершенно несравнимой с теми, что велись раньше? Изменило ли всё происшедшее в чём-либо те мысли и настроения, которые владели нами в первые месяцы войны?

Война началась летом; прошлой весной в ней произошёл перелом, неблагоприятный для союзников, борющихся с германской коалицией. А нынешняя весна опять принесла волнующие события, отмечающие новый перелом в ходе войны, теперь уже для нас благоприятный. И возникает вопрос: может ли «военное счастье» вновь отвернуться от союзников и перейти на сторону германской коалиции? Я говорю не об отдельных эпизодах летней кампании, а об общем её содержании и характере, который зависит от длительно действующих сил и факторов.

Трудности войны для противогерманской коалиции определились с самого начала тем, что ни одна из держав этой коалиции ни технически, ни духовно не была так подготовлена к сухопутной войне, как Германия. Поэтому у Германии

* * В оригинале ошибочно – IX. М.К.

имелись серьёзные шансы *окончательно* разбить каждого из своих противников на суше порознь и тем самым преодолеть их вместе. На это Германия, по-видимому, твёрдо рассчитывала, но в этом расчёте она, как показали события, ошиблась. А раз эта возможность исчезла у Германии, то этим мы вырвали у неё главный шанс победы. Раз быстрота удара не смогла дать Германии окончательной победы, то фактор времени стал неотвратимо действовать в обратном направлении, вернее, он дал возможность – обнаружиться и вступить в силу другому фактору, пренебрежение которым составляло первую и основную ошибку Германии. Я разумею то непрекаемое и подавляющее превосходство в живой силе, которое имеет противогерманская коалиция над центральными империями. Вот грубое сопоставление соответствующих данных (население в миллионах душ):

<i>Германская коалиция</i>	<i>Противогерманская коалиция</i>
Германия..... 70	Россия (вся)..... 173
Австро-Венгрия.....53	Великобритания (без колоний)..... 46
Турция.....21	Франция (без колоний)..... 40
Болгария 5	Италия 36
129	295

Цифры эти несколько преувеличены для Германии, так как население Турции есть весьма проблематичная величина; для противогерманской же коалиции они *сильно* преуменьшены, так как я не ввёл в счёт населения британских и французских колоний, несомненно, имеющего значение как резервуар живой силы, ни населения Сербии, хотя часть её армии ещё сохранилась в вполне боеспособном виде.

Данные, занесённые в эту таблицу, заключают в себе решение вопроса о войне, конечно, при условии нужной для победы волевой стойкости правящих и народных элементов противогерманской коалиции.

Нельзя отрицать, что германская коалиция не только в момент войны была лучше технически и идейно подготовлена к войне, но и в смысле некоторых основных естественных условий вооружённой борьбы была лучше обставлена, чем её противники.

По металлургическому производству и её основе — добыче каменного угля — Австро-Германия перед войной стояла выше союзников; в процессе войны она в этом отношении усилилась захватом территорий французских, бельгийских, русских. Этот фактор мог бы иметь очень серьёзное значение, если бы к услугам союзников не была промышленность нейтральных стран; первое, подавляющее по своему значению место в этом отношении принадлежит Соединённым Штатам Северной Америки. Экономическая зависимость противогерманской коалиции от Соединённых Штатов, обнаруживающаяся в сфере снабжения продуктами металлургической в широком смысле промышленности, в военно-политическом отношении тем выгодна для союзников, что она есть в то же время зависимость великой заатлантической республики от союзнических рынков. Такой связи между германской коалицией и Соединёнными Штатами в области экономической, именно в силу самодовления Германии в области снабжения углём и железом, существовать не может, а эта связь, имеющаяся между Соединёнными Штатами и союзниками, в обстановке английского господства на море означает восполнение недостающих естественных ресурсов и экономических возможностей противогерманской коалиции всем колоссальным богатством великой американской республики.

Если противогерманская коалиция свой промышленный дефицит может восполнять из Соединённых Штатов (и Японии; последняя имеет, впрочем, производное значение, так как в ней нет металлургической промышленности, опирающейся на собственную добычу железной руды), то, наоборот,

германская коалиция лишена возможности оттуда покрывать свой *продовольственный* дефицит. Единственным источником из числа нейтральных стран для Австро-Германии является Румыния, значение которой в смысле продовольственного снабжения наших противников весьма велико при данных критических обстоятельствах.

При возможности пользоваться Соединёнными Штатами как резервуаром металлургического снабжения и муниципальной фабрикой, Японией же – как муниципальной фабрикой, при возможности для дефицитных в продовольственном отношении союзных стран более или менее беспрепятственно получать продукты из Америки, некоторые технико-экономические преимущества Германии сравнительно с противостоящей ей коалицией более чем уравниваются.

Между тем противогерманская коалиция по одному основному объективному фактору состязания, живой силе, более чем вдвое, вероятно, прямо втрое сильнее центральных империй с их юго-восточным, болгаро-турецким придатком. И это обстоятельство при приблизительном равенстве всех прочих факторов, имеющих непосредственно военное значение, не может не привести войны к определённом исходу.

К превосходству противогерманской коалиции, в живой силе присоединяется ещё другой фактор: экономическое истощение центральных империй – в самой чувствительной форме иссякания продовольственных средств. Значение этого фактора, всецело определяемого чрезвычайной действительностью английской блокады, учитывалось и раньше, но это делалось до сих пор, по преимуществу, если можно так выразиться, в *ложной* перспективе. Германия будет побеждена, говорили, несмотря на свои военные успехи, так как её экономические силы не выдержат. Ошибочность такого рассуждения заключалась в том, что продолжающиеся военные успехи одной стороны неизбежно означают неудачи

и поражения другой, а такие неудачи не могут тянуться неопределённо долго.

Перелом в войне, который в положительной форме был учтён союзниками во второй половине мая 1916 г. грандиозным наступлением армий Брусилова, отрицательно обозначился ещё в сентябре 1915 г., когда германцы, несмотря на очень крупные успехи, оказались не в силах продолжать наступление на нашем фронте. Тогда, в этот момент сказался роковой для германской коалиции недостаток живой силы, и исход кампании был предрешён. Когда германцы должны были отказаться от выполнения «третьего Гинденбургова плана окружения», они проиграли всю войну. Будущие историки войны, я уверен, будут именно так и говорить: те четыре русских корпуса, которые от Двины угрозой с тыла остановили кавалерию ф. Эйхгорна, в известном смысле были призваны историей решить великую европейскую войну. Но в том, что германцы не могли «третье Гинденбургово окружение» довести до конца, сказался в сущности основной элементарный факт, в настоящее время обнаруживающий всё своё огромное значение: у германцев для дальнейшего наступления на Россию не хватило пехоты. С этого момента Германия и её союзники перешли к обороне, несмотря на Верден, ибо верденская эпопея тем и замечательна, что она показала неспособность германцев к дальнейшему наступлению вообще, неспособность, вытекающую из непоправимого недостатка живой силы.

XII**

Итак, Германия вынуждена была перейти к обороне, а союзники смогли начать наступление.

* * В оригинале ошибочно – Х. М.К.

Что это значит и как должны при таком обороте дела далее развиваться события? На этот вопрос ответ отчасти уже дан самими событиями. Не случайно, что русское наступление началось на юго-восточной части фронта. Здесь наиболее уязвимое (в военном отношении) и в то же время политически самое важное место того совокупного восточно-германского фронта, против которого оперирует Россия. Дальнейшее развитие войны с политической точки зрения, как она определяется интересами и России, и всей нашей коалиции, должно заключаться в полном выведении (тем или иным порядком) из строя Австро-Венгрии, как воюющей державы. Политически это возможно двумя способами: либо чисто-милитарным разрушением всей австро-венгерской державы путём доведения до конца направленных против неё военных операций, либо её отдельной от Германии капитуляцией перед державами согласия. Это есть в сущности вопрос о дальнейшей судьбе Венгрии и её соотношении с Германией. В настоящее время для Венгрии наступает критический момент, когда, вынудив отпадение двуединой монархии или, по крайней мере, отпав сама от Германии, она могла бы ещё, пожалуй, спастись от полного умаления и унижения, почти гибели. В настоящее время трудно, почти невозможно судить, в какой мере подобная решительная новая «ориентация» политики Венгрии психологически и военно-политически доступна тем или иным элементам этого государства, могущим взять в свои руки власть. Если такого внутреннего перелома в сфере восточно-германского фронта не произойдёт, то судьбы Австро-Венгрии будут решены соединённой силой оружия и экономического давления. Совершенно ясно, что в таком случае в разрешении австро-венгерского вопроса с определённого момента должна принять участие Румыния, ибо ведь и возможность отделения Венгрии от Германии определяется той угрозой, которую именно для Венгрии представляет положение Румы-

нии в связи с её политическими ожиданиями и намерениями. Отделение Венгрии от Германии или вступление Румынии в противогерманскую коалицию, что гораздо более вероятно, будет означать ликвидацию балканского фронта. Ведь только с этой точки зрения для нас и для всей коалиции важно окончательное отделение Венгрии от Германии или равнозначное с ним вступление Румынии в противогерманскую коалицию.

Непосредственно нас и союзников судьба Венгрии, как таковой, не интересует; Венгрия важна для нас, как союзница нашего главного врага и как «проходное пространство». Румыния же имеет для нас значение главным образом не как активный военный союзник, а тоже как «проходное пространство», доступ в которое приведёт к ликвидации балканского фронта. Вот почему в разные моменты войны ценность Румынии для противогерманской коалиции была и будет весьма различная.

С выведением из строя Австро-Венгрии, которое почти автоматически повлечёт за собой выведение из строя Болгарии и Турции, Германия из нападающей и наступающей стороны окончательно превратится в обороняющуюся. Этот перелом, как я уже указал выше, в военном отношении был предрешён приостановкой германского наступления на нашем фронте в сентябре 1915 г. Теперь только начинают назревать плоды этого неотвратимого перелома. Тут есть полное соответствие между чисто-военной областью и экономической. Окончательное выведение из строя германской периферии, т. е. Австро-Венгрии и Болгаро-Турции, будет завершением и экономического процесса, назревание которого уже давно обозначилось. Означая для Германии увеличение живой силы, присоединение этих экономически пассивных и дефицитных государств временно милитарно и далее отчасти экономически усиливало её более, чем ослабляло. Сейчас же, в момент, когда по существу Германия уже перешла к обороне, необ-

ходимость милитарно и экономически поддерживать своих союзников на всех их фронтах в конечном итоге только ослабляет Германию. Особенно важно это в *экономическом* отношении. Сокрушаемая милитарно, германская периферия в лице Австро-Венгрии и Болгаро-Турции быстро слабеет экономически, ещё быстрее, чем милитарно. И в том и в другом отношении германская периферия ослабевает гораздо раньше, чем сама Германия.

XIII**

Так, в процессе войны разрушается находящаяся под германской эгидой «Средняя Европа». Создание этой «Средней Европы», совершившись тоже в самом процессе великого состязания государств и народов, с германской толки зрения, есть истинный мотив всей войны и даёт ей подлинный смысл. Война уничтожит этот грандиозный план германского империализма, который не мог быть осуществлён иначе, как в кровавой борьбе с пятью другими великими державами и ставил политическому и военному искусству невыполнимую по существу задачу.

Программа «Средней Европы», в обеих её версиях, как умеренной, превосходным образцом которой может служить известная книга бывшего священника, а ныне либерального депутата Науманна, «*Mitteleuropa*», так и более радикальной, самым любопытным образцом которой являются, вероятно, нашумевшие брошюры Винтерштеттена-Риттера «*Berlin — Bagdad*» (в моих руках 15-е издание этого вышедшего до войны произведения!) и «*Nordkap — Bagdad*» (вышло после войны), сводится к идее, лёгшей в основу войны, — идеи *континентального*, экономического и политического, расширения

* * В оригинале ошибочно — XI. М.К.

Германии. Орудием и участником этого расширения должна была явиться прежде всего, конечно, Австро-Венгрия.

На вовлечении Австро-Венгрии в орбиту наступательной германской великодержавной политики покоится вся эта программа. Война была лишь практическим приложением программы и основывалась на расчёте, что до вмешательства Англии и, пожалуй, независимо от него центральным империям удастся разгромить Россию и Францию.

Образование из Германии и Австро-Венгрии не простого союза, а какой-то сверхвеликой державы, могущей состязаться с такими государственными и национальными целыми, как Британская империя и Россия, дополняется в более радикальной версии «среднеевропейской программы» длительным привлечением к этой комбинации Турции, Болгарии (эти два государства в ходе войны примкнули к центральным империям, соблазнённые гипнозом германской силы и первоначальными успехами Германии), трёх северных стран (Швеции, Дании, Норвегии) и Румынии. Такое привлечение приблизительно уравнивает по численности население «Средней Европы» с населением России*.

Идея «Средней Европы» в обеих её версиях есть порождение и выражение безнадёжной слабости центральных империй в предпринятом ими состязании. Из этой слабости они ищут спасения. А так как движущим мотивом войны были и остаются агрессивные задачи Германии, то для осуществления нападения с явно недостаточными по существу силами необходимо было, в начальный момент явного технического превосходства, по возможности раздвигать периферию борьбы. Вопреки утверждению германских политиков и публицистов, самый ход войны с полной ясностью обнаружил наступательную, а не оборонительную её природу со стороны Германии, и даже такой относительно умеренный политик, как Науманн,

* Cp. Dr. Albert Ritter (Winterstetten). Nordkap – Bagdad. Frankfurt a. M. 1916. Ss. 8–9.

совершенно откровенно говорит, что, на основании будущего мира прийти к *status quo ante bellum* – означало бы для центральных империй, как великих держав, поражение и падение.

Самая идея «Средней Европы», – благовидное наименование для германской гегемонии, – заключала и заключает таким образом в себе угрозу для остального европейского мира, и ей должна быть противопоставлена программа раздела Австро-Венгрии, как политически необходимого и вполне осуществимого вывода из войны, преступно навязанной обеими центральными империями другим большим и малым государствам Европы. Сейчас вне этого решения не может быть просто даже окончания войны, как таковой. Напомним, что сама Германия в своих переговорах о том, как Австро-Венгрия могла бы удовлетворить Италию, встала на почву идеи раздела Австро-Венгрии. Теперь так же в сущности ставится вопрос и об участии Румынии.

Союз с Германией, которая на Ближнем Востоке взяла на себя ту роль по отношению к России, которую прежде играли Англия и Франция и отчасти – Австро-Венгрия, и сочетала эту для себя новую, но объективно старую задачу с борьбой против прежних противников России, Англии и Франции, неизбежно поставил многоплемённую и страдающую весьма слабым сцеплением частей Австро-Венгрию перед проблемой: *самораздел* при честном маклерстве Германии или *раздел*. Наличие в тылу Австро-Венгрии Румынии, которая, как самостоятельное государство, сложилась и существует вообще лишь благодаря тому, что за её спиной стояла и стоит Россия (иначе она давно была бы присоединена к Австро-Венгрии), вносит в эту проблему ещё одно осложнение, которое можно выразить словом: распад.

Ибо для того, чтобы спастись от произведённой в пользу Румынии ампутации, Венгрия имеет лишь одно действительное средство: отложиться от Австрии, т. е. изнутри разло-

жить, или разделить Австро-Венгрию. Сейчас, как я говорил выше, мы подошли к поворотному моменту войны именно в этом смысле. Но и отпадение Венгрии будет не чем иным, как особым видом раздела Габсбургской монархии, вернее, прелюдией к этому разделу.

Совершенно не случайно а, наоборот, в высшей степени характерно для существа дела, что идеологи «Средней Европы» ещё до войны с полной ясностью сознавали, к чему должна вести защищаемая ими политика германского империализма с его ближневосточными замыслами.

Автор брошюры *Berlin – Bagdad* говорил, что «Германская империя должна самым официальным и категорическим образом выяснить Вене, что сейчас (это писалось в 1913 г.!) Австрия представляет для Германской империи не помощь и опору, а жизненную опасность наихудшего вида».

«Ибо вследствие враждебного отношения Румынии она не может достаточно защищать самое себя на южном фронте и беззащитна против России. В этом положении Германская империя не должна пребывать больше ни одного дня, если она не желает осудить себя на гибель. Поэтому венское правительство должно незамедлительно упорядочить управление и оборону монархии и, во всяком случае, сделать возможным союзничество Румынии. Для всего этого необходимо, чтобы по меньшей мере Галиция-Буковина перешла на положение особой и автономной части монархии, чтобы Далмация была соединена с Боснией и чтобы в Венгрии получил силу удовлетворительный закон о правах национальностей и была проведена реформа избирательного права. Если венское правительство не пойдёт по этому единственному, обещающему спасение пути, то Германская империя должна отделиться от дунайской монархии и перейти в положение зрителя, который станет созерцать, как Австро-Венгрия будет устраивать свои дела. Но тогда Австро-Венгрия обречена на раздел»*.

* Berlin – Bagdad. Ss. 78–79.

Война осуществила программу самого тесного объединения Германской империи и Австро-Венгрии. Но именно это привело дунайскую монархию на край гибели и поставило её лицом к лицу с действительностью раздела или, вернее, раздела и распада.

Так творится неотвратимый суд истории.

19-го июля, в день двухлетнего объявления войны Германией России.

Освобождённая Россия*

Вторая русская революция, завершившая дело политического освобождения нашей родины, налетела, как ураган, как разбушевавшаяся стихия, которая сломала на своём пути все преграды. В этой грозной стихийности – подавляющая величественность пережитых Россией событий. Всё личное, всё партийное смолкает перед ними. Видится только Россия, страдавшаяся, смятенная, но, сквозь весь ужас ещё не утишенной смуты и борьбы, выпрямляющаяся и просветляющаяся. Слезы волнения и восторга, тревоги и умиления душат. Не будем, однако, обманывать себя и других. К восторгу от скорой победы над отжившей и ставшей совершенно негодной и нетерпимой властью примешивается чувство тревоги за Россию, перед которой в грозной готовности стоит сильный и упорный внешний враг. Он только и мечтает о том, чтобы сосредоточенным и метким ударом сломить и повергнуть во прах выпрямляющуюся новую Россию. Пусть этот угрожающий образ сильного внешнего врага, для которого в возрождении и укреплении русской силы заключается величайшая угроза, стоит живым предостережением перед взором каждого из нас, будя совесть и подвигая на действенную работу.

* Русская Мысль. 1917. Кн. II. С. XI–XII.

Нам всем нужно соединёнными усилиями беречь армию, в которой воплощается наша национальная сила. Без армии, как стройно организованного целого, новая Россия погибнет. Погибнет от внешнего врага на потеху и во славу старой власти, которая на костях России возродится из военной разрухи.

Теперь все мысли сосредоточены только на этом, на мощном объединении страны и её вооружённых сил пред лицом внешнего врага. Старая власть повержена во прах, и не от неё, униженной и не существующей, а от нашей собственной неустроенности грозит нам беда.

В глубоком внутреннем единении и в сохранении полного порядка в тылу и на фронте – наше единственное спасение. Теперь лозунг: война до победного конца, получил свой окончательный смысл и всецелое оправдание. Будем верны этому лозунгу и достойны его.

Иллюзии русских социалистов*

Обычная схема, по которой современные русские социалисты мыслят совершающиеся события, сводится к следующему.

В России во время войны восторжествовали, проникнутые идеями и духом социализма, рабочие и солдаты, и воплотившийся в этих народных массах социализм перекинется на запад, как в союзные, так и во враждебные России страны, и там усилит социализм, быть может, даже приведёт его к конечному торжеству.

В основе этой веры лежит ряд грубейших ошибок и плачевнейших иллюзий.

Русская революция, по своему объективному смыслу и реальному значению, есть не торжество социализма, а его поправление и крушение.

Ибо что такое социализм? Прежде всего это такое упорядочение производства и вообще всей экономической жизни, которому должны подчиняться все групповые и личные интересы. В русской же революции, наоборот, под социализмом разумеется полная свобода и самоопределение в преследовании групповых и личных интересов, совершенно независимо от соображения о том, к чему такое преследование приведёт.

* *Пётр Струве*. Иллюзии русских социалистов // Русская Свобода. № 7 [Июнь]. Пг., 1917.

Вот почему результатом социалистической пропаганды и активности в России на наших глазах является не упорядочение, хотя бы самое суровое, экономической жизни, а её полное расстройство, т. н. «разруха».

Это особенно очевидно в условиях войны, которая с непререкаемой повелительностью навязывала и продолжает навязывать всем народам, ведущим её, и всем классам, их составляющим, режим военного социализма. Что бы ни говорили об этом военно-социалистическом режиме, здесь осуществляются, правда, в условиях всеобщего оскудения, принципы государственного регулирования и производства и распределения в интересах всего общественного целого, так или иначе понимаемого. С другой стороны, на западе военное регулирование хозяйственной жизни везде сопровождалось повышением производительности труда и общим сокращением потребления. В России же ещё до революции мы видели обратные явления. Несмотря на повышение заработной платы или, вернее, благодаря ему, в общем производственная энергия труда понизилась. Исторически это вполне понятно: тут сказалась та психология «низкой заработной платы», которая держалась, например, в Англии до XVIII века и которая коренится в низком уровне потребностей: раз дана эта психология, при повышении заработной платы нет стимула не только к повышению, но даже к поддержанию на прежнем уровне производительности труда.

Революция лишь обострила и обнажила это положение вещей, которое не только не означает социализма, но, наоборот, знаменует в известном смысле даже удаление от него. Нельзя, конечно, отрицать, что за войну в России произошло повышение потребностей широких слоёв населения, явление прогрессивное по существу. Но прогрессивный характер повышения потребностей даст знать себя только в совершенно другой экономической и политической обстановке, когда

повысившийся уровень потребностей, в здоровой атмосфере нормальной жизни, на основе свободы конкуренции, вынудит со стороны трудящихся масс более интенсивный и производительный труд. Сейчас же над русской экономической жизнью господствует сочетание условий военной экономии (огромный спрос на труд, заставляющий государство и предпринимателей соглашаться непрерывно повышать заработную плату!) с полурабьей психологией трудящихся, из которой вытекает низкая производительность труда. Эта комбинация условий не только не приближает Россию к социализму, понимаемому как планомерная организация национального производства, но объективно её затрудняет и психологически удаляет от неё, рождая и питая грубейший групповой и личный эгоизм, разнуздывая в массах самые низменные буржуазные инстинкты и страсти, но в то же время заглушая в них буржуазные добродетели.

И уже теперь для всякого разумного и объективного наблюдателя ясно, что в России та незрелая и отталкивающая форма, в которую облакаются идеи социализма, не может не готовить против самой этой идеи глубочайшей реакции чувства и воли. Русские социалисты, живя иллюзией, что они отмеченные перстом истории борцы за социализм, на самом деле компрометируют и губят в своей собственной среде на многие годы социализм как идею.

Но есть ещё и другая сторона дела. Это – сторона международная. Герцен когда то сказал, что Англия с её крайностями капитализма, совершенно не смягчаемого государственным вмешательством, являет собою «пьяного илота цивилизации», – крайний пример того, до чего может довести угар завоеваниями «либеральной» или «буржуазной» цивилизации. Можно спорить о том, правильно ли оценивал Герцен современную ему Англию в этом отношении. Но когда я размышляю о современном положении и России и всего мира, мне

гвоздят мозг эти слова Герцена, и я думаю: Россия наших дней изображает из себя для всего мира *пьяного илота социализма и классовой борьбы*. И я ясно вижу, что в результате русских опытов, политических и экономических, проводимых под знаком социализма, не может не произойти мирового крушения социализма как идеологии.

Ибо, в самом деле, что случится, если в нашей стране восторжествует социализм в реальном образе русских социалистов и тех масс, которые пока следуют их призывам? Для самой России это будет означать полное народно-хозяйственное и государственно-хозяйственное банкротство. Такое банкротство выведет Россию из строя воюющих держав, либо фактически (это уже почти и случилось), либо фактически и формально. Тогда возможны следующие исходы: либо победит Германия, либо Германию победит согласие западных держав без России, либо, наконец, западные державы вынуждены будут заключить мир с Германией за счёт России. В первом случае русские социалисты в глазах всего англосаксонско-латинского мира нанесут страшный удар и русскому имени и русскому социализму, торжество идей и тенденций которого приведёт к победе германизма. Россия попадёт в опеку Германии и станет объектом её давлений, экономических, политических и духовных, в мере, ещё не виданной в мировой истории.

Во втором и третьем случае получится не тот же общий результат, но такой же урок для России и для всего остального мира. Так русские социалисты становятся в каком-то непонятном ослеплении могильщиками социализма и величайшими обличителями демократии.

Всё, что я говорю сейчас, есть совершенно объективные размышления о том, что совершается на глазах у всех нас. Для меня лично социализм, в который я некогда верил, уже давно является не предметом веры и поклонения, а лишь

одной из идей, многозначительной и могущественной, исторического развития народов, в своей отвлечённой сущности не представляющей ровно никакой опасности для нормальной политической и экономической эволюции.

Социализм всегда таков, каким его делают конкретные живые деятели, социалисты. В современной России – и это подготовлено всем её развитием – самые влиятельные социалистические элементы дискредитируют и губят идею социализма.

Эта идея стала в их руках знаменем для разрушительных, противогосударственных и противокультурных инстинктов, овладевших народными массами. Реакция против плодов, которые несёт и принесёт с собой такая деятельность социалистов, неотвратима. Как далеко она зайдёт, никто не может сейчас сказать. Но есть все основания думать, что в отличие от первой русской революции, которая, несмотря на все ошибки социалистических партий, начавшихся пресловутым бойкотом первой Государственной Думы, была, поскольку она воплотилась в первой Государственной Думе, всё-таки революцией глубоко государственной по духу, и потому отразилась в целом ряде других стран усилением демократических течений, – влияние второй русской революции на остальной мир будет иным. В общем она окажет устрашающее и отталкивающее действие на более культурные народы. Идея, что Россия, где распространение социалистических идей влечёт за собой падение производительности труда и полную утрату народными массами здорового патриотического инстинкта, может вести за собой остальные народы по пути демократии и социализма, есть плод жалкого недомыслия и невежества. Это худший вид, какая-то карикатура национализма, к которой можно с полным правом применить знаменитую формулу, некогда вычеканенную для характеристики отношений между антисемитизмом и социализмом. Это – национализм

дураков, практически служащий делу зловреднейшего интернационализма. Это – новая мнимо-демократическая и мнимо-социалистическая погудка на старый «истинно-русский» лад: «шапками закидаем».

Ни с подлинным национализмом, ни с подлинным социализмом это противоисторическое и противокультурное народничество не имеет ничего общего.

1 июня [1917]

ПРИМЕЧАНИЯ

Новая биография П.Б. Струве, 1870–1918

Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги

¹ Его основные сочинения и собрания сочинений на русском языке: *П. Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб, 1894; *П. Струве*. На разные темы (1893–1901). Сборник статей. СПб, 1902; *П. Струве. Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб, 1911; *П. Струве*. Крепостное хозяйство. Исследование по экономической истории России в XVIII и XIX в. [СПб.], 1913; *П. Струве*. Торговая политика России. СПб, 1913 (переизд.: М., 2007; М., 2016); *П. Струве*. Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни. Т. 1; Т. 2, Часть 1. СПб, 1913–1916; *П.Б. Струве*. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н.А. Струве]. Париж, 1981; *П.Б. Струве. Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жуков и А.П. Поляков. М., 1997; *Н.А. Бердяев*. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. С предисловием Петра Струве [1901] / Сост. В.В. Сапов. М., 1999; *П.Б. Струве*. Избранные сочинения / Сост. М.А. Колеров. М., 1999 (Приложение к журналу «Вопросы философии»); *М.А. Колеров*. Русский социал-демократ *Nemo* [П.Б. Струве]. Русский монархизм, русская интеллигенция и их отношение к народному голоду (1892). Приложения: Пётр Струве: 1. Письма о нашем времени (1894), 2. Усложнение жизни (1899), 3. О нашем времени. I. Высшая ценность жизни (1900) // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000; *П. Струве*. Марксцова теория социального развития (1898) / Пер. под ред. Н.С. Плотникова // Там же; *П. Струве*. [Рец.:] *E. Bernstein*. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie; *K. Kautsky*. Bernstein und das Sozialdemokratische Programm (1898) / Пер. Н.С. Плотникова // Там же; *П.Б. Струве*. Дневник политика (1925–1935) / Отв. ред. Н.А. Струве. М.; Париж, 2004; *П.Б. Струве*. Избранные труды [Социальная и экономическая история России с древнейших времён до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности] / Сост. О.К. Иванцова. М., 2010. См. также свод уже введённых в оборот и новых публикаций и исследований Струве в моих новых книгах: *М.А. Колеров*. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017; *М.А. Колеров*. Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). М., 2018; *М.А. Колеров*. Археология русского политического идеализма: 1904–1927. Очерки и документы. М., 2018. См. также главные переводы, осуществлённые Струве или под его титульной редакцией: *Г. Шюльце-Геверниц*. Крупное производство, его

Примечания

значение для экономического и социального прогресса. Эту область хлопчатобумажной промышленности / Перевод Л.Б. Красина и Н.П. Подбельского под редакцией и с предисловием П. Струве. СПб, 1897; М. *Шиппель*. Денежное обращение и его общественное значение / Пер. под ред. и с предисловием П. Струве. СПб, 1897; П. *Кампфмейер*. Очерки по истории немецкой культуры / Пер. А.М. Герд под ред. П. Струве. СПб, 1898; *Карл Маркс*. Капитал. Т. 1 / Под ред. и с предисл. П.Б. Струве. СПб, 1898; *Поль Де-Рузье*. Профессиональные рабочие союзы во Франции / Под ред. и с предисл. П.Б. Струве. СПб, 1898; Г. *Гигс*. Физиократы. Французские экономисты XVIII в. / Пер. под ред. П.Б. Струве. СПб, 1899; В. *Болин*. Спиноза / Пер. под ред. П. Струве. СПб, 1899; Ю. *Линнерт*. История культуры / Пер. А. Острогорского и П. Струве. СПб, 1899; Д. *Гобсон*. Проблемы бедности и безработицы / Пер. под ред. Л. Зака и С. Франка. С прил. статьи П. Струве о безработице. СПб, 1900; *Кюльпе*. Введение в философию / Пер. под ред. П.Б. Струве. СПб, 1901; Т. *Липс*. Основные вопросы этики. Пер. под ред. П.Б. Струве и Н.О. Лосского. СПб, 1905

² Это изучение в СССР фактически было начато исследованием К.Ф. Шацкило, центральной фигурой в котором был П.Б. Струве: К.Ф. *Шацкило*. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программа, тактика. М., 1985. На Западе и в кругу русской эмиграции (особенно в кругу друзей и учеников Струве) интерес к его личности сопровождал его всю жизнь и не прекратился и после его смерти. В последние годы в России вышли в свет издания, связанные с рядом учеников Струве: В.К. *Дмитриев*. Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М., 2001 (переиздание книги 1911 года); Н.А. *Цуриков*. Прошлое. М., 2003; К.И. *Зайцев (архимандрит Константин)*. Вернуться в Россию: Избранные статьи. 1923–1968. М., 2010.

³ Самому Струве удалось лишь дважды составить и издать собрания своих избранных сочинений (*Пётр Струве*. На разные темы. Сборник статей (1893–1901 гг.). СПб, 1902; *Пётр Струве. Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905–1910 гг.). СПб, 1911). Он также издал три объёмные монографии (*Пётр Струве*. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. I. СПб, 1894; *Пётр Струве*. Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Т. 1. Хозяйство и общество. Цена – ценность. СПб, М., 1913; Т. 2. Часть 1. Критика некоторых проблем и положений политической экономики. М., 1916; *Пётр Струве*. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913), по-прежнему ждущие своего современного профессионального издателя-историка и издателя-экономиста. Его наследники собрали ещё три книги (*П.Б. Струве*. Социальная и экономическая история России с древнейших времён до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Посмертно публикуемый незаконченный труд с приложением некоторых ранее напечатанных статей из области русской истории и списка трудов П.Б. Струве / [Сост. Г.П. Струве]. Париж, 1952; П. *Струве*. Дух и слово. Статьи о русской и западноевропейской литературе / [Сост. Н.А. Струве]. Paris, 1981; *П.Б. Струве*. Дневник политика (1925–1935) / Сост. А.Н. Шаханова. М.; Париж, 2004). В СССР первым собранием работ Струве (мемуарных и литературно-политических статей) стала брошюра, вышедшая тиражом в 84.000 экземпляров в приложении к массовому журналу «Огонёк» (подписана в печать 16 августа 1991): *Пётр Струве*. Скорее за дело! Статьи / Сост. А.Д. Романенко. М., 1991. Наиболее обширные современные переиздания избранных сочинений: *П.Б. Струве. Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм / Сост. В.Н. Жукова и А.П. Полякова. М., 1997 (с приложением Предисловия П.Б. Струве к книге Н.А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» (1901) и более поздних и наиболее известных статей); *П.Б. Струве*. Избранные сочинения / Сост. М.А. Колерова. М., 1999; *П.Б. Струве. Patriotica*: Россия, Родина. Чужбина / Сост. А.В. Храшковского. СПб, 2000. Особенного внимания заслуживают качественные коллекции специальных работ Струве, словно к тому и подготовленные, чтобы подтвердить мнение именно о профессиональном уровне энциклопедических знаний мыслителя: *П.Б. Струве*. Торговая политика России / Сост. М.М. Савченко. Челябинск, 2007; А. *Дмитриев*. Эмигрантский диспут П.Б. Струве и А.Д. Билимовича // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007.

⁴ Например: *М.А. Колеров. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1991. № 5; М.А. Колеров, Н.С. Плотников. Примечания // Вехи; Из глубины. М., 1991; М.А. Колеров. Ещё одно мнение русского о Гуссерле [П.Б. Струве] // Логос. № 3. М., 1992; М.А. Колеров. Материалы к творческой биографии П.Б. Струве // Вопросы философии. 1992. № 12; М.А. Колеров. «Лига русской культуры» в Москве (1917) // *De Visu*. 1993. № 9; Н.С. Плотников, М.А. Колеров. Макс Вебер и его русские корреспонденты // Вопросы философии. 1994. № 2; М.А. Колеров. Братство св. Софии: «веховцы» и евразийцы (1921–1925) // Вопросы философии. 1994. № 10; М.А. Колеров. «Новые Вехи»: к истории «веховской» мифологии (1918–1944) // Вопросы философии. 1995. № 8; М.А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902–1909. СПб, 1996; *О.К. Локтева. Политический семинар П.Б. Струве (Прага, 1924) // Исследования по истории русской мысли [2]. Ежегодник за 1998 год. М., 1998; Н.С. Плотников. Философия «Проблем идеализма» // Проблемы идеализма [1902]. М., 2002; А.А. Гапоненков, С.В. Клейменова, Н.А. Попкова. Русская Мысль: Ежемесячное литературно-политическое издание, Указатель содержания за 1907–1918 гг. М., 2003; Марксистское «Новое Слово» (1897). Роспись содержания // Исследования по истории русской мысли. 6. Ежегодник за 2003 год. М., 2004; *О. Казнина. Газета П.Б. Струве «Возрождение»: к вопросу о независимости печатного слова в эмиграции // Периодическая печать российской эмиграции. 1927–2000 / Под ред. Ю.А. Полякова и О.В. Будницкого. М., 2009; Н.С. Плотников. Кант и Ницше, или Автономная личность и сверхчеловек. Антиномии персональности в русском философском критицизме рубежа XIX–XX веков // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры. М., 2010; М.А. Колеров. Пётр Струве в 1905–1908 годах: культура и социал-либерализм // Тетради по консерватизму: Альманах. № 4. М., 2017; М.А. Колеров. Новые издания и тексты источников по истории русской мысли. Часть 1: (...) Пётр Струве. Запад и большевизм (1919) // История. OSTKRAFT. Научное обозрение. 2018. № 1; М.А. Колеров. Новые публикации документов по истории русской мысли. Часть 2: 1. С. Мирный [Д.И. Шаховской, П.Б. Струве]. Открытое письмо к Николаю II (1895). 2. [П.Б. Струве]. Аграрный вопрос и социальная демократия в России (1896). 3. Петербуржец [П.Б. Струве]. По поводу с.-петербургской стачки (1897). 4. П.Б. Струве о «Проблемах идеализма»: П.С. О чём думает одна книга? (1903). 5. П.Б. Струве о Михайловском: П.С. Н.К. Михайловский (1904). 6. П.Б. Струве о Чичерине: П.С. Б.Н. Чичерин (1904). (...) 8. П.Б. Струве об И.П. Каляеве: П.С. Казнь (1905). (...) 12. Пётр Струве. Большевизм и Ленин (1920). Пер. О.В. Эдельман. 13. П.Н. Савицкий. О национал-большевизме. Письмо в редакцию [«Русской Мысли»]. Петру Бернгардовичу Струве (1921). 14. С.Л. Франк. Письмо к о. С. Булгакову о Бердяеве, Струве и Братстве Св. Софии (1925) // История. OSTKRAFT. Научное обозрение. 2018. № 2; М.А. Колеров. Утаённый социализм Струве и Франка: газета «Рабочее Слово» (1906). Приложение: 1. [П.Б. Струве] Рабочее Слово; 2. Пётр Струве. Привет! // Исследования по истории русской мысли [14]. Ежегодник за 2018 год. М., 2018; М.А. Колеров. Сборник «Из глубины»: осознание диктатуры. Новые данные // Философические письма. Русско-европейский диалог. № 1. М., 2018; М.А. Колеров. Забытый текст П.Б. Струве о Балканах, Проливах и целях войны: Пётр Струве. Верные и неверные пророчества Ф.М. Достоевского (1914) // Россия и Война: Международный научный сборник в честь 75-летия Брюса Меннинга / Русский Сборник. Т. XXVI. М., 2018; М.А. Колеров. Идеологи антисоветской интеллигенции в начале Гражданской войны: сборник «Из глубины», Братство св. Софии и примирение с большевистской диктатурой (1918). Новые данные // Гражданская война и российская провинция: современное восприятие, подходы и оценка / Отв. ред. Р.А. Хазиев. Уфа, 2018.***

⁵ Например: *В.Я. Брюсов. Письма к П.Б. Струве / Публ. А.Н. Михайловой // Литературный архив. Выпуск V. М; Л., 1960; Первая марксистская организация России – группа «Освобождение труда», 1883–1903: документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания / Отв. ред. М.Т. Иовчук. М., 1984; Неизвестные письма Н.А. Бердяева [1900] и стихотворение Н.П. Огарёва в архиве П.Б. Струве / Публикация И.А. Кондаковой // Научно-информационный бюллетень РЦХИДНИ. 1993. № 2; Стонет и рушится зданье... (неизвестное стихотворение М. Волошина в его письме к П.Б. Струве [1901–1903]) // Источник. 1994. № 2; А.В. Кривошеин и общественные деятели в годы Первой мировой войны. Письма А.И. Гучкова, А.Д. Протопопова, П.Б. Струве [А.В. Кривошеину, 1915] / Публикация С.В. Куликова // Русское прошлое. Кн. 5. СПб, 1994; Письма И.А. Ильина к П.Б. Струве [1922–1927] / Публ. В.В. Бойкова и Н.А. Струве // Вестник РХД. № 171. I–II. 1995; А.В. Антощенко. «Каждый обязан бороться на своём месте»: Письма П.Г. Виноградова*

к П.Б. Струве. 1902–1904 гг. // Исторический архив. М., 2000. № 5; Письма Ю.Н. Рейтлингер (сестры Иоанны) к П.Б. Струве // Вестник РХД. № 197. II. 2010; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. Переписка 1892–1905 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2007; Из архива А.Н. Потресова. Вып. 2. Письма А.М. Калмыковой. 1894–1905 гг. / Отв. ред. Н.В. Макаров. М., 2007; Из архива группы «Освобождение труда». Вып. 1. Переписка 1883–1897 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев. М., 2009; Из архива группы «Освобождение труда». Вып. 2. Переписка 1898–1903 гг. / Отв. ред. П.Ю. Савельев, С.В. Тютюкин. М., 2009; М.А. Колеров. Изнутри: Письма Бердяева, Булгакова, Новгородцева и Франка к Струве. Переписка Франка и Струве (1898–1905 / 1921–1925). М., 2018.

⁶ В.А. Максимова. «Новое слово» и «Начало» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX начала XX века. 1890–1904 / Отв. ред. Б.А. Бялик. М., 1981; М.А. Никитина. «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б.А. Бялик. М., 1984; Е.В. Иванова. Об исключении В.В. Розанова из Религиозно-философского общества // Наш современник. М., 1990. № 10; И. Кондакова. «Нет, признаю нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму...» // Ориентиры. М., 1991. № 2; М.А. Колеров, Н.С. Плотноков. Творческий путь П.Б. Струве // Вопросы философии. 1992. № 12; З.М. Зотова. Пётр Бернгардович Струве // Вопросы истории. М., 1993. № 8; П.П. Гайденко. Под знаком меры (либеральный консерватизм П.Б. Струве) // Вопросы философии. М., 1992. № 12; З.М. Зотова. Пётр Бернгардович Струве // Вопросы истории. М., 1993. № 8; О.Г. Простаков. П.Б. Струве и В.В. Розанов // Мир источниковедения. Пенза, 1994; И.П. Смирнов. «От марксизма к идеализму»: М.И. Туган-Барановский, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев. М., 1995 (переизд.: 2012); Б.М. Виттенберг. П.Б. Струве и Комитет по ограничению снабжения и торговли неприятеля (1915–1917 гг.) // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб, 1997; О.Л. Гнатюк. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб, 1998; В.Н. Жуков. Идеи либерального консерватизма П.Б. Струве // П.Б. Струве. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм; М.В. Михайлова. Нужно ли «обуздыть» личное? (Новые штрихи к портрету А.М. Калмыковой) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. Вып. 1. М., 2000; Б.П. Балуев. П.Б. Струве как историк (к постановке проблемы) // Отечественная история. 2001. № 1, 2; О.К. Иванцова. Философия либерального консерватизма: Опыт историко-философского анализа наследия П.Б. Струве. М., 2004; С.В. Белов. История одной «дружбы» (В.И. Ленин и П.Б. Струве). СПб, 2005; Йохим Цвайнерт. История экономической мысли в России [2002]. М., 2008 (Глава 5.4); О.В. Анянцев. Пётр Бернгардович Струве: жизнь, борьба, творчество. СПб, 2009; Г.М. Гамбург. Л. Толстой, «Вехи» и П.Б. Струве в 1909 г. // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. М., 2011; Пётр Бернгардович Струве / Под ред. О.А. Жуковой и В.К. Кантора. М., 2012; О.А. Жукова. Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П.Б. Струве) // Вопросы философии. М., 2012. № 3; П.Ю. Савельев. «Новое Слово» // Революционная мысль XIX – начала XX века: Энциклопедия. Отв. ред. В.В. Журавлёв, А.В. Репников. М., 2013; П.Ю. Савельев. «Начало» // Революционная мысль XIX – начала XX века: Энциклопедия. Отв. ред. В.В. Журавлёв, А.В. Репников. М., 2013; В.Н. Жуков. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013; В.В. Шелохаяев. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

⁷ Например: Мих. Оленов. Так называемый «кризис марксизма». СПб, 1905; Л. Аксельрод (*Ортодокс*). Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма. М.; Пг., 1923; Н.И. Кареев. Основы русской социологии [1920-е]. СПб, 1996; Сборник статей, посвящённых Петру Бернгардовичу Струве ко дню тридцатипятилетия его научно-публицистической деятельности. 1890–30 января – 1935. [Сост. П.Н. Савицкий] Прага, 1925; А.М. Воден. На заре «легального марксизма» // Летописи марксизма. 1927. Т. 3; Б.С. Ижболдин. П.Б. Струве как экономист // Новый журнал. № 9. Нью-Йорк, 1944; Б.И. Николаевский. П.Б. Струве // Новый журнал. № 10. Нью-Йорк, 1945; С.Л. Франк. П.Б. Струве (Опыт характеристики) [1949] // С.Л. Франк. Русское мировоззрение / Сост. А.А. Ермичев. СПб, 1996; Н.А. Цуриков. Пётр Бернгардович Струве [1953] // Н.А. Цуриков. Прошлое. М., 2006; Н. Валентинов. Из прошлого: П.Б. Струве о Ленине // Социалистический Вестник. 1954. № 8–9.

⁸ Это суждение подтверждается независимым авторитетом: "В биографии Маркса и Энгельса, насколько она касается их научной деятельности, есть пробел. Одна рукопись их, отправленная

в типографию, случайно не была напечатана; насколько мне известно, никто, кроме самих авторов, не читал её ("К критике политической экономии", 1859 — М.К.). Это была попытка сознательного пересмотра всего своего мировоззрения; в этой рукописи Маркс и Энгельс точно выразили свою точку зрения на философию, сравнив её с новейшими течениями в науке. Нет сомнения, что этот пересмотр был сделан в связи с анализом теорий, ведущим своё начало от философии Гегеля и его изменения Фейербахом в материалистическом направлении. Подобное предположение оправдывается всем характером философского движения эпохи; оно же подтверждается некоторыми журнальными и газетными статьями Маркса, напечатанными недавно Струве в *Neue Zeit...*" (*А. Лабриола. Исторический материализм и философия: Письма к Жору Сорелю* [1899]. Изд. 2. М., 2011. С. 48–49 (28 мая 1897)).

⁹ А.А. Чупров. Рекомендация П.Б. Струве в кандидаты на замещение кафедры политической экономии А.Н. (Черновик, 1917) // ОРиРК НБ МГУ. Ф.14К. 30. Ед. хр. 8 Л. 1–8. Почти без изменений этот текст повторили, скрепив своими именами, академики М. Дьяконов, А. Лаппо-Данилевский, Ф. Успенский: *М. Дьяконов, А. Лаппо-Данилевский, Ф. Успенский. Записка об учёных трудах П.Б. Струве* (1917) // V-е приложение к протоколу VI заседания Общего Собрания Академии Наук 15 апреля 1917 года (к пр. 147) [Санкт-Петербург]. По архивному оригиналу их текст впервые опубликован в: *А.Л. Дмитриев. Экономические воззрения П.Б. Струве*. С. 99–101.

Пётр Струве: революционер без масс 1870–1918

¹ *П.Б. Струве*. [Дневник политика.] 6 (25 июня 1925) // П.Б. Струве. Дневник политика (1925–1935) / Подг. текста А.Н. Шаханова. М.; Париж, 2004. С. 26. Ранее он называл себя «социологом, прошедшим эволюционную и в частности, и в особенности марксистскую школу» (*П.Б. Струве. В чём революция и контрреволюция? // Несколько замечаний по поводу статьи И.О. Левина // П.Б. Струве. Избранное / Сост. М.А. Колерова. М., 1999. С. 256*). С такой автоквалификацией резко не соглашался многолетний конкурент и оппонент С. в рядах русского либерализма, профессиональный историк и политик: «Струве не социолог, и в этой неспособности социологически мыслить заключается один из коренных дефектов его ума, вышколенного на германской, а не на английской и не на французской науке. (...) Струве как-то выдал себе диплом на звание "историка". Весь склад его ума глубоко антиисторичен. Публицистика Струве догматична, как и его наука» (*П.Н. Милоков. Струве — защитник «либерализма» и «демократии»* [1925] // П.Н. Милоков: «русский европеец». Публицистика 20–30-х гг. XX в. / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М., 2012. С. 83, 84–85.

² Марксизм С. и его коллег этого времени вслед за полемическим сочинением В.И. Ленина «Что делать?» (1902) в литературе по дурной инерции называется чаще всего «легальным марксизмом», это имя получило и ангажированное применение в мемуарах самого С. Но я считаю это понятие совершенно негодным ни с содержательной, ни с исторической точки зрения. Об этом см.: *М.А. Колерова. «Легальный марксизм» как историографическая проблема // Вестник Московского университета. Серия 8, история. 1991. № 5*. Впрочем, большинство исследователей со мной в этом не согласно и продолжает не критически использовать эту полемическую кличку.

1880–1898: русский марксизм

¹ О нём специально см.: *Н.П. Матханова. Чиновник и мемуарист Бернград Васильевич Струве // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1995. № 1*. Б.В. Струве (1827–18 февраля 1889, Ницца) — в 1865 назначен Пермским губернатором, но после ревизии вышел в отставку в 1870-м.

Примечания

Его жена баронесса Анна Фёдоровна Розен (1835? – 1903, Санкт-Петербург), с ней он имел всего 6 сыновей. Директор Константиновского межевого института в Москве Василий Б. Струве (1854–1912) – был единственным, с которым С. поддерживал (не близкие) отношения, при этом его женой была сестра известного марксистского деятеля В.А. Поссе Екатерина Александровна Поссе (1857–1917) (См. об этом: *А.Н. Нарбут*. Струве. М., 2004 (Родословные росписи. Вып. 20). С. 10–11). См. также: *П. Струве*. Откуда берутся выдающиеся учёные и какова бывает судьба их потомства? // *Возрождение* (Париж) № 387. 24 июня 1926: в том числе о своей семье и египтологе В.В. Струве – приёмном сыне своего двоюродного брата.

² О нём: *З.К. Новокишанова (Соколовская)*. Василий Яковлевич Струве (1792–1864). М., 1964. О своих родителях и предках С. свидетельствовал так: отец окончил Александровский лицей в 1847, был астраханским и пермским губернатором, мать – урождённая баронесса Розен, окончила Екатерининский институт в Санкт-Петербурге. «Прадед мой был директором гимназии в гор. Альтоне (тогда принадлежавшем к Дании). Дед был профессором Дерптского Университета, а потом первым директором Пулковской Обсерватории и членом Спб. Академии Наук (Фридрих Георг Вильгельм, Василий Яковлевич Струве). Его сын, мой дядя, был вторым директором Пулковской Обсерватории (Оттон Васильевич С.), а из сыновей О.В. Струве один – профессор Берлинского Университета, другой – Харьковского» (РО ИРЛИ (ПД). Ф.6. Оп.1. Ед.хр.354. Анкета Струве. Б.Д. [до 1904] Л.1).

³ М.К. Давыдова (по мужу – Иорданская, бывшая замужем за социал-демократом Н.И. Иорданским и писателем А.А. Куприным), вторая дочь издательницы журналов «Новое Слово» (до весны 1897) и «Мир Божий» А.А. Давыдовой вспоминала: «Я училась в гимназии (частной) Стоюниной, а моя старшая сестра Лидия – в частной гимназии Оболенской. Там она училась вместе с Н.К. Крупской и О.К. Григорьевой (Витмер по мужу). Это были три очень близкие подруги» (*М.К. Иорданская*. Новый table-talk / Публ. С. Шумихина // *Новое литературное обозрение*. М, 1994. № 9. С. 213). Л.К. Давыдова стала женой М.И. Туган-Барановского, с которым вместе они в 1899–1900 г. выстроили из «Мира Божия» марксистский внепартийный журнал.

⁴ Их отношения в период 1889–1897 гг. стали интимными. Едва ли не единственный раз в историографии об этом не произносимом свидетелями и специалистами факте прямо написала историк литературы: «в середине 1890-х гг. Калмыкова пережила сердечную драму: разрыв с П.Б. Струве, её приёмным сыном, и его скоропалительная женитьба поставили эту женщину перед необходимостью начинать жизнь заново в возрасте почти 45 лет (их любовная связь, возникшая неожиданно, но составившая, очевидно, смысл её существования, длилась более трёх лет). (...) на какое-то время Струве с молодой женой поселился на той самой квартире, где они проживали с Александрой Михайловной, будучи любовниками») (*М.В. Михайлова*. Нужно ли «обуздывать» личное? (Новые штрихи к портрету А.М. Калмыковой) // *Русская культура XX века на родине и в эмиграции*. Имена. Проблемы. Факты. Вып. I. М., 2000. С. 10, 14). Здесь надо уточнить, что С. всё-таки жил отдельно – в комнате при книжном складе Калмыковой, во дворе её дома, с отдельным входом через арку, где ещё в 1997 автор этих строк своими глазами наблюдал остатки настенной надписи с названием склада. Годы спустя, в эмиграции, С. почтил её память в анонимном газетном сообщении: «Советские газеты сообщают о кончине в Царском Селе известного педагога А.М. Калмыковой» (Кончина А.М. Калмыковой // *Возрождение*. № 311. 9 апреля 1926).

⁵ О них: *Р.А. Казакевич*. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х – начала 90-х годов (кружки П.В. Точисского и М.И. Бруснева). Л., 1960. В браке с Ниной (Антониной) Александровной Герд (1867–1943), дочерью известного педагога А.А. Герда (*Heard*, британского происхождения) и сестрой ещё более известного педагога и организатора среднего образования В.А. Герда, у С. родилось пять детей, все – сыновья: Глеб (1898–1985), Алексей (1899–1976), Константин (о. Савва) (1900–1948), Лев (1902–1929), Аркадий (1905–1951). Г.П. Струве стал

Примечания

самым известным из них – историком и издателем русской литературы в эмиграции. Не менее известен внук С. – глава русского зарубежного издательства YMCA-Press и журнала «Вестник РХД (РСХД)» – Никита Алексеевич Струве (1933–2016).

⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Предисловие к русскому изданию «Манифеста коммунистической партии» [1882] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 19. М., 1961. С. 305. В этом тексте можно обнаружить, по-видимому, первое внятное изложение не только двигавшего большевиками в 1917 году взгляда на Россию как на «слабое звено» в цепи мирового капитализма, разрыв которого способен инициировать мировую революцию, а также зародыш теории «социализма в одной стране», применённой к России в ожидании отклика на её «сигнал» с Запада. Этот «прогноз» Энгельс текстуально повторил и годы спустя, процитировав названное предисловие 1882 года: Ф. Энгельс. Предисловие к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии» 1890 года // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 22. М., 1962. С. 57–58.

⁷ В современной событиям публицистике, мемуарной, пропагандистской и дидактической литературе, а также до недавнего времени – в историографии, такое соединение политического народничества и доктринального марксизма в старшем поколении русских социалистов 1880–1890-х гг. находилось в тени центральной линии разделения народолюбцев и народников с первыми марксистами во главе с Г.В. Плехановым. Затем интеллектуальная эволюция неонародничества конца 1890–1910-х гг., придавшая партии социалистов-революционеров сложный синтетический фундамент этических учений П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского в соединении ревизионистки и философии переосмысленным марксизмом, нашла некоторое освещение в современной историографии. Однако признания (экстраполяции) идейной сложности неонародничества на таковую же в исследовании народничества 1880–1890-х, по-видимому, не произошло. Тем не менее, некоторые современники (кроме цитируемого ниже краткого воспоминания С. от 1933 года) оставили фрагментарные экспертные свидетельства об этом, позволяя взять их в историографические предшественники вопроса. Известный экономист писал о Даниельсоне так: «корифей народнического движения и одновременно марксист в области теории стоимости» (В.Я. Железнов. [Современные теории хозяйства] Россия [1927] // Историки экономической мысли России: В.В. Святловский, М.И. Туган-Барановский, В.Я. Железнов / Сост. М.Г. Покидченко. М., 2003. С. 283).

⁸ Об этом подробно писал позже Туган-Барановский: он обратил внимание, что в своих речи конца 1840-х (в «Рейнском Ежегоднике») и статье 1850 года (в «Новом Рейнском Обозрении») Энгельс заключал (изложение): «Германия должна выбирать между свободой торговли и протекционизмом. Если Германия предпочтёт первое, то германская промышленность будет уничтожена английской конкуренцией и массовая безработица вызовет в Германии социальный переворот. Но если Германия пойдёт другой дорогой и введёт высокие покровительственные пошлины, то это должно иметь своим следствием быстрое развитие германской промышленности. Внутренний рынок скоро окажется слишком узким для всё возрастающей массы её продуктов и Германия быстро окажется в необходимости искать для своей промышленности внешние рынки, что, в свою очередь, должно повести не на жизнь, а на смерть между немецкой и английской промышленностью. (...) Эта же теория недостаточности рынка для продуктов быстро развивающейся промышленности составляет и в других сочинениях Маркса и Энгельса теоретическую основу их рассуждений о необходимости крушения капиталистического строя, так, напр., в знаменитом «Манифесте» и в полемической книге Энгельса против Дюринга» (М.И. Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма [1905]. М., 2015. С. 192, 194). Более того, замечал экономист, проблема достаточности внутреннего рынка для развития капитализма оставалась нерешённой и для Германии – настолько, что ещё в 1903 году, когда для России она была уже теоретически решена, знаменитый выходец из марксизма Вернер Зомбарт по итогам специально предпринятого статистического исследования, доказал, что внутренний рынок способен поглотить растущую производительность национального капитализма (С. 211–212).

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 38. М., 1965. С. 312, 400. В январе 1894 года Энгельс подвёл итоги своим и Маркса народническим искушениям и дал им неутешительное для народников заключение: «как формулировал мысль Чернышевского Маркс...: «Должна ли Россия, как того хотят её либеральные экономисты, начать с разрушения сельской общины, чтобы перейти к капиталистическому строю, или же, наоборот, она может, не испытав мук этого строя, завладеть всеми его плодами, развивая свои собственные исторические данные?» (...) инициатива подобного преобразования русской общины может исходить исключительно лишь от промышленного пролетариата Запада, а не от самой общины. Победа западноевропейского пролетариата над буржуазией и связанная с этим замена капиталистического производства общественно управляемым производством, – вот необходимое предварительное условие для подъёма русской общины на такую же ступень развития. (...) один тот факт, что, существуя бок о бок с русской крестьянской общиной, капиталистическое производство в Западной Европе приближается в то же время к моменту своей гибели и в нём самом уже имеется зародыш новой формы производства, при которой средства производства в качестве общественной собственности будут применяться в плановом порядке, – один этот факт не может вдохнуть в русскую общину силу, дающую ей возможность развить из самой себя эту новую общественную форму. (...) ...не только возможно, но и несомненно, что после победы пролетариата и перехода средств производства в общее владение у западноевропейских народов те страны, которым только что довелось вступить на путь капиталистического производства и в которых уцелели ещё родовые порядки или остатки таковых, могут использовать эти остатки общинного владения и соответствующие им народные обычаи как более средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу и избежать большей части тех страданий и той борьбы, через которые приходится прокладывать дорогу нам в Западной Европе. Но неизбежным условием для этого являются пример и активная поддержка пока ещё капиталистического Запада. Только тогда, когда капиталистическое хозяйство будет преодолено на своей родине и в странах, где оно достигло расцвета, только тогда, когда остальные страны увидят на этом примере, «как это делается», как поставить производительные силы современной промышленности в качестве общественной собственности на службу всему обществу в целом, – только тогда смогут эти остальные страны встать на путь такого сокращённого процесса развития. Но зато успех им тогда обеспечен. И это относится не только к России, но и ко всем странам, находящимся на докапиталистической ступени развития. В России, однако, это будет сравнительно наиболее легко, потому что здесь часть коренного населения уже усвоила себе интеллектуальные результаты капиталистического развития, благодаря чему в период революции здесь возможно будет совершить общественное переустройство почти одновременно с Западом. Это было уже высказано Марксом и мною 21 января 1882 г. в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» в переводе Плеханова. (...) Поражения во время Крымской войны ясно показали необходимость для России быстрого промышленного развития. Прежде всего нужны были железные дороги, а их широкое распространение невозможно без отечественной крупной промышленности. Предварительным условием для возникновения последней было так называемое освобождение крестьян; вместе с ним наступила для России капиталистическая эра, но тем самым и эра быстрого разрушения общинной собственности на землю. (...) В короткое время в России были заложены все основы капиталистического способа производства. Но вместе с тем был занесён топор и над корнями русской крестьянской общины. (...) последовали субсидии и премии за учреждение промышленных предприятий, а также покровительственные пошлины в интересах отечественной промышленности, пошлины, из-за которых ввоз многих предметов стал в конце концов совершенно невозможным. Русскому государству, при его безграничной задолженности и при его почти совершенно подорванном кредите за границей, приходится в прямых интересах фиска заботиться об искусственном насаждении отечественной промышленности. (...) если правительство не желает для уплаты процентов по заграничным долгам прибегать к новым иностранным займам, ему надо позаботиться о том, чтобы русская промышленность быстро окрепла настолько, чтобы удовлетворять весь внутренний спрос. Отсюда – требование, чтобы Россия стала независимой от границы, самонаблюдающейся промышленной страной; отсюда – судорожные усилия правительства в несколько лет довести капиталистическое развитие России

до высшей точки. (...) Так и идёт во всё более ускоряющемся темпе превращение России в капиталистически-промышленную страну, пролетаризация значительной части крестьян и разрушение старой коммунистической общины. Я не берусь судить, уцелела ли ныне эта община в такой мере, чтобы в нужный момент, как Маркс и я ещё надеялись в 1882 г., она смогла, при сочетании с переворотом в Западной Европе, стать исходным пунктом коммунистического развития. Но одно не подлежит сомнению: для того чтобы от этой общины что-нибудь уцелело, необходимо прежде всего низвержение царского деспотизма, революция в России. (...) русская революция даст также новый толчок рабочему движению Западу, создаст для него новые лучшие условия борьбы и тем ускорит победу современного промышленного пролетариата, победу, без которой сегодняшняя Россия ни на основе общины, ни на основе капитализма не может достичь социалистического переустройства общества» (Ф. Энгельс. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» [1894] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 22. М., 1962. С. 443–445, 450–453)

¹⁰ Народническое истолкование взгляда Маркса на источники развития капитализма и разъяснений Энгельса о применении его к реальности России ёмко дал В.В. (В.П. Воронцов), дополнительно к тезису об обнищании народа, утверждая недостаточность внутреннего рынка в силу сужения и платёжеспособного спроса. Позже он всё же признал, что промышленное и железнодорожное строительство, специализация продукции и спроса, лишившие крестьян сезонного приработка, стимулируют развитие внутреннего рынка, но продолжал настаивать уже не на экономических, а общесоциалистических оговорках: «Рост внутреннего рынка далеко не соответствует возрастанию производства, потому что наибольшая часть дохода от умножающихся фабрик и заводов поступает в руки небольшой кучки капиталистов, которые не имеют возможности потратить достоящуюся им долю национальной продукции и не предьявляют достаточного спроса на товары. Для широкого развития крупной капиталистической промышленности нужно иметь возможность продавать её продукты не только на внутреннем, но и на внешних рынках. Наиболее промышленные европейские государства на завоевании таких рынков и основали пышный расцвет своего капитализма» (В.П. Воронцов [В.В.]. Очерки экономического строя России [1906]. М., 2015. С. 64–68).

¹¹ Именно они протезировали в кружке студентов-технологов В.И. Ульянову, считает биограф: В.Т. Логинов. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография. М., 2005. С. 151. Во всяком случае, А.Э. Тилло оказался среди первых и главных знакомых семьи Ульянова-Ленина при переезде его в Санкт-Петербург (В.И. Ленин – М.А. Ульяновой 5 октября 1893 // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 55. М., 1975. С. 1). Согласно официальной истории КПСС, на квартире Л.Ю. Явейна (Санкт-Петербург, Подольская ул., д.2, кв. 6) весной и осенью 1891 Ленин встречался с марксистами. См. также некролог: П. Струве. Л.Ю. Явейн // Русская Мысль. М., 1911. Кн. XI. II о. С. 49. химик, преподаватель Технологического института, 1854–1911, А.Э. Тилло был его сотрудником.

¹² Один его труд переиздан: А.Н. Гурьев. Денежное обращение в России в XIX столетии. Исторический очерк [1903]. М., 2015. Под редакцией Гурьева С. подготовил к печати неучтённый в библиографиях перевод труда основателя «австрийской школы» политической экономии, скрывшись под псевдонимом, образованным от фамилии девичьей матери (Розен): К. Менгер. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности / Пер. с нем. Я. Розенсона [П. Струве] под ред. А. Гурьева. СПб, 1894. В библиотеке С. помогал в научных занятиях единомышленникам: см. публичную благодарность ему в современном событиям книге: М.И. Туган-Барановский. [Предисловие к первому изданию «Периодических промышленных кризисов», 1 марта 1894] // М.И. Туган-Барановский. Избранное / Сост. Г.Н. Сорвина. М., 1997. С. 54. «Основным помощником С.Ю. Витте был А.Н. Гурьев (1864–1921?), активный популяризатор его экономической политики. После окончания Санкт-Петербургского университета со степенью магистра финансового права А.Н. Гурьев служил в 1889–1903 гг. учёным секретарём учёного комитета Минфина России, был литературным секретарём С.Ю. Витте, «пером министра» (Мст. П. Афанасьев. Предисловие // С.Ю. Витте. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу

в 1900–1902 годах. В 2-х тт. [3 изд.] Т. 1 / Предисл. Мст. П. Афанасьева. М., 2015. С. 16). Судя по всему, Гурьев стал многолетним конфидентом и источником С. по вопросам секретной служебной информации о политической деятельности Витте, вершиной использования которой стала эмигрантская публикация С. со своим предисловием под прозрачным псевдонимом политического документа Витте: Самодержавие и земство: Конфиденц. записка министра финансов статс-секр. С.Ю. Витте (1899 г.) / С предисл. и прим. *P.H.C. Stuttgart*, 1901; 2 изд.: Самодержавие и земство: конфиденциальная записка министра финансов... С.Ю. Витте (1899 г.) / Предисл. Петра Струве. *Stuttgart*, 1901.

¹³ Московский студент-марксист, сотрудник издательства М.И. Водовозовой С.Л. Франк так вспоминал об общественном и интеллектуальном значении Московского психологического общества и Н.Я. Грота в Москве: «Я лично помню, какой огромный успех и какое влияние на умы молодёжи, далёкой от философии, имела деятельность Психологического общества, например, торжественное заседание в память трёхсотлетия рождения Декарта в 1896 г.; помню также, какое волнение среди нас, студентов-материалистов, произвела статья Грота «Понятие души и психической энергии в психологии» (1897), послужившая для нас одним из первых толчков к пересмотру материализма» (С. Франк. Из недавнего прошлого русской философии // Русская Мысль. 1911. Кн. II. П. II о. С. 244). См.: *И.Д. Архангельская*. Н.Я. Грот и первый в России философский журнал // Вопросы истории. 2000. № 3.

¹⁴ *Г.Б. Красин*. Детство и юность Леонида Борисовича (Семейная хроника) // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сб. воспоминаний, статей и документов. М.; Л., 1928. С. 28. Тем не менее, для всех 1890-х гг. несомненным является отсутствие координации и даже конкуренция между Струве и Булгаковым, который очевидно не признавал лидерства С.: в этом видится генезис пониженной солидарности Булгакова со средой С, несмотря на его неперенное участие во всех его проектах. Как позже говорилось, «генерал» общественной активности Булгаков после эмиграции С., стал первым среди «идеалистов» и явно претендовал быть вождём «идеализма», повторяя эстрадную популярность С. в Санкт-Петербурге и отчасти Москве 1890-х – уже в Киеве 1900-х.

¹⁵ Размер тиража точно не известен: помимо цифры в 1200, звучит и число 200 (с оговоркой, что это была первая партия тиража). Как пишет сама Калмыкова, 200 экземпляров были распроданы за 2 месяца и поступили новые заявки на книгу: *А.М. Калмыкова*. Обрывки воспоминаний // Былое. Л., 1926. № 1(35). С. 66. Калмыкова же писала (впрочем, прикованная в последние 2 года жизни к постели, она диктовала свои воспоминания), что напечатано было 200 экземпляров: «Через два месяца всё издание было распродано и не переставали поступать требования из провинции» (Мои воспоминания о Ленине. Неизданная рукопись Александры Михайловны Калмыковой // Огонёк. М., 1926. № 17. [Без нумерации страниц]). Видимо, что всё же тираж, как минимум, в итоге был доведён до 1200 (200 – крайне, необоснованно ничтожная цифра для столь общественно важной и громкой книги).

¹⁶ *В.М. Шулятиков*. Оправдание капитализма в западноевропейской философии: От Декарта до Маха [1908]. М., 2012. С. 5. Г.В. Плеханов иронически отречензировал эту книгу, но ничем не опроверг процитированное мной исходное её утверждение: *Г. Плеханов*. [Рец.:] В. Шулятиков. Оправдание капитализма в западноевропейской философии... // Современный мир. 1909. № 5. II отд. С. 144. Перед лицом этого действующего в СДПГ программного принципа, в декабре 1901 года Плеханову, потерпевшему неудачу с требованием исключить Бернштейна из СДПГ за «разрыв с социализмом», пришлось лишь разводиться руками: «...он остаётся «товарищем», и его не просят удалиться. Это отчасти объясняется очень распространенным теперь между социал-демократами всех стран ложным взглядом на свободу мнений. Говорят: «как же исключить человека из партии за его взгляды? Это значило бы преследовать его за ересь...» (*Г.В. Плеханов*. *Сант* против Канта, или духовное завещание г. Бернштейна [1901] // Г.В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 97).

¹⁷ П. Струве. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб, 1894. С. 288. Позже, когда критик указал на то, что впервые формулу «выучки к капитализму» ввёл в оборот известный народник Н.Е. Русанов (Кудрин) ещё в 1880 году, С. официально настаивал на её собственном изобретении вне внешнего влияния (*И. Кондакова*. «Нет, признаем нашу некультуренность и пойдём на выучку к капитализму...» // Ориентирь. М., 1991. № 2. С. 29–33). К этому можно добавить и предвосхищение Плехановым дискурса выучки в своём классическом марксистском манифесте: «Если... мы ещё раз спросим себя – пройдёт ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом – почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она уже поступила?» (*Г.В. Плеханов*. Наши разногласия [1885] // Г.В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 264). Позже именно этот дискурс и что – особенно важно – в русле доктрины Листа развивал Витте: «На протекционизм Лист смотрит как на временное лишь средство для развития производительной силы нации, как на школу» (*С.Ю. Витте*. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. С. 233).

¹⁸ С. лишь собрал свои очерки конца 1890-х – начала 1900-х о крепостном хозяйстве, тшетно полагая продолжить исследование (вышел в свет декабря 1913 года скромным тиражом в 1200 экземпляров). Резкий критик этого сборника, марксист М.Н. Покровский, тем не менее, признал, что С. «принадлежит неоспоримая и крупная заслуга в истории русского народного хозяйства: он первый поставил вопрос о «крепостном хозяйстве» как известной исторической категории» (*М. Покровский*. [Рец.] Пётр Струве. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX в... // Голос Минувшего. М., 1914. № 3. С. 299. Переизд.: *М.Н. Покровский*. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Т. 2. Изд. 2. М., 2012).

¹⁹ А.А. Кизеветтер. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 159. Интересно, что с либеральных позиций доклада С. возражал будущий весьма догматический историк-марксист М.Н. Покровский. В устных воспоминаниях В.Б. Шкловский (1893–1984) рассказал в 1960-е гг. о стандарте марксиста-оратора так: «я убедился, что Маяковский очень хорошо знает популярную марксистскую литературу, ту, которую когда-то издавала «Донская речь», не то, что «Капитал» Маркса, но вот эту ходовую литературу того времени... И вообще его манера спора – это не художническая манера, это манера спора, которая пришла из большой аудитории партийной, сбиваемая меньшевиками с большевиками, большевики с эсерами,... реплика, сшибать, работать на публику. Не на человека, которого вы убеждаете, а на аудиторию» (ОУИ НБ МГУ № 12–13: Маяковский в слезах, Хлебников на дуэли, Пастернак против Мандельштама, футуристы в салоне Лили Брик – Шкловский о людях будущего. 14 июля 1967: <http://oralhistory.ru/talks/orh-12-13/text>). Ясно, что ораторские принципы Струве отличались от описанных, которые, скорее, были ближе к манере Ленина.

²⁰ Советские биографы Ленина писали об этом событии так, датируя его осенью 1894 года: «В предисловии к сборнику «За 12 лет» В.И. Ленин писал, что он читал реферат, озаглавленный «Отражение марксизма в буржуазной литературе», «в кружке петербургских марксистов. (...) От группы социал-демократов в кружке были В.И. Ленин, В.В. Старков и С.И. Радченко; из легальных литераторов-марксистов – П.Б. Струве, А.Н. Потресов и Р.Э. Классон» (*В.И. Ленин*. Полное собрание сочинений. Т. 1. М., 1967. С. 566). Однако в процитированном предисловии Ленин назвал эти лица только в качестве участников кружка, не утверждая, что все они присутствовали на самом чтении. Надо сказать, что революционная специализация названных Старкова и Радченко никак не была связана, в отличие от всех остальных, с литературным трудом. При этом хозяин квартиры, в которой проходило чтение, в будущем известный инженер-электрик и деятель советской программы ГОЭЛРО Р.Э. Классон свидетельствовал, что в его марксистском «салоне» 1894–1895 гг. бывали, кроме Ленина и Струве, лишь А.Н. Потресов, М.И. Туган-Барановский и Н.К. Крупская (*Р.Э. Классон* [Р.Э. Классон] Владимир Ильич у Р.Э. Классон (Из письма) // Красная летопись. 1924. N1(10). С. 144–145).

²¹ Не будучи марксистом, известный экономист и фабричный деятель старшего поколения И.И. Янжул кратко похвалил книгу С. (И.И. Янжул. Промысловые синдикаты, или предпринимательские союзы, для регулирования производства преимущественно в Соединённых Штатах Северной Америки. СПб, 1895. С. 402) – и был наказан за это полным прекращением общения с Михайловским. «В нескольких строках своей новой книги «Промысловые синдикаты» я сказал комплимент талантливому и остроумному очерку г-на П.Б. Струве, и что с главнейшими его выводами я вполне-де согласен. Моя книга о синдикатах положила конец нашей дружбе с Михайловским, он перестал у меня бывать, посещая Москву, а в «Русском Богатстве» появилась довольно нелепая, но резкая критика о моей книге, написанная, по слухам, поим товарищем и учеником профессором Карышевым» (Воспоминания И.И. Янжула о пережитом и виденном в 1864–1909 гг. М., 2006. С. 271–272).

²² На это обратил внимание мемуарист, апологет В.И. Ленина, объясняя особый смысл его нелегальной и на деле мало известной работы «Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов», так же, как и «Критические заметки» С., посвящённой критике трудов Михайловского, Кривенко, Южакова и нелегально вышедшей в свет общим тиражом до 175 экземпляров летом-осенью 1894 года (С.И. Мицкевич. На грани двух эпох. От народничества к марксизму. Мемуарная запись. М., 1937. С. 181, 182–183). Исследователь резюмирует: «Широко распространённая версия о том, что [эта работа] произвела переворот в умах молодёжи и похоронила либеральное народничество, скорее похожа на историографическую мифологию. (...) Нам не удалось обнаружить значительных доказательств её широкого положительного или отрицательного восприятия в либерально-народнических кругах». В 1910 году библиограф не смог найти 2-го и 3-го выпусков, в том числе заграничной, и у самого Ленина, и в библиотеке Плеханова книги также отсутствовали (Б.П. Балуев. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 166–167). Примечательно, что, готовя и активно обсуждая в переписке из ссылки в Шушенском с родными состав сборника своих статей «Экономические этюды и статьи» (СПб, 1899) и особенно тему включения в него неопубликованных полемических статей, Ленин ни разу даже не упомянул «Что такое...», хотя цензурные условия вполне позволяли включить эту работу или её вариант в книгу.

²³ Плеханов прежде утверждал лишь славянофильский характер народников как «славянофильствующих революционеров» (Г.В. Плеханов. Наши разногласия [1885] // Г.В. Плеханов. Социализм и политическая борьба. Наши разногласия. М., 1939. С. 264), критикуя их за «мелкобуржуазность». Позже, когда В.И. Ленин стал неизменно отвергать славянофильскую природу народничества, настаивая исключительно на его «мелкобуржуазности», Плеханов настаивал на том, что «наше народничество состояло в тесном родстве со славянофильством» (Г. Плеханов. Письмо в редакцию // Голос Минувшего. М., 1913. № 11. С. 307). Подвергая С. критике за «внеклассовое» сближение народничества со славянофильством, Ленин, однако, ни тогда, ни позже не предъявил подобных претензий Плеханову. В целом в начале XX века, до проведённой в СССР идеологической унификации исторических формул, в русском политическом языке уподобление дихотомии народников (неонародников) и марксистов расколу славянофилов и западников – было обычным делом. Даже простой наблюдатель политических споров поэт О.Э. Мандельштам вспоминал, что «в глубокой страстной распри с-р. и с-д. чувствовалось продолжение старинного раздора славянофилов и западников» («Шум времени», 1925: глава «Семья Синани»). Ещё важнее, что даже руководитель ранней советской пропаганды и цензуры Н.Л. Мещеряков, сам участвовавший в начале 1890-х гг. в названных спорах, писал в исторической экспозиции: «Старое славянофильство и западничество надели на себя новые одежды. Первое выступило в костюме народничества, а второе под видом социал-демократии» (Н. Мещеряков. На переломе (из настроений белогвардейской эмиграции) М., 1922. С. 63).

²⁴ В этой полемике С. продолжал позитивистски и «ортодоксально» выводить общественный идеал целиком из данных науки, а Булгаков, значительно ранее С., уже выступал с более творческих позиций, близких кругу московских университетских идеалистов и праведов, выступавших за «возрождение естественного права»: «В результате полемики с Штамлером и Струве для меня выяснилось, что идеал даётся не наукой, как это думает настоящий марксизм,

Примечания

а «жизнью», следовательно, он внеаучен или ненаучен и в этом смысле относительно науки автономен» (С.Н. Булгаков. Задачи политической экономии [1903] // С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В.В. Сапова. М., 2006. С. 695, прим.)

²⁵ Читатель, знакомый с моими «Критическими заметками к вопросу об экономическом развитии России» (СПб. 1894), заметит в предлагаемой статье уклонения от высказанных в моей книге взглядов. Но мне кажется, что я только подвинулся дальше в том направлении, в котором написана моя книжка. Один из моих немилостивых критиков (г. Михайловский) заметил, что я «напрасно» пытаюсь опереться на критическую философию. Дальнейшее развитие литературы и собственная работа мысли, наоборот, убеждают меня, что это было вовсе не «напрасно». — *Прим. Струве.*

²⁶ Это сочетание критической точки зрения и материалистического понимания истории показывает, что последнее по существу нисколько не связано с материалистическою метафизикой. Генетическая связь экономического материализма и материалистической метафизики неоспоримо доказывается главой о французском материализме в «*Heilige Familie*» Маркса. В мировоззрении Энгельса материалистическое понимание истории и материалистическая метафизика составляли прочное психологическое единство. Но ни генетическая связь, ни психологическое единство этих учений у Маркса и Энгельса не обуславливают их систематического или логического единства. Материалистическое понимание истории заявляет свои притязания лишь на «*das fruchtbare Bathos der Erfahrung*» и не нуждается ни в какой метафизике. См. мою статью о Марксе в «Энциклопедическом словаре» Арсеньева и Петрушевского. — *Прим. Струве.*

²⁷ О том, что благодаря германскому образцу этот исторический оптимизм был распространён не только в Германии говорит свидетельство и об одном из вождей русского марксизма как якобы о его личной специфике: «характерны факты, переданные нам Е.Д. Кусковой. В конце 90-х годов М.И. предсказывал, что через несколько лет в России будет конституция, и предлагал Е.Д. держать пари. В середине 900-х годов он утверждал, что в России возможна скорая социальная революция и что на сцену выступит с небывалой силой демократия, и снова предлагал Е.Д. держать пари» (Н.Д. Кондратьев. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923. С. 28–29).

²⁸ Об этом подробно: Б.П. Балуев. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995; В.В. Зверев. Реформаторское народничество и проблема модернизации России. М., 1997; Г.Н. Мокшин. Русское легальное народничество 60–90-х годов XIX века. Очерки истории и историографии. Воронеж, 2005; Г.Н. Мокшин. Что такое «легальное народничество»? // Известия Саратовского университета. Саратов, 2011. Т. 11. Серия История. Международные отношения. Вып. 2. Ч. 1. Плеханов в своих ранних марксистских работах 1880-х гг. «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» уже различал в народничестве «революционное» и «легальное» («мирное»). При этом исследователь справедливо замечал, что «вряд ли логично называть либеральное народничество легальным, одновременно противопоставляя его народничеству Чернышевского как революционному, ведь Чернышевский тоже проповедывал свои взгляды в легальной прессе. Но, к сожалению, и сейчас некоторые последователи вслед за Плехановым, оперируют этим термином» (Б.П. Балуев. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. С. 146–147). Впрочем, само употребление слова «легальный» в русском языке конца XIX века тесно сопровождалось противопоставлением его «нелегальному», «подпольному», а *легальность* понималась как не как приспособление к условиям легальности, а как публичное признание того, что прежде существовало исключительно в подполье. Например, К.Н. Леонтьев в письме к В.М. Эберману от 1 мая 1890 упоминал «легальных нигилистов» (Неизданные письма Константина Леонтьева / Публ. Д. Соловьёва // Звезда. СПб, 1993. № 3. С. 152).

²⁹ В эмиграции это авторское мифотворчество С. достигло особых высот: «В моё духовное и политическое развитие те историко-политические мысли И.С. Тургенева, которые были направлены против русского социально-политического мессианизма как в его консервативной, так и в его революционной редакции, вошли определяющим образом, как одно из самых

важных «влияний», породивших тот строй идей, первым выразителем которого я явился в русской исторической и философски обоснованной публицистике и который стал известен под внушающим неправильные ассоциации и возбуждающим недоразумения наименованием «легальный марксизм...» (П.Б. Струве. И.С. Тургенев как политический мыслитель [1933] // П.Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н.А. Струве]. Париж, 1981. С. 212).

³⁰ Н.А. Цуриков. Мои встречи с о. Сергием Булгаковым (1908–1934) // Н.А. Цуриков. Прошлое / Сост. В.А. Цуриков. М., 2006. С. 346. Это мнение Булгакова действительно отражало некое коллективное убеждение и не было уникальным. В том же духе уже после смерти С. вспоминал о нём С.Л. Франк в письме к В.Б. Ельяшевичу от 4 марта 1944, также лично знавшему С., то есть не рискуя вызвать непонимание: «Он был гений (хотя я и сознаю, что было что-то в нём, что мешало ему приносить плоды, достойные его гения). Сколько бы он ни дал, – это всё же мало по сравнению с тем, что он был и имел» (Переписка С.Л. Франка с В.Б. Ельяшевичем и Ф.О. Ельяшевич (1922–1950) / Публ. Г. Аляева и Т. Резвых // Исследования по истории русской мысли. 12. Ежегодник за 2015 год. М., 2016. С. 126).

³¹ Н. Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Ответ гг. Михайловскому, Карееву и Ко [1894] / Под ред. С.Я. Вольфсона. Минск, 1923. С. 231–233, 235, 241; в развитии полемики с Михайловский, выступившим против книги С. в «Русском Богатстве» (1894. Кн.Х): [Г.В. Плеханов] Ещё раз г. Михайловский, ещё раз «триада» [1894] // Там же. С. 261. Здесь же – вполне комплиментарное адвокатирование Плехановым С. за его «очень неосторожное» выражение «признаем нашу некультурность и пойдём на выучку к капитализму» с помощью ссылки на подобные же «неловкости» В.Г. Белинского.

³² Н. Бельтов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. С. 43. Первые переводчики «Капитала» на русский язык Г.А. Лопатин и Н.Ф. Даниельсон в 1872 г. перевели *Wert* как *стоимость* согласно тогдашним толкованиям К. Маркса, которые были им пересмотрены им уже в 1873 г. (В.Я. Чеховский. О переводе Марксова «Wert» на русский язык // Вопросы экономики. М., 2008. № 1 (автор призывает вернуться к переводу *цена*). Оппонент настаивает на общетеоретической верности перевода *стоимость*: Л.Л. Васина. «Ценность» versus «стоимость» // Альтернативы. М., 2015. № 2 (87)), но были оставлены без внимания Н.Ф. Даниельсоном при двукратном переиздании его перевода в 1898 г.

³³ В том же 1898 г. С. в качестве редактора нового перевода «Капитала» уделил особое внимание точному переводу *Wert* как *цены* («Исходной точкой экономической системы Маркса, изложенной в «Капитале», является понятие ценность. Этим словом мы пользуемся для передачи немецкого *Wert*, так как смысл русского слова в точности соответствует смыслу немецкого слова» (П.Б. Струве. Предисловие редактора русского перевода // К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. СПб., 1898. С. XXVIII); этот перевод в 1900-х годах Плехановым (Редактор журнала М.М. Филиппов, следуя консенсусу, без санкции Г.В. Плеханова исправил его *стоимость* на *ценность*: Н. Карелин. Заметки читателя по поводу «упразднения» Туганом-Барановским и Струве учения Маркса о норме прибыли // Научное обозрение. 1900. № 10. С. 1725–1735; № 11. С. 1922–1936. В полемике по существу перевода Плеханов заявил, что считает перевод *стоимость* более удачным, чем *ценность* (Г.Л.: [Рец.:] С. Франк. Теория ценности Маркса и её значение. Критический этюд. СПб., 1900 // Заря. Stuttgart. № 2–3: Декабрь 1901. С. 325, прим.)) и Лениным (тот же М.М. Филиппов так же произвольно исправил Ильину-Ленину *сверхстоимость* на *сверхценность*: Владимир Ильин. Заметка по вопросу о теории рынков (По поводу полемики гг. Туган-Барановского и Булгакова) // Научное обозрение. 1899. Январь. № 1. С. 37–45. Тем не менее, Ленин далеко не сразу решился идти против традиции, пока она представляла ему в лице С. и Булгакова: ещё в конце 1890-х он не имел готового терминологического решения, приводя в своих конспектах спорное понятие без перевода, на немецком *Wert*: В.И. Ленин. Тетради по аграрному вопросу. М., 1969. С. 6) и его последователями был отвергнут в борьбе против С., в новом переводе И.И. Скворцова была вновь введена *стоимость* (изд. 1907–1909).

Примечания

Показательно, что народник-марксист, резко отрицательно относившийся к кругу Струве, также переводил слово как *стоимость*: Л.Е. Оболенский. Кризис нео-марксизма // Одесский Листок. Одесса. № 141. 3(16) июня 1900. С. 1.

³⁴ В.В. Сапов акцентировал внимание (С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статья и рецензия 1895–1903. С. 899, 935) на важном разъяснении Б.П. Вышеславцева (в его книге 1953 года «Кризис индустриальной культуры»): «Здесь необходимо сказать несколько слов о неудачном переводе слова *Wert*, установившемся в советской науке. Этот перевод филологически неверен, философски безграмотен и покоится на непонимании духа языка. «Стоимость» совсем не соответствует немецкому слову *Wert*, и всецело соответствует немецкому слову *Preis*. «Сколько стоит?» означает по-немецки *Waskostet?* Поэтому «стоимость есть *Kostenpreis*». «Стоимость» выражает то, что политическая экономия и Маркс называют «ценой» в отличие от «ценности». Это важное противопоставление уничтожается при пользовании термином «стоимость», ибо стоимость и есть цена. Но нелепость перевода достигает своего предела, когда мы имеем дело с «потребительной ценностью»: дело в том, что огромная потребительная ценность может не иметь никакой стоимости. Воздух и вода имеют великую ценность, но «ничего не стоят». Это безвыходное затруднение марксистские переводчики «Капитала» В. Базаров, И. Степанов и А. Богданов принуждены были открыто признать (предисловие к «Капиталу». Киев – Нью-Йорк, 1929): если ещё и возможно, говорится здесь, *Tauschwert* перевести как «менювую стоимость», то логика требует, чтобы *Gebrauchswert* переводилось как «ценность» (ибо она может не иметь стоимости!). Переводчики в заключение принуждены сознаться, что этот термин «не совсем удобен» и «не логичен». Другое основание для сохранения термина «ценность» состоит в том, что широкое философское понятие *Wert* как раз передаётся русским словом «ценность»: можно говорить о ценностях научных, эстетических и, наконец, экономических. И эти ценности суть объективные ценности. В этом преимущество термина Маркса: экономические ценности входят в универсальную систему ценностей. Термин «стоимость» даёт не перевод, а безграмотное исправление Маркса. Единственный довод, который мы встречаем у русских марксистов против термина «ценность», состоит в том, что ценность будто бы означает субъективную оценку. Верно как раз обратное. Современная философия давно установила объективное значение ценностей. Оно на каждом шагу применяется и марксистами (...).

³⁵ Политико-экономическое понятие «ценность» при переводе понятия *Wert* в России 1870-х – начала 1900-х гг. употребляло абсолютное большинство экономистов вообще и марксистов, в частности: Ю.Г. Жуковский, Н.И. Зибер, неизвестные марксисты-нелегалы из кружка Бруснева (брошюра «Что теория ценности должна разъяснять?» (1891–1892?) была изъята у брусневца при аресте (Сводный каталог русской нелегальной и запрещённой печати XIX века. Книги и периодические издания. Часть IV. М., 1971. С. 775 (№ 2150)), коллега Бруснева по руководству кружком В.С. Голубев (*В. Голубев*. [Рец.:] Б.С. Труд и капитал. М., 1897 // Образование. 1897. № 4. С. 192), ранний В.А. Базаров (*В. Базаров*. Труд производительный и труд, производящий ценность. СПб, 1899), С.С. Штейнберг и А.М. Воден (*Освальд Кюльпе*. Введение в философию / Пер. с нем. С. Штейнберга и А. Водена под ред. П.Б. Струве. СПб, 1901), П. Нежданов (он сам употреблял понятие «ценность», но констатировал наличие двух «партий» вокруг перевода *ценности*: П. Нежданов. О старом вопросе (По поводу новой книжки: Е. Смирнов. Цена и трудовая стоимость). СПб, 1903. С. 25, прим.), С.Н. Булгаков (С. Булгаков. О некоторых основных понятиях политической экономии. I. Ценность // Научное Обозрение. Февраль 1898. № 2. С. 330–353), С.Л. Франк, М.И. Туган-Барановский (он принципиально различал и одновременно употреблял оба понятия, следуя их «психологическому» и «социальному» смыслу: М.И. Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма [1905]. М., 2015 (Отдел II. Ценность и прибавочная ценность): «Ценность для него – одна, а стоимость – другая сторона хозяйства» (Н.Д. Кондратьев. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923. С. 62), ранний А.А. Богданов (А. Богданов. Обмен и техника // Очерки реалистического мировоззрения. Сборник статей по философии, общественной

науке и жизни. СПб, 1904. С. 279–344. Богданов употреблял *ценность* и *стоимость* на равных, но в полемике против субъективно-психологической теории, политической экономии Струве, Франка, Туган-Барановского), А.Ю. Финн-Еногаевский (*А. Финн*. Промышленный капитализм в России за последнее десятилетие // Очерки реалистического мировоззрения. СПб, 1904. С. 345–408), А. Сурков (Васильев) (*А. Сурков*. Экономические статьи наших журналов // Жизнь. 1900. Октябрь. Том X. С. 321–330), П.П. Маслов (*П. Маслов*. [Рец.:] С.Л. Франк. Теория ценности Маркса... // Жизнь. 1900. Декабрь. Том XII. С. 392–395), А.А. Санин (*А. Санин*. Экономические иллюзии. III. // Научное обозрение. Апрель 1899. № 4. С. 824–839), М.М. Филиппов (*М. Филиппов*. Опыт критики «Капитала» // Научное обозрение. 1899. № 6. Июнь. С. 1090–1109), П.А. Берлин (*П. Берлин*. [Рец.:] *Das Ende des Marxismus von D-r Paul Weisgruen. Leipzig*, 1899 // Научное обозрение. 1899. № 6. Июнь. С. 1238–1241), Ю.О. Мартов (*Г. Геркнер*. Рабочий труд в Западной Европе [Перевод Л. Мартова.] СПб, 1899. Идентификация автора перевода – в переписке его близких родственников и единомышленников: *В.О. Цедербаум* – Ю.О. Мартову. 12 мая 1899 // РГАСПИ. Ф.362. Оп.1. Д.27. Л.9об.), В.Э. Ден (*В.Э. Ден*. К учению о ценности. Три очерка: А. Смит, Д. Рикардо, К. Родбертус. СПб, 1895), Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова (СПб, 1899. Стлб. 1241–1242 (Маркс)), переводчики А. Лабриолы (*Антонио Лабриола*. Исторический материализм и философия (письма к Сорелю). СПб, 1900. С. 13; *А. Лабриола*, К «кризису марксизма». Киев, 1905. С. 11), П. Фишера (*П. Фишер*. Теория ценностей. Введение в изучение К. Маркса. Киев, 1907), А.А. Мануилов, А.Н. Миклашевский, В.А. Косинский, М.Н. Соболев, Н.А. Каблуков (Протокол заседания Московского юридического общества 9 октября 1895 года // С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В.В. Сапова. М., 2006. С. 725–727), Л.Н. Канцель (*Э. Бернштейн*. Исторический материализм / Пер. Л. Канцель. СПб, 1901), В.Ф. Левитский (*В.Ф. Левитский*. История политической экономии в связи с историей хозяйственного быта. С древнейших времён до конца XIX века [1914]. М., 2015. С. 445–446). См. развитие этой терминологической традиции в эмиграции: *С.И. Гессен*. Правовое государство и социализм [1924–1925] // С.И. Гессен. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М., 1998. С. 209. Содержательный очерк историографии вопроса с точки зрения сторонников понятия «стоимости» см. в связи с общей проблемой толкования теории стоимости: *Л.Л. Васина*. Издание «Капитала» К. Маркса в годы Первой русской революции // Книжные и документальные коллекции XX века: идеологии и обстоятельства: материалы научной конференции «Вторые Рязановские чтения» (18–19 марта 2015) / Сост. Е.Н. Струкова. М., 2016. С. 42–48. Материал к истории перевода понятия см.: *М. Колеров*. Общественные науки в журнале «Народное Хозяйство» (1900–1905). Указатель // Исследования по истории русской мысли [6]. Ежегодник за 2003 год. М., 2004. См. также об этом новый очерк традиции и контекста: *Татьяна Резвых*. О ценности: подход Семёна Франка (1898–1908) // Исследования по истории русской мысли [14]. Ежегодник за 2018 год. М., 2018.

³⁶ С. Маркс, Карл Генрих // Энциклопедический словарь Общества «Брокгауз и Ефрон». Т. XVIIIа (36). М., 1896. С. 662–667: «В духовном творчестве М. слились три крупные умственные течения новейшего времени: английская политическая экономия, французский социализм и немецкая философия, и дали новый и совершенно своеобразный продукт». Эту формулу С. повторил в статье 1897 года «Наши утописты» (*Пётр Струве*. На разные темы (1893–1901). Сб. ст. СПб, 1902. С. 64). Но дидактическая триада, конечно, не стояла и не могла стоять в центре внимания С. и его единомышленников: она лишь выражала основу их философского пафоса, давая – даже в рамках «Проблем идеализма» (1902) устами Энгельса им марксистскую санкцию и социал-демократическую легитимность, дополнительную к программному *Privatsache*: «Пусть наконец действительно осуществляются известные слова Энгельса, который приводил современный социализм в связь не только с Сен-Симоном, Фурье, Лассалем, Марксом, но и Кантом, Фихте, Шеллингом, Гегелем. Связь эта существует и должна быть сделана достоянием общественного сознания» (*С.Н. Булгаков*. Основные проблемы теории прогресса [1902] // С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В.В. Сапова. М., 2006. С. 533).

Примечания

³⁷ Император Александр III умер 20 октября 1894. 8 декабря 1894 был принят адрес Тверского земства Николаю II, написанный Ф.И. Родичевым, в котором была выражена надежда на «неуклонное исполнение закона как со стороны населения, так и со стороны представителей власти, ибо закон должен стоять выше случайных видов отдельных представителей этой власти. ...Мы ждём, государь, возможности и права для общественных учреждений выражать своё мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты престола могло достигать выражение потребностей и мыслей не только администрации, но и всего народа русского». Николай «за дерзость» запретил Родичеву заниматься земской деятельностью (А.А. Кизевейтер. На рубеже двух столетий: Воспоминания 1881–1914. М., 1996. С. 142)

³⁸ В. Базаров. Пионеры марксизма // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. С.А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 486. Предыстория, кратко затронутая выше, в целом такова: петербургский кружок А.А. Давыдовой, к которому были близки Н.М. Минский, С.Я. Надсон, затем Туган-Барановский (одновременно близкий к террористическому кружку А.И. Ульянова) в лице А.М. Евреиновой, взамен закрытых в 1885 г. оппозиционных «Отечественных Записок», с 1886 издавал журнал «Северный Вестник» при участии Н.К. Михайловского, Н.В. Шелгунова, Г.И. Успенского, С.Н. Южакова, А.П. Чехова. в этот кружок Мережковский ввёл А.Л. Волынского, ученика А.Д. Градовского. В 1888 журнал полностью перешёл к А.А. Давыдовой под руководством Михайловского – до 1890, когда его выкупила Л.Я. Гуревич для А.Л. Волынского, ставшего идейным и личным врагом Михайловского: в борьбе с ним Волынский высмеивал антикультурную партийность Михайловского в литературе в защиту эстетического величия классиков русской литературы. Гуревич подвижнически вела журнал, который однако коммерчески был безнадёжен. Поэтому она начала переговоры о сближении со Струве и Туган-Барановским. «В такой ситуации», пишет исследователь, журнал публикует статью Гуревич и Волынского «Идеализм и буржуазность» (Северный Вестник. 1896. № 1), думая, что её выводы близки Струве (считающего буржуазностью бездейный отказ от идеалистической борьбы за право), но на деле они отрицают «национальный патриотизм» и борьбу за политические свободы, говоря, что политики, «толкая интеллигентное общество на борьбу за право, они готовы были на время затоптать лучшие, высшие, идеальные стремления людей в области науки, философии, искусства». В 1898 Гуревич вновь «затела переговоры о возможности блока» с Туганом и Струве, которые не готовы были дать Волынского даже ведение литературного отдела (Елена Толстая. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акимы Волынского. Иерусалим; М., 2013. С. 31, 51, 53, 57–58, 60–61, 63, 66, 194–195, 253–254). В 1910-х Гуревич по приглашению С. работала в редакции его журнала «Русская Мысль».

³⁹ М.К. Неопубликованные инскрипты Л. Андреева, Шестова, Изгоева, Булгакова, Струве, Бердяева, Карсавина // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С.312–314. Содержание сборника Л. Андреева: *Набат. Смех. Петька на даче. Бездна. В подвале. Стена*. Несмотря на эмиграцию, возвращение из неё и дальнейшие переезды, книга эта была сохранена Струве и сохранилась в библиотеке СПб. Политехнического института, где он много лет преподавал. Об этом книжном собрании см.: В.В. Чепарухин. Библиотека П.Б. Струве в Санкт-Петербургском Государственном Техническом Университете // Рубеж. СПб, 1994. № 6–7: «По сделанной мною оценке, собрание П.Б.С. насчитывало к тому времени около 13800 томов. Сегодня в отдельном хранении около 6500 книг. Ещё свыше 2000 книг «растворено» в основном многомиллионном фонде библиотеки. В протоколах Учёного Совета института есть запись 1952 г.: «лежат неразобранными 10.000 томов библиотеки Струве»... Любопытна роль Ленина в дальнейшей судьбе библиотеки П.Б.С., т. к. именно ему она обязана самим фактом своего сохранения. Приводим публикацию текста телеграммы заведующему библиотечным отделом Наркомпроса в Петрограде А.П. Кудрявцеву от 13 января 1919 г.: «Охраните от расхищения библиотеку Струве, находящуюся в Политехническом институте. Передайте особо ценное в Публичную библиотеку, остальное Политехническому институту. Портрет Герда работы Ярошенко подлежит передаче Нине Александровне Струве через директора Политехнического института. Исполнение телеграфируйте. Предсовнарком Ленин»... (Портрет Герда в настоящее время находится в экспозиции мемориального музея Н.Я. Ярошенко в г. Кисловодске; судьба книг, передававшихся Публичной библиотеке, сегодня неизвестна). Среди сохранившихся книг часто встречаются дарственные надписи Н. Бердяева («Душа России», 1915 г.: «Дорогому Петру Бернгардовичу Струве от автора»), кн. Е. Трубецкого («Война и мировая

задача России», 1915 г.: «Петру Бернгардовичу Струве на добрую память от автора и с просьбой прислать свою лекцию для той же серии»), о. С. Булгакова, о. А. Введенского, П. Новгородцева, А.А. Корнилова, С.А. Венгерова («Собрание сочинений С.А. Венгерова», – «Искателю истины Петру Бернгардовичу Струве с искренним приветом и уважением автор»).

⁴⁰ «Последний раз я видел Ф.К. [Сологуба] незадолго до революции у почтенного Н.И. Кареева, которому, вместе с В.А. Мякотинным и мною, пришлось быть третейским судьёй по довольно нелепому делу (...) мне пришлось тогда видеть за одним столом... покойного Леонида Андреева, здравствующего Максима Горького, моя первая с которым относится к 1897 г., и Фёдора Сологуба. Отчётливо помню, как на этом судилище Леонид Андреев, которого я увидел тут в первый раз и к которому, как к писателю, я относился по меньшей мере холодно, как человек произвёл на меня тогда прямо обаятельное впечатление каким-то шарующим сочетанием прямоты и мягкости, и как, наоборот, тягостно, прямо удручающе неприятен был Максим Горький» (П.Б. Струве. Памяти Ф.К. Сологуба [1927] // П.Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / [Сост. Н.А. Струве]. Paris, 1981. С. 279–280). В итоге сличения этих двух фактических показаний наибольшую весомость следует признать за инскриптом Андреева, а не за воспоминанием Струве.

⁴¹ Компетентный исследователь и участник движения свидетельствовал, что этот жанр марксистской наглядной агитации имел своим источником первоначального распространения круг близкого к С. «технолога» Р.Э. Классена: «Первые фотокарточки Маркса, впервые распространённые в России кружком Классена, были получены от Екатерины Григорьевны» Бартеневой. Лично знакомая с участником заговора о царевубийстве А.И. Ульяновым (1887), участница I конгресса Интернационала, Е.Г. Бартенева работала в 1889–1891 гг. в организации Бруснева-Голубева (в неё входил кружок Классена), специализируясь на пропаганде среди рабочих, подготовкой которой были объединены до 130–140 интеллигентов (*И.С. Книжник-Ветров*. Русские деятелицики Первого Интернационала и Парижской Коммуны (Е.А. Дмитриева, А.В. Жаклар, Е.Г. Бартенева). М; Л., 1964. С. 252, 237, 240–242, 244–245).

⁴² Мемуарист, сообщающий свидетельство об этом Е.Н. Трубецкого, готов счесть его «шаржем» (Н.А. Цуриков. Мои встречи с о. Сергием Булгаковым // Н.А. Цуриков. Прошлое. М., 2006. С. 342). Но чуть более ранняя переписка Булгакова с Гершензоном, в которой оба выказывают интерес к распространению фотоизображений Энгельса и Маркса для личного пользования (В ожидании Палестины. 17 писем С.Н. Булгакова к М.О. Гершензону и его жене. 1897–1925 гг. / Публ. М. Колерова // Неизвестная Россия. XX век. II / Под ред. В.А. Козлова. М., 1992. С. 115) говорит о том, что шаржа в этом сообщении нет.

⁴³ В более поздней специальной статье о писателе С. вспоминал: «В 1899 г. приходилось убеждать и доказывать, что Розанов крупный писатель. В «прогрессивной» печати видели тогда в Розанове только Иудушку... как его окрестил Вл. Соловьёв, ...изувера, писавшего... что Ходынка есть искупительная жертва за 1-е марта 1881... [с тех пор] в русской литературе обозначился блестящий литературный талант, создавший почти новый вид художественно-конкретной публицистики, в которой мысль, философская или политическая, всецело сливалась с образами действительности, и исторической, и повседневной. (...) Розанов — один из первых русских писателей» (*Patriotica*. С. 492, 493, 504. «На разные темы. В.В. Розанов, большой писатель с органическим пороком», 1910).

⁴⁴ Общую численность политически активных социал-демократов в комитетах и группах РСДРП компетентные свидетели и участники движения — после периода репрессий — критически оценивали в 63 человека в 1900 году и 207 человек в 1904 году: *Е. Кускова*. [Рец.:] Ф. Дан. Из истории рабочего движения и социал-демократии в России 1900–1904 // *Былое*. № 10. Октябрь 1906. СПб, 1906. С. 327. Можно сказать, что репрессии парализовали активность почти 99% социал-демократов в России. По сводным данным Н.Д. Ерофеева из полицейских материалов, в 1892–1895 было репрессировано 594 народника и 480 социал-демократов, в 1896–534 социал-демократа и 74 народника, в 1897–411 социал-демократов и 36 народников, в 1898–700 социал-

демократов и 93 народника, в 1899–546 социал-демократов и 37 народников (П.Ю. Савельев. «Русское рабочее движение возбуждает тревогу всемогущего самодержавного правительства». Статья Ю.О. Мартова и Я. Стrojцекого. 1897 г. // Исторический архив. М., 2015. № 6. С. 169).

1899–1901: «критическое направление» в русском марксизме

¹ Несмотря на эпизодичность сотрудничества С. в «Северном Курьере», бывшем заурядной городской петербургской газетой, и анонимность публикации этой статьи в первом же номере новой редакции от 13 ноября 1899, можно предположить, что опытный читатель сразу узнал в ней авторский стиль С. и молва, наверняка, подкрепила эти подозрения, отметив появление в ряду объявленных сотрудников газеты имени С. Именно поэтому действовавший тогда в Киеве революционер В.В. Водозов сохранил полосу газеты с этой статьёй, отчеркнув её синим карандашом: ГАРФ. Ф.539. Оп.1. Ед. хр. 3031.

² С. Франк. Теория ценности Маркса и её значение. Критический этюд. СПб, 1900. С.1–II, VI. Непосредственно о теории Франк писал в духе австрийской школы политической экономии и штудий С. так: «Критическая разработка теории ценности Маркса – как и всех остальных его теорий – может и должна заключаться в исправлении и углублении её на почве тех данных, которые были добыты новейшим развитием западно-европейской теоретической экономии (...) единственно истинное значение трудовой теории ценности может быть обнаружено только путём органического её соединения с... теорией субъективной ценности или предельной полезности» (С.V). И радикально применял эти новации к социальной философии: «Явления права, этики, общественных верований, принципов и идей, вообще все явления социальной культуры (...) суть только продукт психического взаимодействия отдельных людей и без остатка сводятся на индивидуальные психические элементы, из комбинации которых они возникают. (...) Точно так же и меновая ценность приобретает характер природного и относительно постоянного свойства товара, хотя она есть лишь продукт колеблющихся субъективных оценок» (С. 357).

³ Исключением стали две статьи Плеханова июля и октября 1898 года, параллельно с тем, как Бернштейн обратился к Штуттартскому съезду СДПГ 3–8 октября 1898 г. с изложением своих взглядов, выступившего на защиту марксистского материализма, словно Бернштейн был первым, кто не видел неременной связи между марксизмом и материализмом. Среди первых упреков Бернштейну громче всего из уст Плеханова прозвучал династический *argumentum ad hominem*, обнажая претензию на некую персональную передачу догматической благодати от признанного вождя к его верному наследнику: «Г. Бернштейн много лет жил в ближайшем общении с Фр. Энгельсом и не понял его философии. Он, который мог обеими руками черпать из великой сокровищницы великого мыслителя (...) В 1889 г. я, побывав на международной выставке в Париже, отправился в Лондон, чтобы лично познакомиться с Энгельсом. Я имел удовольствие в продолжение почти целой недели вести с ним продолжительные разговоры на разные практические и теоретические темы. Однажды зашёл у нас разговор о философии...» (Г.В. Плеханов. Бернштейн и материализм [1898] // Г.В. Плеханов. Против философского ревизионизма. М., 1935. С. 40, 51).

⁴ О едва ли не партийном совещании «идеалистов» накануне одного из собраний для формирования «Союза Освобождения» летом 1903 года на границе Германии и Швейцарии в Шаффгаузене, в котором они также приняли весомое участие, подробно вспоминал Франк: «Сначала съехалась в Штутгарте [где издавалось «Освобождение»] небольшая группа ближайших единомышленников П.Б. [Струве] – из «интеллигентов» и так называемого «третьего элемента»; в их числе я помню С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева (с которым я тогда впервые познакомился), В.Я. Богучарского, С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кускову, Б.А. Кистяковского...» (С.Л. Франк. Биография П.Б. Струве. Нью-Йорк, 1956. С. 38).

⁵ «Не подлежит сомнению, что главная роль «легального» марксизма, как идейного движения, состояла в направленном против народнической идеологии *историческом оправдании капитализма в России*. Русский «легальный» марксизм 90-х годов в сущности выполнял ту функцию, которая в других странах была историческим призыванием и свершением экономического либерализма. И при том он выполнял её в обоих направлениях: и в отношении промышленного, и в отношении аграрного развития страны. Русский «легальный» марксизм явился истолкованием и оправданием индустриальной политики Витте; он был замечательным предвосхищением аграрной политики Столыпина» (*Пётр Струве*. Карл Маркс и судьба марксизма [1933] // Исследования по истории русской мысли. [4] Ежегодник за 2000 год. М., 2000. С.328–336).

⁶ П. Борисов. В чём же истинный национализм? // Вопросы философии и психологии. Сентябрь – октябрь 1901. Кн. IV (59). I о. С. 493, 494, 495, 506–507, 508–509, 511–512, 517, 528. Публикация статьи под псевдонимом, вероятно, была вызвана политической эмиграцией Струве за границу в декабре 1901 года (но в менее подверженном цензуре сборнике «На разные темы» (1902) С. уже переиздал эту статью под своими именем). Современный авторитетный исследователь в самых превосходных степенях описывает историческое значение русского опыта применения «естественного права» к либеральной философии и практики: «Конфликт права и этики, обозначившийся с развитием русского пореформенного общества, вызвал к жизни три направления русской философии права начала XX в. Они оказали несомненное влияние на мировое конституционно-правовое развитие. Это этическая (деонтологическая) теория, психологическая теория права и социологическая теория права. Первое направление, определявшееся как «возрождение естественного права», противопоставляло нравственный идеал и позитивное право. К этому направлению, наиболее видным представителем которого стал П.И. Новгородцев, принадлежали или разделяли его идеи другие крупные русские юристы начала XX в. – В. Гессен, И. Покровский, князя С. и Е. Трубецкие. Опираясь на философию неокантианства, данное направление стремилось переосмыслить существующее (позитивное) право с позиций высокого нравственного идеала, противопоставить сущему – должное (идеал справедливости), действующей правовой системе русского самодержавия – концепцию либеральных правовых реформ. (...) Это направление наиболее близко деонтологическим трактовкам права, ставшим основой современной (сформировавшейся после Второй мировой войны) доктрины прав человека, положенной в основу Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), всех международно-правовых актов в этой области и национальных конституций, признающих их верховенство» (*А.Н. Медушевский*. Российская правовая традиция – опора или преграда? М., 2014. С. 51–52).

⁷ Продолжение этой риторической традиции см. также статьях авторов, которые, несомненно, были знакомы с текстом С.: *С. Котляревский*. Об истинном и мнимом реализме // Вопросы философии и психологии. Ноябрь – декабрь 1904. Кн. V (76). II о. С. 613; *С.Ф. Ольденбург*. Барон Врангель и истинный национализм // Венок Врангелю от Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Пг., 1916; *Н.А. Бердяев*. Об истинной и ложной народной воле // Народоправство. М., 1917. № 14. 30 октября 1917; *Н.С. Трубецкой*. Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. София, 1921; *В.Э. Сеземан*. Об истинной и ложной терпимости // Вестник самообразования. Берлин, 1923. № 8.

⁸ «Национальность не состоит в тех или других исторических пережитках, но представляет собою положительную духовную силу, которая требует их устранения для своего полного и свободного проявления (это основное требование истинной политики национализма с большим публицистическим подъёмом было сформулировано в статье «В чём же состоит истинный национализм?») (...) До такой высоты в национальном вопросе ещё ни разу не поднималась европейская мысль за все века своего существования, в частности в XIX веке: стоит лишь вспомнить ограниченный патриотизм Фихте и Гегеля. Национальный вопрос решается в настоящее время или в духе космополитизма, или зоологического патриотизма. Соловьёв показал возможность высшей точки зрения, устраняющей ограниченность предыдущих, поставив и разрешив вопрос в духе положительного христианского универсализма» (*С.Н. Булгаков*. Что

даёт современному сознанию философия Владимира Соловьёва? [1903] // С.Н. Булгаков. От марксизма к идеализму. Статьи и рецензии 1895–1903 / Сост. В.В. Сапова. М., 2006. С. 634, 627).

⁹ «Прощением» А.Л. Волынского прозвучало принятое Бердяевым от имени направления имени «борьбы за идеализм» (в статье 1901 года в журнале «Мир Божий»), прямо и прежде монопольно связанное с именем Волынского и сборником его критических трудов «Борьба за идеализм» (1900). Это внешнее сближение вызвало критику в радикальной среде, но обнаружилось суть раскола между прежней радикальной общественностью и интересами философии и новой культуры, ситуативно выраженными в фигуре Волынского. С., все 1890-е гг. осознанно преодолевавший это раскол, вспоминал в эмиграции о Волынском так, косвенно излагая свои культурные амбиции: «Либералы и радикалы возненавидели его за развенчание русской либерально-радикальной традиции в журналистике и литературной критике. Сейчас можно и должно сказать, что, развенчивая, Волынский был прав. Конечно, русский радикализм был философски малообразован и даже убог. Волынский вскрыл это убожество, и в этом его несомненная отрицательная заслуга. У него были философские знания и какая-то, казавшаяся в своё время кощунственной, неустранимость суждений. Но, развенчивая, Волынский сам ничего не построил» (Л.Б. Струве. О Фете – прозвала ли Россия Фета // П.Б. Струве. Дух и слово: Статьи о русской и западно-европейской литературе / (Сост. Н.А. Струве). Париж, 1981. С. 225).

¹⁰ «Я веду культурную историю данного молодого поколения с 1892 г., когда Д.С. Мережковский издал свой «манифест» «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». Мне пришлось столкнуться с этими литераторами, свергавшими «старые цепи» для «новой красоты», как раз когда они перенесли свои упадочные настроения из литературы в политику. Таким являлся поворот к религиозно-философскому «идеализму» в сборнике 1902 г. – и уже совершенно открытое нападение того же круга на политику в сборнике «Вехи» (П.Н. Миллюков. Воспоминания. С. 176–177).

1901–1905:

«идеалистическое направление» в русском социализме

¹ *Идеалистическое направление* [в освободительном движении (социализме)] – это самоназвание движения социалистических участников сборника «Проблемы идеализма» (1902) С., Бердяева, Булгакова, Франка, поддержанное Новгородцевым и С.А. Котляревским было актуализировано автором этих строк для обозначения того образа направления, которое приняла для себя, прежде всего, группа этих бывших «критических марксистов», чтобы придать своей коллективной эволюции терминологически внятную динамику. См. М.А. Колеров. Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб, 1996 (раздел «Идеалистическое направление (1902–1906)»); М. Колеров. «Идеалистическое направление» и «христианский социализм» в повременной печати: Новый Путь (1904) \ Вопросы Жизни (1905); Народ (1906); Полярная Звезда (1905–1906) \ Свобода и Культура (1906); Живая Жизнь (1907–1908). Росписи содержания // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999. В историографии, в отличие от истории права, это понятие, однако, не получило развития, если не считать его простого воспроизведения (без ссылки на литературу) в статье: Е.Л. Рудницкая. Трактровка социализма «идеалистическим направлением» общественной мысли России. С.Н. Булгаков // Вопросы истории. М., 2006. № 5 (вошла в сб.: Е.Л. Рудницкая. Лики русской интеллигенции. М., 2007). О связи идеалистического направления в целом с социал-либеральной правовой мыслью в трудах Новгородцева, Е.Н. Трубецкого, Кистяковского, Г.Ф. Шершеневича, Л.О. Петражицкого: А.В. Попова. Неoliberalная модель государственного и общественного устройства России на рубеже XIX–XX вв. М., 2012. С. 71–94 (Гл. II. § 1. Предмет философии права в трактровке представителей позитивистского и идеалистического направлений нелиберальной правовой доктрины).

² Несмотря на свой университетский статус приват-доцента и профессора, Новгородцев с середины 1890-х стоял очень близко к текущей общественной полемике, явно выделяя в ней и разделяя позицию «критического направления» в марксизме. В 1901 г. он защитил и в 1902 г. издал докторскую диссертацию, в которой, рискуя навлечь на себя критику за бедность привлечённой литературы, сконцентрировал актуальные проблемы соотношения этических и общественных факторов в новейших трудах А.Д. Градовского, Милокова, Б.Н. Чичерина, С.Н. и Е.Н. Трубецких, Булгакова, Кистьяковского, С., Д.М. Петрушевского, Р.Ю. Виппера, И.М. Гревса, В.С. Соловьёва, включая внутримарксистскую полемику Булгакова и Струве 1896–1897 гг. о «свободе и необходимости» (*П.И. Новгородцев. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве* [1902]. СПб, 2000). Фокусирование внимания Новгородцева на «критических марксистах» одновременно с вождём новейшего русского идеализма Соловьёвым и его последователями Трубецкими – не могло звучать иначе, как беспрецедентный аванс академической науки идеалистическому радикализму и прямая ему поддержка, вокруг которого созрело авторское ядро будущего сборника «Проблемы идеализма». Выступая за возрождение «естественного права», Новгородцев изначально вполне изящно обходил сложнейший вопрос о его возникновении, утверждая, что самостоятельная нравственная оценка явлений важнее условий образования права и за обоснованием её философии не к кому более обратиться, кроме как к Канту (Там же. С. 30–31). Новгородцев специально осветил политический смысл своего философского творчества, будучи известным практиком легальной и нелегальной либеральной оппозиции. Символически изображая Канта как основателя философии либерализма, а Гегеля как основателя философии социализма, Новгородцев искал между их крайностями линию социал-либерального баланса и для этого, хоть и выводил идеи из подчинения общественно-политическому контексту, подчёркивал их политические, прикладные роль и генетику. Здесь он прибегал к формуле Виппера: «политическая идея есть действительно абстракция, хотя она... продукт некоторого сложного состояния, целой совокупности данных...» (С. 39). И резюмировал: «Иногда теоретик идёт в своих желаниях далее распространённых взглядов своего времени, иногда он только прикрывает громкими фразами свои партийные цели» (С. 67). Именно этот конфликт идей и практики в ходе реализации требований «естественного права» превращается в подобие революционной теории: «сущность естественно-правовой идеи состоит прежде всего в её критическом духе. Она знаменует собою независимый и самостоятельный суд над положительным правом. Это призыв к усовершенствованию и реформе во имя нравственных целей. (...) Самый факт критики, самая идея суда над положительным порядком имеют огромное значение» (С. 225). И Новгородцев вполне революционно заключает, что в таких требованиях права «обыкновенно находили себе место идеальные стремления и самостоятельные и прогрессивные начала, которые не получили доступа в положительное право и существующий строй. Иногда заявления о естественной справедливости свидетельствуют о готовящихся конфликтах государственной жизни, о тех потрясениях, через которые она должна пройти, прежде чем проникнуться новыми началами. Соответственно степени обострения этих практических конфликтов возрастает пафос и красноречие теоретических построений, переходящих порою в пропаганду революционных идей» (С. 113).

³ Он, в частности, сказал, апеллируя к связанной в русском сознании с Герценом культовой фигуре религиозно-социалистического национального освобождения и объединения Италии Дж. Мадзини: «Я вспоминаю, что Д. Мадзини пишет в сочинении своём «Об обязанностях человека»: (...) какова бы ни была цель, для которой мы созданы Богом, но достичь её мы можем только развитием и постоянным упражнением своих способностей» (Из русских изданий // *Образование*. СПб, 1902. № 7–8. III о. С. 97). «Ярким знаменем времени» назвал речь М.А. Стаховича и консервативный издатель правой газеты «Новое Время» А.С. Суворин (*А.С. Суворин. Дневник*. М., 2015. С. 332).

⁴ *Н. Рожков. Значение и судьбы новейшего идеализма в России* (По поводу книги «Проблемы идеализма») // *Вопросы философии и психологии*. Март – апрель 1903. Кн. II (67). II о. С. 315–316, 318–319. Эпоху спустя известный советский большевик и марксист чётко обнаружил доминирующую социалистическую, социал-демократическую тенденцию в этой эволюции С.

и его круга, помещая её в контекст германской социал-демократии: «В настоящее время вся социал-демократия окрашена в один ревизионистский цвет (...) идеологи социал-демократии, освободившись от марксистского «груза», заняты не более и не менее, как созданием новой *социалистической религии*. (...) Подобно русским Булгаковым, Струве и Булгаковым, идеологи немецкой социал-демократии разочаровались в науке и находят единственное спасение уже не в этике, а просто в религии» (А.М. Деборин. Последнее слово ревизионизма [1924] // А.М. Деборин. Философия и марксизм. Изд. 3. М., 2011. С. 71).

⁵ В своей авторецензии на сборник в журнале «Освобождение», названной «О чём думает одна книга?», С. написал: «Проблемы идеализма» знаменуют собой укрепление и расширение того союза между идеализмом философским и идеализмом практически-политическим, начало которому положил своей блестящей публицистической деятельностью Владимир Соловьёв. Этот союз нужен и для философской мысли, и для дела освобождения» (Цит. по: М.А. Колеров. Не мир, но меч: русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех», 1902–1909. СПб, 1996. С. 48).

⁶ И наблюдали это ещё с первого эпизода сотрудничества – с полемики С. и Булгакова в 1896–1897 гг.: «Когда в недрах марксизма зародилось течение, нашедшее потом своё выражение в лозунге «назад к Канту», П.Б. Струве и некоторые другие видные тогда марксисты, перенёсшие свои изыскания на философскую почву, начали печатать свои статьи в журнале, выходившем под редакцией С.Н. Трубецкого. Известный дотоле только специалистам, журнал появился в более широких кругах читающей публики. Преклонявшиеся в ту пору перед г. Струве, русские ученики Маркса готовы были, казалось, с головой уйти в увлечшую его «гносеологию». Но это продолжалось очень недолго. Область была слишком специальна и эскурии в неё для непосвящённых были слишком утомительны» (А.В. Пешехонов. Накануне [Сборник статей из журнала «Русское Богатство», 1904–1905]. СПб, 1906. С. 156. [Памяти парламентаря, октябрь 1905]).

⁷ Объявление о продаже нераспроданной книги С. «На разные темы» публиковалось в «Освобождении» три года спустя, летом 1905 года (Освобождение. 19 (6) августа 1905. № 75), а журнал С. «Полярная Звезда» такое объявление публиковал даже весной 1906 года, когда путь С. от марксизма к социал-либерализму был пройден до конца, а названная книга лишь описывала его эволюцию от партийного социал-демократического марксизму к внепартийному социализму, то есть его устаревшим автопортретом (хотя, может быть, эмиграция С. в 1902–1905 гг. и не позволяла ранее рекламировать книгу столь широко). Авторские сборники С. вообще продавались плохо, что лишь подчёркивало резкий контраст между его широкой известностью и малой популярностью, делавшей С. авторитетным лишь для узкого круга компетентных читателей, которые интересовались нюансами соединения социализма с либерализмом и дальнейшей эволюции этого синтеза к внепартийному государственничеству. Поэтому новый (и последний) сборник статей С. тоже провалился в продаже – теперь уже без политических ограничений. Сборник «Patriotica: Политика, культура, религия, социализм (1905–1910 гг.)», вышед в свет в марте 1911 не маленьким, но вполне умеренным тиражом в 2100 экземпляров: более пяти лет спустя после выхода его из печати он всё ещё рекламировался в журнале «Русская Мысль» (Русская Мысль. М.; Пг., 1916. Кн. XI. Отд. V. С. 4). Это значит, что целевая аудитория произведений С. (учитывая, что наиболее демократическая часть читателей, обеспечивавшая в публичных библиотеках до 15–20 прочтений на один номер толстого журнала, не входила в число поклонников журнала С.) составляла заметно менее 2000 человек.

⁸ В течение середины XIX в., на глазах поколения родителей С. прошло успешное объединение Германии и Италии в национальные государства. Даже такой вполне холодный в отношении пафоса национального возрождения и прямо враждебный к русскому национализму и особенно враждебный к славянской национально-освободительной борьбе в её сербском примере, как Милоков, разделял общее для русской оппозиции восхищение прежними образцами национального возрождения в Европе, также сопряжёнными с государственным объединением, но – в отличие от сербского – поддержанного именно революционной, а не официальной Россией. Он вспоминал:

Примечания

«я переживал душой итальянское *risorgimento* и триумф национального принципа в годы объединения Италии» (П.Н. Милуков. Воспоминания. С. 432).

⁹ «Усложнение жизни» («усложнение национальной культуры») — одно из центральных общественно-политических понятий С. 1890–1900-х гг., позволявших ему сложности цензурные требования «эзопова языка» и одновременно выразить некоторую доктрину («удачное понятие, — говорил С. позже, — *innisce* содержит в себе целую научную теорию»). Понятие «усложнения», связанное с интенсивной русской идейной традицией «сложности» (начиная с М. Погодина («Дела становятся час от часу мудрёнее, отношения сложнее; а мы хотим пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами»), опираясь на «сложность» зрелости и демократии у К.Н. Леонтьева («Византизм и Славянство»), имея в виду и то, что писал в своём «Московском сборнике» К.П. Победоносцев (1896) «как усложняются формы быта общественного» и др.), С. впервые применил в описании и развитии экономической жизни капитализирующейся и индустриализирующейся России в «Критических заметках» и затем в журнале «Новое Слово» (Л.Б. Текущие вопросы внутренней жизни // Новое Слово. СПб, 1897. № 6. II о. С. 157). Одним из манифестов С. для перехода от «критического марксизма» к «идеализму» стал его специальный комментарий к понятию «Усложнение жизни» («Северный Курьер», 1899). И позже С. сохранял верность этому понятию. В дебютной статье С. как редактора «Освобождения» говорилось: «Усложняющаяся жизнь великого народа требует широких политических форм, свободы и простора для личной и общественной самодеятельности» (П. Струве. От редактора // Освобождение. 1902. № 1. 18 июня). Постфактум, после революции 1905 года, отметившей крах усилий самодержавия избежать политических перемен, С. вернулся к этой формуле и в своей статье в сборнике «Вехи»: «Крушение этой политики было неизбежно, и в связи с усложнением общественной жизни и с войной оно совершилось очень быстро». См. также: «Эра Витте [дала] усложнение экономической жизни» (Patriotica. С. 212. «Чрезмерность полиции и к чему она приведёт?», 1908). В.И. Ленин летом 1917 года в своём знаменитом трактате «Государство и революция» критически писал, что на вопрос о природе идущей в ходе мировой войны милитаризации государств, обществ и экономик некий «филистер» «склонен отвечать... ссылкой на усложнение жизни, на дифференциацию функций».

¹⁰ Развивая «право на прожиточный минимум / существование» Г. Еллинека в «минимум Добра» В.С. Соловьёв (см.: Е.А. Прибыткова. Несвоевременный современник: философия права В.С. Соловьёва. М., 2011. Глава III) предопределил внесение русскими «возродителями естественного права» этой новации «право на достойное существование» (см.: Там же. Глава IV. § 2) в фундамент современного, социализированного либерализма и затем — в основу современного цивилизованного права. См. также специально об этом: Е.А. Прибыткова. В поисках «этического минимума»: Г. Еллинек, Э. ф. Гартман, Вл. Соколов // Исследования по истории русской мысли [8]. Ежегодник за 2006–2007 год. М., 2009. К исследованию Е.А. Прибытковой следует добавить и толкование «права на достойное существование» социалистом С.И. Гессеном: С.И. Гессен. Правовое государство и социализм [1924–1925] // С.И. Гессен. Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистякова. М., 1998. С. 187–189.

¹¹ П.И. Новгородцев. Два этюда. 1. Перед завесой. 2. Право на достойное человеческое существование // Полярная Звезда. СПб, 1905. № 3; И. Покровский. Право на существование // Свобода и Культура. СПб, 1906. № 4. См. также: И.А. Покровский. [Рец.]: Р. Штаммлер. Учение о справедливом праве // Вестник права. СПб, 1904. Переизд.: П.И. Новгородцев, И.А. Покровский. О праве на существование. Социально-философские этюды. М., 1911. См. также: «Человек борется не просто за своё существование, а за достойное существование» (С.Н. Булгаков. Очерки по истории экономических учений. I. (1913)). См. формулировки Новгородцева со ссылкой на детализацию этого права в «Оправдании добра» В.С. Соловьёва: «Среди тех прав, которые помещаются обыкновенно в современных декларациях, нет одного, которое по всем данным должно бы найти место в символе веры современного правосознания: это — право на достойное человеческое существование. А между тем, если есть какая-либо яркая и отличительная черта нового воззрения, которое всё более даёт себя знать в различных общественных заявлениях,

Примечания

так это именно – признание за указанным правом не нравственного только, но и юридического значения. (...) Речь идёт в данном случае, очевидно, о том, чтобы обеспечить для каждого *возможность* человеческого существования и освободить от гнёта таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно» (П.И. Новгородцев. Право на достойное человеческое существование [1905] // П.И. Новгородцев. Сочинения. С. 321–322).

¹² Его выступление здесь библиографически давно известно, но до сих пор не привлекло внимания ни издателей наследия, ни биографов Гершензона: [М.О. Гершензон и П.Б. Струве] Письмо с берегов Женевского озера N.N. и ответ на него редактора «Освобождения» // Освобождение. Кн. I. *Stuttgart*, 1903. Об этом с указанием на признание авторства см.: К.Ф. Шацлло. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг.: Организация, программы, тактика. М., 1985. С. 1985. При этом важно, что интенсивная литературная связь Гершензона с московскими университетскими либералами Новгородцевым, Л.М. Лопатиным, С.Н. Трубецким, Вернадским, П.Г. Виноградовым (его секретарём в 1890-е был Гершензон), С.А. Котляревским (см. обширные литературные и театральные обозрения Гершензона в их журнале «Научное Слово», 1903–1905), по-видимому, оказалась для С. более весомой, чем более давняя его марксистская связь с Булгаковым (см.: М.А. Колеров. Гершензон и марксисты: к вопросу об идейной свободе писателя // Исследования по истории русской мысли. [3] Ежегодник за 1999 год. М., 1999).

¹³ Группа «Credo», «экономисты», выступавшие в силу неразвитости рабочего движения за союз социалистов, демократов и либералов, были подвергнуты за это внутри марксистского движения резкой критике как якобы «бернштейнианцы» и покинули партийные ряды социал-демократии в конце 1890-х и «до известной степени осуществили свои задачи в «Освобождении», – этом союзе радикальных, земских и демократических элементов» (Ек. Кускова. О старой вере (А.Н. Потресов) // Современные Записки. Кн. LXV. Париж, 1937. С. 396).

1905–1908: культура и социал-либерализм

¹ П.Б. Струве. Избранные сочинения. С. 454. С. переживал свой отказ от доктрины коммунистической революции как «теории катастрофы» (*Zusammenbruch*) и позже, почти в финале своей быстрой эволюции к апологии этатизма. Он и в 1907 году продолжал (себе, в первую очередь) напоминать резюме своей «Марксовой теории...»: «Вера в близкое, полное, механическое осуществление социализма, вообще в его «осуществление» рушится или, вернее, уже рухнула» (Patriotica. С. 64–65. *Facies hippocratica*. К характеристике кризиса в современном социализме, 1907).

² С. стал вместе с М.В. Пирожковым, видимо, миноритарным «пайщиком» (совладельцем) «Полярной Звезды», выплатив ему в сумме 1000 рублей (23 ноября, 25 ноября, 15 декабря 1905. ГАРФ. Ф.604. Оп.1. Ед.хр. 6. Лл. 1, 2, 3. Но финансовая основа издания оставалась столь зыбкой, что С. пробовал привлечь в «пайщицы» журнала О.Н. Попову, в издательстве которой во второй половине 1890-х гг. работал редактором и составителем книжных серий, но с которой вступил в конфликт вокруг издания книги Н.А. Бердяева со своим монографическим предисловием «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском» (СПб, 1901): однако она, хваля политическую позицию С., вежливо отказалась: «Денег ниоткуда достать нельзя» (О.Н. Попова. Письмо к П.Б. Струве, 19 ноября [1905] // РО РНБ (АДП). Ф.753. Ед. хр. 84).

³ Милюков, упорно строивший центральный орган кадетской партии и нашедший его в буржуазной газете «Речь», ревниво отвергал медийные интеграционные усилия С. и назвал «Полярную Звезду» – «личным органом» С., а его проповедь компромисса – «идиллией» (П.Н. Милюков. Воспоминания. С. 238). И в этом Милюков был прав: С., похоже, не замечал, что компромисс монархии с нацией и буржуазии с пролетариатом вокруг ценностей свободы и справедливости проповедовался от лица самого С., не претендовавшего однако на положение

общенационального вождя и духовного авторитета, как, например, итальянский революционер и объединитель Мадзини.

⁴ Полный текст подписанного академиками А. С. Лаппо-Данилевским, Ф. И. Успенским и М. А. Дьяконовым представления от 8 марта 1917 к избранию академиком РАН опубликован: *А. Л. Дмитриев*. Экономические воззрения П. Б. Струве // Факты и версии. Кн. II. Из истории экономики. СПб, 2001. С. 99–101; по другой копии источника здесь: *М. А. Колеров*. Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги // *Русский Сборник: Исследования по истории России*. XI. М., 2012.

⁵ Подробно об этом см.: *М. А. Никитина*. Русская мысль // *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905–1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания* / Отв. ред. Б. А. Бялик. М., 1984; *А. А. Гапоненков*. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг. Редакционная программа, литературно-философский контекст: Диссертация... доктора филологических наук. Саратов, 2004. См. также: *М. А. Колеров*. Журнал «Русская Мысль» (1907–1918) и библиография русской периодики // *Русский Сборник. Исследования по истории России*. Том XXI. М., 2017.

⁶ Средний тираж книги близкого по качеству аудитории к этому журналу *некоммерческого* издательства «Путь» (оно целиком было актом благотворительности М. К. Морозовой) составлял 2.000–3.000 экземпляров, а в годы его наибольшей активности общий тираж его изданий достигал в 1910 году – 11.000; в 1913–24.500 (*Евгений Голлербах*. К незримому граду. Религиозно-философская группа «Путь» в поисках новой русской идентичности. СПб, 2000. С. 235–236) Для сравнения: годовой тираж всех номеров «Русской Мысли» в указанном 1909 году можно счесть в количестве 30.000 экземпляров. Таким образом журнал, видимо, полностью выбирал свою специфическую читательскую аудиторию, учитывая её значительное увеличение благодаря коллективному чтению в библиотеках.

⁷ *В. Быстренин*. Настроения пореволюционной деревни // *Русская Свобода*. СПб, 1917. № 2, № 6, № 12–13, № 16–17, № 20–21. О такой же пореволюционности в эмиграции ярко говорил и один из евразийцев, прямо используя образ Струве (из его статьи «Материнское Лоно и Героическая Воля» 1923 года): «Как в СССР, так и в эмиграции очень легко различимы два лика эпохи. Один обращён к прошлому, другой – к «после» революции. (...) дело идёт здесь не об «обиженных отцах» и «дерзких детях», но о размежевании двух эпох: *до* и *после*-революционной. (...) смешны претензии тех, кто обрушивается на представителей новой эмиграции с обвинениями в отступничестве от русских традиций и каком-то нарочитом выходе из материнского лона общей культуры. (...) разве первое по возникновению а наиболее широко разработанное учение евразийцев не представляет собою сочетание величайшей революционности духа и мысли с прочной укоренённостью в родную почву России-Евразии?» (*К. А. Чхеидзе*. О двух поколениях [1931] // *Константин Чхеидзе*. Путник с Востока. Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост. А. Г. Гачевой. М., 2011. С. 347, 351).

1908–1918: религиозный индивидуализм, политический национализм и путь к контрреволюции

¹ *П. Б. Струве*. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества [1908] // *П. Б. Струве*. Patriotic: Политика, культура, религия, социализм [1911]. М., 1997. С. 50–63. Риторически и конъюнктурно (признание в этом: С. 234 – январь 1909) привязав формулу «Великой России» к выступлению председателя правительства П. А. Столыпина 10 мая 1907 года (С. 50; 79 – 18 марта 1908), Струве не устал напоминать, что её подлинным формальным источником была книга лекций – «историческое евангелие английского империализма» – британца Сили (*J. R. Seeley*, 1834–1895) «Расширение Англии» (*Expansion of England*, 1883) – русский перевод вышел издательстве О. Н. Поповой (где перед тем работал Струве и, возможно, был инициатором

перевода) в переводе тестя и под редакцией шурина Струве: *Дж.-П. Сили*. Расширение Англии: Два курса лекций / Пер. В.Я. Герда, под ред. и с прим. В.А. Герда. СПб, 1903 (С. 79; 225 – март 1908; 118 – 18 апреля 1908). Именно русские переводчики создали прототип для струвианской аналогии, переведя *Greater Britain* оригинала как «Великая Англия» (С. 225).

² Помимо публикации целого ряда статей, в которых он развивал эту теорию и которые аккуратно собрал в своём сборнике «Patriotica» (1911), Струве вдохновил В.П. Рябушинского составить и издать два тома «идейного сборника» «Великая Россия» (1910–1911): это стало частью усилий Струве (и Булгакова) по внесению в сознание и движение русской крупной буржуазии национал-либеральной идеологии. Уже без участия Струве, но, несомненно, под его определяющим идейным влиянием, был создан и журнал «Проблемы Великой России» (1916). Репрись его содержания см. в сборнике: *М.А. Колеров*. От марксизма к идеализму и церкви (1897–1927): Исследования, материалы, указатели. М., 2017. С. 295–300.

³ «Русская оппозиция, по соображениям вполне реалистическим может только приветствовать всякий акт, в котором выразится политическое сближение и согласие между Россией и Англией, как государствами. (...) Внешняя политика не безразлична для внутренней; но их соотношение гораздо сложнее, чем это рисуется вульгарному радикализму. (...) В германской социал-демократии одно время было традицией – всё русское считать реакционным. С этой точки зрения Маркс и Либкнехт выступали туркофилами не менее ярыми, чем Пальмерстон и Биконсфильд (...) Пусть эта агитация совершенно бескорыстна (русофобия и славянофобия Маркса и Либкнехта питалась бессознательным немецким национализмом), она от этого исторически не менее ошибочна. Для крупных линий русской истории англо-русское сближение гораздо важнее и ценнее, чем самая эффектная демонстрация против внутренней политики современного русского правительства. (...) политическое сближение России и Англии должно быть расширено и углублено до сближения реально-экономического и культурно-морального. (...) Именно у англичан с их вековой дисциплиной воли и характера, основанной на глубоком проникновении религиозным началом, есть чему *поучиться* (в истинном смысле этого слова) нам, русским» (*Пётр Струве*. Размышления. V // Слово. СПб. № 465. 24 мая (6 июня) 1908. С. 2).

⁴ *С. Котляревский*. Подъём производительных сил // Слово. СПб, № 688. 24 января (6 февраля) 1909. С. 2. Ср. «обезвреженные» с точки зрения политической цензуры и «эзопова языка» положения об экономической проблеме «Великой России»: «Проблема русского политического прогресса стоит для меня теперь в 1908 году принципиально так же, как она ставилась мною в 1894 году в «Критических заметках». И в самом деле: мёртвая точка абсолютизма была 1904–1905 гг. преодолена не только на отрицательной почве, – не только благодаря жестокостям русско-японской войны, но и на положительной почве всего того усложнения экономической жизни, которое дала эра Витте. И только так будет преодолена и мёртвая точка лжеконституционализма народного представительства, окружённого чрезвычайными охранами. Из такого понимания условий развития русской государственности и общественности вытекает определённая линия поведения независимых общественных сил» (*Пётр Струве*. Размышления. III // Слово. СПб. № 450. 7(20) мая 1908. С. 1).

⁵ Позже Струве счёл важным минимизировать идеалистическое изображение национальных интересов России и поправиться, говоря о противодействии России враждебному вмешательству Австро-Венгрии в опоре на Германию в балканские дела и о судьбе Сербии, Черногории, Румынии, Болгарии, Греции как объектов *ближневосточной политики* России: «Я принадлежал и принадлежу к тем, которые признавали внешнюю политику русского правительства в балканском кризисе последовательной и честной. (...) Последовательность и правильность этой политики, её превосходство над увлекаемой «славянскими» симпатиями частью русского общественного мнения состоит в том, что правительственная политика, поддерживая славянские, или – общее

Примечания

и точнее – балканско-христианские интересы, ясно видит главное – *интересы и задачи самой России*. Правительственная политика не шла и не идёт на буксире отдельных балканских притязаний и требований. (...) Россия должна быть автономна в определении целей и этапов своей ближневосточной политики...». По напоминанию Струве, именно Россия создала Сербию, Черногорию, Болгарию, Грецию и отчасти Румынию «из уродливого антикультурного туловища османской монархии» и теперь необходимо «органическое оздоровление власти и народа [России] на упорной и систематической подготовке их к осуществлению великих мировых и в то же время подлинно национальных задач» (*Пётр Струве*. Власть и народ в серьёзный момент. I. Сейчас // Русская Молва. СПб. № 127. 20 апреля (3 мая) 1915. С. 3).

⁶ «Всё международное положение определяется соотношением двух руководящих и борющихся с европейскую гегемонию держав: Англии и Германии. За последнее время Россия довольно определённо движется в орбите Англии. По-видимому, это совершенно неизбежно и в то же время соответствует интересам России» (*П.Б. Струве*. 17 октября 1909 г. // П.Б. Струве. *Patriotica*. С. 154–155). В конце жизни, широкими мазками описывая всю историческую длительность России, Струве уточнил свою формулировку, но ещё теснее привязал перспективу России к британскому влиянию: «Взаимодействие мирового движения социализма» с русской революцией, писал он, «понять можно только в свете как многовековой социальной и экономической истории самой России, так и истории западного социализма, с его двумя фокусами, идеологическим, центром которого являются Англия и Франция, и институциональным, центром которого являются Англия и Германия» (*П.Б. Струве*. Социальная и экономическая история России с древнейших времён до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности // П.Б. Струве. Избранные труды / Сост. О.К. Иванцова. М., 2010. С. 61).

⁷ Впервые об этом я кратко писал здесь: *М.А. Колеров*. Анти-Аншлюс: «национальные государства» СССР против Польши (1920–1940-е гг.) // Россия и славянский мир в войнах и конфликтах XIX–XXI веков. Сб. статей / Науч. ред. А.Ю. Полунов. М., 2018. См., например, практику отнесения Балкан к Востоку в официальном издании НКВД РСФСР 1921 года: а именно включение новостей из Румынии, Болгарии, Югославии в рубрику «Восток»: Бюллетени Народного комиссариата иностранных дел [РСФСР] М.: № 102. 21 ноября 1921. С. 29–35; № 102. 28 ноября 1921. С. 40–43; № 105. 12 декабря 1921. С. 32–36; № 106. 19 декабря 1921. С. 29–37. В остальном в «Востоке» были представлены новости из Турции, Сирии, Палестины, Курдистана, Египта, Ирака, Персии, Афганистана, Индии, Тибета, Китая, Японии: Там же. №№ 101–106. 14 ноября – 19 декабря 1921. См. также более раннее отнесение к Востоку – Греции: *В. Шуф (Борей)*. На Востоке. Записки корреспондента о греко-турецкой войне. СПб, 1897.

⁸ Так понимали содержание понятия издания, что использовали его для систематизации информации (его в таком виде не было, например, в крупных газетах «Московские Ведомости», «Русская Молва», а «Голос Москвы» использовала узкую рубрику «Балканы»). В специальную рубрику новостей «На Ближнем Востоке» большая московская газета «Утро России», включала, кроме азиатских территорий, самой Турции, Персии, материалы из Греции, Сербии, Болгарии (см., например: Утро России. М.: № 81–48. 15 января 1910. С. 4; № 83–50. 17 января 1910. С. 5; № 86–53. 21 января 1910. С. 4). В рубрику с тем же названием большая петербургская газета «Биржевые Ведомости», помимо иных, постоянно включала сообщения из бывших балканских владений Османской империи: Грецию, Албанию, Сербию, Черногорию, Болгарию, Румынию (см., например: Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб: № 20. 24 января 1914. С. 2; № 31. 6 февраля 1914. С. 2; № 68. 21 марта 1914. С. 2).

⁹ *Patriotica*. Там же. С. 117. В ответ на статью Мережковского «Борьба за догмат» (Речь, 14 декабря 1908) С. – официально объявляя о привлечении группы Мережковских к «ближайшему участию» в журнале, развивал свои идейные уличения: «Мережковскому нужна церковь, и потому

Примечания

ему (...) нужен какой-то идейный цемент, связывающий или склеивающий верующие души в некое соборное целое или единство. (...) Утопизм Мережковского, как религиозного мыслителя, и заключается в его (впрочем, отнюдь не оригинальной) попытке спасти от увядания и возродить социализм и материализм христианства, вдохнуть в него новую жизнь. (...) А для людей, стоящих духовно вне интеллигенции, религиозный социализм и религиозный материализм прямо невыносимы. (...) Двойной утопизм Мережковского обрекает всю его религиозно-общественную деятельность на неудачу. Тут для меня не может быть вопроса» (*Пётр Струве*. На разные темы // *Русская Мысль*. 1909. Кн. I. II о. С. 209–210).

¹⁰ Эту позицию, впоследствии им замалчиваемую, С. публично выразил именно в заседании Религиозно-философского общества, где общий тон задавали Мережковские, а инициативу христианского социализма пытался перехватить В.Ф. Эрн: «У нас есть одно крупное, так сказать, действительное религиозное движение, – которое выходит из сферы литературной, – это то, что можно назвать русским протестантизмом. Можно спорить о том, хорошо это или дурно, – но нельзя отрицать, что русское религиозное движение адекватно Толстому. Это учение вошло в жизнь, а ваше [В.Ф. Эрн] учение идёт поверх православия, но в жизнь не входит. Это – «литературщина», так сказать. Православие, конечно, в своё время вошло, создало крупные явления и огромные, так сказать, корни пустило. Но теперь обнаруживается огромное неудовлетворение. Ваше течение дальше литературы не идёт. Я думаю, что это неизбежно. Это не случайно. Это умерло, как и на Западе: там осталась только католическая церковь, но религиозное сознание приняло протестантскую форму. (...) всё наше движение, скажем, освободительное, – как принято теперь говорить и в кавычках, и без кавычек, – вся его слабая сторона в сравнении хотя бы с Английской Революцией заключается именно в отсутствии религиозного содержания. Этого отрицать нельзя (...) К сожалению, я вижу пока только литературщину, которая подымается над старой, уже загнившей почвой исторической церкви» (Прения по докладу В.Ф. Эрна «Идея христианского прогресса» на 6-м собрании Санкт-Петербургского Религиозно-философского общества, 3 февраля 1908 / Публ. О.Т. Ермишина, О.В. Лексиной, Л.В. Хачатурян // *Вопросы философии*. М., 2005. № 7. С. 101, 102–103).

¹¹ Например, такое вменение «Вехам» того, что было сделано *до* и *помимо* «Вех», из-под пера теоретика солидаризма в НТС: «Авторы «Вех» преследовали две главные цели: во-первых, указать на пути и возможности обоснования дела свободы не на материалистических и атеистических, а на религиозно-культурных началах. Во-вторых, обличить идолов левой общественности и указать на отрицательные черты русской интеллигенции, мешающих достижению именно тех социальных целей, которые она себе ставила. Именно эта вторая, обличительная сторона «Вех» и явилась тем бродилом, которое подстрекало возникшую полемику и способствовала сенсации вокруг сборника. Главная же, положительная задача «Вех» – призыв сменить идолов на идеалы, вернуть интеллигенцию на пути религиозного обновления и духовного обоснования общественного идеала – это главная цель была, в общем, мало замечена» (С.А. Левицкий. Очерки по истории русской философии [1968] / Сост. В.В. Сапова. М., 2008. С. 715).

¹² Осенью 1908 С. «стал вдохновителем» «экономических собеседований» под эгидой промышленников – сначала в особняке А.И. Коновалова, с 1909 – у П.П. Рябушинского под председательством Котляревского и при участии Новгородцева (*Ф.А. Селзнев*. Революция 1917 года и борьба элит... С. 26. Здесь же – подробные указания на литературу). См также: *Дж.Л. Уэст*. Кружок Рябушинского: русские промышленники в поисках буржуазии (1909–1914) // *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период*. Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. Об участии С. в совещаниях у А.И. Коновалова и П.П. Рябушинского 1908–1909 гг. см.: ОР РГБ. Ф.566. К.19. Ед.хр. 1. Лр. 230, 216 об.; РГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д. 84 б. Л. 143 об. Об этом см. также: *К.А. Соловьёв*. Пётр Бернгардович Струве // П.Б. Струве. Избранные труды / Сост. О.К. Иванцова. М., 2010. С. 20–21.

¹³ Тогда же в специальной статье по этому вопросу С. писал: «Какой национализм должен проводить русский народ и русское государство? Национализм нового англосаксонского или старого еврейского типа? Первый национализм открыт для всех, не боится соперничества, сознательно задаётся прозелитизмом, потому что он верит в том, что он не растворится в море чужеродных элементов, а претворит их в себя и, во всяком случае, рядом с ними окажется более крепким и стойким. Не может быть никакого сомнения: свободный, открытый, завоевательный национализм есть свидетельство силы и здоровья большой нации (...) это есть вопрос о том, что быть или не быть Великой России (...) Отторгаясь от других национальностей и охраняя себя от них государственным щитом, русская национальность не укрепляет, а ослабляет себя. Она не обогащается, а скудеет. (...) Вот почему торжествующий ныне официальный национализм прокладывает путь на национально-государственному объединению, а национальному автономизму. Он не собирает, а дробит государство» (*Patriotica*. С. 299–300, 301. «Два национализма», 1910).

¹⁴ *Пётр Струве*. Ближайшие задачи русской дипломатии // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 193. 14 августа 1914. С. 1. Говоря о возможном ближайшем вступлении Болгарии в войну на стороне Германии и Турции – против Сербии и России, Струве указывал на искусственность этой розни с точки зрения отношения России к Болгарии: «В широких массах России и в ответственных её политических кругах, за ничтожными исключениями, нет сербофилов или болгарофилов» (*Пётр Струве*. Болгария перед роковыми решениями // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 257. 19 сентября 1915. С. 1). Под «ничтожным исключением» Струве, конечно, имел в виду известного своими антипатиями к сербам и симпатиями к болгарам П.Н. Милюкова.

¹⁵ *Пётр Струве*. Ближневосточные перспективы вступления Турции в войну // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 263. 23 октября 1914. С. 1. Из заголовка статьи, трактующей об отношениях Болгарии и Турции, кстати, вновь ясно следует отнесение Болгарии к Ближнему Востоку. Призывая Болгарию отказаться от участия в антирусской коалиции и обещая ей посредничество России и болгарско-сербском споре, Струве не мог вновь не упомянуть «адвоката болгар» Милюкова (*Пётр Струве*. Россия и Болгария // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 268. 28 октября 1914. С. 1). Когда Болгария вступила в войну, Струве резюмировал: «Болгария есть для противогерманской коалиции теперь лишь продолженная на север и запад Турция, и борьба с Болгарией является расширением и усложнением союзнической кампании против Турции, как вассала Германии» (*Пётр Струве*. Болгаро-Турция // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 266. 22 сентября 1915. С. 1).

¹⁶ С. строго следил именно за таким расширенным толкованием как нормативным, а не формальным и осуждал, например, «любительскую и наездническую мобилизацию сил внутренней борьбы» (*Пётр Струве*. Ещё о речи Бетман-Гольвега // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 329. 30 ноября 1915. С. 1). См. также: *Пётр Струве*. Подъём организованного духа // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 245. 7 сентября 1915. С. 1; *Пётр Струве*. Мобилизация и организация патриотического духа // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 273. 5 октября 1915. С. 1. Ещё до войны слово «мобилизация», помимо его военного значения, иной раз использовалось для обозначения *активизации, возобновления*: Мобилизация русско-финляндской распри // *Утро России*. М. № 88–55. 23 января 1910. С. 1. Позже простое расширение использования женского и другого гражданского труда, как в Германии военного времени, а отнюдь не их призыв на государственную службу так же выражалось этим понятием: [*Ред.*] Мобилизация труда беженцев // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 264. 26 сентября 1915. С. 1; *N—ъ*. Мобилизация женщин // *Русские Ведомости*. М. № 39. 17 февраля 1917. С. 5. Точно так же звучал призыв к активизации сообщества аграрных деятелей (не крестьян, разумеется): *У. Медведевский*. Мобилизация аграриев // *Биржевые Ведомости*. 2 изд. СПб. № 53. 24 февраля 1917. С. 1. Таким образом, понятие уже приобрело устойчивый расширительный смысл. См. также расширительное толкование понятия в других примерах: *В.В. Святловский*. Мобилизация земельной собственности в России (1861–1908).

СПб, 1911; [Ред.]. Духовная мобилизация // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 170. 22 июля 1914. С. 1; Л. Яснопольский. Финансовая мобилизация // Русская Мысль. 1914. Кн. XI; К. Вобльш. О мобилизации труда в сельском хозяйстве // Новый экономист. М., 1915. № 10; Тан. Сами себя мобилизовавшие // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 20. 22 января 1916. С. 5; С. Франк. Мобилизация мысли в Германии // Русская Мысль. 1916. Кн. IX. Наконец, в среде правящих большевиков: «Мобилизация духа и меры против распада пролетариата могут избавить от гибели русскую революцию, по крайней мере, на ближайший период» (Протоколы съездов и конференций ВКП (б). Седьмой съезд. Март 1918 года / Под ред. Д. Кина и В. Сорина. М.; Л., 1928. С. 37 [выступление Н.И. Бухарина 7 марта 1918]).

¹⁷ В самых принципиальных формулировках о перспективах победы антигерманской коалиции С. демонстративно и неизменно избегал упоминаний о Франции (видимо, считая её пассивным, «младшим» участником коалиции), форсируя указания на равную британской роль России: и конкретные планы мирового устройства – «абсолютная жизненная необходимость для России и Англии», и «между интересами России и Англии в этой войне существует полная, до конца идущая солидарность, – недаром фронт войны вытянулся от Риги до Багдада» (*Пётр Струве*. Толки о мире // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 351. 22 декабря 1911. С. 1). Р. Пайпс тоже обратил внимание на то, что С., при описании мировой войны «перечисляя великие державы – Англию, Россию и Германию, – даже не вспоминал о Франции» (*Ричард Пайпс*. Струве: правый либерал, 1905–1944. С. 261), но предрек С. комичную претензию за то, что тот при этом «полностью игнорировал Соединённые Штаты как фактор мировой политики» (С. 267), хотя США вступили в мировую войну лишь в июне 1917 года.

¹⁸ *Пётр Струве*. Судьбы Австро-Венгрии // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 213. 3 сентября 1914. С. 1. В разделе ослабленной Австро-Венгрии С. призывал принять участие и всё ещё нейтральные Италия и Румынию (*Пётр Струве*. Италия и Румыния // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 222. 12 сентября 1914. С. 1). См. также: *Пётр Струве*. Четверное согласие и нейтральные // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 29. 31 января 1916. С. 1. Говоря о том, что Австро-Венгрия даже как федерация, столь любимая в социал-либеральной среде, не имеет теперь права на жизнь, Струве самокритично признавался: «Вероятно, многим из русских интеллигентов до войны идеалом государственного устройства представлялась безнациональная Австрия, и для России виделся один путь развития – австрийский федерализм с его национальными автономиями. Война, однако, вскрыла с поразительной ясностью слабость австрийского государственного тела, лишённого национального духа, руководящей, единой и творческой национальной идеи. (...) Многие, может быть, только на факте войны 1914 г. поняли, что Россия сильна, как национальное государство. Это ощущение России, как национального государства, есть правда национализма, как чисто политического начала. Россия есть Империя с национальным ядром (русским), неоспоримо первенствующим. Россия не просто национальное государство вроде Франции или Германии, а именно национальная Империя. Отсюда ненужность и невозможность для неё автономного строя, подобного австрийской действительности или австрийским идеалам» (*Пётр Струве*. Национальное начало в либерализме // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 309. 8 декабря 1914. С. 1).

¹⁹ Струве горячо поддержал воззвание императорской власти (верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича) к полякам о будущем их объединении и национальном самоопределении под покровительством России от 1 августа 1914 как акт единства народа и власти (*Пётр Струве*. Исторические необходимости // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 187. 8 августа 1914. С. 1). Р. Пайпс указывает на мемуарное свидетельство самого С. о том, что он вместе с Н.Н. Львовым помогал Г.Н. Трубецкому готовить текст этого обращения: *Ричард Пайпс*. Струве: правый либерал, 1905–1944. С. 270, прим 25. О самом воззвании см. фундаментальное исследование: *Александра Бахтурина*. Воззвание великого князя Николая Николаевича к полякам

1 (14) августа 1914 г.: значение и политические последствия // *Empires and Nationalisms in the Great War: Interactions in East-Central Europe / Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. XXXI. 2015: http://briai.ku.lt/downloads/AHUK_31/31_046-072_Bakhturina.pdf.

²⁰ Пётр Струве. Из галицийских впечатлений // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 29. 30 января 1915. С. 5. Чуткие оценки перспектив украинизации австрийской Галичины и русской Волыни не были чужды С. и прежде, когда он исследовал перспективы русской черносотенной пропаганды на Волыни. Ныне считается, что поворотным пунктом для политической украинизации Галичины и Волыни (давшей значительные всходы в межвоенном национал-социалистическом украинском движении) стало наследие Первой мировой войны, когда эти этнографические территории отошли от распавшейся Австро-Венгрии и в итоге были присоединены в Польшу. Накануне войны С., несмотря на своё обычное разоблачение «украинства» как политической австрийской интриги, признавал, что на Волыни украинизация перестала носить административно-интеллигентский характер: «По мнению знатоков, листки Почаевской лавры нужно лишь слегка ретушировать, чтобы получить эсерские прокламации о земле, а сведения в украинских делах люди уверяли меня, что написанные на малороссийском языке прокламации этого учреждения объективно готовят украинское возрождение в самом демократическом стиле» (П.Б. Струве. Размышления на политические темы. XIII. Две конверсии. Истина не только социологическая, но и полицейская // П.Б. Струве. *Patriotica*. С. 142 [9 мая 1909]).

²¹ Главные новации содержатся в новом прочтении корпуса ежедневных газет, прежде всего, «Биржевых Ведомостей» и именно их отдельного ежедневного «Второго издания». См. например: Пётр Струве. Листки // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 27. 29 января 1915. С. 1–2 (об отставке А.В. Кривошеина); Пётр Струве. Последние сроки // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 43. 14 февраля 1915. С. 1; Пётр Струве. Власть реальных задач // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 259. 21 сентября 1915. С. 1; Пётр Струве. Неотвратимое совершается // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 280. 12 октября 1915. С. 1; Пётр Струве. Реальное соотношение сил. Против малодушия и мелкодущия // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 301. 2 ноября 1915. С. 1; Пётр Струве. Оздоровление русского политического сознания // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 306. 7 ноября 1915. С. 1; Пётр Струве. Факты, о которых следует помнить и напоминать // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 320. 21 ноября 1915. С. 1; Пётр Струве. Листки // Биржевые Ведомости. 2 изд. СПб. № 322. 23 ноября 1915. С. 1.

²² Струве писал председателю Общества А.В. Карташеву 26 января 1914: «Глубокоуважаемый Антон Владимирович! В виду того, что в печать проникли невероятные сведения о моём отношении к вопросу об исключении В.В. Розанова из числа членов Религиозно-Философского Общества, прошу Вас в сегодняшнем заседании огласить настоящее моё письмо, как особое мнение (на особом листе я препровождаю это особое мнение для приложения к протоколу). Я высказался в Совете Общества, как его член, вполне определённо против исключения Розанова по двум основным соображениям. Во-первых. Поведение Розанова – и именно это я высказал совершенно категорически в своих последних статьях о Розанове, после которых я сознательно и последовательно не возвращался к суждениям о личности и поведении этого писателя – по моему глубокому убеждению совершенно устраняет применимость к нему начала вменения. Я вполне определённо считаю Розанова морально невменяемым. Поэтому в его деле, на мой взгляд, отсутствует основное субъективное условие разумного суда над человеком. Во-вторых. Религиозно-Философское Общество само по своим задачам не может притязать на функции суда, хотя бы морального, над отдельными лицами. Таким образом исключение из общества, как действие дисциплинарно-судебное, есть действие, не соответствующее природе такого общества, как Религиозно-философское. В силу этого в данном случае отсутствует и основное объективное условие разумного суда. По этим двум соображениям я в Совете Общества высказался против внесения в Общее Собрание предложения об исключении В.В. Розанова. В настоящее время

Модест Колеров

я считаю для себя необходимым огласить это моё особое мнение и одновременно выхожу из состава Совета Общества, о чём прошу Вас сообщить сегодняшнему Общему Собранию. Искренно Вам преданный Пётр Струве» (РГАЛИ. Ф.2176. Оп.1. Ед.хр.59. Л.1–1 об; также: Записки С.-Петербургского Религиозно-Философского Общества. Вып. IV. Пг, 1914–1916. С. 23–24). Подобное же письмо направил А.В. Карташеву и С.Л. Франк: «исключение их членов нейтрального в политическом и религиозном отношении Общества не есть целесообразная и надлежащая форма борьбы с тем злом, которое представляет литературная деятельность Розанова последнего периода» (РГАЛИ. Ф.2176. Оп.1. Ед.хр.61. Л.1–2).

Содержание

I. Новая биография П.Б. Струве 1870–1918.....	5
Пётр Струве как мыслитель: историографические итоги.....	7
Пётр Струве: революционер без масс 1870–1918.....	33
1880–1898: русский марксизм.....	38
1899–1901: «критическое направление» в русском марксизме.....	118
1901–1905: «идеалистическое направление» в русском социализме.....	148
1905–1908: культура и социал-либерализм.....	179
1908–1918: религиозный индивидуализм, политический национализм и путь к контрреволюции.....	210
II. Новое собрание сочинений П.Б. Струве.....	261
О чём думает одна книга?	263
Н.К. Михайловский.....	265
Б.Н. Чичерин.....	267
Палач народа.....	269
Казнь.....	271
Рабочее Слово.....	273
[Рец.:] А.Н. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции. Сборник статей. Издательство О.Н. Поповой. СПб, 1906. Стр. 313	277
Международное положение и международная реакция	281
Отпрыск буржуазной культуры. Памяти Августа Бебеля.....	286

Оздоровление власти	294
Почему застоялась наша духовная жизнь?.....	311
Религия и общественность. Ответ З.Н. Гиппиус.....	331
<i>Приложение: З.Н. Гиппиус. Открытое письмо</i> редактору «Русской Мысли».....	337
Великая Россия и Святая Русь.....	342
Верные и неверные пророчества Ф.М. Достоевского	349
Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики.....	354
«У Троицы в Академии»	361
Суд истории	366
Освобождённая Россия.....	420
Иллюзии русских социалистов	422
Примечания.....	428

М.А. Колеров.

К60 Пётр Струве: революционер без масс, 1870 - 1918.
Приложение: Новое собрание сочинений П.Б. Струве (1903-1917). М.:
Издательство книжного магазина «Циолковский», 2020 г. — 464 с.

ISBN 978-5-6043673-3-9

История жизни и среды известного русского социалистического и либерального деятеля Петра Струве (1870–1944) – его политической и идейной борьбы до начала Гражданской войны в России: путь вождя русского марксизма 1890-х, автора первого «Манифеста» РСДРП (1898), одного из отцов социал-либеральной кадетской партии в 1900-х, идеолога классических идейных сборников «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), «Из глубины» (1918), редактора знаменитого, нелегального для России издания «Освобождение» (1902–1905), классического толстого журнала «Русская Мысль» (1907–1918) и других органов печати.

Биографии предпослано историографическое введение, суммирующее итоги исследования и публикации наследия П. Струве.

В приложении к биографии дано впервые составленное новое собрание сочинений П. Струве – те его политические тексты, что им самим по политическим соображениям не были включены в его последний сборник статей «Patriotica» (1911), либо были опубликованы после этой книги и потому не переизданы им ни в России, ни в эмиграции.

УДК 141.82+322

ББК 87.3(0)+66.3(0)

К60

978-5-6043673-3-9

ISBN 978-5-6043673-3-9

© Модест Колеров, составление, публикация, 2019
© ООО «Книгократия» · 2020

М.А. Колеров

Пётр Струве: революционер без масс 1870–1918

Приложение:

Новое собрание сочинений П.Б. Струве (1903-1917)

16+

Редколлегия Александр Вознесенский,
Максим Сурков, Константин Харитонов

Подготовка текста Максим Сурков

Обложка Алиса Цыганкова

Вёрстка Василий Востриков

Книжный магазин «Циолковский»

Философия, история, социология, богословие, научпоп,
художественная литература, искусство, букинистика

Адрес: г. Москва, м. Новокузнецкая,
Пятницкий пер. д. 8, стр. 1, 4 этаж.

www.primuzee.ru

(495)951-19-02

**НЕЗАВИСИМЫЙ
АЛЬЯНС**

